

У НЕЗРИМОЙ ГРАНИЦЫ

Scan Kreyder - 16.03.2017
STERLITAMAK

У НЕЗРИМОЙ ГРАНИЦЫ

МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1983

84(2)7
У11

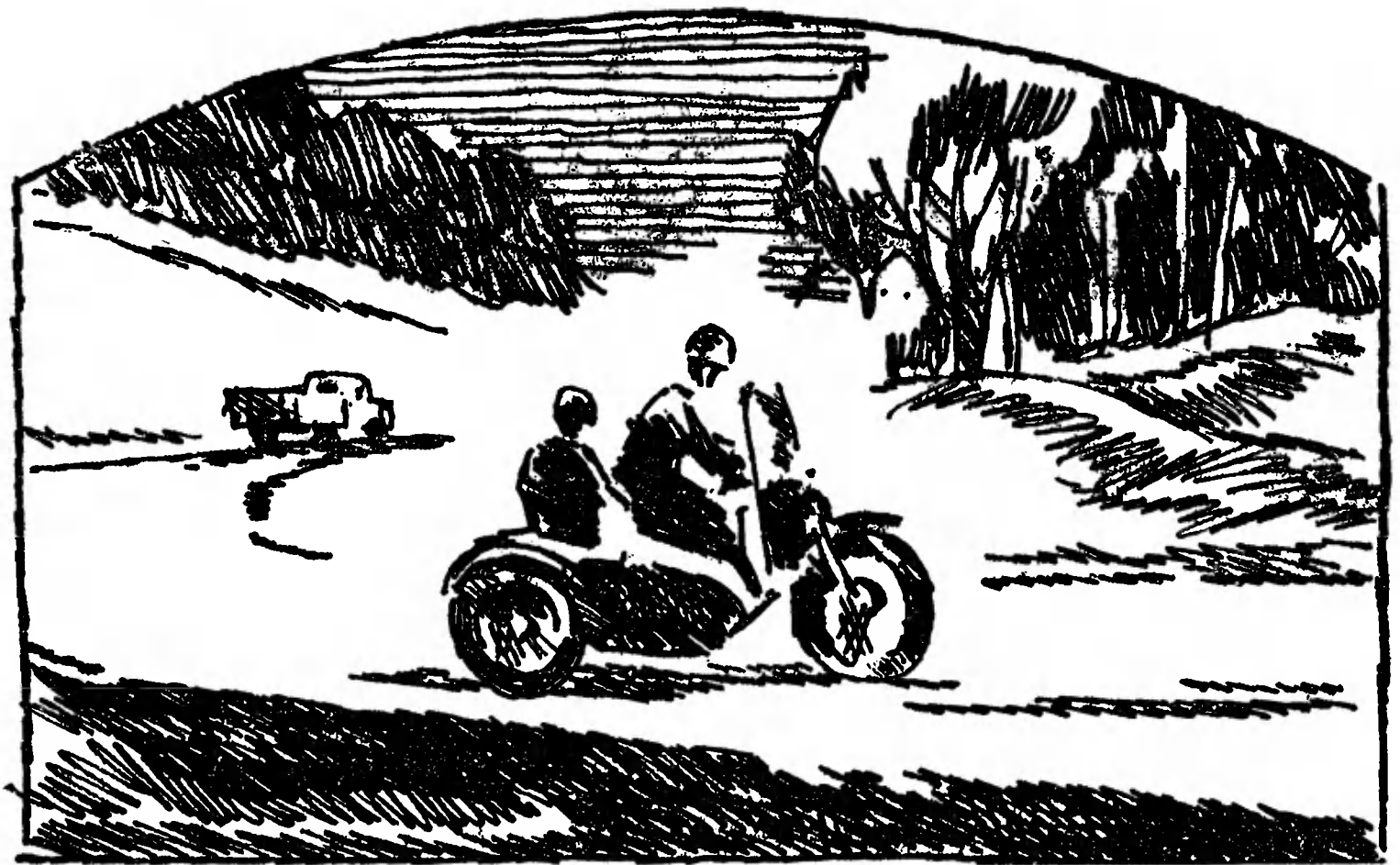
У незримой границы: И. Ластовский. У незри-
У11 мой границы /Пер. с лат. В. Михайлова. Л. Медве-
довский. Звонок на рассвете: Повесть. М. Стейга.
Шаги за спиной: Повесть /Пер. с лат. Ю. Каппе. —
М.: Мол. гвардия, 1983. — 336 с., ил. — (Стрела).

В пер.: 1 р. 40 к. 150 000 экз.

В сборник вошли две повести: «Звонок на рассвете» Л. Медведов-
ского и «Шаги за спиной» М. Стейги — о деятельности сотрудников
милиции и прокуратуры, борьбе с преступными элементами. Записки
инспектора уголовного розыска И. Ластовского «У незримой границы»
посвящены будням уголовного розыска. Произведения, вошедшие в
книгу, отмечены премией МВД Латвийской ССР и СП Латвии.

У $\frac{4702010200-168}{078(02)-83}$ 176—83

ББК 84(2)7
С62

ИМАНТ ЛАСТОВСКИЙ У НЕЗРИМОЙ ГРАНИЦЫ

Записки инспектора уголовного розыска

Даже когда я еще не умел читать, меня неудержимо влекли книги. Может быть, потому, что я часто видел, как мать, перелистывая страницы, глубоко вздыхала или мягко улыбалась, словно разговаривая с кем-то невидимым. А едва научившись складывать из букв слова, я и сам попал в плен к книгам. Это, по-моему, самый лучший плен, в каком только может оказаться человек.

Как живых, полюбил я Тома Сойера и Гекльберри Финна, совершал удивительные путешествия с Робинзоном Крузо и детьми капитана Гранта, не спал ночей, переживая гибель Павлика Морозова и Олега Кошевого, а самыми близкими моими друзьями стали Павка Корчагин и бесстрашный Овод.

Те дни давно прошли. Но испытанные тогда чувства живы и сегодня — ведь первые представления о том, что хорошо и что плохо, о добре и зле возникают у нас еще в раннем детстве. С этим духовным багажом мы идем в первый класс, его, пополненный и обогащенный, сохраняем на всю жизнь.

Я возвращаюсь в детство,
Где, на мою беду,
Мне никуда не деться
От сторожа в саду;
Где «неуды» по физике,
А то — по астрономии...
Где синяки нанизаны
На физиономии...
И в молодость я тоже
Когда-нибудь вернусь —
Когда к тебе я с дрожью
Случайно прикоснусь.
Вернусь опять — нечаянной
Любовью первой, хрупкой...
Вернусь в твоё молчание
В телефонной трубке;
Письмом нераспечатанным
Вернусь я — без ответа...
И на бумаге вмятиной —
Вернусь я строчкой этой.

Что-то подобное возвращению к своей молодости испытываю я каждый раз, когда мне теперь, в милицеской работе, случается беседовать с молодежью. Те мои слушатели, которые ожидают рассказа о захватывающих приключениях, поначалу испытывают разочарование, так как чаще всего я начинаю разговор с другого. С мыслью о ценностях — ценностях истинных и мнимых. Обычно, развивая эту тему, перечисляют машины, мотоциклы, телевизоры — все то, что мы называем житейскими благами. Затрагивают и культурные ценности человечества: литературу, искусство, музыку. Но как же быть с нравственной стороной нашей жизни — честью, совестью, любовью? С той любовью, какую показал Шекспир в «Ромео и Джульетте», или любовью к Родине, о которой рассказано в повести Бориса Васильева «А зори здесь тихие». Как же быть с ценностью совершенно неповторимой и стоящей превыше всего — с человеческой личностью?

Иногда мне возражают, что еще более неповторима человеческая жизнь. Это так. И все-таки личность я ставлю выше, потому что ей нередко свойственны такие высокие моральные принципы, какие нельзя купить даже за столь дорогую цену, как жизнь.

Личность и жизнь... Сколько тысяч известных и неизвестных героев выбрали смерть, когда выжить можно было только за счет предательства! Еще и сегодня могли быть среди нас Имант Судмалис, генерал Карбышев,

Зоя Космодемьянская, Рихард Зорге... Но они погибли, потому что выжить — означало бы предать.

Есть на шкале моральных ценностей и еще одна, имя которой — мир. Если люди не сохраняют мир, то все прочие ценности могут оказаться никому не нужными.

У читателя может возникнуть обоснованный вопрос: что же общего у этих размышлений с уголовным розыском? Попытаюсь на вопрос ответить вопросом же: а что люди прежде всего ищут в книге? Думаю, они ищут обоснование жизненной позиции человека, взявшегося за перо. Это одно объяснение. Есть и другое — с проблемой нравственных ценностей мы, сотрудники уголовного розыска, сталкиваемся в своей работе ежедневно. На скамье подсудимых обычно оказываются люди, сделавшие главными в своей жизни материальные интересы. Считая духовные критерии ничемными, они так и не попытались открыть мир этих ценностей для себя. Скорее всего именно здесь нужно искать решение проблемы: почему люди совершают преступления, почему человек вообще становится преступником? Им ведь не рождаются. Преступником становятся. Почему же? Этот вопрос волнует писателей и юристов, социологов и педагогов и многих, многих других. Проблема эта не столько юридическая, сколько социальная, и поэтому борьба с преступностью — задача не только милиции и прокуратуры. Это обязанность каждого.

Мне кажется, большинство людей думает именно так.

Однажды после беседы со старшеклассниками я попросил слушателей написать их мнение о людях, сознательно ставших на путь преступлений. Ответы были разными. Но в основном отношение молодежи к преступности было категорически осуждающим. Во многих записках высказывалась мысль, что меру наказания преступникам следовало бы усилить. Пришлось объяснить, что чрезмерная строгость никогда не приводила к избавлению общества от нарушений закона. История знает немало примеров, когда за незначительные проступки предусматривалась жесточайшая кара, однако это не удерживало от преступлений. В старину, когда на городской площади казнили карманников, их собраты по профессии шныряли в толпе, опустошая карманы стоявших в ожидании кровавого зрелища зевак. Об этом я рассказывал в тот раз ребятам.

Одну из записок я сохранил по сей день. Четким школьным почерком в ней написано: «Мне хочется срав-

нить преступника с безводным колодезцем. Человек рыл колодец в надежде добраться до воды, но долгожданная влага так и не появилась. Вместо нее пришло разочарование: большой труд оказался напрасным. Не так ли и с преступниками? Ведь родители надеялись, что их ребенок вырастет порядочным человеком, а он принес лишь горе, и не только отцу с матерью».

Вот почему я начинаю свои записки с рассуждений о нравственных ценностях. О таких непреходящих категориях, как достоинство, честь и совесть, как общественная польза совершаемых поступков — обо всех тех духовных качествах, без которых слово «человек» становится пустым звуком.

Я очень хочу, чтобы написанное мною усилило в читателе внутреннюю потребность глубже взглядеться в жизнь. И не только всмотреться, но и не пройти мимо, не остаться равнодушным, если он встретит на своем пути что-то идущее вразрез с благородными понятиями, о которых мы только что говорили.

А для лучшего взаимопонимания с читателем я решил включить в эти записки и некоторые свои стихи — те, что перекликаются с затронутыми здесь темами.

Как листьям осени, нам нет покоя,
Как листья осенью, уходят люди...
Ты будь сегодня самым собою, —
Быть может, завтра уж поздно будет.

За окном моросит унылый дождик. Я открываю страницу дневника, с которой началась моя милицмейская жизнь.

Помню как сейчас: 26 августа 1963 года настроение было особенно торжественным. Мне исполнилось девятнадцать лет. В таком возрасте жизнь всегда обещает очень многое. Отныне для меня начинался новый ее этап. Я подошел к какой-то незримой, но реальной и важной границе. В тот день я был зачислен в ряды милиции. И я понимал, что с сегодняшнего дня мое существование будет наполнено риском, множеством трудностей, обостренным желанием приносить людям пользу.

На следующий день я впервые надел тогда еще синюю с красным форму, получил служебный пистолет, стрелять из которого и по сей день мне доводилось разве что в тире. Старшие товарищи начали знакомить с работой. И я вдруг понял, что теперь каждое мое слово

чаще всего будет восприниматься как сказанное не только от моего имени, но и от имени всех тех, кто доверил мне охрану незримой границы между добром и злом. И пусть не было еще по-настоящему ясно, чем именно мне придется заниматься, но я знал — предстоит борьба.

Моя милицейская служба началась в небольшом латвийском городе Тукумсе. Сначала я вместе с более опытными товарищами патрулировал на улицах. С первого взгляда это может показаться неинтересным делом. Но для меня именно то время стало подлинной милицейской академией.

Одним из первых искусств, какими пришлось овладеть, было умение находить общий язык с людьми самых разных возрастов, взглядов и занятий. Помню пожилого человека. Пропустив лишний стаканчик, он поскандалил дома, ударил жену. Меня послали охладить его пыл. Но как это сделать? По возрасту и жизненному опыту он годился мне в дедушки. Понюхал, наверное, пороху в окопах, побывал в разных передрягах. И вот я, сам не знаю как, нашел нужные слова, и уговорить старика все-таки удалось.

С тех пор не раз приходилось попадать в такие ситуации. Не могу сказать, что всегда это было легко. Но куда сложнее было общаться с парнями моего возраста и совсем еще юными — с подростками. Меня всегда волновало: зачем они ломают свою жизнь? Видимо, под влиянием таких встреч вскоре стали возникать и сомнения — ту ли я выбрал себе профессию? Впрочем, пока я терзался в раздумьях, служба шла своим чередом и на работе у меня приключались всякие недоразумения.

...Я работал тогда помощником дежурного по райотделу. С утра, как принято, задержанные в административном порядке люди, в большинстве своем это хулиганы и пьяницы, начали уборку помещения милиции. Я распределил работу и перестал обращать на них особое внимание. Все нормально — носят воду, моют, вытирают... Однако, когда пришло время сдавать смену, я столкнулся с неприятной неожиданностью: один из арестованных сбежал. Исчез, и все тут. Разговор в кабинете начальника был предельно кратким — найти немедленно!

В документах я обнаружил его возможные адреса. Остановил случайную машину. Заехал на один хутор,

на другой. Такой-то? Да вы же сами его арестовали! А в глазах говорящего — явная ирония: давай, мол, ищи, лови ветра в поле, тебе за это деньги платят... Едем дальше — на хутор, где живет подруга сбежавшего. Отворают. Захожу, спрашиваю о беглеце. Ответ тот же: он у вас, арестован. А на вешалке висит его пиджак, тот самый, что был на беглеце утром. Хозяйка охотно показывает все закоулки дома. И становится ясно, что здесь его нет. Где же искать?

Взгляд падает на окно. Оно приоткрыто. Не по сезону, потому что на дворе поздняя осень. Не через него ли скрылся разыскиваемый? За стеклом видно поле, вдоль и поперек изрытое мелиораторами. Стоят их машины, у машин снуют люди. И я, подчиняясь интуиции, пошел к ним. Здравуюсь. Глядят неласково — какой черт тебя принес? Ищу такого-то, говорю я, не видели случайно? Нет, не видели. Но у меня уже возникли смутные подозрения. Поблизости стояла закрытая грузовая машина, в которой размещалась мастерская-летучка, и за ее окошком — почудилось мне — словно бы промелькнула тень. На двери фургона висел замок. Я поинтересовался, кто хозяин, попросил отпереть. Но вот беда: ключ, оказывается, у инженера, а он как раз уехал в Тукумс... Поблизости вижу лом. Жаль замка, конечно, но придется сорвать. Хозяевам тоже жаль замка. «Ладно уж, — нехотя произносит один из них, — попробую отомкнуть своими ключами — может, какой и подойдет...» А я уже чувствую, что подойдет обязательно. Дверь распахнулась. Я поднялся по ступенькам, огляделся. Ни души. А как же тень в окошке? В мистику я не верю, стал приглядываться повнимательнее. У верстака куча всякого тряпья. Не там ли он? Так и есть — тряпье зашевелилось, и сбежавшему не оставалось ничего другого, как покинуть свое укрытие.

Сказав несколько недобрых слов мелиораторам, я усадил задержанного в машину, и мы пустились в обратный путь. С начала инцидента не прошло и двух часов, когда я доложил начальнику, что сбежавший задержан.

Лет через пять судьба перебросила меня в Мадонский район Латвии — теперь уже инспектором уголовного розыска. Эта самая трудная и самая интересная из всех работ, какие есть в милиции. Я должен был раскрывать преступления, находить виновных, старавшихся по понятным причинам держаться от нас подальше.

Хотя, откровенно говоря, дебют мой получился не особенно блестящим.

В городе было совершено несколько крупных краж. Преступник ухитрился не оставить никаких следов. Почерк свидетельствовал, что все кражи — «работа» одного и того же «гастролера». Наконец, квартирному вору не повезло: дома оказался семилетний мальчуган. От него мы узнали приметы разыскиваемого. А это уже немало.

День проходил беспокойно. Всем не терпелось поскорее схватить вора. Не провалился же он сквозь землю! Я в глубине души надеялся, что задержать преступника удастся именно мне. И предчувствие не обмануло.

Случилось это так. В столовой за столик рядом со мной присел незнакомец. Я обратил внимание на то, что очки как бы мешали ему видеть, и он глядел поверх стекол. Трудно объяснить, каким образом, но сильные подозрения одновременно возникли у нас обоих. Мой сосед неожиданно встал и торопливо пошел к выходу. Я догнал его и, представившись, попросил предъявить документы. Внезапно успокоившись, он протянул несколько удостоверений: любуйся, мол, на здоровье, коли больше делать нечего. Пока я просматривал его бумажки, незнакомец попросил разрешения зайти в буфет за сигаретами. Я — о наивность! — не стал возражать. И мой сотрапезник испарился — как оказалось, воспользовавшись кухонным выходом. Документы оказались фальшивыми. Поэт Петерис Юрциньш — тогда он был начальником Мадонского районного отдела милиции — рассердился со всей силой своего поэтического темперамента.

Однако в критический момент та же фортуна улыбнулась мне вторично. Под вечер я снова встретил своего беглеца — на этот раз на шоссе, где он поджидал попутную машину, чтобы исчезнуть в неизвестном направлении.

Не может ли после таких злоключений развиваться в человеке недоверчивость, становящаяся порой профессиональной болезнью некоторых работников милиции? Наверное, это было бы естественно. Все же и сегодня моим правилом остается — доверять людям.

Помнится, вскоре после только что описанного случая у меня возникла похожая ситуация. Мы задержали парня, обвинявшегося в краже японского магнитофона. Хотя в моем распоряжении были уже все данные, свиде-

тельствующие о том, что это его работа, сам магнитофон еще не был изъят. Парень не запирался и рассказал, что похищенное спрятано у него дома. Поехали к нему на квартиру. Недалеко от дома задержанный попросил остановиться и стал умолять, чтобы я позволил ему сходить домой одному: у него тяжелобольная мать. Конечно, естественным было бы не раздумывать долго: вины своей парень не отрицает, магнитофон принесет, и какая разница — следовать за ним или разрешить ему идти в одиночку. Но ведь только всего несколькими днями раньше я получил горький урок! А кто может поручиться, что мой подопечный не врет и что он на самом деле вернется? И все же я рискнул. Честно говоря, минуты эти были нелегкими: если бы он не вернулся, я скорее всего больше не смог бы работать в милиции. Но он вернулся...

В Мадонском районе мне довелось впервые столкнуться и с более серьезными случаями, и с людьми, умевшими профессионально скрываться от правосудия. Для борьбы с ними требовалось больше знаний, чем теми, которыми я обладал. Пришлось поступить на вечерний юридический факультет, одновременно продолжая работать в уголовном розыске.

...Стояла осень, небо затянули серые тучи, слышались голоса отлетающих птиц. В эти дни мы получили неприятное сообщение: школьники обнаружили в лесу труп. Прибыв на место, мы поняли даже без заключения судебно-медицинского эксперта, что произошло убийство. Покрытый бурыми пятнами нож валялся в двух шагах. Это был первый случай, когда мне пришлось участвовать в расследовании убийства. Меня все время терзала мысль — почему, по какому праву один человек отнял у другого жизнь? Впоследствии виновный пытался объяснить, что крепко выпили, повздорили из-за какой-то мелочи...

Жители ближайших хуторов опознали в убитом колхозного тракториста. Вскоре выяснилось, что он был в плохих отношениях со своим соседом. А сосед, как оказалось, вот уже несколько дней не появлялся дома. Наступила ночь. Меня вместе с опытным сослуживцем оставили в засаде в доме подозреваемого. Ночь прошла без происшествий. Но ранним утром в дверь трижды тихо постучали. Я осторожно отвел задвижку. На пороге стоял человек. Я схомандовал: «Руки вверх! Не двигаться!» И тут я узнал в пришедшем нашего сотрудни-

ка. Да, перестарался. Он сообщил, что разыскиваемого уже задержали в другом месте. А я совсем забыл о нашем условном сигнале.

Но пришло время расстаться и с Мадоной. Порой мне казалось, что в этом городе я прожил долгие десятилетия. А на самом деле я проработал там всего два года. Скольким жителям города я благодарен за то, что чувствовал себя там как дома! С особой теплотой вспоминаю своих стареньких соседей, с первых же дней ставших мне близкими благодаря их сердечности и бескорыстию. И фамилия у них была подходящая: Лабсвири, по-латышски — добрые люди.

В 1970 году началась моя служба в Риге. Чтобы побыстрее освоиться в столице, я проработал несколько лет в Рижском районе в должности, связанной с предупреждением правонарушений несовершеннолетних. По сравнению с Мадоной нагрузка возросла во много раз. И, что скрывать, здешние ребята сразу же дали мне почувствовать, что столица отличается от провинции не только количеством культурных учреждений, но и образом жизни подростков.

Позже, уже в Московском районе Риги, я еще раз убедился на собственном опыте в том, что все, и положительные и отрицательные стороны урбанизации накладывают на горожан свой отпечаток. А в уголовном розыске это особенно чувствуется: ведь наша работа чаще всего связана с вмешательством в очень сложные переплетения человеческих отношений.

Через семь лет после моего переезда в Ригу в работе с подростками произошли изменения: вместо бывших детских комнат милиции были созданы инспекции по делам несовершеннолетних. В такой инспекции я и стал работать, и поэтому в моих размышлениях подростки заняли совершенно особое место.

ПРАВДА И ПОЛУПРАВДА

Правда, полуправда, ложь... Как отличить ложь от правды? По оттенкам голоса? Потупленному взгляду? Дрожащим рукам? За рубежом следователи призывают на помощь детектор лжи. Мы же больше полагаемся на самих себя.

В кабинете следователя сидят двое: следователь и допрашиваемый. И нередко допрашиваемый совсем не

заинтересован в том, чтобы сказать правду. В то же время задача следователя состоит в том, чтобы в любом случае установить истину. И порой он вступает в единоборство. С допрашиваемым. С самим собой. Со своими сомнениями...

Не прожить мне ни дня без сомнений,
Их внезапных и острых атак.
Не уйти, как от собственной тени,
От бессонных «А может, не так?».

Я бы встретил их крепким ударом,
Чтоб сомнения скрылись во мрак,
Только слышу: «А может, не так?» —
И удары расходую даром.

В этой схватке, сплеча и вслепую,
Мне ничей не поможет кулак.
Только сам сделать выбор смогу я
Между «Так!» и «А может, не так?».

...Жителей хутора Ренцены обокрали, когда их не было дома. Воры влезли в окно, набили вещами хозяйские сумки и чемоданы, забрали деньги и ценности. Служебная собака только жалобно скулила: сильный дождь смыл все следы. Оставалось искать какие-то другие зацепки, искать и возможных свидетелей.

Воры, как и все преступники вообще, стараются обойтись без свидетелей. Ну а если все же?.. Следственная практика показывает, что именно очевидцы способны лучше всего подтвердить или, наоборот, опровергнуть любые предположения и сомнения. Конечно, не меньшее значение имеют и вещественные доказательства — ведь не зря их называют безмолвными свидетелями. Они были в самом центре событий, «видели» и «слышали» все. Надо только уметь расшифровать их язык.

Так было и на этот раз. Мы опросили жителей окрестных хуторов, людей, работавших неподалеку от Ренценов. Но безуспешно, никто никого не видел и ничего не слышал. Соседка, живущая на ближайшем хуторе Зиемели, вечером проходила мимо Ренценов в магазин, но ничего конкретного не могла сказать.

Однако всего через день эта женщина сидела в милиции и писала заявление о краже из ее дома точно таким же способом.

Мы поспешили на место происшествия. Молчаливым упреком глянуло на нас окно с вынутым стеклом. Конечно, после Ренценов нам следовало более внимательно

прочесать окрестности и подольше держать их под наблюдением. Судя по всему, преступники тогда затаились и пережидали где-то поблизости.

Теперь мы тщательно осмотрели второй хутор. Отпечатков пальцев или следов обуви воры опять не оставили. Значит, они не были новичками. Пока мы уверены лишь в одном: обе кражи совершены одними и теми же людьми.

Старший нашей оперативной группы распределил обязанности, мы усилили наблюдение за окрестностями. Как знать, может быть, воры, ободренные безнаказанностью, запланировали еще и другие кражи? Снова переговорили с людьми, но с тем же самым результатом: никто ничего не видел и не знает. Просто удивительно: невидимками сделались преступники, что ли?

Однако во время очередного такого разговора нам показалось, что потерпевшая вроде бы хочет сообщить что-то еще. Хочет, но не решается, начинает — и умолкает на полуслове. Заметив это, мы не успокоились до тех пор, пока она наконец не призналась, что в день, когда обокрали Ренцены, видела двух человек с чемоданами и сумкой в руках. Встретились они ей на лесной дороге. Завидев женщину, незнакомцы тут же свернули в чащу. Нет, не здешние, здешних она бы узнала... Почему не сказала раньше? Не хотела оказаться в роли свидетельницы, побоялась мести преступников.

Так и получается. Если бы не обокрали ее дом, она никогда и не рассказала бы правды. И жила бы себе спокойной совестью: она сама ведь никого не трогает, а до других ей дела нет... Мы пытались втолковать потерпевшей, что если бы она рассказала все в самом начале расследования, то вторая кража и не произошла бы.

Теперь нам стали известны приметы разыскиваемых. Один из них лет сорока, высокий, худощавый, с рыжеватыми волосами. Второй помоложе, лет тридцати, среднего роста, широкоплечий, загорелый. Для уголовного розыска такие приметы — целое богатство!

В милиции созвали оперативное совещание, обсудили возможные «кандидатуры». Наиболее правдоподобной показалась версия, по которой обе кражи были делом рук нашего «знакомого», ранее уже судимого. Приметы старшего из незнакомцев весьма напоминали его облик. К тому же и в прошлый раз его судили именно за квартирные кражи. Мы быстро выяснили, что месяц

назад он освободился из колонии и поселился в соседнем районе. Что касается его компаньона, то о нем, кроме внешних примет, у нас пока еще не было никаких сведений.

Мы созвонились с коллегами, и они пообещали помочь нам людьми: было решено ночью нанести визит «старому знакомому».

Вечером опергруппа прибыла в соседний район, где нас уже ждали товарищи. В полночь, выключив огни, мы углубились в лес. Оставили машины на полянке, недалеко от хутора Силмалы, который и был целью нашей поездки, и неслышно подошли к темной массе строений. Вел нас местный участковый инспектор, хорошо знавший расположение зданий, дверей, окон — всех возможных путей бегства. Сначала все было спокойно. И вдруг внезапно залилась лаем собака. В ночной тишине ее голос так ударил по нервам, что я мысленно чертыхнулся. Однако поднятая псом тревога запоздала — наши люди уже перекрыли пути отступления, а мы с участковым громко стучали в дверь. Никто не откликался. Зато мы услышали, как тихо отворилось окно со стороны сада и из дома выскочили люди. Вспыхнули фонарики, прозвучал окрик: «Стой! Не двигаться!»

Оба беглеца пришли в себя далеко не сразу. В доме мы нашли почти все похищенные вещи. Закончилась еще одна розыскная операция. Но не оставляла мысль о том, что она могла бы закончиться куда быстрее, если бы соседи — та же соседка — с самого начала поняли, что борьба с преступниками — это не только наше дело...

В милицию или прокуратуру люди редко приходят для собственного удовольствия. Чаще всего наши клиенты — это потерпевшие. Казалось бы, они должны вызывать только сочувствие. Но так бывает далеко не всегда. К сожалению, в нашей практике нередки случаи, когда человек вроде бы пострадал, но после проверки оказывалось, что на него никто не нападал, никто не похищал его добра. Просто-напросто потерпевший по своей доброй воле вступил в сомнительную сделку с преступником и стал жертвой собственной доверчивости или алчности.

...Слушаю горестный рассказ молодого человека.

Янис приехал в Ригу из Мадонского района сдавать вступительные экзамены в институт. После консультации зашел пообедать в кафе «Торнис». Вскоре к его столику подсели два молодых человека. Не обращая на него никакого внимания, они стали прикидывать, как побыстрее продать два импортных джинсовых костюма. Один из парней поинтересовался, «фирменные» ли это вещи. Конечно, фирма, да еще какая: «Леви Страус»! Тот, кто продавал, только что получил из Канады посылку от тетки, но у него самого джинсы есть, а вот с наличными туговато. Так что отдал бы комплект за сотню, хотя настоящая цена ему не меньше двухсот. Приятель сказал, что, пожалуй, знает покупателя — надо захватить товар и ехать к нему. Порешив так, они заторопились к выходу. Но у дверей их догнал Янис. Он был готов купить оба костюма — один для себя, другой — товарищу.

Продавцы наскоро обсудили новую ситуацию и поинтересовались, с собой ли у клиента деньги. Затем направились за джинсами. У какого-то дома племянник канадской тетки с приятелем остановились, взяли деньги и велели обождать: сейчас вынесут — им только подняться на второй этаж.

Долго ждал Янис свою заветную «фирму», пока наконец не понял, что никаких джинсов он так и не увидит и что парни его просто-напросто надули. Позже следствие установило, что в этом доме молодые люди никогда не жили и, получив деньги, поспешили улизнуть через другой выход. На их совести были уже десятки простаков, обманутых таким способом.

Сейчас виновные отбывают наказание за мошенничество. Казалось бы, и дело с концом. Но в подобных случаях думаешь: преступление могло бы и не произойти... Могло бы не произойти, если бы в самом потерпевшем не возобладало желание разжиться вещами с зарубежной фирменной маркой, приобрести кажущиеся блага, обходя законный порядок стороной. Поэтому в делах такого рода судебные и следственные органы напоминают потерпевшим об их собственной не совсем благовидной роли.

В практике следственной работы порой встречаешься с такими случаями, которые в первое мгновение кажутся неправдоподобными, абсурдными. Мне приходилось читать циничные угрожающие письма, адресованные самому себе; принимать заявления о никогда не совершав-

шихся преступлениях, каждая деталь которых была неплохо продумана. Только при тщательной проверке удавалось установить истину. Причины? Они бывают самыми разными. Иногда это желание избежать ответственности за собственную халатность или даже за сознательные злоупотребления. Наиболее распространенные из них — инсценировка ограбления магазина, предпринятая, чтобы скрыть недостачу, иногда — мотивы личные. Вот один из таких случаев, с которым пришлось столкнуться, когда я работал в Рижском районе.

...Из взволнованного рассказа потерпевшей мы поняли, что минувшей ночью ее жестоко избили и ограбили. Как это произошло? После ночной смены она на такси ехала из Риги домой, за город. Когда дорога свернула в лес, таксист неожиданно остановил машину, избил пассажирку, отнял у нее кошелек и вытолкнул из салона. В тот день у нее была получка, в кошельке находилось около восьмидесяти рублей. Номер машины потерпевшая не заметила — была очень взволнованна, да и водитель поспешно уехал. Зато она прекрасно описала внешность грабителя и была уверена, что узнает его в любое время.

Было возбуждено уголовное дело. Сотрудники уголовного розыска, воспользовавшись полученными у потерпевшей приметами, без труда нашли шофера. Нашлись и свидетели, видевшие, как женщина той ночью садилась в такси, за рулем которого находился задержанный нами водитель. Следственный отдел юридически закреплял все доказательства — проводил допросы, очные ставки, опознания. Одновременно мы искали новых свидетелей, еще раз провели осмотр места происшествия, получили характеристики на участников дела с мест их работы...

Но вот незадача: отзыв о таксисте был, без преувеличения, идеальным, да и коллеги говорили о нем одно только хорошее. Зато на месте работы потерпевшей мы узнали, что два месяца назад она была уволена за прогулы, и с тех пор ее там не видели. Это была первая неувязка, но отнюдь не последняя.

Шофер рассказал, что действительно вез эту пассажирку. Женщина со ссадинами на лице была заметно пьяна. Она пожаловалась, что на вокзале к ней пристали какие-то хулиганы. В лесу, когда, по ее словам, до дома оставалось немного, женщина попросила остановить машину. Сказала, что муж будет злиться из-за ее

позднего возвращения, а так она ему скажет, что пришлось добираться пешком.

Однако «потерпевшая» — теперь это слово уже смело можно взять в кавычки — категорически настаивала на своих показаниях: ее избил и ограбил шофер. Она перечисляла даже, какого достоинства купюры были в отнятом у нее кошельке. Шофер же стоял на своем и даже предположил, что его бывшая пассажирка нездорова и заговаривается.

Нет, больной она не была. Лишь после того, как мы показали ей справку с покинутой ею два месяца назад работы, где она, следовательно, никак не могла получить вчера какие-то деньги, нашей клиентке и на самом деле сделалось дурно: отныне она из потерпевшей превращалась в обвиняемую.

Следствие установило, что эта гражданка после увольнения вот уже третий месяц нигде не работала, вступала в случайные связи, жила за счет мимолетных знакомых, а порой, если удавалось, и сама попросту облегчала их кошельки. В ту ночь, после очередной выпивки, она поехала к своему жениху, но по дороге сообразила, что ссадины на ее лице могут показаться будущему мужу подозрительными, и инсценировала не существовавшее в действительности ограбление. Женщина объяснила, что не хотела доводить дело до суда; выдумка с ограблением понадобилась ей для жениха — поверит, простит и позднее возвращение, и кровоподтеки. А тут милиция взяла да и приняла ее заявление всерьез, возбудила дело, предприняла расследование...

Чем закончилось это дело? Его направили в суд, и «потерпевшая» была осуждена к лишению свободы. Чем не «волшебное» превращение?

КОГДА КОНЧАЕТСЯ СКАЗКА

Кто из нас не попадал в детстве в волшебный мир сказок? Кто не путешествовал в своем воображении по далеким чудесным странам, не мечтал о прекрасных принцессах, не представлял себя могучим смельчаком? Кто не сочувствовал несправедливо обиженным? Но для каждого наставало однажды время проститься со сказками, потому что начиналась Большая жизнь, наполненная реальными делами. И тем не менее все мы, без

исключения, вошли в эту Большую жизнь через чудесную страну детства.

Вряд ли кто-нибудь станет оспаривать, что первейшая обязанность родителей — заботиться о том, чтобы дети научились светлому восприятию мира и людей, чтобы такой взгляд стал для них естественным и необходимым. Чтобы ребенок с первых лет не мог мириться со злом и несправедливостью, с духовной бедностью и душевной инертностью. Не является ли это азбучной истиной для отцов и матерей? Молодой человек, усвоивший такие взгляды, войдет в жизнь, обладая активной жизненной позицией и прочными нравственными критериями. Напротив, люди без светлого мироощущения часто попадают в такие сложные переплеты, что порой оказываются не в состоянии найти единственно правильный путь и, однажды заблудившись, так и блуждают всю жизнь, не нужные ни себе, ни другим.

Детство... Никогда не забыть мне впечатления, возникшего в Саласпилсском мемориале, созданном на месте бывшего лагеря смерти, когда я стоял там, где находился некогда детский барак. На гранитной плите лежали конфеты, яблоки, цветы, положенные незнакомыми людьми в память погибших детей. В тот миг я снова ощутил, что нет в мире большего зла, чем то, что причинено детям.

Конечно, у каждого из нас бывали в детстве свои горести. Потерял варешку, получил в школе двойку... Почти каждому довелось «переболеть» первой безответной любовью, слышать несправедливые упреки, а то и сталкиваться с куда более серьезным злом. Может быть, даже и неплохо, что первые «экзамены на выносливость» мы сдали, еще не успев переступить порог Большой жизни. Однако это не может оправдать ситуаций, когда дети страдают из-за сознательного невнимания или легкомыслия родителей. В нашей стране над детством не нависает угроза неизбежных трагедий. Недаром Конституция вменяет родителям в обязанность заботиться о воспитании детей, добиваться, чтобы они уже с малолетства научились уважать труд и общество, формировались активными строителями новой жизни.

В том, что молодежь порой попадает в спецшколу или колонию для несовершеннолетних, больше всего виноваты родители, не сумевшие подготовить своих детей к настоящей, полезной жизни. Однако значительная доля вины ложится и на учителей, не заметив-

ших отклонений в поведении учеников и не исправивших ошибки родителей. И конечно же, не меньшую ответственность несут и те окружающие, кто с безразличием наблюдает за «жестокими играми» подростков, упоывая на то, что и без них найдется кому вмешаться. Какое громадное зло может быть вызвано равнодушием!

Школа... В моем представлении она — словно мост из страны детства в Большую жизнь. И конечно же, по идее, мост этот должен быть очень прочным, ибо строится он на протяжении десяти или одиннадцати лет *. Именно поэтому я в своих раздумьях уделяю школе столько внимания. На ней лежит огромная ответственность: подготовить человека к труду, помочь отыскать свое призвание и осуществить пусть даже самые дерзновенные мечты, помочь вырасти Человеком с большой буквы и остаться им всю жизнь.

Сказанное отнюдь не означает, что родители могут переложить все неурядицы, возникающие с детьми, на плечи школы. Давно уже доказано, что основы мировоззрения любого человека закладываются в семье еще задолго до школы. Прежде чем переступить её порог, каждый уже сотни раз слышал слова «хорошо» и «плохо», «можно» и «нельзя». Но все же практика показывает, что порой и в школе надо начинать с тех же самых азбучных истин. Почему? Наверное, потому, что не во всех семьях понятия эти закладываются достаточно глубоко. И еще, может быть, потому, что в школьные годы каждый человек проходит через свой критический возраст, когда энергия кипит и рвется наружу, и нужно суметь очень конкретно направить эту силу в полезное и интересное русло. А также и потому, что именно в школьные годы приходит миг, когда сказка кончается... Всегда ли школа оказывается на высоте положения? Теперь, когда такую популярность в учебных заведениях получило правовое воспитание, мы, юристы, принимаем активное участие в сложном воспитательном процессе. Поэтому хочу остановиться на некоторых сторонах правового воспитания.

Начну с примеров. Как-то прочел статью о «культурной панораме» одной школы. В заголовке слова эти были взяты в кавычки, хотя употреблялись в прямом значении. Статья рассказывала об увлекательных, но вовсе не обязательных мероприятиях по воспитанию ребят в

* В латышских средних школах обучение длится 11 лет.

рижской 28-й средней школе. Автор писал о художниках, писателях, журналистах, юристах, пришедших в гости к ребятам, и добавлял, что каждая встреча выливалась в разговор о жизни — независимо от того, представитель какой профессии выступал в школе. Обычно приходится слышать жалобы — с обязательных мероприятий школьники убегают. А в 28-й школе такие встречи ни для кого не являются обязательными. На них идут те, кто действительно хочет узнать что-то новое и интересное. Кто-то уходит. Зато между оставшимися нет никого, кто зевал бы от скуки. Без сомнения, это удача, что школе удалось создать заинтересованную аудиторию: у гостей такие встречи не вызывают ощущения горечи. Но жаль, что какая-то часть все-таки уходит. Куда? На поиски более интересных занятий? Для невинных прогулок? Покататься на мопеде? А может быть, и угнать чужой мотоцикл, кто знает...

Конечно, «обязательные» мероприятия наименее ценны в воспитательном отношении. Иногда во время ежегодных дней поэзии в Риге мне приходилось видеть зубоскалящих подростков, совершенно безразличных к поэзии. Порой и автору этих строк приходилось выступать в аудиториях, где на скамьях сидели ученики с третьих по одиннадцатые классы, — уровни знаний и интересов у них были, конечно, настолько различными, что даже при всем желании увлечь их было невозможно.

Вспоминаю встречу в 35-й рижской школе. Один из преподавателей позвонил мне и попросил побеседовать с учениками старших классов о семейном праве. Устроительница мероприятия торжественно подвела меня к залу, где находилось около пятидесяти слушателей. На ее лице было написано удовлетворение: пришли, не подвели! Но уже в следующий миг удовольствие исчезло, потому что не успели мы еще войти в зал, как раздались крики «ура!», свист и аплодисменты, словно бы в зале собирались встретиться по меньшей мере с ансамблем АББА. Когда шум улегся, мы начали разговор. И вовсе не о семейном праве. А о том, что с такой вот демонстрации неуважения и начинается у молодежи скольжение вниз, нередко заканчивающееся преступлением. Говорили мы об ответственности несовершеннолетних, и прежде всего о моральной ответственности, сопутствующей всем нам на каждом шагу.

Продолжение разговора состоялось в кабинете директора школы. Я искренне посоветовал учителям прежде

всего научить школьников элементарным нормам поведения, а уж потом приглашать к ним гостей. Может быть, с моей стороны это было и не очень вежливо, но встречаться с подобной аудиторией еще раз у меня не было ни малейшего желания. Должен, правда, оговориться: это единственный случай за уже достаточно долгие годы моей юридической работы.

Я глубоко убежден, что задача правового воспитания заключается в том, чтобы дать молодым людям самые элементарные знания прав и обязанностей граждан, а не стремиться к тому, чтобы каждый выпускник средней школы становился чуть ли не профессиональным юристом. Жизнь доказала, что порой даже глубокое знание правовых норм не гарантирует их обязательного соблюдения. Куда более важно не преподавать статьи и параграфы, а научить юношу или девушку уважению. Уважению к обществу, к принятым нормам общежития, к человеку.

Можно и нельзя... В школе эти противоположные понятия сталкиваются от первого до последнего звонка. Нельзя подсказывать, нельзя списывать, нельзя шуметь на уроках. Но не получается ли так, что это назойливое «нельзя» вызывает противоположные желания, протест против запрета как такового? Потому что каждый запрет является определенным нарушением свободы. Нельзя употреблять алкогольные напитки... А взрослым можно?! Несправедливо? Несправедливо! И начинается стихийная борьба с несправедливостью, потому что вечное «нельзя» начинает уже мерещиться на каждом шагу.

Приведу выдержки из школьных писем, опубликованных в республиканской газете «Падомью Яунатне».

«...В нашей школе часть ребят ждет на вечерах только одного — танцев. И не потому, что неинтересно. Но когда в голове хмель и выкурена пачка сигарет, куда легче передвигать ногами в монотонном ритме, воображая себя в полутемном зале какой-нибудь всемирной знаменитостью, чем петь, плясать или отвечать на вопросы викторин!»

«Ха! Вчера мы с ребятами поддали как следует, надо бы сегодня повторить!»

К сожалению, такие или подобные разговоры между школьниками приходилось слышать не однажды... Не тот ли это случай, когда комитет комсомола должен наконец сыграть свою роль в жизни школы?..

Первое письмо пришло из города Лимбажи, второе —

из одной рижской школы. И наверное, мало найдется таких школ, в которых не существовало бы этой проблемы.

Именно так начался закончившийся убийством вечер, на котором праздновали восемнадцатилетие некоего Александра. К виновнику торжества пришли в гости ребята, бывшие одноклассники. Пустые водочные бутылки то и дело заменялись полными. Александр чувствовал себя прекрасно: гостей много, и каждый пришел с «посудой». Уважают, значит!

Но вот наступил момент, когда все оказалось выпитым. Магазины уже закрылись, а на ресторан не хватало денег — в карманах, словно в насмешку, бренчали одни медяки.

Тогда из-за стола поднялся друг юбиляра Андрей и вместе с другим гостем, Сергеем, направился к выходу.

— Мы ненадолго. У меня дома найдется рубль-другой, а там что-нибудь придумаем.

Андрей только что возвратился из колонии. В таких ли компаниях приходилось ему бывать?! Тут — что, тут пустяки!

В подъезде он предупредил Сергея:

— Слушай и мотай на ус! Деньги мы сейчас сделаем, ты только не выкидывай фокусов. Если потом проболтаешься, пеняй на себя. Остановим первого же прохожего. Ты заходи со спины, и если понадобится — бей. Хотя, думаю, что бить не придется: мне всегда отдают сразу, без разговоров.

Они выглянули на улицу. Вдалеке шагал одинокий прохожий.

— Пошли, — скомандовал Андрей.

Приятель вышел на улицу. Как и было условлено, Сергей зашел прохожему за спину, Андрей же преградил путь.

Прохожий оказался глубоким стариком.

— Деньги! Быстро! — прошипел Андрей ему в лицо.

Мгновение царила тишина. Затем до старика дошел смысл сказанного, и он попятился было, но натолкнулся на Сергея.

— Нет у меня никаких денег... Пустите, мне восемьдесят лет... — едва слышно пробормотал он.

— Деньги давай, старый хрыч! — в неудержимой злобе повторил Андрей. Оглядевшись, он увидел валявшийся поблизости кирпич, одним прыжком подскочил к нему

и уже в следующее мгновение старик упал. Андрей ударил его кирпичом по голове еще и еще раз.

Вокруг стояла тишина. Лежавший не подавал признаков жизни. За углом дома в темноте угадывались очертания гаражей.

— Бери за руку, да поживей! — выдавил Андрей и сам ухватил старика за рукав.

Они быстро затащили жертву за гараж. Оба уже поняли, что убили человека. Это, однако, не помешало им обшарить карманы старика и найти кошелек. В нем оказалось три рубля...

Я читал протоколы допросов этих ребят. Свое первое показание Андрей написал собственноручно. В нем есть такие слова: «Если бы старик не валял дурака и отдал деньги сразу, ничего бы не случилось». Никакого сожаления, лишь невиданное безразличие и цинизм. Лишил человека жизни — и вовсе не чувствует себя убийцей. Считает себя вправе и дальше жить среди людей, ходить по той же земле...

Когда я читал протоколы, мне и на этот раз не давало покоя вечное «почему?». Почему началось падение этих юношей? Неужели зло действительно было заложено в них с колыбели? Да нет, ведь рождаемся мы все одинаковыми. Но все-таки где и когда все началось? С выпивок еще в школьные годы? С бродяжничества после брошенного восьмого класса? С копеек, отобранных у малышей в сумерках? Найти ответ, мне кажется, нетрудно. Он — в духовной бедности Андрея и Сергея. Никто из них ни разу не побывал хоть в одном рижском театре, хотя оба жили в этом городе уже лет десять. Зато в доме всегда царил хмельной угар. Книг не было, зато поллитровок хватало с избытком. Они и определили путь парней.

...Свету я встретил на улице, когда часы показывали уже полночь. Мы с дружинниками возвращались с дежурства и заметили в подворотне съезжившуюся девочку. По виду ей можно было дать лет шесть-семь. Что делала она в столь поздний час на улице, одна? Ни в одном окне поблизости света не было видно. Мы остановились и заговорили с девочкой. Сначала Света не отвечала на наши вопросы, потом осмелела и рассказала, что живет тут, в этом доме, но сейчас к маме пришел дядя, и надо здесь дожидаться, пока дядя уйдет.

Ничего другого нам не оставалось — пришлось без приглашения побеспокоить мать Светы. Она долго не отворяла нам, а когда впустила наконец Свету, то попыталась захлопнуть дверь перед нашим носом. Затем состоялся разговор о том, что слишком уж дорогой ценой приходится платить за ее ночные развлечения и что поэтому может возникнуть вопрос о лишении ее материнских прав. В дальнейшем эту квартиру контролировал участковый инспектор, чаще обычного заглядывала и классная руководительница Светы. Теперь девочка уже окончила среднюю школу, работает, готовится поступать в институт. Она никогда не заговаривает о той нашей полуночной встрече. Но и о своей матери тоже не упоминает.

Сигне убежала из дома, когда ей было пятнадцать лет. Она не бродяжничала, не просиживала в кафе и ресторанах. Попросила приюта у сестры своей матери. У тети была дочь одних с Сигне лет, много книг, телевизор. В ее доме никогда не звучали грубости, никого не обижали. И тетка, увидев на плечах и спине Сигне синяки, решила не отправлять ее больше домой. В школу сообщили новый адрес девочки. Мать не очень переживала уход дочери, одной заботой меньше. В алкогольном угаре она уже растеряла все материнские чувства.

Разговор с Дайной состоялся в Алсвикском профессионально-техническом специальном училище. У меня было с собой написанное ее матерью письмо, в котором говорилось, что дочка совершенно забыла дом, ни слова не пишет, отказывается от встреч. Чем заслужила мать такую жестокость? Слово за словом, и мы приблизились к разгадке. Я узнал о событиях, происходивших с Дайной до того, как она очутилась в спецшколе.

Отца она вообще не помнила: он оставил семью, когда девочка была еще совсем маленькой. Вскоре мать вышла замуж за другого, но отчим с самого начала решил, что и дочь вырастет такой же, каким был отец. Эти слова Дайне приходилось слышать изо дня в день. Что же удивительного в том, что для нее стало невыносимым оставаться под одной крышей с человеком, так недвусмысленно выражавшим свою неприязнь? Она начала уходить из дома, встретила подруг, пытавшихся под-

сластить свою горечь вином и компанией мальчиков... И вот Алсвики. О чем же станет она писать матери? О том, почему оказалась здесь? Слишком горькими получились бы письма...

Можно было бы привести ещё десятки таких же примеров и случаев, которые встречались в моей работе. Но главное можно увидеть уже в этих небольших эпизодах: к чему приводит несоблюдение родителями основной обязанности — вывести детей в Большую жизнь, вывести в момент важного жизненного перелома, когда кончается детство и начинается критический возраст. Именно в это время проявляются и первые признаки таланта, и первые отрицательные привычки — вино, поиски ложной романтики в вечерние часы, первые шаги через незримую границу между «можно» и «нельзя». А ведь то, с каким напутствием родители отпускают своих питомцев в самостоятельную жизнь, остается в памяти на долгие годы.

«НЕ ЖУЙ, СЫНОК, КОГДА ПЕСНЮ ПОЮТ!»

Однажды мы с сослуживцем пришли в школу. Повод для визита был неприятным: здесь стали исчезать деньги, собранные ребятами на завтраки, на театр и кино, для подписки на газеты. Шли мы с тяжелым сердцем. Что заставило какого-то, пока еще неведомого нам человека позариться на чужое?

В кабинете директора обстановка прояснилась: кражи происходили в двух классах — седьмом и восьмом. Мы побеседовали с классными руководительницами. У них уже возникли свои подозрения. Слишком странно вели себя два мальчика. Не так, как все. Да к тому же и необщительны были, сторонились всех.

Может статься, конечно, что эти подростки и окажутся виновными. Но, беседуя с учителями, я думал совсем о другом: разве трудно, обладая профессиональными знаниями, подобрать ключ к мальчишескому «загадочному» миру? Им только по четырнадцать, и если уже сейчас обособить этих ребят в коллективе, то их замкнутость может стать действительно опасным явлением. Разумеется, нельзя формировать весь класс по одному стандарту. Есть люди, которым часто хочется быть подалеже от суеты, побыть одним, пожить в мире книг и мыслей. Заставлять таких подростков находиться всег-

да в коллективе было бы и бестактно, и педагогически неправильно. Поэтому и работать учителем может далеко не всякий человек, а только такой, для которого эта работа — продиктованная сердцем необходимость.

Меня стали одолевать сомнения: а постарались ли педагоги этой школы по-настоящему найти общий язык с «подозрительными» мальчиками? В этом возрасте вряд ли было необходимым вмешательство следователя. Да я вовсе и не следователь, скорее уж исследователь. Но разве и каждый учитель не должен быть им? Каждый день, каждый миг? Не должен ли в своей сущности быть исследователем каждый человек?

Так или иначе, мы оказались здесь, и учителя рассчитывали на нашу помощь. Что ж, в их положении оно и понятно....

Сперва мы поговорили с другими ребятами. Обо всем на свете. И только между прочим — о кражах. О кражах они знали. Негодовали и старались выяснить: неужели нам ничего не известно об имеющихся в школе подозрениях?

Потом настал черед и тех двоих. Разговор предстоял серьезный. В результате его должен был произойти перелом в жизни самих ребят. Вести его надо было спокойно, не спеша. Важно было, чтобы «странные» мальчики задумались о том, что дальше так жить нельзя. Придут ли они к такому заключению?

Я говорю с одним из них, его зовут Айгаром.

— Наверное, ребята уже рассказали, чем мы здесь интересуемся?

— Говорят, какими-то деньгами...

— Верно. Но если неохота тебе начинать с денежных дел, давай поговорим о других вещах. У тебя есть друзья в классе?

— Разве это важно?

— Важно.

— Такого, чтобы был настоящим другом, нет.

— Ты давно учишься в этой школе?

— С первого класса.

— И ни с кем не подружился?

— Подружился. Только не в нашем классе. Я остался на второй год.

— Почему? Много прогуливал?

— Болел...

В таком духе мы говорили долго. И я вовсе не жалел, что начали не с пропавших денег. Я узнал о па-

ренке многое. Все более понятной становилась обстановка, в которой он жил. Родители Айгара — инвалиды, они просто физически не смогли проследить за всеми делами сына. В школе они не были ни разу. А новая классная руководительница тоже еще не успела зайти к нему домой, хотя минула уже половина учебного года.

Потом мы познакомились с Илгонисом. Одет он был в модный джинсовый костюм, волосы носил до плеч и во время беседы демонстративно жевал резинку: мол, из милиции вы там или нет, а я что захочу, то и буду делать!

Я сперва убедил его, что жевать во время разговора не следует: речь пойдет о делах серьезных. Медленно, шаг за шагом продвигались мы к истине. Отвечал он уклончиво, неохотно, но вопросы наши становились все конкретнее, уходить от них делалось все труднее. И наступил момент, когда один из ребят сел за стол и написал, как с начала учебного года они обкрадывали своих одноклассников... Илгонис еще пытался упираться. Продолжал надеяться. И мы его понимали — ведь признаться было стыдно, унижительно. Он еще не верил, что правда всегда выходит наружу. Хотел продолжать игру. Но мы уже все знали. И я рассказал ему, как это происходило. Эпизод за эпизодом. Тут и он понял, что игра проиграна. Нервы сдали, Илгонис начал истерически смеяться, а в глазах появился страх: что теперь будет? Испуг его был понятен. А вдруг милиционеры арестуют его тут же, в школе, и увезут прямо в колонию? На долгие годы. В далекие, чужие края, где рядом не будет ни одного близкого человека. Как тут не испугаться!

Вместе с классной руководительницей мы поехали к родителям Айгара. Мальчишке больше всего хотелось, чтобы все происходящее оказалось дурным сном, который вот-вот кончится. Самым тяжким из всех наказаний казался ему разговор с родителями. Хоть бы обошлось без этого... Но нельзя было. Нас подбадривала мысль: если уж Айгар так переживает случившееся, то вряд ли захочет еще раз попасть в подобное положение. В школе мы уже договорились, что ограничимся обсуждением случившегося на классном собрании.

Из огромной комнаты, в которой жили родители Айгара, мы отправились к Илгонису. И попали в квартиру, напоминавшую салон современной мебели. На пол-

ках роскошной импортной секции здесь не стояло ни одной книги — все было заполнено дорогими сервизами. Хозяйка показалась нам встревоженной: ее явно беспокоила наша обувь, может статься, недостаточно чистая, а на полу лежал громадный ковер. Однако постепенно она успокоилась (ковер мы обошли стороной) и знаком отослала сына в другую комнату.

Сын крал деньги? Грязная клевета! Чего-чего, а уж денег у него всегда хватает. Она будет жаловаться прокурору на оговор! Они ни в чем, абсолютно ни в чем не нуждаются. И сами зарабатывают, и родственники не забывают...

Лишь после того, как мы дали ей прочитать объяснение сына, у матери пропала охота грозить нам прокурором, руки задрожали, и она недоуменно пробормотала:

— Зачем?..

А я думал: было бы в этой квартире побольше человеческого тепла, стояла бы на полке хоть одна прочитанная книга, одна-единственная — во мне нашлось бы больше сочувствия к этой недоумевающей матери. И я невольно вспомнил одну из миниатюр нашего поэта Иманта Зиедониса, в которой он призывает ребенка не быть духовно глухим и незрячим. Пожалуй, эти слова надо бы заучить наизусть многим матерям и отцам. Тогда они поняли бы, почему стали для своих детей чужими. Не знаю, что сказала бы мать Илгониса, если бы я достал из сумки не Уголовный кодекс, а томик «Эпифаний» и прочитал:

«Не жуй, сынок, когда песню поют! Сынок, никогда не жуй, когда песню поют, сыночек! Там, в песне, маленькая душа просит, может быть, она голодна сейчас. Не жуй, сынок, когда поют.

Не пей, сынок, когда песню поют. В ней иволга поет, не евшая поет, не пившая. Просит дождя, росу выпрашивает с листьев.

Сынок, мы народ едоков, но положи ложку на блюдце, когда песню поют, сыночек мой.

Не гляди, сынок, как тот дядя жует, не учись у него. Он все свои песни сжевал, он песню не отличит от салата.

Одна дверь для ложки и для песни. Замрет ли ложка около рта, когда начнут песню петь?

Сынок, отведи ложку в сторонку, пропусти сперва песню, сыночек мой...»

Что сказала бы эта мать и другие, ей подобные? Может быть, вслух ничего, только подумала: наверняка спятил! Может быть, написала бы все-таки жалобу прокурору. А может, заподозрила бы, пусть и нехотя, что есть на свете нечто, более нужное душе ребенка, чем карманные деньги? Что есть великое множество вещей, о которых мы, старшие, должны вовремя рассказать растущим детям. О войне, например. Поколение, начинающее самостоятельную жизнь сейчас, узнает об ужасах войны только из кинофильмов и книг. Но всегда ли молодежь помнит, что за наше настоящее заплачено миллионами человеческих жизней? В разговорах с юношами о правовых и нравственных проблемах я всегда останавливаюсь и на этой стороне вопроса: мы не смеем забывать погибших, боровшихся за будущее, за нас, за наше сегодня.

Как призрак белый, грустный и немой,
Береза мне качает головой.
Кто здесь упал так много лет назад,
Из рук не выпуская автомат?
Мне кажется, что он очнулся вновь,
Береза эта — плоть его и кровь,
И вспоминает он последний бой
С немою болью,
горечью немой...

Можно ли забывать, если война так или иначе, прямо или косвенно, коснулась каждого из нас — и тех, кто жил в те дни, и даже тех, кого еще и на свете не было? Каждого.

Рассказывала мама мне подробно,
Какой ты сильный, ласковый и добрый,
И я бросался к каждому прохожему
В шинели серой — на тебя похожему...
Заволокло и закрутило мглою
И ту дорогу, где тебя встречал я.
И ту березу, с кем делил печаль я,
Но все равно —
я встречи жду с тобою.
И вновь твои шаги как будто слышу я,
И выбегаю снова на дорогу —
Позволь твою винтовку неостывшую.
Твою шинель промокшую
потрогать!

Но, конечно, это не единственная наша забота, когда речь идет о воспитании молодых, о помощи им в нахождении своего места в жизни.

Известно, что не всех детей дом и семья наделяют благоприятными для развития данными. Действительно, часть ребят бедностью своих знаний, серостью, безразличием способна доставить учителям немало горьких минут. И рядом с ними дети с блестящими знаниями, нередко способные состязаться в эрудиции с учителями. Конечно, интересней и перспективней работать именно с такими. Однако какие пути изберут тем временем оставшиеся без учительского внимания отстающие и неинтересные? Они и так уже чувствуют себя обойденными, правильно, хотя бы в подсознании, оценивая свой уровень. Да и как может быть иначе: в их дневниках преобладают не очень убедительные тройки, скорее всего плоды учительского милосердия. А тут еще интеллектуалы нередко обособляются от отстающих — с ними действительно бывает скучно, слишком разные уровни: интеллектуалы подсчитывают, за какое время космические корабли достигнут Марса, отстающие в отчаянии ищут на карте Кубу где-то между Китаем и Парагваем...

Так складываются отношения у ребят. Но учителя не должны отворачиваться от своих «неинтересных» питомцев. Ведь и в них наверняка живет какая-то искорка, пока еще невидимая. Ее-то и надо превратить в пламя. Отступить от этих учеников — значит передать их другим «воспитателям», которые поведут ребят совсем не туда. Недаром практика инспекции по делам несовершеннолетних показывает, что чаще других именно эти подростки, лишенные достаточного внимания родителей, товарищей и учителей, становятся правонарушителями и попадают на скамью подсудимых.

Путь выбора полон сложностей. Как отыскать свое место в жизни? Как не остаться в стороне, не оказаться ненужным, незаметным? Чем выделиться? Силой и ловкостью? Импортными джинсами? Как проводить свободные вечера? В кафе? На дискотеке? Или просто шататься по Бродвею? Каких выбирать друзей? А что, если на пути подростка в эту пору как раз и встретятся такие парни, которые успели уже побывать в колониях? Если вовремя не заметить происходящих в подростке перемен, своевременно не помочь ему — выбор совершится, но вовсе не тот, на который надеемся мы, взрослые.

В разговоре с ребятами, попадающими в инспекцию по делам несовершеннолетних, мы всегда пытаемся опре-

делить духовные горизонты наших подопечных. В таких случаях не обходится без вопроса о любимой книге. Увы, рядом с уличным «геройством», как правило, идет глухое невежество. Он не может припомнить, когда в последний раз держал в руках книгу. И тут снова следует сказать о роли взрослых. Энергичной мамаше Илгониса, уверявшей, что ей не жалко денег на сына, на самом деле все же оказалось их жалко: истратив тысячи рублей на импортную мебель да еще столько же на хрусталь, столовое серебро и фарфор, она не приобрела ни одной книги для сына. И сын, духовный бедняк, с помощью собственной матери стал — не боимся этого слова — мелким воришкой.

Так что: «Не жуёй, сынок, когда песню поют!»

ИСКУССТВО ДОБРА И СПРАВЕДЛИВОСТИ

Нам, взрослым, тоже приходилось сотни раз останавливаться на перекрестках жизни, чтобы выбрать правильный путь. Мне не в один день стало ясно, что жизнь свою я посвящу охране советской законности, — мечтал я и о далеких морях и небывалых перелетах... Но самой романтической для меня всегда казалась профессия следователя. Работника милиции я не представлял себе иначе как человека, атлетически сложенного, постоянно готового к схватке. Оказалось, что я сильно преувеличивал. За минувшие годы мне пришлось поработать с десятками следователей, и добрая половина из них были женщины. Мог ли я представить в юности, что, кроме отменного физического развития, бесстрашия и заряженного пистолета, существует целый арсенал других, намного более действенных средств? И прежде всего — человечность, умение понять, ощутить, почувствовать. Еще юристы Древнего Рима учили, что юстиция — это искусство добра и справедливости. Искусство это немыслимо без наличия у милицейских работников высоких этических принципов.

Этика являлась одним из древнейших направлений философии. Объектом ее изучения была мораль. Словом «этика» мы обозначаем сегодня систему нравственных норм, регламентирующих поступки людей. Нормы эти обязательны для каждого человека, независимо от его должности, профессии, образования и заслуг. Такое

же свойство присуще и нормам закона. — ему тоже подчинены все люди в равной степени.

Мы знаем, что уже длительное время разрабатываются проблемы профессиональной этики. О включении такого курса в подготовку юристов ратовал еще в свое время известный правовед А. Ф. Кони. Он утверждал, что любому служителю правосудия в момент сомнений могло бы оказать немалую помощь знание судебной этики. А сомнения, как известно, сопровождают на каждом шагу и розыскного работника, и следователя, и судью, поскольку именно сомнения лучше всего помогают выяснению истины.

Может возникнуть вопрос: в чем же суть профессиональной этики, если существуют общечеловеческие этические нормы, обязательные для всех нас? Суть в том, что наряду с этим у отдельных профессий есть свои специфические особенности, выходящие за рамки общих норм. Так, например, мы знаем, что лгать нельзя. Что ложь должна быть осуждена. И в то же время нам известно немало исключений, когда ложь оправдана. Можно привести пример хотя бы из врачебной практики. Больной, чье выздоровление уже невозможно, спрашивает врача о своем состоянии. Истина в этом случае была бы слишком жестокой: положение безнадежно... Нетрудно понять, что врачебная этика не позволяет такого ответа. Утешительные слова врача обладают целительной силой, и медицина знает сотни примеров, когда благодаря им выздоравливали и безнадежно больные.

Разумеется, это не исключает и других возможностей. Например, некоторые родители не скрывают, что своего ребенка они усыновили или удочерили. Если тот видит в новых родителях действительно добрых, хороших людей, он будет любить и уважать их, как если бы они были настоящими.

Работникам милиции тоже приходится на каждом шагу встречаться с обстоятельствами, которые необходимо тщательно взвешивать на весах Фемиды. Возьмем такой пример. В ходе следствия возникает необходимость контролировать переписку подследственного. В практике это бывает нередко: письма сообщников преступника могут помочь напасть на их след или отыскать похищенные и спрятанные ценности, и так далее. Чтобы не позволить самовольного вторжения в личную жизнь, такая проверка переписки может производиться

только с санкции прокурора или по судебному решению. Так что юридически тут вроде бы все ясно. А этически? Допустим, в письме содержатся сведения, которые не относятся к следствию — хотя бы сведения глубоко интимного характера. Здесь закон полагается на порядочность следователя, и мне не приходилось слышать, чтобы на этой почве возникали какие-либо недоумения и конфликты. Но могут возникнуть ситуации и посложнее. Например, обвиняемому пишут, что умер его брат. По обычным нормам, тут сомнения быть не может: следователь должен сообщить печальную весть своему «подопечному». Ну а если никакого брата у подследственного на самом деле нет, и известие это является лишь зашифрованным предупреждением о том, что попался еще кто-то из соучастников, и теперь надо быть особенно осторожным? Исключить такую возможность нельзя, и следователю приходится не сразу поступить в соответствии с этическим принципом, а сперва удостовериться в том, соответствует ли известие истине.

Каждый допрос — потерпевшего, свидетеля, обвиняемого — является своеобразным диалогом. И вовсе не одни только показания обвиняемого требуют особого внимания: вызвать сомнения могут и показания потерпевшего и свидетеля. Обвиняемый может давать ложные показания сознательно. Но так же могут поступать по самым разным мотивам и свидетели и потерпевшие. Хотя бы по ошибке. И в таких диалогах следователь сам должен почувствовать, насколько искренен допрашиваемый и какая степень откровенности допустима со стороны самого следователя, чтобы не пострадало установление объективной истины.

Произошла кража... На улице пристали хулиганы... На скамейке спит пьяный, бросив рядом пустую бутылку... В каждом таком случае люди обращаются к милиционеру или звонят по телефону 02. Что ожидает работника милиции на месте вызова, предсказать нельзя. Может быть, прозвучит предательский выстрел, может быть, в руке «мирного» пьяницы сверкнет нож. Поэтому работник этот должен обладать и физической силой, и юридической и этической зрелостью. От наличия этих качеств зависит очень многое: безошибочность решений и действий в сложных ситуациях и одновременно способность по-человечески подойти к любому происшествию. В принципе это можно сказать о представи-

телях любой профессии, однако при охране незримой границы непредвиденные и острые коллизии возникают намного чаще.

ДИАЛОГ

Любая книга — это диалог писателя и читателя. Если книга вызывает волнение и интерес, приносит читателю что-то для него новое, то можно считать, что разговор был полезным. Конечно, так бывает не всегда. Случаются и встречи с книгами, без которых вполне можно было обойтись, — слишком уж незначительным оказывается результат. Но нам в Латвии трудно пожаловаться: у нас немало писателей, чьи произведения неизменно вызывают острый интерес. Среди них и книги бывшего работника фронтовой разведки, ныне доктора филологических наук Ингриды Соколовой.

Мне довелось беседовать с Ингридой Николаевной на близкие нам обоим темы, которые она постоянно затрагивает в своей прозе и публицистике. Мне кажется, что разговор наш заинтересует и читателя, поэтому хочу вернуться к этому диалогу. Вот его запись — несколько, правда, сокращенная..

И. Ластовский. Разговор хочется начать с такого вопроса: каким вам представлялось наше поколение в те суровые годы войны, когда вам самой и многим вашим боевым товарищам не было и двадцати? Не возникает ли у вас иногда мысли, что сегодня не все молодые люди оправдывают громадные жертвы минувшей войны, что какая-то, пусть малая часть молодого поколения забыла о погибших героях? Чтобы мой вопрос не казался несколько странным, скажу, что инспекция по делам несовершеннолетних, в которой я работаю, занимается именно такой категорией несовершеннолетних, то есть подростками, склонными к нарушению нравственных и правовых норм.

И. Соколова. В годы войны меня особенно поражало одно: суровая действительность фронтовых будней и... возвышенная мечтательность наших бойцов. Фронтовики представляли себе мирное будущее только в самых радужных красках. Молодежь послевоенного периода виделась нам иной, во всех отношениях лучшей, чем мы сами. Наша мечта осуществилась, но, к сожалению, не полностью. В этом вина и моего поколения. Оно было

лишено многого. Вот почему мы сегодня стараемся, чтобы наши дети не терпели нужды ни в чем, и даем им материальные блага без чувства меры, стремимся предельно облегчить их жизнь и зачастую считаем их детьми и в тридцать лет. Иные из них легко привыкают ко всему готовому, привыкают только брать, становятся ярко выраженными потребителями. Мне кажется, что часть молодежи утратила романтическое отношение к жизни, не знает, что такое — удовлетворение от достигнутого собственными силами, она стала слишком... рациональной, что ли. Из такого теста, вероятно, и ваши подопечные.

Конечно, есть и другая молодежь. Она строит БАМ, честно трудится на производстве, заботится о природе, воспитывает детей... Ради них, этих веселых, трудолюбивых девчат и ребят, мы и шли на смерть.

И. Ластовский. Очень приятно, что в вашей оценке подавляющей части современной молодежи преобладают добрые слова. Ведь не так уж редко люди старшего возраста бывают убеждены, что вся наша молодежь хуже, чем были в свое время они, что тогда пороков у молодых людей было гораздо меньше...

Конечно, нельзя сказать, что сегодня все проблемы воспитания уже решены, что в наши дни больше не встречаются правонарушения несовершеннолетних. Безусловно, встречаются. Но заглянем в официальную статистику буржуазной Латвии — и увидим, что почти каждый шестой осужденный по уголовным делам являлся несовершеннолетним, и общее число осужденных несовершеннолетних в 1937 году достигало более чем двух тысяч. Сегодня число правонарушений, совершенных несовершеннолетними, резко снизилось. И в этом заслуга не только работников органов внутренних дел. С каждым годом возрастает роль и авторитет общественных организаций, занимающихся профилактической работой среди ребят, не достигших совершеннолетия.

Теперь в наших школах много говорят о правовом воспитании учащихся. Не считаете ли вы, что правовые знания в принципе поднимают лишь уровень общего развития, культуры подростка, но уважение к человеку, к обществу, а следовательно, и к закону может дать только глубокое нравственное воспитание?

И. Соколова. Несомненно. Я глубоко убеждена, что в процессе воспитания молодых людей мы в первую очередь должны обратить внимание на морально-этиче-

ские вопросы. Хотя бы потому, что они неотделимы от социальных.

Сейчас в восьмых классах введен новый предмет — основы Советского государства и права. В Риге состоялась конференция по правовому просвещению и воспитанию трудящихся. Все это радует. Только, по-моему, недостаточно теоретически определить, что такое преступление и какое наказание грозит по такой-то статье. Нужно исследовать истоки зла, проанализировать весь путь, приведший человека к нарушению закона, понять, наконец, как предотвратить преступление. Поможет ли в этом изучение нового предмета, не знаю. Мне кажется, важнее, чтобы процесс воспитания — единый в школе и дома — был направлен на то, чтобы смолоду будить в человеке добрые чувства: правдивость, честность, мужество, неприятие зла и несправедливости.

И. Ластовский. Мне по роду моей деятельности часто приходилось встречаться с такими случаями, когда уже неизбежно вмешательство милиции, а за ним порой лишение родительских прав и даже привлечение к уголовной ответственности. Такие вещи происходят по большей части в семьях, в которых отсутствуют элементарные условия для развития детей. Такие семьи мы называем неблагополучными. Один из родителей, а то и оба пьянствуют и дебоширят или находятся в местах лишения свободы.

Наверное, я долго не забуду разговора с Вячеславом из воспитательно-трудовой колонии для несовершеннолетних.

В комнату ввели черненького щупленького паренька в потертой куртке. Было ему шестнадцать лет, и в колонии предстояло провести два года. Спрашиваю: за что? Он удивительно спокойно рассказывает о страшных вещах. 9 марта 1977 года на хуторе пили с братом матери, в прошлом пять раз судимым. Как всегда в таких случаях, водки не хватило, пошли искать еще денег. Навстречу им попался сосед. Попросили у него денег, но сосед не дал. Дядя обиделся, ударил соседа ножом, и он тут же умер. После этого Вячеслав помог убийце положить труп на санки, довести до дома убитого, втащить через окно в комнату и положить на кровать. Затем они облили все бензином и подожгли.

— А деньги взяли? — спрашиваю.

— А как же. Рублей десять нашли. На выпивку хватило...

Отец Вячеслава умер. Мать пьет, старший брат отбывает наказание...

И. Соколова. Но не менее тревожны и семьи, только с виду благополучные. В них порой кроются притворство, ложь, эгоизм. Из таких внешне благополучных семей тоже нередко выходят несовершеннолетние преступники. Однажды я прочла очерк. В нем говорилось о сыне заместителя директора одного из ведущих институтов республики, которому любящие родители позволяли буквально все на свете. Чувствуя такую вседозволенность и поддержку, парень совершил несколько преступлений и сел на скамью подсудимых. Но и тогда родители, чтобы помочь сыну, выгородить его, поместили молодца в психиатрическую лечебницу, стремясь доказать его невменяемость. Однако он оказался вполне нормальным. Тогда мать, невзирая на данную сыном подписку о невыезде, попыталась увезти его в Симферополь. Поездка не состоялась: за новое преступление он был арестован и предан суду, который приговорил его к длительному сроку лишения свободы.

И. Ластовский. Проблемы воспитания в семье бывают и другого рода. В беседах с несовершеннолетними правонарушителями часто выясняется, что нарушения они совершали в пьяном состоянии. Увлечение подростков выпивкой становится острой проблемой. Особенно волнует то, что зачастую ребята пьют не на улице, а дома, в кругу своих же родителей.

И. Соколова. Верно. Не так уж редко увлечение алкоголем начинается в семье. Взять хотя бы дни рождения детей. Как часто они служат лишь поводом для того, чтобы родители устроили вечеринку, на которую собираются вовсе не дети, а взрослые дяди и тети, и пьют они отнюдь не соки и лимонад. Да и детям наливают не безалкогольные напитки: от капельки вина ничего, мол, не станется. Или такой пример. Реклама алкоголя у нас запрещена законом. Но можно ли найти художественный фильм без сцены выпивки? Причем сцены эти смакуются, даются с излишними подробностями. И еще. Укоренилась дурная привычка ходить в гости обязательно с бутылкой. Кто придумал подобное? А ведь так заведено и среди студентов, и даже среди школьников. Антиалкогольная пропаганда должна быть умной, убедительной и своевременной.

И. Ластовский. А как вы считаете, кому все-таки принадлежит главное слово в воспитательном деле —

родителям или школе? Ведь задача школы не только в том, чтобы дать молодежи образование.

И. Соколова. Разумеется. Нередко за воспитательные промахи родители винят школу, а школа — родителей. Я, однако, склонна думать, что в учебные заведения поступает все более трудный «материал».

Может, я буду выглядеть старомодной, но считаю, что основы основ морали закладываются в семье, и именно поэтому мать должна больше заниматься детьми. Правильно воспитанный гражданин — самый большой вклад женщин в укрепление общества.

А сегодня детям не хватает родительского тепла. Общение «отцов и детей» происходит в считанные часы, вечером. Не часы даже, а минуты. Мать, наработавшаяся за день, спешит приготовить ужин, прибраться, постирать. Отец, увлекшись хоккеем, ничего не слышит и не видит. Где же мальчику обрести такие свойства, как твердость духа, стойкость, рыцарство, а девочке — мягкость, нежность, талант хранительницы домашнего очага?

И. Ластовский. А как вы оцениваете вклад наших писателей в формирование личности и патриотических чувств молодежи?

И. Соколова. От книг, адресованных молодежи, я жду многого: раскрытия психологических процессов, показа характеров во всей их сложности. Легче всего изобразить плохое — оно ведь броско. Но положительный пример отнюдь не отошел в прошлое. Разве мало у нас людей с золотыми руками и золотым сердцем? Пусть и на страницах книг их будет побольше. Тогда и у вас станет меньше забот...

ПО ЗАКОНУ И СОВЕСТИ

Когда мне доводится беседовать с подростками на правовые темы, я всегда стараюсь в первую очередь разобрать именно нравственные аспекты тех проблем, о которых идет речь. Некоторые из этих бесед я приведу здесь, потому что встречи с молодежной аудиторией являются неотъемлемой частью моей работы в милиции.

БЕСЕДА ПЕРВАЯ: ПРЕЖДЕ ВСЕГО — ЧЕЛОВЕЧНОСТЬ

...Женщине было за шестьдесят. В милицию ее привела беда. Она рассказывала, с трудом подбирая слова:

«Вчера вечером возвращалась домой. Улица тихая, безлюдная... И там они напали. Сбили с ног. Отобрали сумочку, сорвали часы. В сумочке паспорт, пенсионная книжка и пенсия, шестьдесят два рубля. Часы, правда, старые. Я просила — оставьте хоть документы. Забрали все. Как же мне теперь получить свою пенсию?»

В уголовном розыске ко многому привыкли. И все же, слушая пожилую женщину, хмурились — у кого поднялась рука? Случай из редких.

Женщина как могла обрисовала нападавших. Их было четверо. Молодые. Длинноволосые. В куртках, расклешенных брюках. На руках какие-то широкие кожаные ремешки.

Этого хватило специалистам, чтобы оперативная группа в районе ограбления могла начать розыск не установленных пока грабителей. И потребовалось совсем немного времени, чтобы вся четверка оказалась в милиции.

Даже не спрашивая, можно было с уверенностью сказать, что возраст их колеблется между шестнадцатью и девятнадцатью годами: еще не успели доучиться и устроиться на работу. Самое подходящее время, чтобы шататься по улицам в поисках доступных и в то же время подлых и низких приключений.

В кабинете один из них, шестнадцатилетний Айвар. На столе изъяты у него часы разных марок, деньги, удостоверения... Айвар отводит глаза: вину отрицать трудно.

— Как вы решились пойти на преступление?

— Я не думал, что это преступление. Просто так...

— За это можно получить до шести лет.

— Я не знал.

— Не знал, что причинять зло — преступно? Преступно нападать на человека, бить его, присваивать его вещи? Если бы такое случилось с твоей матерью, разве ты не подумал, что преступника надо во что бы то ни стало разыскать и судить?

— Подумал бы, только...

— Только ограбили ведь не твою мать — это ты хочешь сказать?

— Да... Нет...

— Вы думали, что все обойдется. Куда, мол, ей жаловаться, да и не написано же на вас, что вы грабители. Так рассчитывали и дальше нападать на прохожих.

Вячеславу уже девятнадцать. Но объяснения его очень похожи на первые: не знали, не думали, больше не будем...

Стоит задуматься над ответами задержанных: я, мол, не знал законов, не знал, что это преступление. Конечно, можно поверить, что люди, ранее не встречавшиеся с законом, его не знают. Те, кто уже побывал на скамье подсудимых, отвечают цинично, но, по крайней мере, откровенно: не рассчитывали так скоро попасться...

Что же, значит, виновато недостаточное правовое воспитание граждан? Да так ли? Здесь ли берут начало конфликты некоторых граждан с законом? Здесь ли причина даже простого неумения вести себя в обществе? Думается, дело не в правовой осведомленности.

Речь ведь идет в первую очередь о морали, о человеческой нравственности. Человек должен жить, видя перед глазами не закон, а прекрасное. Такой человек не столкнется с законом, не вступит в противоречия с ним. И ему все равно, какая статья как и за что карает. Если подобные сведения понадобятся писателю для детективного сюжета, он заглянет в Уголовный кодекс, а так — на что они ему?

Кстати, мне довелось убедиться: знание закона не дает гарантии его соблюдения. Во время обыска мы нашли тетрадь, в которую неровным почерком были выписаны статьи Уголовного кодекса. Владелец тетради, в прошлом судимый, совершил новое преступление, прекрасно зная закон.

Мне думается, что в будущем — может быть, достаточно отдаленном — закон непременно перерастет в нормы этики. И именно поэтому мы должны повседневно заботиться об этическом и эстетическом воспитании человека, особенно молодого. Человек, который ценит свой труд, уважает общество, принимает активное участие в сложнейших процессах его развития, не предстанет перед следователем как нарушитель закона.

БЕСЕДА ВТОРАЯ: ОТКУДА БЕРУТСЯ «ГАСТРОЛЕРЫ»

В уголовном розыске день порой начинается с тревожного звонка, а порой — с присланного по почте заявления на клочке бумаги. Одно из таких заявлений стоит того, чтобы о нем поговорить здесь.

Гражданка заявила о пропаже из квартиры денег и других ценностей. Никаких следов постороннего чело-

века она дома не обнаружила. Двери, замки — все было в полном порядке. Пригласив потерпевшую в отдел, мы узнали, что в ночь перед пропажей у нее гостил родственник. Разумеется, мы не могли исключить его из числа проверяемых. Женщина задумалась: ей не хотелось причинять лишние волнения близкому человеку.

Беседа с родственником не внесла никакой ясности. Он утверждал, что о пропаже денег и вещей ровно ничего не знает. Не стану скрывать: я сомневался в искренности собеседника. Ведь никаких других версий не было. Так и хотелось сказать: «Сознаться все-таки придется». Но я сдержался.

А дело оставалось нераскрытым. И может быть, нам пришлось бы долго заниматься этой историей, если бы не письмо, полученное из следственного изолятора соседней республики: коллеги переслали нам протокол явки с повинной одного гражданина, который заявил, что, находясь в Риге, совершил квартирную кражу, чье описание отвечало данным нашей истории. Выехав туда, следователь уточнил подробности, так что сомнений не осталось: кражу совершил именно этот гражданин.

Тут можно было бы сказать о том, как важно пойти по дороге сомнений и поисков истины, удерживаясь от искушения встать на самый вроде бы легкий путь к завершению дела. Трудно было бы искупить ошибку, если бы мы стали с подозреваемым родственником потерпевшей обращаться как с виновным.

Но я хочу обратить внимание на другое: как это проезжий гастролер нашел себе приют в Риге? Объяснив случайным спутникам, что находится в командировке, он попросил разрешения пожить у них. Ему оказали гостеприимство. Это, конечно, делает честь хозяевам, но жаль, что они не сочли нужным поинтересоваться документами «инженера», техническая эрудиция которого не шла дальше отмычек. Ну как тут не сказать, что порой наша доверчивость переходит опасные границы!

Еще подобный пример. На Рижском вокзале к гражданке подошел коротко стриженный молодой человек и без долгих церемоний начал изъясняться в любви. Не стану спорить: любовь с первого взгляда бывает. Тем не менее подобные знакомства иногда кончаются печально. Так случилось и на этот раз. Молодой человек, только что освободившийся из мест лишения свободы, решил поправить свои денежные дела. Вскоре после скоропалительного знакомства он совершил кражу

из квартиры родственников «невесты» — похитил полторы тысячи рублей и скрылся. И пришлось девушке спешить не в загс, а в милицию. Правда, работники уголовного розыска быстро настигли незадачливого кавалера и изолировали его от общества. Как ни отрицал он свою вину, но пришлось ему отвечать перед судом. А в суде было сказано и о том, что одним из условий, способствовавших краже, явилось легкомыслие потерпевшей.

Хочется сказать еще и вот о чем. Кто же эти люди, с которыми приходится иметь дело органам общественного порядка? На каком этапе формирования личности проявились у них тенденции, чуждые нашему обществу? Не случайно почти каждый из них еще до совершеннолетия вступал в конфликт с нормами поведения в обществе. И приходится возвратиться к разговору о том трудном возрасте, когда контакты подростка с окружающим миром из-за стремления поскорее проникнуть во все «тайны» жизни становятся неразборчивыми и не находится никого, кто мог бы остановить его умным и чутким словом. Не надо забывать к тому же, что на учете в инспекциях по делам несовершеннолетних состоит относительно небольшое количество ребят, совершивших какие-то правонарушения. Большая же часть «неблагополучных» подростков находится под контролем коллективов учебных заведений и мест работы, и их товарищи могут гораздо оперативнее милиции заметить тревожные признаки в поведении подростка и пресечь их. Не пытаюсь уменьшить долю ответственности милиции, хочу напомнить, что именно воспитатели учебных заведений, руководители рабочих коллективов и представители общественности должны проявлять неослабное внимание к несовершеннолетним подросткам и особенно к неблагополучным семьям. Это будет самой лучшей гарантией эффективного снижения числа правонарушений.

БЕСЕДА ТРЕТЬЯ: НА ПОРОГЕ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ

Дверь кабинета приоткрыла пожилая женщина и взволнованно попросила разрешения войти. Она оказалась дворником в одном из новых жилых массивов Риги. А в уголовный розыск ее привела история, на первый взгляд не имевшая к милиции никакого отношения: подростки с ее двора убили кошку.

Нас этот визит, однако, не удивил. Доводы женщины были совершенно верны: ведь нельзя оставлять безнаказанным столь жестокий поступок. Мы не считаем, что все принимавшие участие в этой истории со временем станут преступниками. Но доказано, что почти все осужденные за тяжкие преступления против личности в детстве отличались жестоким отношением к животным.

Материал этот нами был направлен в комиссию по делам несовершеннолетних при Московском райисполкоме Риги. Хочется думать, что урок, полученный подростками на комиссии, запомнится им надолго.

Не секрет, что в инспекциях по делам несовершеннолетних или в кабинетах следователей нам приходится время от времени встречаться с несовершеннолетними правонарушителями. И я думаю, что в таких случаях самое важное — моральный аспект проблемы: снова и снова исследовать, откуда берутся эти молодые люди, как вырабатывается их отношение к окружающей жизни. Почему некоторым родителям как будто все равно, по какому пути пойдут их дети? Ведь когда несовершеннолетние оказываются на скамье подсудимых, немало укоров приходится адресовать родителям.

В одном из микрорайонов Московского района Риги работники милиции обратили внимание на подростков, допоздна шатавшихся по улицам и даже совершавших мелкие кражи. Их задержали, изъяли краденые вещи. Выяснилось, что ребята эти были из двух семей. Когда решили поговорить с их родителями, то старшие упорно защищали своих детей, отрицали их вину, вообще не видели в происходящем ничего серьезного. Ощущая такую поддержку родителей, сыновья не только не взялись за ум, но, наоборот, стали совершать новые кражи. Снова беседовали с родителями. И снова обида: слишком, мол, много внимания уделяют их детям, они ничем не хуже других... И вот пришлось привлечь обоих дружков к уголовной ответственности. Так они очутились в воспитательно-трудовой колонии для несовершеннолетних. Нетрудно понять: в этом случае огромная воспитательная роль семьи была сведена на нет, и в том, что подростки были лишены свободы, — главная вина их родителей.

В Риге однажды была задержана группа несовершеннолетних, совершившая несколько краж в школах. В процессе следствия выяснилось, что родители позволяли детям приходить домой поздно ночью. Появляв-

шиеся дома чужие вещи не вызывали у старших ни вопросов, ни беспокойства. Увы, такая же картина наблюдается в большинстве случаев, когда преступления совершены молодежью: родители лишь разводят руками — а что мы можем, они же нас не слушают?! Поражительная беспомощность, право же.

Дети не слушаются. Но только ли их вина в этом? Не расплата ли это за родительское нежелание и неумение принимать более непосредственное и глубокое участие в формировании личности своих детей, а то и просто за лень? Предоставленные самим себе, дети в переходном возрасте истолковывают самостоятельность каждый по-своему, и одни будут заниматься каким-то интересующим их делом, а другие окажутся на улице.

Встречаются порой и такие семьи, где в воспитании нуждаются сами родители. Эффективное влияние на таких людей могут оказать коллективы, администрация, общественные организации по месту их работы.

В одном из районов нашей республики проживают супруги Юрий и Евгения. Живут преспокойно. А их сын Анатолий уже в четырнадцать лет сменил адрес — оказался в специальном профтехучилище. Родители за два года даже не навестили сына.

В чем же провинился их сын? Стал употреблять спиртное, грубить учителям, а потом и вообще перестал посещать школу. Откуда такие наклонности? Ответить нетрудно: родители сами показывали не лучший пример. Достаточно сказать, что их не раз увольняли с работы за прогулы.

Бывают и более печальные случаи. В Талсинском районе, например. Пока увлеченная устройством собственной личной жизни мать меняла «женихов» и праздновала «свадьбы», двое ее сыновей с компанией друзей устраивали гулянки, завершавшиеся грабежами. Чем это кончилось, догадаться нетрудно: коллегией по уголовным делам Верховного суда республики братья Зигмарс и Эдмунд были осуждены на длительные сроки лишения свободы, понесли ответ по делу и другие соучастники. И, честное слово, жаль было, что на скамье подсудимых не сидели и родители молодых преступников.

Да разве только родители виноваты? Все окружающие проявили равнодушие. Нет, я, конечно, не за то, чтобы, заметив какое-то неблагополучие, все стали активно вмешиваться в жизнь молодежи. Дело это сложное,

и вместо пользы может принести немало вреда. Но должно быть главное, основное, без чего все педагогические и воспитательные приемы не окажут никакого воздействия: теплое и доверительное человеческое участие, желание и умение проявить его.

Ведь есть люди и организации, которым под силу не только проявить такое участие, но и заметить неблагополучие еще в самом начале и сделать все нужное, чтобы не дать ему развиться. Это и комиссии по делам несовершеннолетних при горрайисполкомах, и комиссии по работе с подростками и неблагополучными семьями при сельских и поселковых исполнительных комитетах, и работники органов народного образования, комитетов комсомола, профтехучилищ, средних специальных учебных заведений, отделов внутренних дел, культуры, представители женских советов, добровольных народных дружин, оперативных комсомольских отрядов...

Хочется, чтобы такое внимание и участие стало повседневным. Чтобы вовремя замечали приближение несчастья и помогали тому, кому оно грозит исковеркать жизнь, помогали вернуться на прямую дорогу.

Несчастье не кричит и не стучит —
За дверью притаится и молчит,
Глаза таращит сумрачно оно —
С недавних пор или давным-давно?
Оно придет, когда его не ждем;
Придет, не уступая нам ни в чем, —
И птицы замерзают на снегу,
И люди застывают на бегу...
Как обойти несчастье стороной?
Пересидеть за каменной стеной?
Напрасно все: его всеильна власть.
Одно спасенье:

духом не упасть.

Я ОБЯЗАТЕЛЬНО ДОЖДУСЬ ТЕБЯ...

Дело это у нас проходило над названием «Дело Графа». С того времени минуло несколько лет. Возвращаться к нему хотя бы в мыслях не было ни времени, ни повода, так что этот случай и участвовавших в нем людей я как бы предал забвению. Это неизбежный процесс: память предназначена хранить лишь самые яркие события, а все прочее попадает в ее архивы. Правда, в случае надобности мы можем туда обратиться, и воспоминания оживут.

Думаю, что я никогда не стал бы рыться в этом архиве ради «Дела Графа», однако порой наши действия определяются неожиданными обстоятельствами. Так случилось и на этот раз. Однажды в мой кабинет вошли два молодых человека, и я сразу же узнал их: это были Лига и Харис.

Посещению я искренне обрадовался. Когда Харис был осужден, я остался в твердой уверенности, что на скамье подсудимых он находится в последний раз в своей жизни. Нет, он вовсе не давал подобных обещаний, однако, чувствуя его отношение ко всему происшедшему, я верил, что в его жизни это была последняя ошибка. Потерянные годы — слишком дорогая плата за сомнительные удовольствия, в которых нет ни смысла, ни надобности.

Вместе мы рассматривали и свадебные фотографии Лиги и Хариса. Счастливые лица, наряды, цветы, фата... Разговаривали о том, что они сейчас делают, где живут, какие планы строят на будущее. А после их ухода «Дело Графа» воскресло в моей памяти, из прошлого возникли знакомые лица из маленького районного городка, где я начинал работать инспектором уголовного розыска...

Легкий ветерок раскачал вершины берез, спустился по сучьям и ускользнул за озеро. Харис и Лига сидели на берегу, а мысли их были далеко — путешествовали по дороге фантазии. В мыслях оба они находились в окружении родных и друзей, Лига была в длинном свадебном платье, на которое ниспадали складки фаты. И казалось — сегодня им принесли все цветы мира, и только им двоим предназначены все наилучшие слова...

— Лига, ты о чем думаешь?

— О том же... Так будет, так обязательно будет!

В глазах влюбленных светилась радость. Волосы Лиги переплелись с мягкой летней травой. Ветерок все еще нашептывал что-то березам, а Харис с Лигой ничего не видели, не слышали...

Перед отходом поезда на Ригу в зал ожидания вошел инспектор уголовного розыска Целмс. Он был в штатском, и у занятых своими делами людей не вызвал ни малейшего интереса. Усевшись неподалеку от кассы, он углубился в какой-то журнал. Никому и в голову не

пришло бы, что сейчас журнал занимал Целмса меньше всего. С места, где он устроился, помещение хорошо просматривалось, и инспектор мог незаметно оглядывать каждого входящего. Милиции еще не были известны точные приметы разыскиваемого преступника, однако опыт свидетельствовал: что-то — интуиция, быть может? — порой даже в таком случае помогает узнать преступника по каким-то, вроде бы и совершенно не бросающимся в глаза особенностям его поведения. Преступника постоянно преследует страх. Недаром говорят: от самого себя не убежишь. Каждый встречный кажется переодетым сыщиком, который может остановить, задержать, увести... Так что в любой миг надо быть готовым бежать. Бежать, бежать, бежать — чтобы в конце концов все же попасться. Потому что далеко ли можно убежать?..

Целмс терпеливо дождался ухода поезда. До следующего оставалось несколько часов, на станции никого не было, сидеть сейчас здесь значило терять зря время, а в отделе милиции его ждали и другие дела. Инспектор закрыл журнал и поднялся.

Прежде чем уйти, он все же предупредил дежурного по станции, что милиция разыскивает преступника. И на всякий случай оставил телефон, по которому можно было позвонить.

Дежурный выслушал инспектора с большим вниманием. Поинтересовался приметами и разочаровался, узнав, что приметы пока еще неизвестны. Целмс даже забеспокоился, не перестарался ли он, информируя дежурного: похоже, железнодорожник только и ждал удобного случая, чтобы пустить в дело свой никому пока не ведомый сыскной талант. Если он начнет теперь подозревать каждого пассажира, худо будет больше, чем добра.

Предчувствия не обманули Целмса. Вскоре после того, как он пришел в отдел милиции, станционный Мегрэ позвонил и взволнованно сообщил, что на вокзале только что появился подозрительный человек с объемистым чемоданом. Человек поинтересовался, когда отправляется ближайший поезд. На вопрос дежурного — в каком направлении поезд нужен, странный пассажир ответил, что это безразлично. Тогда дежурный потребовал предъявить документы. Незнакомец бросил чемодан и пустился наутек. Настичь его дежурный не сумел — тот как сквозь землю провалился.

Это были уже не шутки.

Целмс вместе с сослуживцами сел в машину и поспешил на станцию. Дежурный поджидал их с нетерпением. Вместе они обошли окрестности, проехали по улицам. Но исчезнувшего так и не нашли.

Пришлось обратиться к чемодану. В нем обнаружили новый костюм, меховой воротник от пальто, несколько платьев, парик, пару туфель и документы — прописанный в Вильнюсе паспорт и военный билет. Документы оказались подделанными.

Но самым важным были приметы преступника, сообщенные дежурным по станции. Преступника — потому что честный человек в такой обстановке вряд ли бросил бы свои вещи и кинулся бежать.

Оперативное совещание в уголовном розыске районного отдела милиции началось с обсуждения действий по раскрытию краж в магазинах. Все кражи были совершены с небольшими промежутками времени между ними и в малом радиусе. Это заставляло предположить, что кражи — дело рук одного или нескольких прибывших «гастролеров»: до начала этих событий подобных преступлений в городе не совершалось. Не исключалось, однако, что к кражам причастны и местные жители, так как чувствовалось, что воры неплохо ориентируются в районе. Предстояло проверить всех ранее судившихся за подобные дела.

Но самым интересным оказался брошенный на вокзале чемодан. Найденные в нем вещи оказались похищенными из комиссионного магазина. Не хватало только хрустальных ваз, тоже украденных. По словам дежурного, другого багажа, кроме чемодана, у незнакомца с собой не было. Значит, в городе у него действительно были свои люди.

Что можно было сделать сейчас? Усилить контроль за транспортом, систематически наблюдать за рынком, не выпускать из поля зрения гостиницу, ресторан, буфет, связаться с товарищами из соседнего района — на случай, если бы разыскиваемый человек появился у них. Послать срочный запрос в Вильнюс. Хотя документы были фальшивыми, но вильнюсская прописка могла оказаться и не случайной.

Оставшись после совещания один, начальник уголовного розыска капитан милиции Ругайс снова принялся

продумывать ход расследования. Что-то они не заметили, не предусмотрели, где-то совершили ошибку. Иначе «гастролер» уже сидел бы здесь, в кабинете, и давал показания. Конечно, на след они нападут, да, собственно, уже и напали: чемодан с вещами — реальная улика... Остался, можно сказать, пустячок: найти хозяина этого чемодана. Что же, приметы его есть, сегодня же их разошлют по всем районам...

В следственной и розыскной работе немало парадоксов. И один из них заключается в том, что нельзя чрезмерно спешить! Иначе обвинишь невиновного. Но нельзя и медлить. Найти и предать суду преступника нужно как можно скорее. Медлительность тут могут воспринять как неспособность государства оградить людей от преступлений.

Капитан Ругайс понимал, что магазинных воров надо найти побыстрее. Потому что вряд ли они остановятся на уже содеянном. От них можно ожидать еще не одной неприятности...

Харис и Лига готовились к свадьбе, до которой оставалось уже всего две недели. Дни пролетали словно на невидимых крыльях, потому что вдруг оказалось, что надо сделать еще невероятно много — достать, заказать, договориться, пригласить... Мать Лиги просила дочь еще подумать и, может быть, отложить свадьбу на какое-то время: ее беспокоили разговоры о том, что Харис стал слишком часто наведываться в ресторан. В маленьком городке ничто не остается незамеченным, поэтому матери Лиги было известно и то, что и дочь ее в последнее время все чаще видели в той же компании. Лигу, до сих пор испытывавшую к ресторанам лишь отвращение! Но уговоры не действовали. Надо полагать, мать приложила бы куда больше усилий, знай она, что до приезда в этот город Харис успел провести два года в местах лишения свободы. Однако Лига об этом решила промолчать. Девушка была уверена, что в той беде роль сыграло скорее стечение обстоятельств: Харису тогда не исполнилось еще и восемнадцати, и киоск он взломал скорее из любопытства: хватит ли смелости? Смелости хватило; однако вскоре после того пришла повестка с вызовом к следователю. Затем последовал суд и те два года, о которых Харису хотелось бы не вспоминать больше никогда.

Родители его жили в Риге. Отец был известным в республике художником, мать работала модельером в ателье. Намерению сына обзавестись семьей они противиться не стали, скорее наоборот: Лига сразу понравилась им, она выглядела спокойной и рассудительной и, как они полагали, могла в лучшую сторону повлиять на Хариса, ни спокойствием, ни рассудительностью не отличавшегося. По секрету мать сообщила сыну, что свадебным подарком с их стороны будет цветной телевизор. Обняв ее, он сказал в ответ:

— Не слишком ли дорого, мам? Телевизор мы уж как-нибудь купим и сами. Я бы лучше хотел что-нибудь из отцовских полотен...

При следующей встрече мать шепнула, что телевизор они все-таки подарят, но и картину тоже. Мама, милая мама...

Шли последние дни июля.

Кражи в магазинах все еще оставались нераскрытыми, хотя со времени последней из них прошло уже две недели. После того как незнакомец со станции скрылся, прекратились и кражи, и это заставляло предполагать, что он-то и был главным действующим лицом во всех этих преступлениях. Главным — или единственным? Ответить на это было трудно, пока личность исчезнувшего оставалась неустановленной.

Магазинное дело Ругайс держал в центре внимания. Обдумав все возможности розыска, он решил испытать еще одно направление: проверить почтовые операции, особо интересуясь перепиской с Вильнюсом. Не могло ли случиться, что если у вора есть сообщники в городе, то краденое они пересылают ему по почте? Выглядела такая версия не очень убедительно, но все-таки имела право на существование. А уж если возникает версия, то она в любом случае должна быть проверена — таков неписанный закон работников следствия и розыска.

Такая проверка потребует много времени и труда, гарантировать успех она не могла.

Однако результаты уже первых дней проверки заставили задуматься: за два последних месяца в Вильнюс было отправлено целых семь посылок — много для маленького города. Все они были на имя некоего Праниса Ланкутиса. Адресовались они на Вильнюсский

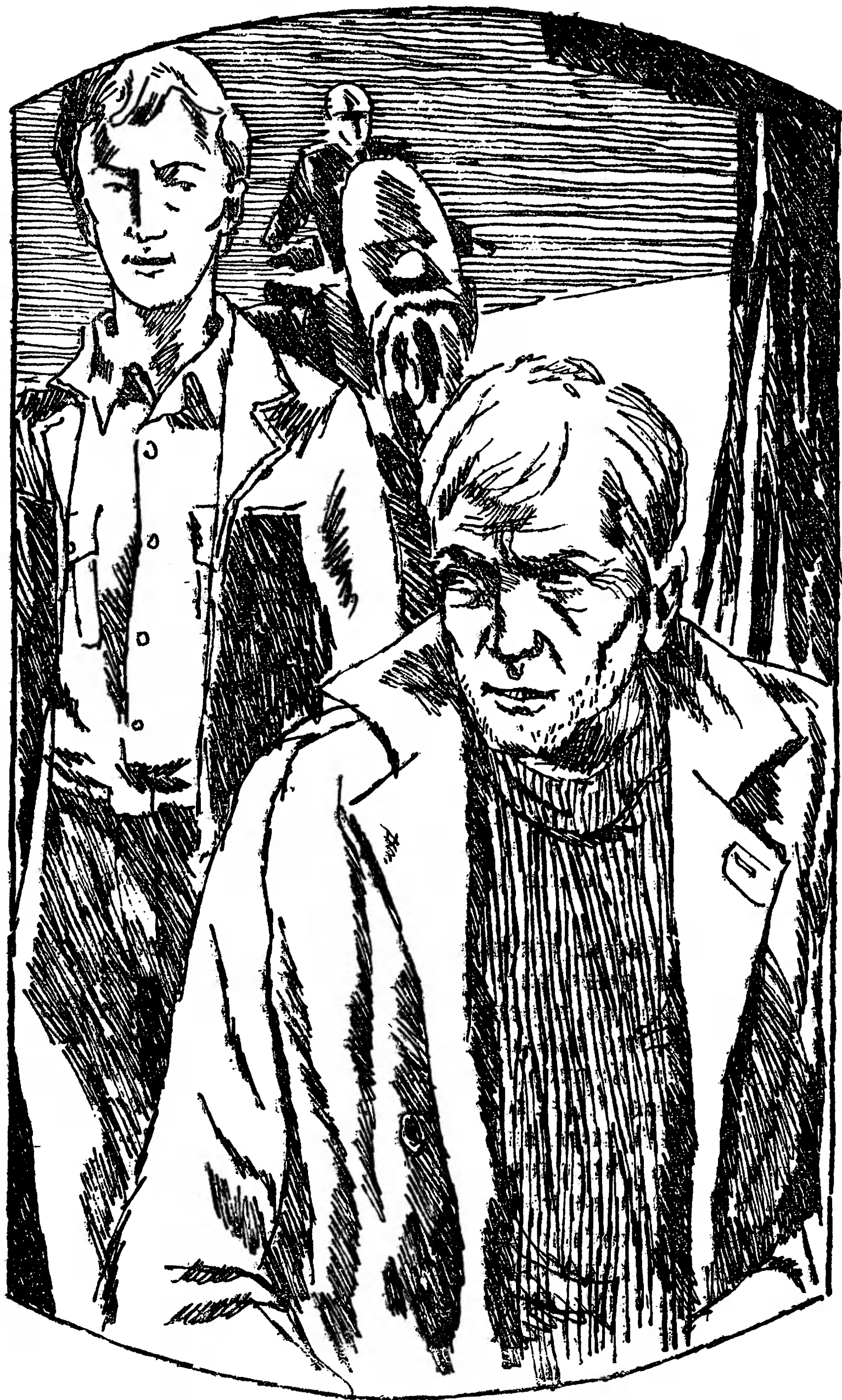
главпочтамт до востребования, что свидетельствовало о стремлении адресата принимать некоторые меры предосторожности. А отправителем посылок оказалась проживавшая на Парковой улице женщина по имени Хелга Раме. Участковый инспектор быстро собрал все необходимые сведения о ней: тридцати лет, незамужняя, работает официанткой в ресторане, любит хорошо одеться, дома у нее часто собираются веселые компании. Однако до сих пор Раме не была замечена ни в каких нарушениях закона.

Но это было еще не все. При проверке операций по денежным переводам удалось установить, что из Вильнюса, от того же самого Ланкутиса, Раме получила несколько денежных переводов общей суммой на полторы тысячи рублей. Переводы тоже высылались до востребования. Если предположить, что таким способом проводились расчеты за краденое, то выходило, что загадочный Пранис Ланкутис недурно зарабатывал, рассчитываясь с сообщниками: общая стоимость украденного значительно превышала полторы тысячи.

Было решено незамедлительно допросить Раме о ее связях с Вильнюсом. Однако оказалось, что официантка, взяв отпуск, уехала в Ригу — погостить у друзей.

К счастью, ее местопребывание в Риге удалось установить быстро.

Харис проснулся поздно. Вчера они с Лигой приехали к его родителям, проводившим лето на даче в Вецаки. Ужин затянулся, разговоры о предстоящей свадьбе (столько проблем!) перемежались осмотром картин. Дача показалась Лиге похожей на настоящий музей. Винтовая лестница вела на второй этаж, где помещалась мастерская художника. Все стены мастерской от пола до потолка были увешаны полотнами, среди которых Лиге больше всего пришлись по сердцу пейзажи и марины. На одном из полотен бескрайняя ледяная, заснеженная равнина сливалась вдалеке с мглистым небом, и казалось, что вот-вот на горизонте возникнет собачья упряжка и фигурки путешественников — настолько ярким было впечатление. На другой стене внимание девушки привлек портрет Рериха. Великий мастер задумчиво глядел с полотна, а позади, словно в почетном карауле, застыли окутанные фиолетовой дымкой горы. Но больше всего было все же своих, здеш-

них пейзажей: мост через Гаую, красные черепичные крыши города Талси, подножие горы Гайзиньш в пору, когда цветет черемуха...

Харис вспомнил, что на пляже их ждут Хелга с Эдвином. Идти очень не хотелось, однако ничего другого придумать было нельзя: Граф обещал исчезнуть сразу после того, как будет выполнено его последнее поручение, исчезнуть — и больше не напоминать о себе. А это было очень важно: буквально через день-другой, уже в субботу, они с Лигой станут мужем и женой. А Харис не желал допускать и мысли, что у Лиги по его вине смогут возникнуть какие-то неприятности. Ах, если бы все это оказалось лишь кошмарным бредом, если бы не существовало никакого Графа!..

Но это, к сожалению, не было бредом.

...Когда из воспитательно-трудовой колонии для несовершеннолетних Хариса перевели в исправительное учреждение для взрослых, вечером к нему подошли несколько местных «аристократов». Один сразу же потребовал поменяться с ним одеждой — отдать что получше и получить взамен похуже, другой заявил, что новичок вместо него с утра будет убирать помещение. Оказалось, что и койка его была уже занята, так что спать ему придется у двери, поближе к параше. Когда Харис попытался возразить, он получил такой удар под ложечку, что потемнело в глазах. Однако, падая, он успел заметить, как и его обидчик отлетел в угол: кто-то нанес ему неожиданный удар. Этот «кто-то» и был Граф.

Вскоре Харис убедился, что Граф пользовался авторитетом. Он имел уже третью судимость за кражи. Был из Вильнюса, но перед последним арестом жил в Риге и довольно бойко изъяснялся по-латышски. То, что он заступился за Хариса, сыграло свою роль; юношу оставили в покое. Однако чем дальше, тем лучше понимал он, что Граф поступил так не просто из сочувствия, но с намерением впоследствии, после освобождения, использовать Хариса на воле.

Поэтому, отбыв наказание, Харис уехал из Риги и поселился в отдаленном уголке Латвии. Тут он устроился на работу, решив забыть прошлое; здесь встретился с Лигой. Жизнь потекла спокойно.

Но однажды на улице его остановил Эдвин — парень, отбывавший срок вместе с Харисом. Эдвин передал

привет от Графа и напомнил, что шеф не любит, когда начинают валять дурака. По словам Эдвина, Граф советовал Харису почитать на досуге кое-какие книжки, хотя бы «Записки Серого Волка» Ахто Леви и «Калину красную» Шукшина, для того, чтобы понять, какая судьба может постигнуть и его самого, и Лигу. Записки Ахто Леви Харис читал, и расправа бандитов с Сирьи не исчезала из его памяти; «Калина красная» ему не попадалась, но достаточно было и фильма: картину он видел.

Почему он не пошел тогда в милицию и не рассказал обо всем сам? Боялся? Другого объяснения Харис найти не мог.

Они с Эдвином стали работать на одном комбинате, где тот был шофером грузовика, так что никого не удивляло, если их часто видели вместе. Эдвин заблаговременно подыскивал объекты для взлома — остальное было, как говорится, делом техники. Некоторое время работа шла как по маслу, однако две недели назад приехал сам Граф, чтобы лично участвовать в ограблении комиссионного магазина: там были товары, представлявшие для него особый интерес, — он коллекционировал хрусталь. Взлом прошел гладко, но, когда Граф уже собрался в обратный путь, к нему неожиданно привязался дежурный по станции. Потребовал документы. Пришлось бросить чемодан с вещами и дать тягу. Харис был свидетелем происшедшего: в тот момент он стоял снаружи, и уложенные в сумку хрустальные вазы еще находились у него в руках. Лишившись чемодана, вазы Граф потом все-таки увез с собой. Из города ему удалось выбраться незамеченным.

Но Хариса чем дальше, тем больше беспокоила мысль о том, что брошенный чемодан наведет милицию на след, а документы Графа, хотя и липовые, все же смогут указать правильный путь...

В Вильнюс направили инспекторов Целмса и Эглитиса. На месте им дали в помощь участкового инспектора. Пранис Ланкутис, по кличке Граф, был, как оказалось, хорошо знаком литовской милиции.

Все трое стали поджидать Ланкутиса в засаде. Прошел день, минула ночь — Граф не появлялся. Почуял опасность? Правда, соседи утверждали, что он часто и надолго исчезает из дома: по его словам, на его бес-

покойной работе приходилось то и дело выезжать в командировки. Решили ждать дальше.

На следующий день Ланкутис тоже не появился. Но когда наступила полночь, в двери осторожно повернулся ключ. В комнате стояла темнота. Вошедший включил свет — и тут же услышал приказание: «Не двигаться!» Инстинкт самосохранения сработал, рука сама собой скользнула в карман, однако в следующее мгновение оказавшийся на полу Граф понял, что сопротивление бесполезно. Из его кармана Целмс извлек заряженный пистолет. Для верности на Графа надели наручники. Тогда он решил изобразить возмущение:

— На каком основании врываетесь в чужую квартиру? Без прокурора я с вами и разговаривать не стану, не теряйте времени понапрасну.

— Об этом мы позаботились. Ознакомьтесь с санкцией прокурора на ваш арест и с постановлением об обыске квартиры.

При обыске обнаружили украденные из комиссионного магазина хрустальные вазы. Собственно, их даже не пришлось искать: они красовались на полках секции, словно в витрине. Хотя с точки зрения реализации хрусталь был не самым удобным товаром, страсть коллекционера на этот раз одержала верх над деловыми соображениями.

Тем не менее Ланкутис решил не сдаваться так просто. На допросе он отрицал все. О кражах ему ничего не известно, выдвинутые против него обвинения просто смехотворны, а следовательно лучше было бы заняться писанием фантастических рассказиков. Вещи? Ну и что же? Просто-напросто его знакомая Раме попросила его продать кое-что из ее имущества; в этом нет ничего преступного. Почему убежал от дежурного по станции? Тот выглядел немного не в себе, а от таких лучше держаться подальше. Документы. Нашел на улице и не успел сдать в стол находок. Пистолет? Он и сам удивлен, потому что купил его за поллитра у какого-то забулдыги, полагая, что это импортная зажигалка...

Вечером, когда пляж опустел, компания отправилась в Ригу. Обосновались в кафе «Кристина». Магнитофон проигрывал «Странный вечер» Раймонда Паулса. Харис с Лигой танцевали. Эдвин такого времяпрепровождения

дения не признавал, и они с Хелгой пили кофе с бальзамом. Эдвин, ухмыльнувшись, громко сказал Хелге:

— А здорово эти втюрились друг в друга! Прямо Ромео и Офелия!

Хелга промолчала. Объяснять Эдвину, что у Ромео с Офелией нет ничего общего, кроме разве их автора, вряд ли стоило: до утра он все равно забыл бы. Не хотелось Хелге продолжать этот разговор еще и потому, что Харис и Лига выглядели счастливыми и было завидно и грустно. Скоро их свадьба. И для них начнет-ся другая жизнь...

После кафе все четверо направились на улицу Аусекля, где жили родители Хариса. Сейчас они продолжали отдыхать на даче, так что квартира была пуста. Можно было продолжить вечеринку.

Но продолжить ее так, как им хотелось бы, не удалось. Не успели они войти, как в дверь позвонили, и работники милиции пригласили всех следовать за ними.

Так внезапно закончилось лето.

Следствие приближалось к концу. Ланкутис все еще заперся.

Для следователя признание — не главное доказательство вины, зато для виновного оно всегда является смягчающим вину обстоятельством.

Ругайс по-прежнему интересовался ходом следствия, хотя уголовный розыск свою работу уже выполнил: нашел виновных и передал их следственному отделу. Эдвин свою вину признал и глубоко раскаивался. Правда, раскаивался он и тогда, когда попал на скамью подсудимых впервые. Причиной всех несчастий, происходивших с ним, он считал постоянное отсутствие денег. Денег ему было нужно столько, чтобы всегда можно было себе позволить все, чего душа пожелает. А душа его желала, например, каждый вечер проводить в ресторане. Тут и зарплаты министра не хватило бы.

Хелга тяжело переживала отсутствие удобств, к которым она привыкла дома. Но все же ухитрялась прихорашиваться перед каждым допросом: как знать, может быть, и пригодится... Однако косметика не помогала, и каждая беседа со следователем кончалась слезами, так что по щекам Хелги стекали черные струйки.

Харис замкнулся в себе. И причиной тому было кру-

шение столь уже, казалось, близкой другой жизни. Чувствовалось, что он все понял и продумал. Он не отрицал всего, как Ланкутис, не давал, подобно Эдвину, обещаний стать в дальнейшем образцом поведения. И Хариса и самого Ругайса волновал вопрос: простит ли Лига? Она простила ему былую ошибку, но нельзя же отпускать грехи до бесконечности. И сколько можно ошибаться? Похоже было, что без Лиги Харис пропадет. И Ругайс решил поговорить с нею. Не уговаривать, а просто поговорить о том, что на этот раз послужило причиной падения Хариса.

Разговор этот все изменил. В день свидания Лига пришла к Харису и сказала ему то, что в тот миг было для него нужнее всего:

— Все будет хорошо, слышишь? Я буду тебя ждать. Приезжать в гости. Я все знаю. Я обязательно дождусь тебя, слышишь?

Когда начался суд, в зале были и Целмс с Ругайсом. Как ни странно, в зале суда изменилось и их отношение к Графу: он тоже отказался от позы человека, которому все позволено. Граф говорил о своем детстве, прошедшем без матери, о послевоенном голоде и бродяжничестве, от которого он не смог отвыкнуть и впоследствии. Может быть, конечно, это была всего лишь новая поза, поза страдальца, обиженного жизнью, и таким способом Граф хотел пробудить сочувствие в судьях?

Не без того, наверное. Однако была в его словах и правда...

АНОНИМНОЕ ПИСЬМО

Вряд ли найдется другая профессия, столь богатая неожиданностями, как уголовный розыск. Собственно, неожиданным является любое преступление. Иначе мы ведь его и не допустили бы. Опередили. Но предвидеть преступный замысел, зреющий в тайниках чужой души, можно далеко не всегда. А подчас и вообще обходится без замысла. Возникает непредвиденная конфликтная ситуация, человек не справляется с нею, и преступление становится ее печальным итогом. Чаше так случается с молодыми людьми, о которых в этих очерках сказано уже немало. И не только с ними.

Но неожиданными бывают не только преступления,

а порой и ключи к их раскрытию. И, однако, даже самые, казалось бы, непонятные преступления не остаются нераскрытыми и безнаказанными. Молодежь не всегда понимает это. Человек, колеблющийся у незримой границы, успокаивает себя: это других ловят, а не меня, меня не поймают, не догадаются. Потом, если раскрытие не приходит сразу, он смелеет. Но ведь не зря говорят, что сколько веревочке ни виться, а кончику быть... И какие бы хитроумные ходы ни применял преступник, конец будет один.

Чтобы проиллюстрировать это, хочу рассказать здесь об одном деле; хотя оно и не связано с молодежью, являющейся, так сказать, главным героем этих очерков, но на его примере можно, мне кажется, достаточно хорошо убедиться в изначальной безнадежности пути, на который вступает преступник независимо от его возраста и всех прочих обстоятельств.

Пусть простят меня участники следственно-розыскной группы за некоторые отступления от действительности, вызванные этическими соображениями. Документальный рассказ об этих событиях можно найти в судебных архивах и в комнате-музее службы криминалистики Министерства внутренних дел Латвийской ССР.

...В начале шестидесятых годов Хорсты купили домик на окраине Риги. Детей у них не было, и Паулина долго переживала это свое несчастье. Но жили они мирно, пока через два года после покупки дома, как раз накануне серебряной свадьбы, Екаб Хорст не собрал вдруг свои вещи и не ушел к другой женщине.

Только тогда Паулина вспомнила, что много лет назад ее муж встречался с какой-то Юстиной. Как далеко зашли их отношения и почему они в свое время расстались, Паулина никогда не спрашивала, хотя ей и приходилось слышать, что у Юстины есть сын, теперь уже взрослый, и что отцом его вроде является Екаб.

Паулина и раньше была сдержанной, а теперь совсем отгородилась от соседей. К себе никого не приглашала и сама ни к кому не ходила. Она не хотела ни сочувствия, ни советов, ни помощи. Никогда не умела делить с кем бы то ни было ни радость, ни горе.

Через три месяца к ней неожиданно пришла Юстина. Визит ее разбередил затянувшуюся было рану. Юстина оказалась женщиной неопределенного возраста; ей

можно было дать порой сорок, а порой и все шестьдесят — в зависимости от ее настроения, от того, насколько тщательно она следила за собой.

Сознавая, что посещение ее было достаточно неприятным для обеих, Юстина держалась скованно, и разговор получился непродолжительным. Паулина не предложила нежданной гостье ни раздеться, ни присесть. Лицо хозяйки оставалось неподвижным, хотя внутри все вскипело, когда она услышала певучие интонации гостьи:

— Не держите на меня зла. Никогда не хотела обездолжить вас, сына вырастила в одиночку, и Екаба к нам не заманивала. Но теперь, на старости лет, он сам решил, что обеспечены вы достаточно, у вас дом, пенсия, и мы хоть сейчас можем пожить друг для друга — сколько еще придется...

Она говорила торопливо, часто переводя дыхание. Каменное молчание Паулины тяготило ее.

— И теперь мы с ним решили оформить наши отношения. Хоть напоследок. На вещи, на сбережения он претендовать не собирается. Лишь бы вы дали ему развод...

Не удержавшись, она заплакала, и лишь тогда услышала ровный, невыразительный голос Паулины:

— Скажите Екабу, что я согласна на развод. Насильно я его никогда не держала. И не собираюсь.

Откуда было знать Юстине, каких сил стоили Паулине эти спокойные слова. Но бывшая жена Екаба не утратила способности держать себя в руках. Даже муж и тот никогда не знал всего, что творилось в ее душе, и в минуты ссор нередко именовав ее статуей.

Развели быстро. Правда, Паулина ожидала, что Екаб придет на суд один: прежде чем расстаться навеки, ей хотелось посидеть вдвоем с ним в каком-нибудь кафе в Старой Риге; немногими словами вспомнить былое. Но Екаб ни на секунду не расставался с Юстиной, словно боясь остаться с Паулиной наедине; наверное, боялся ее глаз, внимательных и усталых, боялся сожаления, какое могло бы шевельнуться в его душе: нелегко ведь отрубить и отбросить почти три десятка лет, прожитых вместе...

Только вернувшись из суда домой, Паулина поняла, что осталась на всю жизнь одна, — осталась одинокой, никому не нужной.

До боли остро ощутила она тишину пустых комнат, и домик на окраине Риги, о котором она столько лет мечтала, ради которого вместе с Екабом работала не покладая рук, внезапно показался ей враждебным, связавшим ее по рукам и ногам, повисшим на шее, словно гирия.

После этого Паулина еще больше замкнулась. Каждое утро она выходила из дому, чтобы принести из сарая дрова и сходить в магазин; там она здоровалась с соседями и продавцами кивком головы, не разжимая губ. По привычке она не пропускала служб в костеле. Но всегда прямым путем возвращалась домой и больше уже на улицу не выглядывала. К вечеру Паулина наглухо закрывала ставни — не столько из страха, сколько для того, чтобы оградить себя от случайных взглядов. Старательно, на замок и цепочку, запирала дверь и уже не впускала больше никого.

Но даже самый замкнутый человек не может вечно быть совершенно один, а для старой женщины это особенно мучительно. И постепенно Паулина принялась искать друга. Ей хотелось, чтобы и в ее пустых комнатах зазвучал человеческий голос, чтобы был на свете кто-то, кто мог бы понять ее, в случае болезни побыть рядом, вызвать врача, — человек, от которого не надо было бы таиться.

И мало-помалу такие отношения начали у нее складываться с соседкой, Эммой Круминьш. К тому же они не были совершенно чужими друг другу: Эмма приходилась Паулине дальней родственницей. Однако прежде не было никакой надобности вспоминать об этом. Но вот однажды утром Эмма заметила, что Паулина не появилась во дворе в урочный час, хотя раньше по ней можно было хоть будильник проверять. Она зашла к Паулине и узнала, что ту скрутил ревматизм. Эмма сразу же затопила плиту, заварила малиновый чай, сбегала в магазин за свежими булочками...

Дальше — больше, и вскоре она стала необходимой Паулине.

Шли годы, и обе женщины стали совсем неразлучными. И вот в один прекрасный день Паулина попросила Эмму пригласить нотариуса и, несмотря на все возражения соседки, составила завещание, по которому все имущество после ее смерти должна была наследовать эта милая, одинокая женщина. На протесты Эммы Паулина ответила кратко:

— Не спорь. Больше у меня никого нет, а с собой старики ничего не берут.

В тот вечер Эмма засиделась у Паулины допоздна. Вместе разглядывали старые фотографии, вспоминали прожитые годы. Словно расставаясь навсегда.

Рассматривая пожелтевший от времени снимок, на котором были изображены две молодые женщины, Паулина заметно взволновалась.

— Мои двоюродные сестры, близнецы. — Она глубоко вздохнула, помолчала и лишь затем тихо продолжала: — Страшная судьба. Всю жизнь старались вылезти из нужды, работали без выходных и праздников, одна была портнихой, другая — шляпочницей... А пять лет назад их убили. Обеих.

— Какой ужас! — прошептала Эмма.

— Да. Хоть жили они порознь, а смерть приняли одинаковую. За что? Ведь и мухи на своем веку не обидели!

— Кто же их?..

Паулина пожала плечами.

— До сих пор не нашли. У них почти ничего и не пропало. А в комнатах все было перевернуто — словно что-то искали. Нашли, не нашли — не знаю.

На следующий день, заметив, что ставни домика Паулины еще не открыты, дворничиха отворила их сама и постучала в окно. Обождала минуту-другую, но в доме по-прежнему царила тишина. Тогда, поднявшись на крыльцо, она позвонила; изнутри донеслось тонкое дребезжание. Однако никто не спешил отворить дверь. Дворничиха подергала ручку, постучала в дверь, но безрезультатно.

«Видно, поздно легла вчера», — подумала она и снова подошла к окну. Когда она всмотрелась повнимательнее, ей показалось, что Паулина лежит в постели как-то странно. Дворничиху внезапно охватил страх. Она бросилась к Эмме. Потом позвонила из автомата в милицию.

Через несколько минут подъехал участковый милиционер. Он распорядился взломать дверь. Шофер муниципальной машины немного повозился с замком, и дверь распахнулась. Участковый вошел первым и увидел в постели Паулину, залитую кровью.

Быстро выйдя на крыльцо, он попросил обеих перепуганных женщин не входить в дом и вызвал оперативную группу.

Через полчаса Эмма, заливаясь слезами, уже рассказывала, что была самым близким, единственным другом Паулины, только вчера провела у нее весь вечер, рассматривая фотографии, а кроме того, что только вчера Паулина составила завещание, в котором сделала ее своей наследницей.

В оперативную группу входили инспектор уголовного розыска Целмс, следователь прокуратуры Эвартс, судебно-медицинский эксперт Вилсоне и эксперт-криминалист Смилга.

Поговорив с Эммой, Эвартс попросил ее посидеть на скамейке возле дома и никуда не отлучаться.

— Господи! — едва слышно пробормотала женщина. — Неужели вы подозреваете меня!

— Нет, я вас ни в чем не подозреваю. Но вы самый важный свидетель, а нам нужна каждая мелочь. Вот посидите спокойно и попытайтесь припомнить все как можно подробнее, — успокоил следователь.

— Но меня уже два раза допрашивали...

Тем временем Смилга сделал необходимые фотографии, и вся группа перешла в комнаты. Там царили чистота и порядок, говорившие о педантичной аккуратности старой хозяйки. А в постели лежала убитая женщина.

На первый взгляд все было ясно: женщину убили топором, который валялся сейчас подле печки. Рядом лежала мокрая тряпка, которой убийца, видимо, вытирал руки или обувь, прежде чем выйти из дому.

Судмедэксперт Вилсоне подошла к Целмсу и Эвартсу.

— Заключение экспертизы получите сегодня же, но и так видно, что смерть насильственная. Признаки борьбы отсутствуют. Видимо, потерпевшую убили, когда она спала.

Эмма Круминыш сидела в кабинете следователя, и ее все больше охватывал невыразимый страх. Глядя на нее, Эвартс точно в книге читал все ее переживания. Она вряд ли умела таить свои чувства. Только уж слишком она перепугалась... Обдумывая план ведения допроса, следователь никак не мог отрешиться от мысли о завещании: как-никак, а убили Паулину именно после того, как она его составила.

— В общем и целом ваши отношения с покойной

мне понятны, — сказал он, как бы стараясь подытожить все то, о чем они говорили уже не один раз. — Вы — соседки, обе — одинокие женщины, Хорст часто болела, и ваше присутствие было ей необходимо. К тому же вы еще и приходитесь ей родственницей. Наверное, она хоть иногда делилась с вами своими мыслями, переживаниями, воспоминаниями. Так вот, постарайтесь вспомнить: не боялась ли она кого-нибудь? Записывать я пока ничего не буду, так что не опасайтесь доставить кому-то лишнюю неприятность. Если у вас появятся вопросы ко мне — спрашивайте: может быть, вдвоем нам будет легче понять, кому понадобилось, чтобы эта старая женщина умерла.

Эти слова приободрили Эмму. Она взглянула в глаза молодого человека, словно стремясь прочесть его мысли.

— Я ведь все уже рассказала вашим. Они записали.

— Я читал. Но хотелось бы услышать все еще более подробно.

— Врагов у Паулины не было. И никто никогда ей не угрожал. Она и с людьми-то не встречалась... Правда, ушел от нее муж; но с тех пор он тут не появлялся, не писал даже. Было время — Паулина узнала, что они с Юстиной теснятся в маленькой комнатенке, и предложила ему часть дома. Но Екаб отказался. А я совсем не хотела, чтобы она завещала все мне, я как сердцем чуяла, отговаривала ее. Но характер у нее был упрямый... Вчера вечером, когда мы рассматривали старые фотографии, она мне показала и еще кое-что. Шкатулку. Там были ее документы, а кроме них — деньги, четыре тысячи рублей, золотая цепочка с крестиком, браслет и еще два золотых колечка. О браслете она сказала, что это очень дорогая вещь: с бриллиантами...

— Вы не спросили, откуда у нее такие ценности?

— Спрашивала. Она сказала, что это фамильные драгоценности.

— Где хранилась шкатулка? Как выглядела?

— Такая старинная. Резная, черного цвета.

— Где же она хранилась?

— Где была раньше — не знаю. Но вчера вечером Паулина попросила, чтобы я взяла ее к себе. Она у меня сейчас...

И Эмма заплакала, опустив голову.

Эвартс задумчиво покачал головой. Да, интересно

получается... Значит, Паулина все же боялась чего-то определенного, если отдала шкатулку на хранение? Или Эмма сама взяла ее — после убийства?

Он записал показания, дал свидетельнице расписаться. Надо бы, конечно, изъять эту шкатулку с драгоценностями в интересах следствия. Только как это сделать, чтобы совсем не вогнать в панику уже и так донельзя перепуганную женщину? Ведь если именно за шкатулкой охотился преступник, он может и еще раз навеститься. А о том, что драгоценности находятся теперь у Эммы, нетрудно догадаться человеку, который знал образ жизни Паулины и не нашел ничего в ее доме.

Так Эвартс и сказал Эмме, и она сразу же согласилась передать шкатулку.

Когда шкатулка находилась уже в сейфе Эвартса, он позвонил в уголовный розыск Целмсу. Услышав в трубке знакомый голос, спросил:

— Что нового? Ах есть кое-что? Заходи, буду рад.

Целмс появился у следователя минут через двадцать. Они были давними друзьями, вместе кончали юридический факультет и обычно понимали друг друга без лишних слов.

— Что же за новости у тебя?

— Нашли еще одного свидетеля. Он ночью, часа в два, видел свет, пробивавшийся сквозь щели в ставнях дома Паулины.

— Интересно. Она вечерами, как все утверждают, никого не впускала. Для кого же было исключение?

— А во сколько ушла Круминьш?

— Эмма? Намного раньше. Правда, у нее свой ключ. И она не помнит, закрывала ли за ней дверь хозяйка, или она, уходя, заперла снаружи сама.

— Утром дверь была заперта. Это уж точно не хозяйка...

— Ее ключей мы не нашли. Значит, преступник запер за собой.

— Почему все-таки она так заспешила с завещанием? А что ты сам думаешь об этой Эмме Круминьш? Не могло быть так, что она ушла, а потом опять пришла? Шкатулка соблазнила... Что ты об этом думаешь?

Эвартс пожал плечами. Эмма производила впечатление человека искреннего, но отбрасывать версию о ее участии в убийстве было бы преждевременно. Разве не мог у нее оказаться соучастник, которого она ипустила

к Паулине Хорст? Шкатулка ведь все же оказалась у нее. Была она перенесена до убийства или после?

— Может быть, задержать ее? — спросил Целмс. — До выяснения всех обстоятельств?

— По какому праву? Только потому, что мы бродим в потемках? Доказательств-то нет... Давай лучше еще поработаем в направлении Екаба, Хорста, бывшего мужа. Он-то о шкатулке знал, это ясно. И его Паулина, пожалуй, впустила бы в дом даже среди ночи.

Проверка алиби бывшего мужа Паулины Хорст показала, что он, работавший ночным сторожем в одном из институтов Риги, в ночь убийства находился на дежурстве. Смерть Паулины он перенес тяжело, даже слег. На допросе Екаб сказал, что большая часть вины в случившемся лежит на нем: останься он с Паулиной, ничего такого не могло бы произойти.

Правда, алиби его было не совсем прочным. Ночью он вполне мог отлучиться из института на несколько часов — не было ни одного свидетеля, кто подтвердил бы, что Хорст и на самом деле всю ночь безотлучно провел на посту. Но не было и никаких поводов утверждать, что ночью он куда-то уходил.

Эвартс спросил его: откуда взялись у Паулины драгоценности и почему он при разводе не претендовал хотя бы на какую-то их часть? Хорст ответил, что вещи эти принадлежали лично Паулине, они не были нажиты совместно и претендовать на них он не мог. Оказалось, что раньше драгоценностей было больше, кое-что пришлось продать, чтобы купить домик. Поэтому Екаб считал, что не имеет права даже на половину дома.

Следствие зашло в тупик: людей, которых можно подозревать в убийстве, двое, но доказательств их вины не было. Что делать? Искать новые доказательства? Где? Или искать третьего?

И тут на имя прокурора пришло анонимное письмо.

Письмо было составлено из вырезанных с печатного текста и наклеенных на бумагу слов. Оно гласило:

«Товарищ прокурор! Хочу обратить ваше внимание на серьезные упущения следствия по делу об убийстве Паулины Хорст. У меня имеются достоверные данные того, что убийство совершил ее бывший муж, отлучившись с дежурства в институте. Надеюсь, что вы примете это к сведению и преступник не останется безнаказанным».

Часть наклеенных слов вырезана целиком, часть составлена из отдельных букв. Письмо было на русском языке.

Прокурор Калныньш вызвал к себе Эвартса и Целмса, ознакомил их с письмом и спросил:

— Может, передадим дело следователю по особо важным делам? Даже посторонние стали упрекать...

— Как знать, не исключено, что мы начали выходить на преступника и он решил отвести от себя подозрения заблаговременно? — предположил Целмс.

— Да и материалов мы уже собрали немало, — поддержал его Эвартс.

— Ну, какие там материалы? — не согласился прокурор. — Ничем не подкрепленные версии. Либо Хорст, либо Эмма Круминьш, так?

— Не совсем. Мы тут проанализировали дела прошлых лет по убийствам, в частности дела об убийстве двоюродных сестер Паулины. И обнаружили интересные совпадения.

— Да, — подтвердил Целмс. — За последние годы это третье убийство, совершенное таким образом, после тех двух. Все потерпевшие — одинокие женщины преклонного возраста, все родственницы, во всех квартирах что-то искали. А что касается письма, то автор его, похоже, заинтересован в усилении нашего внимания к Екабу Хорсту.

— К сожалению, серьезных доводов у вас нет. Но все же лучше, чем ничего, — смягчился прокурор. — Письмо придется подвергнуть лингвистической экспертизе: стиль, акцент, направление мыслей, построение фразы. И каждое утро докладывайте мне о ходе следствия.

Эвартс и Целмс вышли от прокурора.

— Ты попроси ребят проверить письмо на отпечатки пальцев, а я пойду на переговоры к корифеям филологического факультета, — сказал другу Целмс.

Криминалистическая экспертиза обнаружила на анонимном письме отпечатки пальцев, годные для идентификации. Лингвистическая выдвинула предположение, что в тексте чувствуется латышская конструкция фразы; стилистика же письма свидетельствует о возможных юридических познаниях автора. Судя по шрифту и некоторым другим признакам, слова и буквы были вырезаны из журнала «Человек и закон».

Сообщив эти сведения прокурору, Целмс и Эвартс получили задание дополнительно проверить все род-

ственные и иные связи потерпевшей, алиби тех людей, кого она могла знать, сведения об их прошлом, в первую очередь о судимостях, а также о профессии и образе жизни.

Изучив вновь полученные сведения, Целмс и Эвартс больше всего заинтересовались неким Гринбергом. В годы буржуазной Латвии он служил в полиции, во время оккупации сотрудничал с нацистами. В Ригу вернулся, отбыв около десяти лет в местах лишения свободы, и теперь работал столяром в домоуправлении. Характеристика с места его работы была весьма положительной: не пьет, усерден, добросовестен...

Однако показалось любопытным, что, женившись две недели назад на женщине — иностранной подданной, Гринберг готовился теперь выехать за границу. Для этого он снял со сберкнижки десять тысяч рублей. Сумма более чем солидная для простого сторожа домоуправления. Пусть даже непьющего.

Гринберга необходимо было проверить в срочном порядке.

Встреча со следователем и инспектором уголовного розыска его явно не обрадовала. От приглашения сесть в машину он попытался отговориться срочной работой, пообещав заехать через час.

— Наша работа тоже не ждет, — отверг его предложение Эвартс.

В машине он внимательно наблюдал за пассажиром, зная по опыту, что кое-кто из задержанных любит в такой ситуации симулировать припадки и приступы, рассчитывая попасть в больницу. Оттуда убежать не так уж трудно.

Но Гринберг сидел неподвижно. Лицо его словно осунулось. Он молчал, только губы шевелились, словно бы повторял про себя слова предстоящих показаний.

Для Эвартса и Целмса этот допрос был тоже очень важен. Если им не удастся ничего выяснить у Гринберга, дело придется передать в прокуратуру республики. Поэтому они заранее решили начать сразу интенсивный допрос, добиваясь четкого ответа на каждый вопрос. Допрос записывался на магнитофон и одновременно протоколировался.

Вопросы как бы наступали на Гринберга.

Фамилия. Имя. Отчество. Год и место рождения. Национальность. Образование — высшее юридическое, в 1939 году окончил факультет правоведения в Рижском

университете. Беспартийный. Служил в полиции. Судим в 1946 году. Лишен свободы на пятнадцать лет. Работает столяром. Женат. Брак зарегистрирован в апреле этого года...

— Кто еще из ваших родственников проживает в Латвии?

— Не знаю. Родители умерли, пока я отбывал наказание, а более дальние родственники мною не очень-то интересовались. Вернувшись, я тоже не пошел к ним на поклон. Да и биография моя могла им помешать...

— Следствием установлено, что вы являетесь родственником убитых Паулины Хорст и ее двоюродных сестер. Хорст знала о вашем возвращении и опасалась встречи с вами. Объясните: чем это могло быть вызвано?

— Родственники мы дальние... Хорст оставалась мне должна. Когда я вернулся в Ригу, то попытался получить с нее долг. Но она со мной и разговаривать не стала. Недавно вот узнал, что она убита. А вы не скажете, не осталось ли после нее завещания? Может быть, она хоть в нем оставила мне что-нибудь в возмещение долга?

— Каков был размер долга?

— Трудно сказать, трудно... Это были семейные драгоценности, а на них цены поднимаются. Тысяч десять, наверное, стоят, не меньше.

— Отпечатки пальцев на анонимном письме, полученном прокуратурой, идентичны вашим, снятым еще при прошлой судимости. Это подтверждено заключением экспертизы. Что заставило вас написать это письмо?

Гринберг угрюмо молчал.

— Почему вы пытались направить следствие по ложному пути? Молчание еще больше осложнит ваше положение, вы, как бывший юрист, должны это понимать.

— А где сказано, что это ложный путь? Вы уверены? А я вот уверен в обратном. Потому и написал письмо. Мало ему было того, что он Паулину бросил, так он еще и убил! А меня подозревать нелепо. Через считанные дни мы с женой уедем, и не будет мне никакого дела ни до убийства ни до драгоценностей. Она, наверное, давно уже продала их... Конечно, для вас важно найти преступника, только я тут при чем? Разве я за свои грехи не расплатился полностью? Неужели чуть что — снова будете вешать на меня всех собак? Нельзя же так...

— Когда вы были в последний раз дома у Хорст и у ее двоюродных сестер?

— У Хорст? Да лет десять назад, когда освободился. Потом они переехали, разыскивать их я не стал. А у сестер ее вообще ни разу не был. Даже адреса их и то не знал.

— Значит, по поводу убийств ничего пояснить не можете?

— Абсолютно...

Магнитофонную запись этого допроса прослушали в кабинете прокурора. Калныньш неудовлетворенно покачивал головой.

— Ну что? Надеетесь разобраться сами? Или все же передадим дело? — спросил он. — Ведь против Гринберга, кроме этой самой анонимки, у вас ничего нет.

— Сами разберемся, — уверенно сказал Эвартс. — Дайте только санкцию на обыск. Надо осмотреть не только его дом, но и мастерскую.

Осматривали тщательно. И все же обыск квартиры Гринберга ничего не дал. Правда, у него нашли журналы «Человек и закон» — комплекты за несколько лет. Но экземпляров, из которых были вырезаны слова для анонимного письма, среди них не оказалось. Пропали? Или не были доставлены?

Гринберг пожал плечами. Куда девались недостающие журналы, он не помнил.

Обыскали мастерскую. Журналов не нашли и там. Зато обнаружили флакончик с клеем. А в печке — кучу пепла от сгоревшей бумаги.

— Что-то вы отапливались не по сезону, — сказал Целмс, осторожно вынимая пепел.

Гринберг промолчал.

Вскоре экспертиза установила, что в печке сгорели именно те номера журнала «Человек и закон», из которых вырезали слова для анонимного письма. И наклеены они были именно тем клеем, который изъяли при обыске в мастерской.

Авторство анонимного письма было установлено неопровержимо.

Однако отправить анонимное письмо — еще не значит убить. И хотя внутренняя уверенность в том, что

Гринберг виновен, теперь была и у Эвартса и у Целмса, направить ее в суд было нельзя. Нужны доказательства.

И они нашлись. В печке сгорели, чтобы затем восстать из пепла, не только журналы, но и кожаные перчатки, которые были на Гринберге в ту ночь. Перчатки сгорели не до конца. На них удалось различить следы крови.

Допросы подозреваемого превратились в настоящий поединок.

Однако последним ударом, которого Гринберг не смог уже перенести, оказались не перчатки. И вообще не какое-либо из доказательств.

Он не выдержал, когда Эвартс сообщил ему, что той самой шкатулки с драгоценностями, ради которой Гринберг совершил вот уже третье убийство, в ту ночь в доме Паулины Хорст не было. Что за считанные часы до визита родственника старая женщина, словно движимая предчувствием, отдала ее на хранение Эмме Круминьш. И значит, он, Гринберг, снова, в который уже раз, убил не ту жертву...

На глазах следователя представительный мужчина интеллигентного облика превратился в старика с потухшими глазами и болезненно скривившимся лицом.

После этого он перестал отрицать...

ТРИ ВСТРЕЧИ

Милицейская повседневность заполнена вовсе не одними только уголовными происшествиями. Куда больше конфликтных ситуаций. Тут и несчастные случаи, и горькие разочарования, и многое другое. Все это, казалось бы, не входит в компетенцию милиции. Однако со своими бедами люди чаще всего обращаются именно к нам. И только в редких случаях работники милиции отклоняют такие обращения. Но и тогда человеку объясняют, почему милиция не вправе вмешаться в его дело, и советуют говорить с теми, кто действительно может в этом случае помочь.

За время службы мне пришлось выслушивать сотни посетителей, выезжать на места бесчисленных происшествий. Из этого множества три случая сохранились в памяти ярче всех остальных.

Ночное дежурство проходило сравнительно спокойно. Вызовы кончились, часы показывали уже за полночь. Можно было и отдохнуть. Я стал читать книгу, но тут дверь открылась и в комнату вошла пожилая женщина. По облику посетительницы сразу можно было сказать, что пришла она не с добрыми вестями.

Назвав себя, женщина принялась рыться в сумочке в поисках документа. Однако я сказал ей, что предъявлять паспорт нет необходимости: я знал ее по афишам камерных концертов. Женщина была бледна, и руки ее дрожали так, что поданную мною воду она почти всю расплескала. Немного придя в себя, она заговорила; при этом меня не оставляло впечатление, что меня она вообще и не замечает и говорит сама с собой:

— Он убит, несомненно, убит... Бандиты убили, а милиция сидит и почитывает книжки. Негодяи...

После этого ей стало настолько плохо, что пришлось вызвать «Скорую помощь». Лишь когда посетительница заговорила снова, я смог наконец понять, что исчез ее сын. Ночь, а его все нет, хотя всегда он приходит домой вовремя. Значит, случилась беда. Никакой другой причины она не могла найти.

У женщины оказалась с собой фотография сына, парня лет двадцати, кудрявого, с бородой. Борода, по словам матери, была рыжеватой; при ходьбе юноша заметно прихрамывал.

Женщину отвезли домой, объявили розыск пропавшего. Я сел в патрульную машину; объездили все закоулки, но безрезультатно. А утром женщина позвонила, чтобы отозвать свое заявление: сын только что вернулся домой. Наверное, ей было неудобно за напрасное, как она сказала, беспокойство, и положила трубку не сразу. Я не удержался, и то, что она рассказывала, записал для памяти.

«— Все-таки пойдешь? — спросила мать, и в голосе ее слышалась горечь.

— Надо пойти. Отец, как-никак. И пятьдесят лет исполняется только однажды.

— Разве тебя там ждут? У него другая семья. Все будут для тебя чужими...

— Я к отцу иду, а не к чужим, как ты не понимаешь? Да все будет хорошо, не волнуйся. Куплю пода-

рок, ребятишкам — что-нибудь сладкое... Оттуда позво-ню, чтобы не беспокоилась».

Больше мать не возражала. Хоть беспокойство и не оставляло ее, запретить сыну пойти к отцу на день рождения она не могла. Может быть, она и не волновалась бы так, если не огорчавшая ее мысль, что сын шел не-прошеным.

Ритварс ушел. Глядя в окно, мать смахнула слезы и еще долго не отходила от окна.

...Несчастья преследовали Ритварса с самого детства. Сперва полиомиелит, после которого он остался хромым. Вскоре после этого у мальчика начались эпилеп-тические припадки и невыносимые головные боли. Отец в то время работал в газете, и болезни сына мешали его творчеству. Он начал пить, оставил семью, потом женился вторично и с тех пор сюда заглядывал лишь изредка. Но Ритварс всегда радовался его приходу. Для него отец оставался родным и близким. Подра-стая, мальчик даже в разговоре стал пользоваться те-ми же выражениями, что и отец.

Вскоре отец перестал приходить совсем: новая семья возражала. И все же, когда Ритварс получал паспорт, выбрал его фамилию.

...Ритварс бегал по этажам универмага. Везде были очереди; он завернул в писчебумажный отдел и купил красивый комплект авторучек. Чем не подарок для жур-налиста? На первом этаже, в гастрономе, в продаже были апельсины. Для ребятишек ничего лучшего не при-думаешь. Он простоял почти час, но, когда перед ним оставались каких-нибудь два человека, продавщица объ-явила, что апельсины кончились. Люди разбрелись, а Ритварс все стоял как пригвожденный. Ноги не хотели повиноваться, и сама собой вырвалась просьба:

— Ну, может, еще найдется — хоть парочка...

Продавщица, наверное, поняла по его глазам, что это случай особый, и пожертвовала двумя апельсинами из отложенных для себя. Ритварс не знал, как и благо-дарить; два ароматных апельсина сейчас казались ему самым ценным сокровищем в мире.

Снег падал большими хлопьями, сучья деревьев, уб-ранные белым, стыли в торжественном покое. Гудели трамвайные рельсы. На Югле Ритварс пересел в авто-бус; вскоре за мостом показались первые дома посел-ка. Был сумеречный час, когда день еще не кончился, но уже чувствуется приближение вечера. Пока Ритварс

шел по Видземской аллее, в окнах понемногу зажигались огни. И чем ближе подходил он к отцовскому дому, тем труднее становилось ему идти. Почему? Может быть, причиной было то, что еще издали он заметил входивших в калитку людей. В руках они несли цветы. А он о цветах забыл... Вот подкатила «Волга», из нее вышли элегантная женщина и мужчина. А может, повернуться и уехать домой?

Уже совсем стемнело, а Ритварс все еще не мог собраться с духом и войти в калитку. Наконец он все-таки решился и, хромая, пересек небольшой дворик. Когда он нажал на кнопку звонка, ему показалось, что по пальцам пробежал ток. Внутри раздались тихие, мелодичные звуки. Приблизились шаги. Хоть бы это оказался отец!

Но на Ритварса глянула женщина в нарядном платье.

— Ты к отцу? Не обижайся, но приезжай лучше в другой раз. Сегодня у нас гости. Ладно?

Дверь затворилась, когда Ритварс еще не успел вымолвить ни слова. Ему захотелось сесть и посидеть тут, на крылечке, но ноги сами несли прочь. Все же он повернул обратно и положил на крыльцо коробочку с авто-ручками и апельсины.

Незаметно для себя дошел он до Видземского шоссе. Мимо проносились машины, но он не пытался остановить ни одну. Не стал и ждать автобуса. Спешить было некуда.

Домой он явился только к утру. Беззвучно отпер дверь и как был, не раздеваясь, упал на кровать. Не оставалось сил даже, чтобы заплакать. Все рухнуло, все казалось потерявшим всякий смысл.

Вошла мать. Она почувствовала, что спрашивать ни о чем не надо. Перед тем как обратиться в милицию, она звонила в тот дом, и отец ответил, что Ритварс не появлялся, и положил трубку. А она все ждала и ждала...

РАСПЛАТА

Эту встречу я вспоминаю особенно часто. Может быть, потому, что положение Регины было настолько безнадежным — даже не стоило искать слов утешения. В моем кабинете рыдала женщина, я же мог сказать лишь одно: помочь ей не сумеет никто...

В почтовом ящике было письмо. Предчувствие подсказало Регине, что сегодня в конверте окажется долгожданное известие о сыне, от которого она отказалась два года назад, а теперь пыталась отыскать любой ценой. Однако куда бы она ни ездила, куда бы ни писала, ответы неизменно носили неопределенный характер. Почему никто не хотел понять, что в тот раз она сделала ошибку? И что ошибка эта научила ее многому...

Тогда — два года назад — все запуталось в такой клубок, все обрушилось на нее так неожиданно, что события происходили вроде бы сами по себе, без ее участия, и Регина потом вспоминала их словно сквозь туман, как нереальный кошмар.

Юриса призвали в армию. Оттуда он написал, что не верит Регине и что отец ребенка наверняка не он, а кто-нибудь другой. На ее письма он перестал отвечать. Между тем пришло время родить. Отец с матерью были категорически против: такого позора они не потерпят, не желают, чтобы потом на них показывали пальцем. А потому — после родов пусть дочь ищет себе другое пристанище, и чем дальше отсюда, тем лучше. Регина мучилась в нерешительности, в ней пробуждался материнский инстинкт, ей хотелось наперекор всему видеть своего ребенка, заботиться о нем и оберегать от всего того, что обрушилось сейчас на ее плечи. Воспитать его счастливым! А там родители и сами поймут, насколько были несправедливы. И она простит их. Вот Юриса — никогда. Пусть ребенок думает, что его отец умер...

И в то же время она все чаще ловила себя на том, что начинает ненавидеть еще не родившегося ребенка. Из-за него бросил ее Юрис, из-за него должна она искать пристанище у чужих людей, из-за него пройдет мимо молодость. И еще тяжелее делалось оттого, что она знала: о ней никто не позаботится. Других женщин навещали счастливые отцы, просили хоть в окно показать новорожденных, а к ней не придет никто, она никому не нужна, все о ней позабыли. А ведь в свое время они с Юрисом обещали друг другу, что никогда не расстанутся, — и вот такая судьба ее постигла... Ночами она тихо плакала, иногда до самого утра. И в бессонные ночи ее все чаще стала посещать мысль отказаться от ребенка.

Когда сын родился, Регина была словно в лихорадке. Казалось, болело все тело, не оставалось местечка, где не колола бы невыносимая боль. Такую боль спо-

собно причинить только предательство самых близких людей. Ее не радовали слова медсестры, что родился у нее настоящий богатырь. Все потеряло какую-либо ценность. Регина не могла даже посмотреть на сына без того, чтобы ненависть в ней не вспыхнула еще сильнее. Она умом понимала, что ребенок ни в чем не виноват, но ничего не могла с собой поделать.

Не прошло это чувство и когда она подписала документы об отказе от своего ребенка. Слова врача, уговаривавшего ее не спешить, подумать как следует, не возымели никакого воздействия. Выписавшись из больницы, Регина, ни с кем не прощаясь, уехала в отдаленный район республики. Все предали ее, и у нее не осталось ни одного близкого человека.

И вот прошло два года. Сначала Регина жила в общежитии, но недавно получила однокомнатную квартиру. Первое время она старалась не думать о сыне. Да и что думать, если все равно жить с ребенком в общежитии было бы нельзя. Но теперь ее с каждым днем все более одолевало желание увидеть сына. Как он выглядит? Научился ли уже ходить? Говорить? Похож ли на нее? Как его называли? Как живет он без близких? Кто заменил ему мать?

Все больше терзала ее мысль о том, что необходимо что-то предпринять. Но что именно? Поехать в больницу? Это казалось самым правильным, но Регине трудно было представить, как посмотрит она в глаза врачу, так усердно уговаривавшему ее не бросать сына. И Регина решила прежде всего написать туда. В письме она объяснила, что перед родами ее оставил отец ребенка, отвернулись родители и положение казалось настолько безысходным, что она просто не представляла, куда денется с сыном... Письмо получилось длинным и, как ей казалось, убедительным, и Регина стала думать, что все устроится.

Потянулись дни ожидания. Минула неделя. Регина сказала себе: если еще через день-другой ответа не будет, она поедет к сыну сама. Но письмо пришло. На конверте был штамп больницы, и Регина поняла, что в нем заключается ответ.

С волнением начала она читать. Пробежала одним духом. Перечитала еще раз: может быть, она чего-то не поняла? Может быть, ошиблась?

Но ошибки не было. Главный врач писал: «Ваше письмо рассмотрено. Вынуждены ответить, что ваш ре-

бенок усыновлен, и в соответствии с законом дальнейшие сведения о нем и его местонахождении не подлежат оглашению».

Это было все. И Регина поняла, что в несчастье ей не поможет никто. Потому что два года назад она по доброй воле написала, что от ребенка отказывается и интересоваться его судьбой никогда не будет.

И все же она пошла в милицию. Там ей объяснили то же самое: сведения оглашению не подлежат. Она ходила к адвокату, писала в редакции газет, но ответ знала уже заранее: своего сына она не увидит больше никогда.

Наверное, читателей волнует тот же вопрос, что не давал покоя и мне: как могли оказаться столь жестокими родители Регины в момент, когда дочери их было бесконечно тяжело? И как после такого предательства мог жить Юрис? Но они об этом не рассуждали. Смогли — и все. Такие люди.

В этом еще нет уголовно наказуемого деяния. Но граница близка. Совсем близка, потому что моральное преступление эти люди уже совершили.

ТОЛЬКО ПЯТЬ МИНУТ

Мотоцикл уже набрал скорость, когда я увидел на обочине человека с поднятой рукой. Проезжавшие машины не останавливались, мне же спешить было некуда, и я притормозил. Увидев перед собой милиционера, молодой человек растерялся. Я спросил, далеко ли ему ехать. Парень назвал Лиекнский сельсовет — там, по его словам, находился хутор Мелнземес. Я прикинул: километров, пожалуй, сорок, но что поделаешь. Сам вроде бы напросился — хотя сейчас про себя и пожалел об этом. Однако я всегда знал, что буду поступать именно так и не смогу проехать мимо человека. Потому, может быть, что в дни моего детства, когда автобусы ходили куда реже, мы с мамой часто добирались до Тукумса на попутных, и те шоферы, что не останавливались, казались мне людьми бессердечными. Зато те, кто подбирал нас, были, по моему разумению, лучшими людьми на свете.

Ночью прошел сильный дождь, дорога на Лиекню была проселочной. Но как сказать парню, что гнать мо-

тоцикл по такой грязи просто глупо? Полдня потом будешь мыть и все равно не отмоешь.

— Что, срочное дело? — спросил я, в глубине души надеясь, что молодой человек поразмыслит и решит отложить поездку.

— Иначе никак не получается. Я только что разыскал адрес своего отца. Никогда его не видал. А послезавтра уйду в армию, и до того мне надо обязательно с ним увидеться. Да вы езжайте, остановлю кого-нибудь. — И он без особой надежды глянул на дорогу.

Было воскресенье, и машин проезжало немного. А если и ехали, то главным образом частники, которые успели уже разучиться понимать пешеходов.

— Садись в коляску, — сказал я. — Мне все равно в ту сторону.

Не скрывая радости, юноша мигом вскочил в коляску мотоцикла. Я включил мотор, и вскоре мы свернули с шоссе. Пошла ухабистая дорога, в выбоинах стояла вода. Я ехал не спеша. Мотор однозвучно гудел, и вдруг мой пассажир заговорил:

— Просто не знаю, как и благодарить вас. Я эту поездку представлял себе много лет. Не знал где, но надеялся, даже уверен был, что отца разыщу. Живого или мертвого. Я бы и на край света поехал, только бы встретиться. О своих родителях мало что знаю. Вырос в детдоме. Там мне сказали, что мать погибла в аварии. А про отца никто ничего не знал. Как-то я прослышал, что после аварии он остался инвалидом, но разыскать его все не удавалось. А тут попал в мои руки его адрес: прочитал в «Сельской жизни» заметку об одном леснике, а фамилия у него моя, и имя совпадает с моим отчеством... Показал журнал товарищам, они сравнили его снимок со мной и решили, что сходство большое. Писать ему я не стал, еду без предупреждения: а вдруг просто совпадение, и заставлю человека зря волноваться...

Он умолк и молчал уже до самого конца дороги. Я время от времени поглядывал на спидометр; скорость я держал около семидесяти, успев уже приноровиться к дорожным ловушкам. И чем меньше оставалось до встречи, тем больше мой пассажир уходил в себя. Наверное, размышлял о том, что скажет человеку, который, может быть, его отец. Пока только — может быть. И мне, откровенно говоря, казалось, что вероятность эта достаточно мала. Неужели, будь этот человек отцом, он сам не разыскал бы сына?

У дороги показался столбик с указателем: «Лиекнский сельсовет». Навстречу шла женщина. Притормозив, я спросил ее, как добраться до нужного хутора. Оказалось, что это совсем близко — первый же поворот направо. Правда, выполнить это оказалось не так-то легко: начался совершенно раскисший проселок. При малейшей невнимательности можно было основательно застрять в грязи, а то и съехать в кювет, откуда без трактора не вылезешь.

Впрочем, пока что обходилось без приключений, а впереди уже виднелись какие-то строения. Раздумывая, к какому из них править, я заметил поблизости вышедшего на дорогу человека.

Когда он нерешительно подошел к нам, я спросил, какой из видневшихся хуторов носит название «Мелнземес».

— Да вот этот самый. Только сейчас там никого нет. Жена поехала на рынок, а я тут вожусь со скотиной...

Теперь вылез из коляски и мой спутник. Поздоровался со встречным и поинтересовался, живет ли на хуторе еще кто-нибудь.

— Да нет, мы одни остались. Молодежь переселилась в город.

— Значит, вы и есть лесник Витолс?

Лес окружал нас, и я подумал, что и на самом деле отыскать для лесника лучшее жилье было бы трудно.

— Да уж так получается. А вы что — ко мне, что ли?

— Да... То есть нет... Может быть, просто совпадение получилось. Понимаете, я тоже Витолс. Юрис Витолс. И в паспорте у меня записано отчество — Карлович. А вы — Карл Витолс. Я о вас ничего не знаю, только то, что мать моя погибла в аварии. Вырос я в детдоме. Прочитал о вас в журнале — и вот решил приехать...

Мне почудилось, что по лицу лесника промелькнула тень воспоминаний. В глазах вроде бы сверкнула радость, глубокое волнение: казалось, он не выдержит, бросится, обнимет сына. Но ни тот, ни другой не сдвинулись с места.

— Ты Юрис? Кто бы мог подумать! Прямо богатырь! А был таким маленьким, что нам и попрощаться толком не удалось.

Наконец-то лесник шагнул вперед. Шаг, другой... Капюшон его дождевика соскользнул на плечи, и я заме-

тил, что они действительно очень похожи друг на друга. Только годы разнили их.

— Когда мама погибла, ты еще и ходить не умел. Я остался один, мотался туда-сюда, так что в детдоме тебе было лучше. Я думал, ты о нас и слышать не хочешь, вот и не стал напоминать о себе... Да что это я все про себя? Тебе-то как жилось? Что теперь делаешь?

Слова отца звучали как попытка оправдаться. Я слушал и не мог понять: почему он не пригласит сына в дом — посидеть, поговорить по душам? Неужели встреча эта так и завершится тут, на дороге, хотя отцовский дом — вот он, рядом? Они стояли друг против друга, самые близкие люди на свете — и одновременно такие чужие. Их разделяли два шага, всего лишь два шага, но я уже понял, что в этих двух шагах — пропасть. Нелепо, но это было так.

— Вот, окончил школу. Хотел поступить в медицинский, но не прошел по конкурсу. Через день-другой ухажу в армию.

Я хорошо видел: сын все еще ожидал, что вот-вот исчезнет неизвестно как возникший холодок, они прильнут друг к другу, заговорят о годах, проведенных врозь, и никто не будет оправдываться в чем-то, что уже позади. Но сам он не решался сделать первый шаг к сближению. Однажды от него уже отказались. И наверное, он боялся, что отвернутся и на этот раз.

— Да что же мы стоим? Может, зайдете в дом, если не спешите? — Кажется, до лесника наконец дошло, что становится просто неприличным расспрашивать сына, стоя посреди дороги, если рукой подать — свой дом.

Но он опоздал. Первая вспышка радости уже миновала. Вовсе не о такой встрече мечтал сын.

— Спасибо, здесь тоже неплохо. Да и дорогу так развезло, что выбраться со двора будет трудно. Ладно, будьте здоровы, отец. Из армии напишу.

— Когда ты теперь приедешь?

— Разве что после службы. Раньше не получится.

— В Риге живут твой брат с сестрой. Может, заедешь к ним?

Теперь я сообразил, почему во мне все росла неприязнь к леснику: слишком уж часто употреблял он слово «может». Может, заедете, может, зайдешь к брату — тебе как бы дают понять, что можешь, конечно, и зайти, но нужды особой в этом нет. Может... На этот

раз слово; порой излучающее надежду, дышало прохладой.

— Если захотят написать мне, встретиться — дайте им мой адрес, обязательно отвечу. А теперь нам пора, — протянул руку Юрис.

И всё? Я невольно глянул на часы: вся встреча продолжалась только пять минут. Да пригласи же сына к себе, проси, делай что хочешь — только не позволяй ему уйти вот так! Мне хотелось крикнуть это человеку в брезентовом дождевике. Теперь в своем длиннополом одеянии он показался мне похожим на отшельника, которому удаленность от мира мешает чувствовать и поступать как люди.

Юрис уже сидел в коляске. По лицу отца снова мелькнула тень. Как знать, может быть, тень боли, вызванной тем, что свидание состоялось так неожиданно и он не успел подготовиться, собраться с чувствами. Но не исключено, то была и тень удовлетворения тем, что разговор остался уже позади.

Я включил мотор, доехал до ответвлявшейся к хутору дороги, там развернулся и тронулся в обратный путь. Отец Юриса стоял у дороги. Юрис помахал ему, но мне показалось, что лесник этого не заметил. Он снова нахлобучил капюшон на голову. Дождь понемногу усиливался. Через несколько секунд я оглянулся. Витолс все еще стоял на месте.

За всю дорогу Юрис не вымолвил ни слова. Бросив на него взгляд, я увидел, как он сидит, плотно закрыв глаза, словно уснув. Но выдавало напряженное выражение лица — на нем читались и горечь разочарования, и затаенная надежда, что все лучшее еще впереди, потому что своего отца он все-таки нашел.

У станции мы обменялись адресами, такое желание возникло у нас одновременно. Отчего? Наверное, нелегкая поездка уже сблизила нас. Потом он писал мне письма, полные впечатлений от армейской службы. Служил он в Москве, увидел и узнал много нового.

Об отце он упомянул лишь однажды. Тот подал признак жизни — прислал пять рублей на сигареты. Но разве ради пятерки парень искал отца столько лет? Юрис в письме спрашивал, не лучше ли отправить деньги обратно. Но что я мог тут посоветовать? Это была его и только его боль.

Не знаю, сыграли ли в том какую-то роль наше знакомство и письма, но за годы службы Юрис все больше

стал склоняться к мысли связать свою жизнь с милицией. Я порой делился с ним своими раздумьями о нашей работе, своими сомнениями... Теперь Юрис давно уже окончил Рижскую школу милиции и работает в одном из районов инспектором уголовного розыска.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ В ЗАКЛЮЧЕНИЕ

У нас нередко спрашивают: не разочаровались ли мы в своей профессии? Мне, во всяком случае, приходилось слышать такой вопрос достаточно часто. Что скрывать: бывали и минуты разочарования. И когда вместо человечности я сталкивался с формальным, лишенным чувства подходом к какой-то проблеме, и когда месяцами не удавалось выкроить минутку, чтобы заполнить еще одну страничку дневника, записать стихотворение, которое никогда больше не вернется, когда на столе накапливалось слишком много непрочитанных книг. Но все меняется. И рано или поздно приходил день, когда книги все же прочитывались, а в дневнике рядом с записями появлялось и новое стихотворение. Сейчас я твердо знаю, что другой работы не хочу. И верю, что годы эти прошли не зря, если я сумел помочь кому-то вовремя остановиться перед незримой границей.

ЛЕОНИД МЕДВЕДОВСКИЙ

ЗВОНOK НА РАССВЕТЕ

Повесть

1

Очнулся Михаил Носков в машине «Скорой помощи». Обхватив тонкими нервными пальцами кисть его левой руки, неотрывно смотрела на часы женщина в белом халате. У изголовья сидела Алла. Едва заметные при дневном свете коричневые пятна на ее лице сейчас проступали особенно отчетливо. Ни голоса, ни даже шепота Аллы не было слышно. Лишь по движению побелевших губ Михаил уловил: «Миша, Мишенька, как же это?.. Ведь у нас скоро маленький будет...»

Михаил устало прикрыл глаза, прислушиваясь к тупой скребущей боли. Она затаилась где-то внутри, изредка давая о себе знать короткими злыми укусами. Не ждал он того подлого удара, не заметил...

Носков подошел к придорожным кустам, где прятался незнакомый парень, крикнул:

— Эй, малый, ты что там затаился? А ну вылезай!

Молчание. Только тлеющий огонек сигареты выдавал присутствие человека.

— Кому говорят — выходи!.. — Михаил схватил парня за руку и легко выдернул его из кустов.

И сразу после этого удар — предательский, подлый... Нет, не сразу. Вышла мать, он что-то крикнул... Что же он крикнул?.. «Мама, зови скорее отца... пусть принесет воды...» Воды!.. Воды!! Воды!!! Михаил облизал шершавым языком сухие губы, умоляюще взглянул на медсестру. Та медленно покачала головой: нельзя.

...Словно огромное жало гигантской осы внезапно впилось в его живот. В первое мгновение Михаил даже не понял, что произошло. Он схватился за нож и попытался вырвать его из своего тела. Преступник с силой рванул рукоятку кверху, и только крепкий армейский ремень помешал ножу сделать рану еще шире...

Носков бежал к дому, согнувшись, неловко зажав живот руками, и чувствовал, как что-то горячее и липкое просачивается сквозь судорожно сжатые пальцы. Он боялся взглянуть, он знал — это кровь. У него еще хватило сил взобраться на крыльцо, невидящими пальцами нащупать дверь... Но подняться по лестнице Михаил уже не смог. Поплыли перед глазами огненные круги, ударил в уши тугой набатный звон — он рухнул на ступеньки лицом вниз, задыхаясь, жадно хватая помертвелыми губами ставший почему-то разреженным воздух...

— Считайте! Считайте дальше! — слышится над головой требовательный мужской голос.

— Шесть... семь... восемь...

Удушливо-сладкий запах эфира мягко обволакивает голову, невыносимо хочется спать.

— Считайте! Считайте! — твердит тот же голос.

— Одиннадцать... двадцать три... четырнадцать...

— Приготовить зажимы! Скальпель! — Это было последним, что услышал Михаил перед тем, как погрузиться в долгий операционный сон...

«Дзиньк!..» — звучит коротко и оборванно, будто случайно, мимоходом задела рукавом кнопку звонка. Но вслед за тем раскатывается такая длинная заливающая трель, что сомнений больше не остается — это за мной. Я вскакиваю с постели и начинаю быстро одеваться. Шаркают по коридору разношенные шлепанцы матери, тонко звякает дверная цепочка.

— Вы уж не сердитесь, Анна Викентьевна. — слы-

шится деликатно приглушенный голос нашего шофера Геннадия Спирина, — срочно нужен, меня дежурный послал...

Мать впускает Спирина в квартиру, ворчливо предлагает раздеться.

— Как хотите, Гена, но без чашки кофе я вас обоих не отпущу. Никуда ваши преступники от вас не денутся!.. — Она отправляется на кухню, я приоткрываю дверь своей комнаты.

— Гена, заходи! Что там стряслось?

— Тяжкое, Дим Димыч! В вашей зоне таксиста порезали. Вчера, в двадцать три часа, на Гончарной.

— Грабеж?

— Непохоже. Пиджак с деньгами не тронут.

— Свидетели есть?

— Мать таксиста. Видела преступника издали...

— Значит, таксист заезжал домой?..

Тихонько вошла моя старушка, стараясь не греметь посудой, расставила на столе чашки с кофе, тарелки с бутербродами. Видимо, она слышала последние слова Гены — остановилась у дверей, заинтересованно ожидая продолжения.

Я оглядываюсь.

— Ты прости, мама, но у нас чисто служебный разговор. Обещаю: когда раскрутим это дело, доложу во всех подробностях.

Она обиженно поджимает губы и выходит, плотно прикрыв дверь. Сыплю сахар в чашку, придвигаю сахарницу Геннадию.

— Давай дальше! Кто осматривал место происшествия?

— Следователь и Волков. В его дежурство случилось...

— Приметы преступника?

— Очень слабенькие. Среднего роста, худощавый... был одет в светлый плащ...

М-да, приметы, как говорится, среднеевропейские, по таким можно заподозрить чуть не треть человечества. Начинать, видно, придется с нуля. Первым делом в больницу — к потерпевшему!..

На пороге мать сует Спирина пакет с провизией. Безусое мальчишеское лицо сержанта заливается помидорным румянцем: есть такая слабинка — любит поест. Самое удивительное, что при всем своим богатырском аппетите Гена тощ, как кошелек перед зарплатой.

Реанимационное отделение я нашел быстро — оно расположено у самых больничных ворот. Все продумано: когда решают секунды, на пути к операционной не должно быть лишних метров. На двери лаконично-суровая табличка: «Посторонним вход воспрещен!» Посторонним я себя не считал и потому, не колеблясь, нажал на кнопку звонка. Щелкнул замок, в меня пальнул любопытствующий взгляд молоденькой медсестры.

— Я из угрозыска. Мне нужно срочно повидать раненого таксиста.

— Минуточку, я позову врача...

Медсестра ушла, не забыв захлопнуть дверь. Минут через десять, когда я уже собрался звонить второй раз, в дверях показался сухопарый мужчина примерно моего возраста. Солидней и старше его делала аккуратная шкиперская борода, закрывающая верхнюю пуговицу серого, с голубоватым оттенком халата. Он ни о чем не спрашивал, только смотрел вопросительно-недоумевающе.

Я протянул свою книжечку. Он долго и, казалось, тщательно изучал мое удостоверение, но я по его нездешним, отсутствующим глазам видел, что мысли врача там, с больными, что мой визит не к месту, не ко времени, и вообще он с трудом понимает, кто я и зачем здесь.

— Агеев, из уголовного розыска, — повторил я дважды, пытаясь пробиться сквозь чащобу забот и тревог, обступивших врача.

Он встрепенулся.

— Сеглинь, лечащий врач. Чем могу быть полезен?

— Доктор, мне нужно поговорить с таксистом!

Его губы непримиримо сомкнулись.

— Это невозможно! Носков в крайне тяжелом состоянии.

— Жить будет?

Он помедлил с ответом.

— Трудно сказать. Потеряно много крови...

Я корректно, но настойчиво оттеснял Сеглиня в коридор, пока входная дверь не захлопнулась за моей спиной.

— Доктор, вы должны понять, этот разговор нам очень важен. Носков единственный, кто видел преступника в лицо.

Сеглинь с сомнением покачал головой.

— Боюсь, ваше посещение взволнует больного. Может быть, завтра?

— Доктор, дорога каждая минута! Преступник на свободе, кто знает, каких еще бед он может натворить...

— Хорошо! — решился Сеглинь. — В порядке исключения даю вам две минуты. Наденьте халат, я вас проведу.

Раненый лежал в одиночной палате, окруженный сложной аппаратурой из стекла и никеля. Он дышал тяжело и прерывисто, на лбу серебрились мелкие бисеринки пота. Врач промокнул его лоб марлей, сказал негромко:

— Миша, к вам товарищ из милиции. Вы сможете говорить?

Носков с усилием открыл глаза, в них застыла неутолимая боль.

— Спрашивайте, — едва слышно прошептал он.

Я понял, какого труда стоит ему каждое слово, растерялся и забыл заготовленные вопросы. И тогда он начал рассказывать сам. Михаил шептал быстро, бессвязно, спотыкаясь на трудных буквосочетаниях. Ему, видимо, необходимо было выплеснуть наболевшее, освободиться от навязчивых образов, засевших в воспаленном мозгу.

— Я чинил машину... поломался рядом с домом... а этот... в плаще... приставал к девушке... замахивался... Пьяный такой, злобный... Я хотел помочь... пошел к ним... Они ссорились... он ее ругал... обвинял в измене... Потом... потом они убежали... Я хотел его... в милицию... вытащил из кустов... И тогда он... тогда он...

Лицо раненого исказила мучительная гримаса, он застонал, заскрипел зубами, заново переживая случившееся. Сеглинь встревоженно приподнялся, движением бровей указал на часы.

Я заторопился.

— Скажите, Миша, вы этого парня встречали раньше?

— Нет... кажется, нет...

— Как он выглядел?

— Худой... невысокий... волосы русые, длинные...

— А лицо? Миша, вы шофер, у вас должен быть цепкий глаз. Что вам запомнилось в его лице?

Он ответил сразу, видно, лицо преступника навечно отпечаталось в его памяти.

— Баки на щеках... И глаза... Холодные, острые... как буравчики...

Михаил сцепил зубы, подавляя готовый вырваться стон. Сеглинь сердито поднялся.

— Все! На сегодня хватит!

— Последний вопрос, доктор! Может быть, в пылу ссоры было названо чье-то имя? Вспомните, Миша, вспомните!

Носков закрыл глаза, и было не понять: то ли он снова впал в забытие, то ли обдумывал мой вопрос.

— Идемте, идемте, ему нужно отдохнуть, — тормозил Сеглинь.

Я медлил. Я все еще надеялся получить ответ на очень важный вопрос и клял себя за то, что задал его так поздно. Врач вежливо, но твердо взял меня за руку и повлек к выходу. У дверей я оглянулся: Михаил слабо шевелил пальцами, как бы подзывая к себе. Я вернулся почти бегом.

— Вспомнили?

— Пить, — шептал раненый бескровными губами. — Пи-ить...

Я обернулся к Сеглиню, он уже стоял рядом.

— Доктор!..

— Нельзя! Ему вчера весь кишечник перешили. Операция длилась три часа... — Врач говорил все это шепотом, опасливо косясь на Михаила, — не слышит ли.

— Пи-ить!.. — Носков лихорадочно облизывал запекшиеся губы, под болезненно трепещущими ресницами мерцали слезинки.

— Ну что мне с тобой делать! — Сеглинь смочил водой ватку, осторожно провел по губам раненого.

Облегченно вздохнув, Михаил открыл глаза.

— Девчонка повторяла: «Не надо, не надо...» Имя называла... — Тонкая морщинка пролегла на гладком юношеском лбу. — Не помню, забыл...

Я легонько пожал вялую ладонь.

— Припомни, Миша, это очень важно. Вспомнишь — скажи доктору, я ему оставляю свой телефон. Счастливо, Миша, выздоравливай!

Он обхватил мою руку холодными негнувшимися пальцами.

— Увидите маму... передайте... пусть не волнуется... И Алле... ей нельзя... скоро маленький будет... А я... я... выбак... выкаб... выкарабкаюсь...

Наша работа не для слабонервных, но к подобным

сценам иммунитета у меня еще не выработалось. Да и вряд ли это когда-нибудь случится. Сострадание к страданию, злость против зла. Если нет в душе этих чувств, трудно, даже невозможно работать в милиции...

У самого выхода меня нагнал Сеглинь.

— Вы непременно должны найти этого подонка, слышите? Смерть всегда страшна, но когда она подступает к таким вот молодым... Как подумаешь, что он может не увидеть своего ребенка... еще не родившегося...

2

Я выхожу из отделения реанимации в преотвратнейшем настроении. Что толку хитрить с самим собой? Я могу играть роль многоопытного сыщика перед погруженным в больничные заботы Сеглинем. Но сам-то я в тихой панике, внутри у меня все дрожит и трепыхается. Потому что это мое первое серьезное дело. До сих пор попадались лишь мелкие кражонки да дружеские мордобития. А тут — тяжкое ранение и человек на грани смерти. И все тебе верят, все ждут и надеются. А я никакой не волшебник, я еще только учусь. Ну где, где мне искать этого подлого юнца?..

— Куда поедет, товарищ лейтенант? — спрашивает меня Спирин, открывая дверцу машины. — В райотдел?

— Что нам там делать? Рули на Гончарную!

— Есть на Гончарную! — четко повторяет сержант, круто забирая влево.

Мы мчимся, обгоняя троллейбусы, по безлюдным в этот ранний воскресный час улицам Задвинья и вскоре останавливаемся напротив деревянного двухэтажного дома с застекленной верандой.

— Мы сейчас стоим на том месте, где таксист ремонтировал свою «Волгу», — говорит Спирин, — а само происшествие произошло вон там. — И он указывает на кусты неподалеку от уличного светильника.

Я распахиваю дверцу, выпрыгиваю из машины.

— Сержант, я остаюсь здесь, а вам нужно доставить сюда участковых Волкова и Рябчуна. Срочно!

Машина срывается с места, я направляюсь к кустам на противоположной стороне улицы. Трава на газоне густо усеяна темными пятнами — действительно много крови потерял Носков. Круглые, звездчатые пятна переходят на асфальт, по ним можно четко проследить

луть Михаила к дому. Вначале он еще шел, пошатываясь, дальше капли стали принимать форму эллипса — значит, побежал...

По узкой, завитой спиралью лестнице я поднялся на второй этаж. Дверь мне открыла хрупкая маленькая женщина с глубоко запавшими от изнурительной ночи глазами. Ошибиться немислимо — это могла быть только мать Михаила Носкова. Те же, что у сына, волнистые, вразлет брови, тот же тонкий острый нос.

— Агеев, инспектор уголовного розыска, — представился я.

— Проходите, пожалуйста, — тихо сказала женщина и первая пошла по коридору.

В комнате я увидел низкорослого узкоплечеого паренка. Он стоял у придвинутого к стене стола и выкладывал из авоськи бутылки с соками. Оглянувшись на звук шагов, вежливо со мной поздоровался, сказал:

— Ксения Борисовна, вот все, что было в нашем магазине. Взял каждого сорта по паре: две — сливы, две — абрикосы, две — персики, две — грушевый нектар. Виноградного, правда, не было, я поищу в другом...

Ксения Борисовна вынула из сумки кошелек.

— Пока хватит, Рома, спасибо тебе за хлопоты. Сколько ты потратил?

Юноша смущенно взлохматил старательно уложенную прическу.

— Четыре тридцать, но мне не к спеху. Виноградного достану, тогда и рассчитаемся... Я пойду, Ксения Борисовна, если что понадобится, передайте через Ивана Николаевича, ладно?..

Паренек попрощался и вышел из комнаты.

— Друг вашего сына? — кивнул я вслед.

— Нет, что вы, он даже незнаком с Мишей. Это Рома Фонарев, они с моим мужем в одном цеху работают. И куда столько соков накупил?..

С чего начать разговор? Как найти верный тон? Убитая горем мать единственного сына, и она же единственный пока свидетель... Сейчас все ее мысли заняты Михаилом, состоянием его здоровья. Она явно не ждала моего прихода, у нее были совсем другие планы. Вон и сумка с продуктами приготовлена, и сама она украдкой поглядывает на часы. Нет, нет, в таком тревожно-нетерпеливом состоянии нужного разговора не получится.

Если сейчас сразу спросить ее об обстоятельствах происшествия, она в спешке может упустить многие важные детали. А мне нужны именно детали, общее представление о том, что здесь произошло, у меня есть.

— Ксения Борисовна, я только что из больницы. Ваш сын просил передать, чтобы вы не волновались...

Она рванулась ко мне, заговорила отрывисто, заглядывая в глаза, ища в них правду:

— Вы у него были?.. У Мишеньки?.. Как он?.. Умоляю вас, ничего не скрывайте!

— Врачи обещают поставить его на ноги... довольно скоро...

Что-то в моих словах ее встревожило, она засуетилась, засобиравалась беспорядочно.

— Вы извините... я совсем готова была... думала, дождусь Аллу и мужа... они уже там, в больнице... Вы извините... я пойду... а вы подождите... или в другой раз...:

Она была уже почти у дверей, я едва успел загородить ей дорогу.

— Ксения Борисовна, к нему никого не пускают.

— Мать обязаны пропустить!

— Ксения Борисовна, никого!

— Как же так? Я хотела отнести что-нибудь из еды...

— Ему пока ничего нельзя.

— Даже соков?

— Ничего!

Она бессильно опустилась на стул, выронив из рук продуктовую сумку. Глухо звякнули стеклянные банки, покатались по полу крупные румяные яблоки. Коротко всхлипнув, вытерла глаза платком, решительно повернулась ко мне.

— Вы хотели что-то узнать. Спрашивайте!

Я помолчал, собираясь с мыслями.

— Вы кого-нибудь подозреваете? У Михаила могли быть враги, недоброжелатели?

Ксения Борисовна протестующе замахала руками.

— Какие враги, вы что! Миша — добрейший парень, очень честный и справедливый!..

Я слушал взволнованный, сбивчивый, многословный рассказ Ксении Борисовны и думал о своем. Конечно, кому, как не матери, знать родного сына и кому, как не ей, добросовестно заблуждаться в его достоинствах и недостатках?

— Помню, едем однажды в троллейбусе. Входят на остановке несколько подростков. Шумят, ругаются, ве-

дут себя безобразно. Взрослые мужчины сидят, будто и не слышат ничего. Миша стоял у водительской кабины, а подростки ехали сзади. Верите — он к ним через весь салон протиснулся. Чем уж он их стреножил, не знаю, а только сразу посмирнели, притихли...

— Мы спускаемся вниз, я прошу Ксению Борисовну подробно рассказать обо всем, что она видела. Жестокая все же у меня профессия! У человека горе, а я его растравляю, заставляю вновь и вновь переживать случившееся.

— ...Я вывела Альфу на прогулку, смотрю — Миша ремонтирует машину. Те двое стояли метрах в тридцати... о чем-то громко спорили... Собака почуяла чужих, стала рваться с поводка. Они загораживали весь тротуар... Я не решилась пройти мимо, боялась — Альфа бросится. Не доходя нескольких метров, повернула обратно...

— Парня в светлом плаще не разглядели?

— Фонарь едва-едва их освещал, да я особенно и не присматривалась... Сейчас подождите... — Она провела рукой по глазам. — Подбородок его мне врезался в память. Длинный такой, увесистый... С таким подбородком только в колонии и сидеть...

— Вы считаете, он из ранее судимых?

— Даже не сомневаюсь! Кто другой бросится с ножом на человека?! И за что?..

— Ваш сын хотел защитить девушку... Кстати, что вам запомнилось в ее внешности? Фигура, прическа, одежда?

Ксения Борисовна задумалась. И снова характерный жест, будто сгоняет с глаз все лишнее, чтобы сосредоточить внутреннее зрение на самом важном.

— Худенькая, небольшого роста. Волосы черные, распущены по плечам... Одета в куртку из жатой кожи...

— Как думаете, они были знакомы?

— Они ссорились. Он был очень взвинчен, кричал, размахивал руками, насккивал на девушку с угрозами... Я отвела собаку домой, возвращаюсь с бутербродами для Мишеньки. Смотрю — девчонки уже нет, а тот мерзавец и Миша стоят друг против друга, и Миша крепко держит его за руку. Вот тогда он и крикнул: «Зови отца, надо этого типа сдать в милицию!» Я побежала за Ваней, а когда вернулась...

Ксения Борисовна вынула платок и стала вытирать появившиеся слезы.

— Как по-вашему, этот парень издалека?

— Скорей всего из местной шпаны. Уж очень быстро скрылся. Муж пробежал всю улицу из конца в конец — никого... Все произошло в одно мгновение. Я даже наверх не поднималась, только крикнула: «Ваня, спустись!» Вернулась, а сын бежит навстречу и живот руками зажал. У меня и в мыслях не было, что он ранен, думала — просто ударил тот негодяй... Муж выскочил, я ему кричу: «Ваня, беги скорей, удержи парня в светлом плаще!»

— Сколько это заняло времени?

— Минуту, от силы полторы... Потом я бросилась к Мишеньке, смотрю — он лежит весь в крови. Я крикнула невестке: «Останови машину! Любую!» На счастье, шла мимо «Скорая», она и увезла Мишеньку... Потом прибыла ваша машина. Участковый Волков попросил меня подъехать со следователем в райотдел, чтобы записать мои показания, а сам остался здесь. Они вместе с мужем искали следы преступника, нож. Потом к ним присоединился Фонарев, вы его сегодня видели...

Я понимаю, как трудно дается матери Михаила этот разговор, и спешу закончить его.

— Последний вопрос. Был ли в такси пассажир?

— Вроде нет. Я подходила к машине, разговаривала с Мишей... Нет, никого в салоне не было.

— Спасибо, вы нам очень помогли. Возможно, придется еще кое-что уточнить, так что...

— Ну конечно, в любое время... Лишь бы мой Мишенька...

Не договорила. Отвернула сразу увядшее, осунувшееся лицо и пошла усталой старческой походкой. А ведь ей, пожалуй, и сорока пяти нет...

В ожидании участковых я пытаюсь разрешить мудреную задачу — по какой дороге бежал парень с баками? Случайность ли, что скрылся так стремительно? Преступник, хорошо ориентирующийся на местности, выбирает, как правило, кратчайший путь для бегства. Если определить точное направление, это сузит круг поиска. Куда же он побежал?..

Вот наконец и наш «газик». Первым из машины выскакивает Леша Волков — худющий, длиннющий, но франтищеголь потрясающий. Недавний выпускник школы милиции, он нежно холит свой новенький лейтенант-

ский мундир, поминутно сдувает с него малейшие пушинки. Всем хорош Леша — исполнитель, аккуратист, а вот чувством юмора обделен: и другого вышутить не умеет, и над собой насмешек не терпит. А нашим ребятам только попадись на зуб — обгложут до косточки.

Вслед за Волковым из машины показывается капитан Рябчун — плотно сбитый здоровяк, в годах весьма значительных. По крайней мере, по сравнению с моими. Особые приметы: роскошные усы под «песняров» и узкая рубленая полоска на щеке — след бандитского ножа. Первое время я никак не мог привыкнуть к непонятной милицейской иерархий. Мне казалось, что старший по званию обязательно должен быть выше и по должности. Ничего похожего! Звание можно выслужить, должность надо заслужить, показать, на что пригоден. Обидно, наверно, старому, заслуженному капитану Рябчуну подчиняться свежее испеченному лейтенанту Агееву, но что поделаешь — с некоторых пор служба участковых инспекторов перешла в ведение угрозыска. Впрочем, Рябчун меня уважает за мое университетское образование. Хотя, если говорить откровенно, мне еще ни разу не удалось применить на практике свои глубокие познания в римском праве. Кошунство, конечно, но я охотно обменял бы их на кой-какие практические навыки, полученные Лешей Волковым в школе милиции...

«Газик» уезжает, участковые выжидательно смотрят на меня.

— Вот что, друзья, хоть сегодня и воскресенье, придется поработать. Есть основание предполагать, что преступник и девчонка, с которой он ссорился, живут где-то в этом районе...

Я ставлю перед участковыми задачу: надо немедленно начать поквартирный обход окрестных домов, спрашивать у жильцов, кто что видел, кто что знает...

К концу дня мы снова собираемся вместе. Результаты неутешительны: никто не смог подсказать ничего существенного.

— По горячим следам не нашли, — бурчит Рябчун, — теперь побегаем.

3

У нас с Бурцевым один кабинет на двоих. Два стола впритык, два сейфа, стулья, вешалка — вот, пожалуй, и вся обстановка. Ну и телефон, конечно, который мы тя-

гаем по столам то к себе, то от себя. Хотя мы с Бурцевым на «ты», дружбы между нами особой нет. Какая, к черту, дружба, когда он по всем статьям старший: я лейтенант, он старший лейтенант, мне двадцать пять, ему сорок. Кроме того, я холостяк, он отец семейства. Все это дает Бурцеву повод относиться ко мне с этакой ехидной снисходительностью.

В понедельник я пришел пораньше, однако у Бурцева уже сидел «клиент». По внешнему виду — солидному, респектабельному — его вполне можно было принять за крупного хозяйственника. И только шустро зыркающие из-под полуприкрытых век зрачки выдавали дельца — хитрого, ловкого, нахрапистого. Терять ему, видно, было нечего, и он распинался перед Бурцевым вовсю.

— ...Признаю, гражданин инспектор, ваша взяла. Да, брал какие-то суммы у перечисленных вами лиц, да, обещал достать дефицитные товары. Но я прошу учесть некоторые смягчающие обстоятельства. Вот у вас в протоколе эти граждане числятся потерпевшими. Спорная формулировка. А может, это я потерпевший? Может, именно эти тряпичники сбили меня с честного трудового пути! Ну, скажите, инспектор, как откажешься от денег, которые чуть не насильно суют тебе в руки?..

В разгар этого монолога селектор на столе неожиданно кашлянул и выдал из своего чрева голос начальника отделения уголовного розыска Бундулиса:

— Лейтенант Агеев! Зайдите с материалами по субботному происшествию.

Я подхватил со стола жиденькую папочку с начатым делом и вышел.

Внешность моего непосредственного начальника никак не соответствует общепринятым представлениям об облике сыщика. Ни поджарости, ни острого, пронизательного взора из-под насупленных бровей. Вид у Ивара Яновича сугубо штатский: небольшого роста, толстенький, кругленький. И характер под стать внешности: добродушный, уступчивый, незлобивый. В веселую минуту Бундулис объяснял это так: толстякам и догонять обидчика тяжело, и убегать непросто. Вот они сами про себя и сочинили легенду о кротости и всепрощенчестве. А на самом деле... А на самом деле за уютно-домашней внешностью Бундулиса скрывался умный, опытный оперативный работник, начавший свою деятельность в органах милиции еще в то время, когда меня и в проекте не было.

Я уже доложил все, что стало известно по делу, и теперь выжидательно посматривал на Бундулиса, торопливо мерившего кабинет коротенькими шажками.

— Ошибок в твоих действиях я пока не усмотрел, — сказал начальник, остановившись передо мной, — ты их еще просто не успел натворить. Но и достижений, прямо скажем, не густо..

— Откуда им быть, Ивар Янович? На второй-то день...

— Ты эту школьную арифметику забудь! В нашем деле счет не на сутки, а на часы, на минуты. Версия о личности преступника сложилась?

— Думаю, преступление совершил человек с уголовным прошлым.

Бундулис удивленно хмыкнул.

— И как ты это вычислил?

— Нож был применен после того, как таксист крикнул матери: «Зови отца, надо этого типа в милицию!» Преступник явно избегал встречи с нами.

Бундулис сел за стол, набил трубку табаком.

— Хм, логично... Что ж, примем это за рабочую гипотезу. Пока нет ничего лучшего, будем разрабатывать твою версию.

— Вы в нее не верите?

— Нет, почему же. Как одна из многих, она вполне... — Бундулис открыл папку, бегло просмотрел собранные мной материалы. — Мне кажется, Дима, мы упускаем из виду характер таксиста. Даже по тем немногим штрихам, которые ты сообщил, мне он видится человеком порывистым, импульсивным, непримиримым в борьбе со злом. Кто ему эта девчонка? А он, не раздумывая, бросился ей на помощь. Возможно, так же Носков поступал и в тех случаях, о которых мы пока не знаем. Носков — активный автодружинник, это деталь немаловажная. Надо тщательно проверить всех, с кем он когда-либо сталкивался.

— Есть проверить, товарищ майор! Разрешите идти?

— Постой, торопыга! Звонил прокурор района, справлялся об успехах. Дело это квалифицировано как покушение на убийство, и его поручено вести следователю Сушко. Слышал такую фамилию?

Я молча пожал плечами.

— Ладно, иди! И держи меня в курсе.

Я уже был у двери, когда Бундулис меня окликнул:

— Кстати, какие волосы у предполагаемого преступника?

— Русые... длинные...

— Насколько я знаю, с такими из колонии не выпускают.

— Значит, успел отрастить, — упрямо гнул я свое.

Бундулис устало махнул погасшей трубкой, сказал раздраженно:

— Оправдать можно любой абсурд, от этого он не станет аксиомой. На всякий случай проверь парикмахерские, возможно, кто-то подстригался вчера. Прическа сильно меняет внешность...

Когда я возвращаюсь к себе, Бурцева уже нет. Сажусь за стол и набрасываю план первоочередных оперативно-розыскных мероприятий. Надо срочно ориентировать по приметам дружинников, членов комсомольских оперативных отрядов, внештатных сотрудников милиции. Проверить по картотеке лиц, недавно освобожденных из мест лишения свободы. Посмотреть последние сводки-ориентировки. Составить список водителей, с которыми имел дело автодружинник Михаил Носков...

Внезапно дверь распаивается, в комнату врывается Рябчун. Бросает передо мной оперативно-учетную карточку. Усы победно закручены кверху — значит, надо ждать хороших вестей.

— Нашел я преступника, Дим Димыч! Валет это, его поганых рук дело!

Я рассматриваю фотографию Валерия Дьякова по кличке Валет. Массивный удлиненный подбородок, узкие, хищно приплюснутые, как у рыси, крылья носа, хмурые, озлобленные глаза. М-да, личность малосимпатичная. Но точно ли он?..

— Он, Дим Димыч, бесспорно, он. Час назад имел беседу со знакомой дворничихой. Обрисовал ситуацию, сообщил приметы. Ну, она долго не мозговала: «Валерка Дьяков — больше некому!» С Дьяковым я знаком не первый день: хорош, когда спит. К нему без промедления! Открывает Булкина Ольга Павловна — его квартирная хозяйка. Выясняется: как в субботу ушел, так с тех пор не появлялся...

— В котором часу ушел?

— В двадцать два тридцать. Как раз передача «Шире круг» кончилась. Бабка стала спать укладываться и

слышала, как дверь стукнула... И ушел, заметь, в светлом плаще, другого у него и нет.

Неужели подтверждается моя стройная теория насчет ранее судимого? Я просматриваю карточку Дьякова. Год назад вернулся из колонии. Отбывал срок за квартирную кражу, за ношение холодного оружия. Что ж, кандидатура перспективная. Вполне мог Дьяков совершить такое преступление. Но совершил ли?..

Рябчун смотрит на меня с добродушной усмешечкой.

— Что, Дим Димыч, сомнения одолели?

— Да как вам сказать, Андрей Петрович? Уж очень кругленько все получается.

— Я ведь не все еще рассказал. Похаживала к Валету одна деваха. Волосы густые, черные и по плечам раскиданы. Волосы — смерть мужчинам! Это Ольга Павловна так расписывает. «Мне бы, говорит, такие во младости, уж я бы собой распорядилась...»

— По приметам похожа на ту, с которой ссорился преступник.

— Именно! — вскакивает Рябчун. — Именно так!

— Имя, где живет?

— Вот этого Булкина не знает. Один раз деваха записку Валерке оставила, подписалась «Черныш».. Между прочим, каждый раз уходила от Дьякова с какими-то пакетами...

— Когда она была в последний раз?

— Давненько, что-то у них вкось пошло. Сейчас к нему другая повадилась — рыженькая...

— Что ж, будем проверять, Андрей Петрович, — говорю я не очень уверенно.

Рябчун смотрит на меня с укоризной.

— Скептицизм, Дим Димыч, хорош в умеренных дозах. Когда его слишком много... Пойду насчет машины договариваться. Надо пройти по связям Дьякова.

Едва закрылась дверь за Рябчуном, звонит телефон. В трубке женский голос:

— Говорит следователь Сушко...

Моя профессия требует не терять присутствия духа в самых рискованных переплетах. Но не в таком же!.. Откровенно говоря, я не самого высокого мнения о способности женщин к логическому мышлению, и мне вовсе не улыбается перспектива вести розыск под женским руководством.

Называю следователю свою фамилию, должность и

звание. Тон уныл и безрадостен. На его фоне голос Сушко звучит особенно напористо и энергично:

— Что-то вы не очень торопитесь с визитом, инспектор Агеев!

Я пробую вяло отшутиться:

— Мой начальник учит: «Поспешай с медленностью!» Да и нечем было порадовать.

— А сейчас?

— Кое-что прояснилось...

— Так поспешайте немедленно! Я жду вас, инспектор Агеев! — В последних словах неожиданно сверкнула милая женская лукавинка.

Я оставляю дежурному телефон Сушко (на случай экстренного вызова) и отправляюсь в прокуратуру.

Галина Васильевна Сушко оказалась чуть постарше и гораздо серьезней, чем я себе представлял. С первой же минуты я понял не без горечи, что на роль опекуна робкого, неоперившегося существа мне рассчитывать не приходится — у Галины Васильевны двухлетний стаж работы в должности следователя. На второй минуте мне открылись еще две истины: Сушко отлично ориентируется во всех тонкостях нашей работы, и в ближайшем будущем предстоит основательно пересмотреть свои взгляды на аналитические возможности женского интеллекта.

— Итак, Дмитрий Дмитриевич (я даже оглянулся — настолько отвык от полного величания), подозреваемый установлен. — Голос ее звучал подчеркнуто официально, и это странным образом контрастировало с улыбчивым взглядом больших зеленовато-карих глаз, опущенных густыми черными ресницами. — Меня, как вы понимаете, интересуют потенциальные свидетели. Какие у вас основания считать, что Валерий Дьяков знаком с той девушкой?

— Во-первых, — начал я уверенно, — потерпевший утверждает, что они ссорились, а ссориться могут только люди знакомые. Вообще, слово «ссора» вызывает у меня ассоциацию с чем-то интимно-семейным...

— Любопытно, — усмехнулась она краешком затейливо изогнутых губ. — А как вы назовете столкновение в трамвае, в магазине, на улице между совершенно незнакомыми людьми?

— Стычка, схватка, потасовка..

Галина Васильевна рассмеялась звонко и белозубо.

— Ваши лингвистические изыскания, Дмитрий Дмитриевич, не лишены интереса, но давайте оставим их до более спокойных времен. Картина преступления рисуется мне совсем иначе. Парень в светлом плаще пристал на улице к незнакомой девушке, она стала отбиваться. Таксист Михаил Носков бросился на защиту девушки, дав ей тем самым возможность скрыться. И вот тогда-то преступник, взбешенный тем, что жертва ускользнула, кинулся с ножом на таксиста. Из этого следует, что...

— Вы забываете одну важную деталь, — нетерпеливо перебил я, — девушка называла преступника по имени.

Тонкие брови Сушко сомкнулись почти в прямую линию.

— Вот как? Об этом вы мне не докладывали, инспектор Агеев!

— Имя преступника выпало из памяти таксиста. Надо проверить, может быть, вспомнил. — Я подвинул к себе телефон, набрал номер реанимационного отделения. — Доктор Сеглинь? Здравствуйте, Агеев из угрозыска. Как состояние Носкова?.. Без изменений?.. Понятно... Что, что? Вы мне звонили?..

Минуты две я слушал Сеглиню, не прерывая, потом положил трубку и сказал будничным голосом:

— Потерпевший вспомнил имя преступника. Девчонка кричала: «Не надо. Валера!»

4

Мы с Рябчуном отправляемся проверять дружков Валерия Дьякова. Хоть и мало надежды, что застанем там Валета, проверить не мешает. Надо непременно убедиться, что его по этим адресам нет. Без такой уверенности нельзя двигаться дальше. Непосвященному многое в нашей работе может показаться лишним и ненужным, даже скучным. И все же вернее, надежнее метода исключения пока еще ничего не придумано. Именно этот метод помогает сужать круг поиска, сжимать кольцо окружения противника.

По указанию Рябчуна водитель подруливает к новому пятиэтажному зданию. Здесь живет Виктор Лямин — они с Дьяковым отбывали срок в одной колонии.

Мать Виктора, молодая еще женщина с поблекшими глазами, сообщает, что сын задержан милицией.

— За что? — спрашивает Рябчун.

— Склад будто обокрали на комбинате. Один он бы не пошел, это его Валерка подбил.

— И часто Дьяков у вас бывает?

— Да что вы, или я враг своему сыну? Я этого прощелыгу на порог не пускаю! А что толку? Валерка только свистнет под окном, мой уже бежит со всех ног. «Витя, куда ты?» — «Я, мам, скоро...» Добегался! У него от рождения недостаток — косоглазие. В школе дразнили, во дворе тоже, есть все-таки очень жестокие дети. А разве он виноват?.. И сейчас, я уверена, его Валерка затянул, сам бы он не пошел... Товарищ капитан, вы там посмотрите, может, он не очень... Второй раз под суд, как такое пережить!..

Женщина утирает глаза концом несвежего передника, Рябчун неопределенно жмет плечами.

— Разберемся...

Уходим, ничего утешительного на прощанье не сказав. Спускаясь по лестнице, Рябчун говорит задумчиво:

— Сколько мне попадалось таких вот обделенных природой. Девчата их не любят, ребята дразнят. Очень остро переживают они свою неполноценность, потому и безобразят.

— Через преступление к самоутверждению?

— Что-то в этом роде. Попал в пакостную компанию, и уже он герой, уже Косой не обидное прозвище, а воровская кличка...

— Все гораздо сложнее, Андрей Петрович, — размышляю я вслух. — Гомер был слеп, Байрон хромотал... Людей сильных, волевых физический недостаток избавляет от мирских соблазнов, они дарят человечеству великие открытия, шедевры искусства. А слабые духом ломаются... Нет у наших подопечных яркой и ясной цели в жизни, живут одним днем. Приверженцы гнилой романтики, рабы собственных страстей и желаний. Не в те руки попал Виктор — вот в чем причина...

— Что говорить, — вздыхает Рябчун, — дали мы зевака с этим Ляминым...

Мы садимся в машину. Рябчун кладет руку на плечо водителю.

— Трогай, Гена, здесь уже до нас поработали. По-едем к Сергею Курсишу. Он же — Дылда, он же — Длинный...

В доме у Курсиша долго не открывали. Когда наконец дверь распахнулась, я увидел высоченного парня с помятым, будто только с подушки лицом.

— Спал, что ли? — Рябчун нырнул под руку великана и прошел в переднюю.

— А что, нельзя? — огрызнулся Курсиш.

— В канаве не рекомендуется, — спокойно ответил участковый, явно намекая на реальную ситуацию, потому что парень сразу скис.

— С Валетом давно встречался?

— Нужен мне ваш Валет! — угрюмо буркнул дедина.

— А ты, Сережа, негостеприимный хозяин, — мягко укорил Рябчун. — Пригласил бы гостей в комнату, чайком бы напоил. Или ты чай не употребляешь?

— Я все больше на какаву нажимаю, — ухмыльнулся верзила.

— Тоже красиво, Сереженька, тоже годится, — балагурил Петрович, а сам тем временем щупал взглядом вещалку, как бы случайно открыл дверь на кухню. — Мы тут с товарищем небольшой променаж совершали, дай, думаю, загляну к старому знакомцу. Ты уж меня, Сережа, не позорь перед другом. Я ему так тебя расписал, а ты вон даже стул не предложишь... Ну что, долго еще нас в коридоре держать будешь?

— Проходите, чего там, — процедил сквозь зубы Сергей. — Сейчас чайник поставлю...

— Насчет чаю это я так, к слову. Мы люди трудовые, нам чай гонять некогда. А кстати, ты почему не на работе?

— Мне сегодня во вторую.

— Звонил я, звонил в твой цех. Мастер о тебе хорошо отзывается. Значит, оправдываешь мою рекомендацию, не подводишь, спасибо. Надо полагать, со старым кончено, а, Сережа? Убедился, что в колонии жизнь не сахар?

— Да уж, завидного мало, — мрачно пробасил Курсиш. — Второй раз не потянет.

— Вот и хорошо, вот и ладненько... — Рябчун шагнул в комнату, мгновенно охватил ее взглядом. — Ты, Сережа, один в квартире?

— А кому тут еще быть? Отец в командировке, мать на службе.

— Так, так... Из дома сегодня не выходил?

— Нет еще. Да и куда пойдешь — вон какой дождь хлещет.

Рябчун хитренько чему-то ухмыльнулся:

— Насчет дождя это ты верно подметил — сухим не вернешься. — Внезапно улыбка исчезла с его лица, в голосе появились жесткие нотки. — А теперь, Сергей, скажи правду, кого ты в задней комнате прячешь?

— С чего вы взяли? — сердито бормотнул Курсиш, и щеки его пошли розовыми пятнами.

— Это хорошо, Сережа, что краснеть не разучился. Плохо другое — зачем старших в обман вводишь? Ну-ка, расскажи, кто к тебе вломился, не вытерев мокрых ног? — Рябчун пощупал коричневый плащ, висевший в прихожей. — Чей?

— Товарища одного, — отвел глаза в сторону Сергей.

Рябчун посуровел, от прежнего шутейного тона не осталось и следа.

— Вот что, Курсиш! Мы разыскиваем человека, совершившего тяжкое преступление. Есть основание подозревать, что он находится в этой квартире. Поэтому мы вынуждены ее осмотреть. Стой здесь, пока не позову. Пошли, Дим Димыч!

Мы подошли к двери, ведущей во вторую комнату, прислушались. Из-за тонкой перегородки доносился густой, смачный храп. Рябчун легонько толкнул дверь. В мягком кресле, запрокинув голову на спинку, спал пожилой мужчина, обросший недельной щетиной. Перед ним на журнальном столике стояла недопитая бутылка водки, тарелка с квашеной капустой и солеными огурцами.

Рябчун подошел к спящему, довольно бесцеремонно потряс за плечо. Мужчина дернулся, с трудом разлепил веки и уставился ословелыми глазами на погоны участкового. Вскочил, чуть не опрокинув столик, забормотал торопливо и жалостно:

— Ухожу, Петрович, уже ушел. Я ведь на минутку, дождь потому что...

Рябчун кольнул пьянчугу гневным взглядом.

— Ты, Сивцов, прекрати мне парня с пути сбивать. Сережа только на ноги становится, а ты ему подножку. Я падаю, и ты со мной. Так, что ли?

— И в мыслях не держал, Петрович, что ты, — суетился Сивцов, лихорадочно засовывая недопитую бутылку в карман. — Забежал после работы, чтоб, значит,

посидеть с устатку... культурненько и аккуратненько... А Серега с беленькой завязал, оказывается. Подвел он меня, ах как подвел... Пришлось одному почти всю бутылку выдуть... Легко ли это при моем-то здоровье?..

Он проворно шмыгнул в переднюю, сорвал с вешалки плащ и, не прощаясь, поспешно выскользнул за дверь. Правый ботинок у Сивцова, видимо, промокал — на полу остался более четкий след.

— Отличный специалист, когда не пьян, — сокрушенно покачал головой Рябчун. — Жаль, не часто это бывает... Сережа, что ж ты нам голову морочил? Мы тут черт-те что вообразили, а ты со своим напарником пузырек давишь.

Курсиш виновато переминался с носка на каблук. — Не пил я, Андрей Петрович...

Рябчун потрепал парня по плечу, для чего пришлось ему приподняться на цыпочки.

— И правильно, Сережа, держись, не поддавайся. Тут только начни, сам не заметишь, как покатишься... Мастерству учись, специалист он редкий, а больше, пожалуй, и нечему...

И снова мы усаживаемся в нашу «канареечку». Деликатный Гена ни о чем не спрашивает — все видно и так по нашим угрюмо-озабоченным лицам. Точнее, по моему — Рябчун, похоже, доволен, что его питомец оказался на высоте.

Чтобы разрядить гнетущее молчание, Андрей Петрович принимается рассказывать одну из своих бесчисленных баек.

— ...Меня в милицию за бдительность взяли, а до того работал я на кирпичном заводе в сторожевой охране. В нашем караульном деле что главное? Первое — глаз, второе — наблюдение. Ну и, конечно, анализ ситуации. Такой был случай: заезжает на территорию машина. Накладные, доверенность — все в полном ажуре. Пропускаю машину во двор, стою наблюдаю. Ничего примечательного — грузят и грузят. Только смотрю — водитель включился. Тут меня и забрало первое сомнение. Когда это было, чтобы шофер из-за баранки вылезал?..

— Не обязан, — компетентно подтверждает Гена.

— ...Ну ладно, думаю, парень молодой, вышел подразмяться. Этот момент я себе кое-как объяснил. Одна-

ко недоверие потихоньку грызет. Уж больно слаженно идет работа. Ни свар, ни перекуров, такой темп взяли — рубахи промокли. Ладно!.. Подходит машина к воротам, сигналист, чтоб выпустил. Я — в кузов. Гляжу, и мороз по коже: все кирпичи целехоньки, ни одного битого. Проанализировал я эту невероятную ситуацию, чувствую — дело нечисто. Тут я в милицию и позвонил...

— Ворюги? — спрашивает Гена.

— Расхитители соцсобственности, — уточняет Рябчун. — Все документы фальшивые: и накладные и доверенность. Вот после этого меня в милицию и приняли.

— За бдительность? — подмигивает Гена.

— За анализ ситуации, — солидно поправляет Рябчун. — Хорошо было в районе, спокойно. Всех ты знаешь, все тебя, успевай только к фуражке прикладываться. На дежурстве тишина тишайшая. Как в читальне: сиди, книжки почитывай. За целые сутки одно дохленькое происшествие. И опять тишина...

— Скукота, — зевает Гена. — Я б так долго не выдержал. Абсолютно!

— Хорошо тебе, неженатому, — с легкой грустинкой вздыхает Рябчун. — Гоняй хоть всю ночь напролет, никто слова поперек не скажет. А меня супруга разводом страшит, «угловиком» дразнит.

— Это что за словечко? Не слышал такого.

— Ну вроде «угол» я снимаю, домой только на ночь являюсь. Я говорю: «Дзидра, кому-то ведь надо город от скверны очищать, никто мою работу за меня не делает». Молчит. Плачет и молчит...

— Женские слезы дешевы, — бросает через плечо Гена.

Рябчун, всегда улыбчивый и благодушный, вдруг свирепеет.

— Ты, сержант, крути баранку да помалкивай! Ишь выискался знаток женской души! Девичьи слезы, верно, высыхают быстро, потому как от капризов. А женщины по пустякам не плачут. Еще поглядим, что твоя Наташка запоет, когда свадьбу сыграете...

— Она мне, Андрей Петрович, уже сейчас ультиматумы ставит. Выбирай, говорит, или я, или твоя работа.

— А ты что?

— Я выбрал работу. Абсолютно!

— Лихой ты парень! Ушла?

— Зачем? Порыдала, повздыхала и смирилась. Поэтому и говорю — женские слезы недорого стоят.

— Девичьи, Гена, девичьи, — сменяет гнев на улыбку Рябчун.

Я в этой бездонной дискуссии не участвую. В другой раз я не преминул бы вернуть что-нибудь ехидное насчет роли женщины в эволюции мужчины, потолковал бы о вредном влиянии мягкого женского сердца на формирование сурового облика работника уголовного розыска... А если серьезно, я действительно убежден, что семейное счастье не для нашего брата. Надолго ли хватит моей убежденности, не знаю, но пока держусь.

Вернувшись в отдел, я первым делом набираю номер следователя Сушко, докладываю бодрым тоном о безрезультатности поисков Валета.

— Этого можно было ожидать, — слышится спокойный голос следователя. — Видимо, установлены не все его связи...

Мы быстро согласовываем план дальнейших мероприятий по розыску Дьякова. К моему удивлению, Галине Васильевне известны такие тонкости милицейской работы, о которых я сам узнал совсем недавно. Ее советы конкретны и деловиты, остается в точности их выполнить.

5

Во вторник утром, едва я вернулся с оперативки у Бундулиса, раздался стук в дверь. На пороге вырастает могучего вида мужчина лет сорока пяти. Голова его упирается в притолоку, плечи еле умещаются в дверном проеме. Из-под локтя гиганта выглядывает уже знакомый мне Роман Фонарев.

— Здравствуйте! — густо басит здоровяк. — Нам Бурцев нужен. Не вы?..

Я указываю на стулья.

— Присаживайтесь, он скоро будет. А что у вас?

Посетитель шумно вздыхает:

— Происшествие у нас на комбинате из ряда вон. Слышали, наверно, — склад обообрали. Четыре мешка с пряжей утянули — это же громадная сумма... И будто бы всему головой Витька Лямин. Вот уж этому я никогда не поверю... Вы скажете — мастер, потому и защищает. Не скрою — обидно мне, повозился я с ним немало. Но я сюда не защищать его пришел, а разо-

браться по справедливости. Витька в этой краже пешка, настоящего главаря вам еще искать да искать...

С этими посетителями стоит потолковать поплотней: через Лямина можно выйти на Двякова.

— Вы ничего подозрительного в поведении Лямина не замечали? Хотя бы в последнее время? — спрашиваю я.

Мастер оглядывается на Фонарева, тот недоуменно качает головой.

— Вроде бы нет, — подумав, отвечает мастер. — Безотказный был малый: что ни скажешь — сделает, куда ни пошлешь — пойдет. Беспрекословно! И работал подходяще. В передовиках, верно, не числился, но и лодырем не назовешь. Вполне крепкий был середнячок. И зарабатывал прилично... Прямо не верится... Что его заставило, чего не хватало?..

— А вы что скажете? — обращаюсь я к молчаливому Фонареву. — Вы ведь вместе с Ляминым работали?

— Их верстаки рядом стоят, — уточняет мастер. — Я потому и взял его с собой, может, подметил что-нибудь важное.

Фонарев ерошит аккуратно причесанные волосы.

— Неловко как-то, Иван Николаевич. Вроде я пришел клепать на товарища...

На впалых щеках мастера взбухают крутые желваки.

— Выбыл Лямин из нашего товарищества, Рома. По собственной глупости и слабодушию. Рассказывай смело все, что знаешь.

Фонарев смотрит на окно, забранное прочной металлической решеткой, потом переводит взгляд на меня.

— По правде говоря, ничего особенного вспомнить не могу... Разве вот что... Любил Витька хвостануть своим уголовным прошлым. Может, этим все и объясняется... потянуло волка в лес...

Мастер несогласно качает головой:

— Нет, Рома, это не разгадка. Что-то мы все в нем проглядели. Сережа Курсиш тоже сидел, а сейчас? Кто про него скажет что дурное?

— Все так, Иван Николаевич, но не забудьте, что именно Курсиш привел Витьку Лямина в цех. Сережка — парень хороший, но ему последнее время не до Лямина. То с рацпредложением возится, то в вечернюю спешит. Вот Лямина и потянуло к старым друзьям.

— Упустили, прошляпили, — твердит Иван Николаевич. — И я в первую очередь.

— Ой, да ни в чем вы не виноваты, — заскороговорил Фонарев. — Просто молодые много хотят и мало имеют. В отличие от старых, которые имеют все, но уже ничего не хотят. Вот Витька и решил исправить эту несправедливость.

Иван Николаевич усмехнулся:

— Работать, значит, мальчики, а есть — мужички? Смотри ты, какую базу подвел! Гниленькая, но база... Фонарев тоже улыбнулся:

— Это у нас в курилке ребята тарахтели. Не сразу и сообразишь, что возразить...

— Вспомните, — обратился я к нему, — с кем дружил Виктор Лямин?

Фонарев теребит уже порядком взлохмаченные волосы.

— У комбината его часто ждал один парень... небольшого роста... какой-то весь костистый... Я заметил — он все время сплевывал через плечо. То ли ему действительно хотелось плевать, то ли он таким способом незаметно оглядывался...

Я кладу перед Фонаревым несколько фотографий.

— Посмотрите внимательно, нет ли здесь того парня?

Роман быстро растасовывает снимки и показывает на фото Дьякова.

— Похоже, что этот... — И вдруг вскакивает со стула. — Стойте, я же видел его в кафе «Пингвин». Он сидел с Витькой за дальним столиком, они, черти, глушили коньяк из фужеров...

— Когда это было?

Фонарев поднял глаза к потолку, зашевелил пухлыми губами:

— Сегодня вторник... воскресенье... суббота... в субботу мы работали... Пожалуй, в пятницу... Точно, в пятницу это было! Я зашел купить сигарет, а они дули коньяк. Целая бутылка на столе стояла! Вы думаете, они в тот вечер договаривались о краже?

Я промолчал. Каждый должен заниматься своим делом, самодеятельность может только повредить. Строить догадки и умозаключения позвольте уж нам, профессионалам, ваш свидетельский долг — сообщать факты. Со всеми подробностями и без искажений.

Пока я беседовал с Фонаревым, зоркий глаз мастера углядел в раскрытой папке название уголовного дела. В меня упирается его строгий, требовательный взгляд.

— Нашли того подонка, что моего сына поранил?

— Ищем, Иван Николаевич. Найдем — сразу сообщим.

Мастер тяжело поднимается, грузно ступая, идет к двери. На пороге оглядывается:

— Не дождусь я, видно, вашего коллегу, зайду в другой раз. Ты, Роман, тут тоже не расслаживайся, работа ждет...

Я записываю показания Фонарева и напряженно вспоминаю, откуда мне так знакомо его лицо. Пухлые губы, то ли детские, то ли чувственные, круглый, картофелинкой, нос, маленький, безвольный подбородок... Определенно я его где-то видел. В воскресенье, на квартире у Ксении Борисовны? Нет, раньше. Гораздо раньше...

— А ведь мы с вами из одной школы, — словно угадав мои мысли, говорит Фонарев. — Я в восьмом учился, а вы тогда уже десятый кончали. Вы меня, конечно, не помните, но вас-то все знали — ваша мать преподавала математику. Как здоровье Анны Викентьевны? Еще учительствует или уже на пенсии? Передавайте привет, мы все ее очень любили...

Ответить я не успеваю, в кабинет стремительно входит Бурцев — бодрый и деятельный.

— Дим Димыч, сейчас приведут одного субчика... У тебя посетитель? Извини, подожду...

— Это к тебе, Игорь Константинович. Насчет Виктора Лямина.

— Даже так? Очень, очень кстати. Подсаживайтесь поближе!..

Бурцев пересаживает Фонарева к своему столу, придвигает стопку бумаги. Я к их разговору не прислушиваюсь, я малюю на бумаге унылую рожицу: страдальческая складка поперек лба, уголки губ пессимистически опущены. Уж не автопортрет ли я нарисовал? А что, момент очень даже подходящий. Если верить словам Фонарева, Валет замешан в краже шерсти на комбинате. И он же нанес ножевое ранение таксисту. Два преступления подряд. Возможно ли это?..

Показания Фонарева зафиксированы. Он прощается с Бурцевым, протягивает руку мне:

— До свиданья, Дима! Не забудьте передать привет Анне Викентьевне.

Я не сентиментален, но мне приятно, что маму любят и помнят.

— Непременно, Рома, передам. Надеюсь, ты был ее любимым учеником?

Фонарев смешливо морщит свой далеко не римский нос.

— Ну, может быть, не самым любимым... Но все равно она меня вспомнит.

— Друг детства? — спрашивает Бурцев после его ухода.

— В одной школе учились...

— Ничего, парень смывленный, кой-чего рассказал. — Бурцев набирает номер, говорит в трубку: — Доставьте задержанного в семнадцатую комнату!.. Сейчас, Дим Димыч, приведут Лямина. Посиди, может быть, и для тебя что-нибудь найдется. Он, оказывается, был тесно связан с Валерием Дьяковым...

Стук в дверь, милиционер вводит угловатого, нескладного юнца. Он нервно передергивается и все время пытается спрятать руки в рукава. Я присматриваюсь — на левом запястье лиловая наколка: «В тюрьме мое сердце».

— Очень трогательное изречение, — язвит Бурцев. — Неужто так понравилось, что опять потянуло?

— Кореша накололи, — неохотно цедит Лямин. — Я не хотел, заставили...

— А в склад тоже заставили лезть? Или сам проявил здоровую инициативу?

— Ни в какой склад я не лез, — угрюмо нагибает голову Лямин. — Убей меня бог из рогатки!

— Э, дружище, так мы с тобой ни до чего путного не дотолкуемся, — огорчается Бурцев. — Я-то думал, что как человек бывалый...

— Как человек бывалый, я требую доказательств!

— А ты, Витя, оказывается, фрукт! — удивленно поднимает брови Бурцев. — Хоть и незрел, но уже с червоточинкой. Ладно, перейдем к неоспоримым и, следовательно, неотразимым фактам. Первое — в субботу ты дома не ночевал. Где был?

— Загулялся, переспал в подвале. Не хотел мать беспокоить поздним возвращением.

— Кто это может подтвердить?

— Никто, я один спал.

— Допустим, хотя и маловероятно. Далее. В субботу днем ты подозрительно долго крутился возле склада...

— Кто, кто меня там видел? — вскидывается Лямин.

— Не все ли равно, Витя? Видели и в любую минуту могут это подтвердить.

Лицо Лямина передергивает гримаса ненависти:

— Да, прогуливался, и что с того? Где сказано, что возле склада гулять нельзя? Где и кем?

Бурцев устремляет на Лямина пристальный взгляд.

— Резонно!.. И все-таки, Лямин, есть у нас доказательство, что именно ты побывал на складе. Совершенно случайно в столе кладовщика оказался мешочек с трудносмываемой краской. Тебя, Витя, погубила природная любознательность. Тебе захотелось непременно узнать: а что там звякает в этом мешочке, не деньги ли? И потом ты два часа просидел в ванной, но пятна так и не отмылись. Ну-ка покажи руку!

Лямин медленно и неохотно выпростал из рукава правую ладонь. На тыльной стороне светилось ярко-оранжевое пятно. Так вот что он так старательно скрывал от наших нескромных взоров!

— Надеюсь, теперь, Лямин, взаимопонимание достигнуто? Кто был с тобой и где похищенная шерсть?

— Никто, я один все сделал, — упрямо твердит Лямин.

Я приглядываюсь к Лямину — с его утлым телосложением четыре мешка не унести. Такой груз по плечу двоим, если не троим...

— Кто был с вами третьим? — задаю я вопрос Виктору.

— А второго вы уже знаете? — оборачивается Лямин и, поняв, что проговорился, кричит визгливо и отчаянно: — Никого со мной не было, я один, один, один!

— Вторым был Валет, — тихо, как бы про себя, говорю я и вижу, как заюлили, заметались раскосые глаза задержанного...

Мы с Рябчуном искали Валерия Дьякова, а он был совсем рядом, и пути наши не пересеклись по чистой случайности. Об этом я узнал несколько позже. А было так...

Валет уже вошел в подъезд, где жил Сергей Курсиш, как вдруг услышал шум подъезжавшей машины. Выглянул, и по глазам ударило ярко-желтой окраской нашей «канареечки». Перепуганным котом взлетел Валерка на пятый этаж и сразу же принялся открывать люк, ведущий на чердак. Бешено колотилось сердце, заглушая звук шагов поднимающихся по лестнице людей. Шаги все ближе, ближе, а люк не поддается. «Заперли, сволочи!» Шаги затихли на третьем этаже. Валет осторожно глянул в лестничный пролет. «К Сереге путь держат. Одного знаю: Петрович-моралист, а кто второй?.. Кем же это заинтересовалась родимая милиция? Длинным? Навряд ли... Меня ищут! Неужели Косой трепанул?! Подзалетел Витька, а жаль. Вроде все было чисто сработано... Что-то неуютно становится, пора подрывать...»

Спуститься вниз Валет не рискнул — вдруг оставили кого на входе. Он сел на подоконник, закурил. «Косой будет молчать. Знает, чем кончится, если в раскол пойдет... Домой бы смотаться... Прихватить денег и чекануть из города, пока не перекрыли... А вдруг засада? Нет, не пойду. Перехвачу у Длинного, пусть попробует отказать.. Ну, что они там застряли?..»

Внизу хлопнула дверь. Из квартиры Курсиша выбежал пожилой мужчина и, на ходу натягивая плащ, помчался по лестнице. «Кажется, Серегин напарник. Старик, старик, а ходулями перебирает бодро. Ишь как припустил!.. Чем же это его так напугали краснопёрые?..» При мысли о том, что он сам едва избежал встречи с работниками милиции, Валета заколотил озноб. «Минутой позже подъехала бы машина, и вляпался бы я прямо на квартире у Сереги. Смеху было — рот порвешь!»

Щелкнул замок этажом выше, на площадку вышла молодая женщина, одетая в красную кофточку и зеленую юбку. Она держала за руку мальчонку лет пяти, на нем была зеленая курточка и красные штанишки. «Вырядились как на обложку!» Валет втянул голову в плечи, неприязненно отвернулся к окну.

— Мама, мама, а что этот дядя здесь делает? — Мальчишка все оглядывался, пытаясь рассмотреть Валеркино лицо.

Женщина с тревожной торопливостью прошла мимо, ее голос слышался уже внизу:

— Дядя кого-то ждет, волнуется и курит...

— А зачем он курит?

— Дядя не бережет своего здоровья, ему не хочется долго прожить...

«Ха, тоже мне Макаренко в юбке! Ошибаетесь, голуба, хочется мне жить, и не как-нибудь, а с шиком. Чтоб, не моргнув, швырнуть швейцару десятку в зубы, чтоб вилась вокруг стая фирменных девочек, чтоб ловила каждое твое слово кучка прихлебал. А ты этак небрежно подскочившему официанту: «Организуй нам, браток, коньячку самого-самого и закусон соответственно... Для разгона, а там посмотрим». Это жизнь, я понимаю! Все остальное — уныние и серость... В Сочах сейчас самый сезон, вот бы куда махнуть. А на какие хрустики?..»

Валет так ушел в свои мечты и планы, что проморгал момент, когда работники милиции уходили из квартиры Курсиша. Увидел их уже садящимися в машину. «Тюх-тя! А если б они вздумали подняться выше? Ну и что, все равно бежать некуда...»

Валет дождался, пока уедет машина, и позвонил в квартиру Курсиша.

— Ты?! — Сергей был поражен.

Валет уверенно шагнул за порог.

— Шары навывкат, удивлен до опупения. Чему, спрашивается?

— Ты никого не встретил на лестнице?

— Как же, как же! Мы с Петровичем очень даже приятно раскланялись, поговорили за жизнь. Он, как всегда, поинтересовался, когда же я начну работать, я, как всегда, заверил — на днях. На том и расстались. А что им здесь надо было?

— Тебя искали!

— А вот это с их стороны напрасные хлопоты. Ищут преступников, а я, как ты знаешь, рядовой гражданин с незапятнанным прошлым и перспективно-заманчивым будущим.

— Облако в арифметику — вот твоя перспектива!

— Что-то ты, Серега, сегодня мрачно настроен. С чего бы?..

— Слушай, Валет, кончай баланду травить, мне скоро на работу.

Дьяков глумливо ухмыльнулся.

— А, я совсем забыл, ты же перековался, вкалываешь в поте мурла. И сколько кинули?

— Хватает..

— А все же? Может, и я надумаю.

— С прогрессивкой около двухсот.

— Вот видишь — около. А мне нужно выше. Извини, не подходит.

Курсиш тоскливо переминался с ноги на ногу. Чего ему надо, этому коренастому крепышу с холодными, наглыми глазами? Уж не пришел ли он звать на дело? Ну нет, сыт по горло!..

...Отмечали в теплой мужской компании день рождения Витьки Лямина. Выпили — показалось мало. Кто-то из парней постарше намекнул, что хотя магазин уже закрыт, но достать вина можно. Нужно только немного сноровки и много смелости. Ну-ка, кто у нас самый бесстрашный? Полезли два орла-удальца: сам именинник и Сергей. Сложили в рюкзак пять бутылок коньяка, десять бутылок шампанского, пятнадцать плиток шоколада. Собрались уходить, и тут нагрянула ночная милиция. И был суд, и был приговор...

В колонии они с Витькой Ляминам дали друг другу слово никогда больше не нарушать закона. А потом Витька сошелся с Валетом, тот постепенно прибрал его к рукам. Все о чем-то шушукались, когда подходил Сергей, умолкали... Вернувшись домой после отбытия наказания, Курсиш пытался поговорить с Виктором, напоминал о клятве.

— Что ты с Валетом связался? — предостерегал Курсиш. — Опять спалиться хочешь?

— Попадаются одни дураки, — твердил Виктор. — Мы с тобой тогда по дурости влипли, по неопытности.

— Салага ты, салага, тебе скажут, ты и рад повторять. Хочешь, в цех к нам устрою?

— Давай, — равнодушно соглашался Лямин. И не приходил к условленному часу.

Однажды Сергей решил зайти к Дьякову. Дверь ему открыла сухонькая старушка в ночном чепце.

— А, Длинный, — высунулся из комнаты Валет. — Проходи!

На старинном буфете из мореного дуба в чинном порядке расположилась устрашающая армада пустых бутылок с завлекательными этикетками.

— Бедовая у тебя коллекция, — усмехнулся Сергей.

— Соединяю приятное с приятным. Давай тяпнем для пополнения коллекции. — И он вытащил из шкафчика бутылку джина.

— Слушай, Валерка, оставил бы ты Витьку в покое. С таким «шефом» недолго ему гулять на свободе...

Валет отставил рюмку, зло прищурился:

— Ты ему кто — брат, сват или шурин по материнской линии?

— А ты?

— Я — сосед по нарам. Бывшим. Твой приятель — бывший — проходит у меня школу жизни. Сечешь?

— Я бы предпочел, чтоб он остался неграмотным. Хотел устроить в цех — не идет. Вот она, твоя наука!..

Валет задумчиво перекатывал в пальцах пустую рюмку.

— А знаешь, Серега, ты, пожалуй, прав. Хватит парню лодыря гонять, пора прибиваться к берегу. Ты где вкалываешь, не расслышал?

— На камвольном комбинате.

Валет даже подскочил.

— О, богатое заведение! Если смазать руки медом, кое-что прилипнуть может...

— Об этом не мечтай! Там контроль — будь здоров!

— Ох, рано встает охрана... Ладно, Серега, уговорил, я препятствовать не стану. Скажу больше — буду горячо рекомендовать...

После того разговора Витька на удивление быстро согласился пойти в цех учеником слесаря. Правда, виделись они нечасто — работали в разных сменах. Потом Сергей увлекся одним усовершенствованием и совсем забыл о Витьке, о Валерке. И вот неожиданное посещение работников милиции, и этот странный визит Валета... Что же ему все-таки нужно?

— Слушай, Длинный, хоть ты и перекованный, а старое добро обязан помнить. Кто тебя в зоне заслонил от Жорки Бузотера?..

Этот случай Курсиш запомнил до мельчайших подробностей. Жорка — здоровенный малый с бычьей шеей — кинулся на него без всякой причины, и туго пришлось бы Сергею, но на выручку подоспел Валет. Он шепнул Жорке пару слов на ухо, и тот мгновенно остыл. Много позже Сергей узнал, что это была просто инсценировка. Валет сам уговорил Бузотера напасть на новичка, сам же и защитил. Чтоб чувствовал себя обязанным. Мало ли — авось в будущем пригодится. Вот и пришел такой момент — надо отдавать должок.

— Решил я, Серега, податься в теплые края. На первых порах мне хватит рублей триста, займы, естествен-

но. При твоих доходах — это не расход. А чтоб ты не сомневался, что я тебе их верну, спрячь пока этот пакетик. Тут товару на все пятьсот.

Валет вынул из-за пазухи аккуратно перевязанный сверток, протянул Сергею. Тот медленно покачал головой.

— Денег у меня нет, я все до копейки отдаю матери.

Валет презрительно оттопырил нижнюю губу.

— Маменькиным сынком заделался, пай-мальчиком стал? Ладно, черт с тобой, перебыюсь. Схорони хоть пакет до моего возвращения.

— А потом трястись, как студень, прислушиваться к каждому шороху?.. Нет, Валет, с меня довольно. Сказано — завязал, и точка!

— Дрейфишь, паскуда! — яростно замахнулся Дьяков.

Сергей перехватил занесенную для удара руку Валета и, заломив ее за спину, повел непростого гостя к дверям.

— Ладно, Длинный, мы еще свидимся, — шипел в тоскливой злобе Дьяков. — Ты еще меня попомнишь!..

— Гуляй, гуляй! — хмуро отвечал Сергей, выталкивая Валета на лестницу.

Спустившись вниз, Дьяков приоткрыл дверь подъезда, осторожно выглянул. Никого, путь свободен. Он поднял воротник, надвинул кепку поглубже и ходко зашагал от дома. На троллейбусной остановке дождался, пока все войдут, сам вскочил последним. Пора, пора улепетывать, но прежде надо навестить одного человека. Этот надежный, этот не продаст.

...С Эриком Зариным Валет познакомился случайно. Шел мимо школы, видит — бежит по ступенькам, размахивая портфелем, пунцовощекий мальчуган. И весь прямо-таки светится.

— Что, Шкетик, пятерку получил? — остановил его Дьяков.

— Не-а! — мотнул головой мальчуган. — Меня из класса выгнали.

— Лихо! А за какую шкodu?

— Я три раза кошкой мяукнул и два раза петухом.

— Петухом мяукнул? Ну, ты юморист!..

Дальше пошли вместе. Валет щедро угощал мальчишку мороженым, исподволь выведывая нужные сведения.

ния. Отца Эрик не помнил, тот ушел из семьи незадолго до его рождения. Мать весь день была на работе, частенько прихватывала и сверхурочные, чтобы ее единственный сыночек ни в чем не нуждался. Учился Эрик прилично, вот только ничего не мог поделаться со своим веселым проказливым нравом. То принесет в школу живого мышонка — «девчонок попугать», то вымажет клеем учительский стул, то еще какую-нибудь каверзу учинит. Учителя упрекали мать за то, что плохо воспитывает, мать, ссылаясь на занятость, винила школу, что не может совладать с одним озорником...

Пока шли дебаты, кто в ответе за Эрика — семья или школа, воспитанием подростка всерьез занялся Валет. С боязливым восхищением слушал мальчишка рассказы о привольной воровской жизни, полной увлекательных походов. По речам Валета выходило, что все воры — люди смелые, умные, находчивые, и только нелепая случайность приводит их на скамью подсудимых.

— Если умненько повести дело, все будет в ажуре. Держись меня, Шкетик, со мной не пропадешь...

Впервые уверовал Эрик в удачливость своего старшего друга после того, как они вдвоем залезли в киоск Союзпечати. Валет взял деньги, янтарные украшения, а Эрику отдал марки, значки, авторучки...

— Спрячь пока у себя в сараюшке. И не забудь замки навесить. Один — на дверь, другой — на губы.

Приобщившись к тайне, Эрик заважничал, на своих однокашников он теперь посматривал свысока. «Жалкие зубрилки! Что вы знаете о романтике ночных вылазок, об опасности и риске?..»

Для Валета эти набеги были средством к безбедному существованию, для Эрика — захватывающей игрой. И уж совсем покорила Валет сердце мальчугана, открыв ему однажды свой тайник. Под выпиленной в полу доской хранился завернутый в холщовую тряпку трофейный пистолет «вальтер».

— Валера, дай поддержать! — взмолился Эрик.

— На! Только аккуратней, он заряжен.

На вспотевшую от волнения мальчишескую ладонь лег пистолет — настоящий, заряженный. Вот было б здорово засесть где-нибудь в потайном месте и стрелять, стрелять, стрелять в наступающих врагов. Как в кино!.. Но ведь то кино. А в жизни: где они — враги?..

— Валера, а в кого ты собираешься стрелять?

— В кого? — прищурился Валет. — Кто будет покушаться на мою свободу, в того и выстрелю. Понял, Шкетенок?!

Эрик вздрогнул — всегда насмешливые глаза Валеры сверкали яростью и злобой. В эту минуту подросток особенно остро почувствовал, что их ночные похождения далеко не безобидны. Валет понял, что малость перехватил.

— Я пошутил, Шкетик, — успокоил он Эрика, мягко отбирая пистолет. — Мне его подарил один хороший друг, на память. Пусть лежит, есть ведь не просит. Но смотри, если кому хрюкнешь. Из-под земли достану!..

— Могила! — поклялся Эрик, зябко поводя плечами. Теперь, когда он знает самую страшную тайну Валета, назад, к тихой, бестревожной жизни, дороги нет. А, ладно, будь что будет!..

Эрик жил на окраине, в доме, куда еще не дотянулись блага цивилизации. Валет вошел во двор, сплошь заставленный дровяными сарайчиками, свистнул. И тотчас по лестнице дробно затопотали быстрые мальчишеские ноги. Эрик сбежал с крыльца и кинулся к Валету.

— Валерка, беги, мы пропали!

— Тихо ты, шмакодявка! — Валет схватил мальчишку за шиворот и понес, как котенка, за сарайчик. — А теперь рассказывай. Четко, внятно, без эмоций!

— Косого взяли, как же это, Валера? Ты же говорил, если умненько обстрипать... Я больше не хочу, я боюсь... Это было так страшно... Я стоял в соседнем подъезде и все видел. Он шел с заложенными назад руками, с опущенной головой. Он был такой маленький и жалкий... И ничего геройского... И я представил, что и меня вот так же... И все будут смотреть, и никому меня не будет жалко... кроме мамы... Не хочу! Не хочу! Не хочу!..

— Цыц, малявка! — Валет одним ударом свалил Эрика на землю. — Разнюнился, тошно слушать. Запомни — назад пути нет, пойдешь со мной до конца. Никто нас не видел, Косой будет молчать. Я на время скроюсь, пока тут все не утихнет. Товар надежно упрятал?

— Я его дровами закидал, — всхлипнул Эрик.

— Молодец, Шкетенок, из тебя выйдет классный конспиратор. Жди, я скоро вернусь, вот тогда заживем.

Но если кому-нибудь пикнешь... Ты меня знаешь, я зря болтать не люблю...

Размазывая по щекам слезы пополам с дождем, мальчишка смотрел, как его кумир, втянув голову в плечи, поспешно уходит со двора. Эрик слизнул кровь с разбитой губы и поплелся домой.

7

И снова вороватые огляды через плечо, снова привычный прием — последним в троллейбус. «Хвоста» как будто нет... Чертов Шкетенок, угораздило же его связаться с этим малолеткой. Ненадежен, как украденный паспорт. А где взять надежных?.. Нет, определенно пора рвать когти, и, видимо, надолго, если не навсегда. Здесь начинает припекать... Пока не поздно — на вокзал — и прощай, Балтика, здравствуй, Черное море... «Пистолет», — вдруг обожгла мысль. Его надо забрать любой ценой! А если засада? Жаль, Шкетик расклеился, послать бы его на пробу... Спокойно, Валера, без паники. Дома они, конечно, уже побывали, Петрович мой адрес знает. Не застали, пошли по корешам... Косой... Длинный... Старуха рассказала, что я две ночи не был, вывод — домой больше не придет. Они меня держат за умного, а я прикинусь Иванушкой. Но сперва надо проверить...

К дому Валет подкрался огородами и долго стоял за кряжистым ясенем, настороженно всматриваясь и вслушиваясь. Тишина. Безлюдье. Только в песочнице под навесом одиноко ползал белобрысый Колька — сын соседки с первого этажа. «Вымираем понемножку, — криво усмехнулся Валет. — И поиграть-то бедняге не с кем».

Он поднял с земли камешек и бросил в свое окно. Кажется, никого. Стараясь держаться ближе к стене, короткими перебежками пробрался к входной двери, скользнул в подъезд. Поднявшись на второй этаж, хотел открыть дверь своим ключом, но передумал. Нажал кнопку звонка и сбежал на марш ниже.

Вышла Булкина — его квартирная хозяйка, осуждающе покачала головой: «Уж эти мне озорники!» Повернулась уходить, и тут показался Валет.

— Валерка, ты?.. — В голосе старушки звучал откровенный испуг.

Валет изысканным жестом приподнял берет:

— Ольга Павловна, хозяйюшка дорогая, мой вам молочно-диетический привет! Извините, если причинил беспокойство своим долгим отсутствием... Ответственная командировка, пришлось немного задержаться... У меня кто-нибудь был?

— Из твоих приятелей — никого.

— А из неприятелей?

— Кое-кто наведывался, — многозначительно сказала Булкина, пропуская Валета в квартиру. — Да ты и сам, поди-ка, знаешь?

— Догадываюсь, хозяйюшка, догадываюсь. Передавайте приветик при случае! Молочно-диетический, естественно...

Валет стремительно прошел в свою комнату, закрылся. Ольга Павловна прислушалась: заскрипели дверцы одежного шкафа.

«Никак в дорогу наострился мой постоялец... А кто за квартиру будет платить? За свет, за газ, за электричество? Полгода не плочено. Ну уж не-ет...»

Оставив дверь открытой, Булкина тихонечко вышла из квартиры и заспешила через дорогу к телефону-автомату...

Допрос Виктора Лямина продолжается.

— ...Зря, Витя, уперся, — увещевает Бурцев. — От фактов все равно не скроешься. За день до кражи вы пили коньяк в кафе вместе с Валерием Дьяковым по кличке Валет. В тот вечер вы и договорились совершить кражу...

— Кто, кто меня там видел? — истерично кричал Лямин.

— Не все ли равно кто? Показания свидетеля зафиксированы письменно, в любой момент я могу устроить вам очную ставку. Итак, где похищенная шерсть?

— Не знаю, ищите сами!

— Сколько человек было с вами?

— Один я там был, больше никого, — упорствует Лямин.

Бурцев с трудом скрывает досаду:

— Благородно, Лямин, но непрактично. Ваших подельников мы все равно разыщем, но скидки за чисто-сердечное признание уже не ждите. Вот так, Витя, может, одумаешься, пока не поздно?..

Лямин в ответ сердито сопит. Затянувшееся молча-

ние прерывает телефонный звонок: Валетова хозяйка сообщает о возвращении блудного сына.

Я прикрываю трубку рукой:

— Ольга Павловна, слушайте меня внимательно. В квартиру больше не возвращайтесь, это опасно. Ждите нас возле дома, мы выезжаем немедленно.

Я вынимаю из сейфа пистолет, вставляю магазин с патронами.

— Дим Димыч, может, помочь? — спрашивает Бурцев.

— Возьму Рябчуна, справимся, — беспечно отмахиваюсь я.

Ольга Павловна меня не послушалась, и это едва не кончилось трагедией. А было так...

Позвонив в райотдел, она вышла из телефонной будки, постояла у ворот. Небо заволокло окончательно, из облачной серости все сочился нудный, нескончаемый дождь. Булкина знобко передернула плечами. «Шаль бы накинуть, выбежала как оглашенная. Прошмыгну, авось не заметит. А и заметит, что за беда? Скажу — за хлебом ходила».

Булкина бесшумно вошла в квартиру и... машинально захлопнула дверь. Из комнаты тотчас выскочил Валет, в руке у него холодно поблескивал пистолет.

— Куда это вы отлучались, любезная хозяйюшка? — Валет был весь как сжатая пружина, в голосе звучала скрытая угроза.

— За хлебом я ходила, за хлебом, — растерянno лепетала старушка, не сводя замороженного взгляда с оружия.

— И что ж с пустыми руками? — Валет все больше мрачнел. — Очередь, что ли, велика? Или не завезли вашего любимого?..

— Не завезли, не завезли, — обрадованно закивала Булкина, бочком продвигаясь к своей комнате. — И очередь опять же...

— Врешь, старая карга! — Валет одним прыжком подскочил, занес над ее головой пистолет. — Убью, если продала!..

Слабо охнув, Ольга Павловна повалилась на пол в глубоком обмороке. В дверях раздался звонок. Валет подошел на цыпочках, прислушался. Осторожно, стараясь не звякнуть, навесил цепочку. Пробежал в свою

комнату, встал сбоку от окна, выглянул наружу. У стены стоял, поглядывая наверх, крепкий жилистый парень в спортивной куртке.

«Обязанности распределили четко. Только фигушки, меня так просто не взять...»

Вспомнив, что окно хозяйки выходит на другую сторону, Валет выскочил в коридор, перешагнул через старуху, вбежал в ее комнату...

Я стою, вжавшись в холодную кирпичную стену, и напряженно прислушиваюсь к тому, что делается наверху, в комнате Валета. Но там все тихо. Створки окна распахнуты настежь, отчетливо слышны протяжные звонки в дверь — это Рябчун.

«Неужели успел сбежать через окно?» — мелькает беспокойная мысль. Но тогда на земле остались бы вмятины. Нет, нет, он там, наверху, просто затаился...

Внезапно за углом дома слышится глухой удар о землю. Ах, мудрец, пробрался в комнату хозяйки и спрыгнул из ее окна!

Низкорослый крепыш приземлился с пистолетом в руке и теперь прячет его в карман. Меня он пока не видит, я стою за его спиной.

— Не ушибся, парашютист? — В моем голосе торжествующая насмешка.

Спина Валета вздрогнула, рука судорожно дернулась к карману.

— Не двигаться! Руки за голову!

Валет медленно поднял руки вверх и вдруг рванулся вперед, к песочнице, где «выпекал» куличи белобрысый мальчонка лет трех-четырех.

— Стой! — кричу я. — Стой, стрелять буду!

Но Валет не останавливается. Расчет преступника безошибочен: он знает, что стрелять я не стану — там ребенок. Сейчас главное для него выиграть время — во дворе полно сараюшек, за которыми легко укрыться, сразу за сараями садовые участки.

Где же Рябчун? Даю предупредительный выстрел вверх. Валета не видно, успел спрятаться за дровяником. Пригибаясь, бежит вдоль стены Рябчун. Как всегда в тревожную минуту, усы его топорщатся особенно воинственно и грозно...

— Осторожно, у него пистолет, — предупреждаю я. Рябчун что-то прикидывает в уме, говорит:

— Мы вот что сделаем. Ты, Дим Димыч, особо не высывайся, но следуй за ним неотступно. А мы с Генной поедem в обход, я знаю примерно, где он выйдет.

Не успевает он это сказать, как из-за угла, завывая сиреной, выскакивает юркий милицейский «козлик» — прибыл кинолог с собакой. Кинолог Ромуальд — высокий плечистый парень с густой шапкой медно-рыжих волос, — держа собаку на поводке, еле за ней поспевает. Мы — Рябчун, Гена и я — тоже стараемся не отставать.

След приводит к недостроенному зданию. Собака, нетерпеливо повизгивая, рвется внутрь. Кинолог вопросительно смотрит на меня — пускать?

— Пускай! Преступник вооружен, входить опасно.

Ромуальд отстегивает поводок, шепчет последнее напутствие:

— Не горячись, Кора, бери его с умом...

Овчарка устремляется в дверной проем. Немного погодя отправляется вслед кинолог. Гену мы оставляем у входа, сами тоже начинаем подниматься. Третий этаж... четвертый... Через секунду мы слышим почти одновременно хлопок выстрела, яростное собачье рычание и отчаянный звериный вой.

— Скорей туда! — приказываю кинологу. — Она его загрызет!

Ромуальд, перепрыгивая через три ступеньки, мчится на звук выстрела. Подбегаем и видим распростертого на полу Валета, тщетно пытающегося выбраться из-под навалившейся на него овчарки. Над преступником с пистолетом в руке стоит Ромуальд.

— Он убил мою Кору!.. — Губы кинолога дрожат от горя и ненависти. — Мерзавец, какую собаку сгубил!..

Присев на корточки, Ромуальд все гладит и гладит лобастую голову овчарки, стараясь не смотреть на кровавую рану в шее. Кора осталась верна служебному долгу до конца: смертельно раненная, она все же успела повалить преступника и не дала ему выстрелить еще раз — пистолет валяется в стороне.

Валета сотрясает мелкая дрожь, он непрерывно облизывает кисть правой руки, из которой сочится кровь.

— Будьте свидетелями, я стрелял в порядке самозащиты. И что это вообще за порядки — на людей собак спускать?

— На людей... — поднимает голову Ромуальд. — На людей Кора не бросается!

— А я, значит, уже не человек, скот я, значит, да?.. Все слышали? Нарушение процессуальных норм, оскорбление личности! За такие словеса недолго и жалобу накатать. В порядке прокурорского надзора...

Гримасничая и подвывая, Валет демонстрирует свою руку.

— Вот что ваша псина проклятая натворила! А если бы в горло вцепилась? Лежал бы я здесь трупом смердящим! Укол мне теперь делать надо, вдруг она бешеная?..

— Тут ты прав, Дьяков, на бешенство тебя проверить не мешает. — Рябчун надевает на левую руку Валета наручник, пристегивает цепочку к своей правой руке. — Ну, хватит балаганить, пошли!

Мы направляемся к машине. Позади, сгибаясь под тяжестью взваленной на плечи Кору, идет Ромуальд. Темные глаза овчарки уже подернулись безжизненной тусклиной...

8

Когда я вернулся в райотдел, Бурцев все еще допрашивал Лямина. На мой безмолвный вопрос он кисло усмехнулся:

— Темнит наш Витя. Уперся на первоначальных показаниях, и ни с места...

Лямина надо разговорить во что бы то ни стало, только тогда можно будет подступиться к Дьякову. По дороге я детально продумал план допроса Лямина, теперь предстояло его осуществить.

— Виктор, только что задержан ваш приятель Валерий Дьяков. Все зависит от того, кто первый начнет говорить правду. Вы-то знаете Дьякова лучше нас: для своего спасения он никого не пощадит, утопит вас как кутенка. Кстати, почему вы не предупредили, что Дьяков вооружен?

— Я не знал, не знал, — зачастил вдруг Лямин. — Он говорил, что у него есть «пушка», грозил, запугивал, но никогда не показывал. Я думал, он арапа заправляет, а оказалось...

— А оказался, Лямин, целый букет. Хищение государственной собственности, ножевое ранение таксиста, сопротивление работникам милиции. Прямо скажу, не-

уютно тебе будет сидеть с Дьяковым на одной скамье. Отблеск его «подвигов» падает и на тебя — его ближайшего друга и помощника.

— Это все он, он! — закричал Лямин. — Он уговорил устроиться на комбинат, он навел на склад. Он мною помыкал как хотел, я у него в «шестерках» бегал...

Бурцев писал протокол, я продолжал допрос:

— Кто был с вами третьим?

— Не знаю, чтоб мне век свободы не видать, — захлебывался в приливе откровенности Лямин. — Мое дело было пролезть в склад и перекинуть мешки с шерстью через забор. На той стороне ждал Валет и еще кто-то, а кто, я не видел. Они унесли шерсть без меня, Валет обещал потом выделить мою долю...

— Значит, ночевали вы не в подвале, как показывали раньше?

— В подсобке я всю ночь промаялся, а под утро махнул через забор.

— Почему только утром, почему не сразу после кражи?

— Не знаю, так Валерка велел. Наверно, чтоб охрану не всполошить...

Настолько беспрекословно привык Лямин подчиняться чужой злой воле, что даже на миг не задумался над бессмысленностью приказа. Попробую хоть сейчас открыть ему глаза.

— Все очень просто, Лямин. Дьяков не хотел, чтобы вы знали, где будет спрятана шерсть. Так что вряд ли вы дождались бы своей доли... А теперь, Виктор, слушайте меня внимательно. В котором часу вы перекинули мешки? Попытайтесь вспомнить весь тот день, час за часом.

Лямин наморщил лоб. Как же все произошло? Последнюю субботу месяца объявили рабочей — комбинат не справлялся с планом. Виктор работал в первую смену. В три часа все пошли по домам, а он, не доходя до проходной, вернулся: мол, забыл станок выключить. Впрочем, в цехе уже никого не было. Он юркнул в подсобку и стал дожидаться условленного часа...

«В склад полезешь около двенадцати ночи, — негромко наставлял Валет, разливая коньяк. — Пропажи хватятся не раньше понедельника, к тому времени успеем эту шерсть загнать. И все будет шито-крыто...» — «А если заметут?» — спросил тогда Виктор, преданно, по-собачьи заглядывая в глаза своему «наставнику». Валет

подлил коньяку в его фужер. «Пей, Косой, и не поднимай волны. Ты меня знаешь не первый день, все продумано до тонкостей. Но в случае чего запомни — ты был один. Если дохнешь на меня в милицию... Ни один хирург не соберет, всю жизнь на аптеку горбачить будешь!..»

...Виктор посмотрел на часы — без пятнадцати двенадцать. Пора! Как раз к этому времени сторожа ведомственной охраны заканчивали очередной обход территории и забирались в свою будку чаевничать. Виктор подошел к забору, тихонько свистнул. В ответ услышал два коротких свистка.

Прогуливаясь днем возле склада, Лямин заметил проржавленную решетку на вентиляционном отверстии. Сорвать ее не составило труда даже голыми руками, без инструментов. Через образовавшийся люк Виктор протиснулся в склад, через него же вытащил четыре мешка пряжи в бобинах. Чуть не подпортил дело сторож, внезапно появившийся из проходной. Этот хромоногий старик всегда очень бдительно ощупывал Лямина взглядом, раза два даже обыскал. Вахтер стоял и настороженно всматривался в тот затемненный угол, где притаился Виктор... То ли сторож решил, что подозрительный шум ему лишь почудился, то ли лень было дойти до склада — проверить, но с места он не сдвинулся. Постоял-постоял и снова ушел в помещение. Виктор выждал еще немного, подтащил мешки к забору и один за другим перекинул на ту сторону. Конечно, он и сам мог бы перелезть, помочь отнести шерсть. Но раз Валет велел остаться...

Меня терзает смутная догадка, в которой я боюсь себе признаться.

— Вы уверены, Лямин, что там, за оградой, стоял именно Валерий Дьяков? — спрашиваю я.

— А кому ж там еще быть? — искренне удивился допрашиваемый.

— Он что-нибудь вам сказал, вы слышали его голос?

— Разговаривать, даже шепотом, Валет запретил. Когда мешки были переброшены, он дал один длинный свисток...

— Понятно. Продолжайте!

— Остальное вам известно, — сказал Лямин, обращаясь к Бурцеву. — Сами ведь меня из дому выковыряли, и позавтракать толком не успел. Никогда не ду-

мал, что так быстро меня сцапаете. Да что говорить — штучная работка!..

Бурцев насмешливо поклонился:

— Сердечно тронуты высокой аттестацией нашего скромного труда. Постараемся и в дальнейшем оправдать и не уронить...

— Надолго я теперь засел, гражданин начальник?

Бурцев пожал плечами:

— Авансов давать не стану, но полагаю — суд учтет чистосердечное признание. Хоть и не сразу, но заговорил, дал ценные показания.

— Боялся я, гражданин начальник. Вы его не знаете, он ужас какой мстительный...

— Не того ты, Витя, испугался! Бездумно прожитой жизни надо страшиться, горя, которое ты причинил своей матери, презрения товарищей по цеху, которые тебе поверили...

Лямина увели. Бурцев достает новый бланк.

— Дим Димыч, как будем Валета допрашивать: вместе или?..

В его голосе слышится просительная нотка: только что я блестяще разговорил Лямина, а Дьяков — орешек покрепче, и моя помощь может оказаться очень кстати. Зауважал меня Бурцев, определенно признал мои незаурядные аналитические способности. Для полного триумфа не хватает сущей безделицы: уверенности, что Валет тот, кто мне нужен. Одно из двух: или Дьяков причастен к нападению на таксиста, или... если верить Лямину...

— А разве невозможен вариант «и — и»? — возражает Бурцев.

— В один день два преступления?.. Да что день? Часа не прошло! Смотри: в субботу в двадцать три часа нападение на таксиста, а в двадцать три сорок пять Валет уже пересвистывается с Ляминым. Тут есть над чем подумать...

Бурцев подходит к карте района, которая висит на стене, замеряет расстояние.

— Комбинат в полчаса ходьбы от Гончарной. Бегом можно добраться минут за двадцать. Если взять такси...

— Вертолетом, Игорь Константинович, еще быстрее. Временного алиби у него нет, но психологически... Можешь ты представить человека, всадившего в ближнего

нож и преспокойно отправившегося на заранее подготовленную кражу? У меня это как-то не укладывается...

— Знаешь, Дим Димыч, обычная житейская логика тут не проходит. Преступление — всегда патология, приходится быть готовым к любым неожиданностям. Но если ты прав, тем хуже для тебя. Я тогда забираю Дьякова со всеми потрохами...

Подтянутый молодцеватый конвоир вводит задержанного. Прокушенная собакой кисть уже перевязана, Валет бережно придерживает ее рукой, стараясь обратить наше внимание. Надеется разжалобить, что ли?.. Он вообще разыгрывает пай-мальчика: вежливо, даже почтительно здоровается с Бурцевым, просит разрешения присесть. Пока Бурцев выясняет для протокола анкетные данные, я решаю наиглавнейший для себя вопрос: он или не он? Что мне известно о Валерии Дьякове? Меньше, чем хотелось бы, но и не так уж мало...

Отец — машинист тепловоза, мать — приемщица в ателье химчистки. Дьяков-старший ушел из семьи, когда сыну было десять лет, это подействовало на мальчика оглушающе. Отец преподавал Валерке первый урок жестокости: ушел и ни разу о нем не вспомнил (у второй жены родилась девочка, и она не разрешала мужу видеться с сыном, боясь, что он может вернуться к прежней семье). Мать после ухода мужа опустила, стала выпивать, водить в дом мужчин, и сын проникся к ней жалостливым презрением. Домой не тянуло, все больше времени стал он проводить на улице. А потом появились дружки, точнее, кореша...

Я вглядываюсь в резко очерченное лицо Дьякова, утяжеленное прямоугольным литым подбородком, я пытаюсь найти в его холодно-усмешливых глазах следы смятения, испуга, ну хотя бы крохотной тревоги. Ничего похожего! Будто не он час назад пытался скрыться бегством, будто не он в субботу напал с ножом на таксиста. А что, если действительно не он? Приметы, названные матерью потерпевшего, слишком общи и неконкретны. Худощав, среднего роста, длинные волосы... Все это подходит и к Валету, и к сотням других молодых людей. Баки на щеках! Это уже из разряда особых примет. Баки у Дьякова есть, правда, не слишком бросающиеся в глаза. Или таксисту померещилось, или Валет успел их подстричь... Баки да еще подбородок. Выдающийся подбородок! В прямом смысле этого слова!..

— Итак, Дьяков, — начинает допрос Бурцев, — что вы можете рассказать об обстоятельствах кражи на камвольном комбинате?

Дьяков развязно бросил ногу на ногу, закурил, пуская дым затейливыми кольцами.

— В жизни там не был и понятия не имею, где он находится, ваш комбинат.

— Отлично! — удовлетворенно потер руки Бурцев. — Охотно верю, что адреса ресторанов вы знаете лучше. Но на этом комбинате работает ваш приятель Виктор Лямин. Неужели вы никогда не дожидались его у проходной, скажем, в день получки?..

Дьяков спокойно пожимает плечами.

— Мы для встреч находили места потеплей и уютней.

— Кафе «Пингвин», например? Но в субботу вы, кажется, сделали исключение? Где вы были в тот день с двадцати трех до двадцати четырех?

— Дома...

— Не лгите, Дьяков, там вас не было!

— А вы дослушайте! Я был дома у одной хорошей знакомой, провел у нее всю ночь...

Дьяков категорически отрицает свою причастность к краже. Лямин перебросил шерсть через забор? Ну и что же? А при чем тут он, Дьяков?

— Лямин-то что думал? Переброшу шерсть, потом перелезу сам, весь товар мой, и делиться ни с кем не надо. Перебросил, а тут идут мимо случайные прохожие. Видят — падает добро с неба, почему не воспользоваться. Подхватили — и драпака! Вот теперь их и ищите!

— Почему вы думаете, что прохожих было несколько? Вам что, известно, сколько шерсти похищено?

Валет снова закуривает, выигрывая время для ответа.

— Это я так, предположительно. Не такой человек Витька Лямин, чтоб мараться по мелочам. Любить — так королеву, красть — так на миллион!..

— Красиво сочиняете, Дьяков, даже завидно.

Ухмыляется нагло, глумливо: «Да, сочиняю, а вы попробуйте опровергнуть». И нечего, нечего противопоставить этому беспардонному вранью. Слишком мало знает Бурцев пока, и Дьяков, уйдя в глухую защиту, легко парирует его атаки. Ну что ж, попробуем зайти с другого бока.

— Скажите, Дьяков, вы знаете девушку с длинными черными волосами, распущенными по плечам?

Во все продолжение допроса Дьяков демонстративно меня не замечал, но сейчас вынужден ко мне повернуться.

— Заманчиво расписываете, гражданин инспектор. С такой кысочкой не отказался бы поиметь знакомство.

— Не спешите, Валерий, постарайтесь припомнить. Ваша хозяйка намного старше вас, но память у нее...

Дьяков тянется к сигаретам.

— Ах, вон что, растрепалась бабуса. Ну ладно, ходила она ко мне, дальше что?

— Вспомните, где живет эта девушка.

Валет сердито хмыкает:

— Она меня в гости не звала!

— И где работает, не знаете?

— А зачем ей ишачить? У нее мамаша состоятельная — прохарчит.

— А кем работает мамаша?

— Меня в основном интересовала дочка

Не очень изобретательно защищается Дьяков, но зато упорно. Девчонку его надо разыскать обязательно, она должна подтвердить, что именно Дьяков скандалил с ней на Гончарной. Если только это действительно был он... Кроме того, она может заинтересовать и Бурцева. Я перекидываю ему через стол показания Ольги Павловны — хозяйки Валета.

— Валерий, а как зовут вашу знакомую, вы, надеюсь, не забыли?

Валет пускает к потолку два четко очерченных кольца дыма.

— Граждане начальнички, ну зачем вам закапываться в мою глубоко интимную личную жизнь? В чем виноват — судите, а ее оставьте в покое. Могу я хоть в этом остаться джентльменом?

— Дьяков, мы с коллегой готовы прослезиться — нечасто встретишь в этих стенах такой высокий образец благородства. Но ведь все обстоит гораздо прозаичней. Передо мной показания вашей квартирной хозяйки. Дважды она видела, как ваша знакомая выходила от вас с довольно объемистыми свертками. Нас интересует, что было в этих пакетах и для кого они предназначались?

Валет покаянно склоняет голову.

— Ну что, вижу — вам все известно, прошу отметить

в протоколе чистосердечное признание. Сами понимаете, девчонка — первый класс, красotka, а я на морду малость подкачал. Вот и приходилось покупать ее любовь подарками. То коробку конфет в пакет завернешь, то вафельный торт за рубль двадцать. Грошовые, конечно, подарки, но где взять денег на дорогие? Не воровать же идти!

У Бурцева гневно запульсировала жилка на шее.

— Больше вам нечего сказать, Дьяков? Учтите, таким упорным заперательством вы только усугубляете свою вину...

Валет молча покуривает.

— Если вы не причастны к хищению шерсти, почему пытались скрыться? — спрашиваю я.

Валет лениво поворачивается в мою сторону.

— Сам не пойму, начальник. Вроде бы ни в чем не виноват, но раз бегут за тобой, надо делать ноги-ноги. Условный рефлекс! Согласно Павлову!..

Мне хочется хоть на минуту согнать с его лица выражение спокойного превосходства, кроме того, мне необходимо проследить за его реакцией.

— Не паясничайте, Дьяков! У вас была очень веская причина для бегства.

— Ну-ну, любопытно послушать. — Он снисходительно улыбается.

— В субботу, в двадцать три часа, вы нанесли тяжкое ножевое ранение таксисту Михаилу Носкову. Сейчас он в больнице, и неизвестно, выживет ли...

Мои слова производят совершенно потрясающий эффект. Валет рвет на себе рубашку, скатывается на пол и, судорожно суча ногами, заходится в надсадном пронзительном крике:

— А-а-а!.. Все, все на меня вали, начальник! И собаку, и шерсть, и таксиста! Вали на Серого, Серый все свезет! Беру, все беру на себя, что было, чего не было! Сидеть так сидеть!..

Вбежавшие конвоиры с трудом утихомиривают разбушевавшегося парня, о продолжении допроса не может быть и речи. Бурцев выходит распорядиться насчет отправки Дьякова в изолятор временного содержания, я иду за советом к Бундулису.

— Шатки и зыбки твои построения, Дим Димыч, — сказал Бундулис, выслушав мой рассказ. — Да и факты, которыми ты оперируешь, прямо скажем, скудны и недостоверны. Без доказательной базы все ваши обвине-

ния против Валета рассыплется на суде как песочный замок. Я не только тебя имею в виду, это и к Бурцеву относится. Если он не найдет похищенную шерсть, Дьяков проскользнет у него меж пальцев — версия случайных прохожих придумана очень ловко... Но вернемся к ранению таксиста. В котором часу вышел Дьяков из дому?

— В пол-одиннадцатого. Хозяйка слышала, как дверь хлопнула. В это время она досматривала по телевизору «Шире круг».

— А ты проверил?.. Вижу, что нет! Сколько раз тебе повторять: ничего на веру, ни одной малости. А тут такая деталь!..

Бундулис развернул телепрограмму и стал ее просматривать.

— Вот, полюбуйся, — передача закончилась в двадцать два пятьдесят. Мог Валет за десять минут дойти до Гончарной?

— Сомнительно, — промямлил я, не зная, куда деть глаза.

— То-то! К бабке-свидетельнице у меня претензий нет, она могла добросовестно заблуждаться. Но с каких это пор мы стали на непроверенных показаниях бабок строить свои фантастические версии?..

— Ивар Янович, — попытался я оправдаться, — мы работали не впустую, задержали опасного преступника.

Бундулис досадливо поморщился:

— Дьякова задержали бы и без вас, он фигура заметная. Меня сейчас больше беспокоит неизвестный преступник, ранивший таксиста. И отчитываю я тебя не за то, что пошел по ложному следу, это в нашей работе бывает. Беда в том, что ты слепо поверил одной версии в ущерб остальным. Валета ты поймал — хвала тебе и честь! А человек, совершивший тяжкое преступление против личности, не выявлен, следы остывают, все труднее найти свидетелей... Работать по принципу «тяп-ляп — и клеточка!» никто вам не позволит, лейтенант Агеев!..

9

После начальственной встрепки, которую задал мне Бундулис, я отправился к Сушко, коротко доложил о последних событиях, стараясь повыгодней осветить свою роль в задержании Дьякова.

В продолжение моего рассказа Сушко прилежно рисовала на чистом листе бумаги большие и малые треугольники. Нарисует, заштрихует, опять нарисует... Когда я кончил, она смяла листок и швырнула его в корзину.

— Все это прекрасно, Дмитрий Дмитриевич, но общий итог неутешителен: виновный не найден.

— Темно, Галина Васильевна! Случайная уличная стычка, очевидцев практически нет...

— Неправда! — Сушко пристукнула по столу маленькой крепкой ладошкой. — Есть свидетель, и главный притом, но его надо отыскать. Я говорю о девушке, за которую вступился таксист. Она не могла уйти далеко от места происшествия, все произошло в считанные мгновения. Должна же эта особа если не знать, то хотя бы догадываться о несомненной связи между ссорой и последовавшим за ней преступлением!..

— Пост хок — эрго проптор хок? — блеснул я эрудицией.

Сушко вскинула на меня длинные пушистые ресницы.

— Ого! Вы знакомы с латынью?

Я оскорбленно промолчал.

— Да, Дмитрий Дмитриевич, «после этого — значит поэтому». Хрестоматийный пример логической ошибки! Но в данном случае все было именно так: преступление последовало за ссорой... Ищите девчонку — она выведет вас на преступника!

— Ищем, Галина Васильевна, одновременно с преступником ищем девчонку. Но приметы слабоваты...

— Разве? Я беседовала с Ольгой Павловной, она ее описала очень выразительно.

— У Валета алиби, значит, отпадает и Черныш.

Сушко задумалась. Потом, видимо, окончательно утвердившись в какой-то мысли, потрянула каштановой гривкой.

— А вы заметили, как совпадают приметы этой девицы, названные матерью потерпевшего и хозяйкой Дьякова?

— Думаете, именно она была в тот вечер на Гончарной?

— Вполне вероятно. Допустим, Дьякова в тот вечер на Гончарной не было — он в это время готовился к приему мешков от Лямина. Но девчонка могла прогуливаться по этой улице с другим. Именно это и вызвало взрыв ревности у преступника. Нож предназначался

не таксисту, он стал случайной жертвой. Преступник взял нож для расправы с коварной изменницей или с удачливым соперником, который провожал в тот вечер его бывшую возлюбленную...

— Третьего никто не видел.

— Он мог уйти раньше, сбежать, испугавшись буйного ревнивца.

Я напряженно обдумываю версию следователя. Выходит, эта черноволосая красотка была сначала любовницей Валета, потом перекинулась на парня, который ранил таксиста, от него ушла тоже к кому-то... В принципе ничего невозможного тут нет — жизнь порой подбрасывает самое невероятное сцепление случайностей...

Третий час обхожу я парикмахерские нашего района. Одну за другой, по намеченному плану. В каждой отзываю в подсобное помещение заведующего или старшего мастера, кратко обрисовываю суть дела. Нет, таких дураков, которые добровольно захотели бы расстаться со своими гривами и баками, им не попадалось.

В каком-то переулке неожиданно натыкаюсь на салон красоты, не отмеченный в моем плане. В маленькой уютной парикмахерской никого, пустынно и тихо. Седовласый мастер, позевывая, читал газету и страшно обрадовался нежданному клиенту.

— Вас постричь, побрить? — спрашивает он, доставая из тумбочки белоснежную простынку. Я секунду колеблюсь и решительно усаживаюсь в кресло. А что, в самом деле, пусть пострижет, заодно и поговорим.

— Постригите меня так, чтобы этого никто не заметил.

— Пожалуйста, — улыбается мастер. — Причешу и отпущу. Устраивает? — И, не дожидаясь ответа, защелкал ножницами, разрезая загустелую мою шевелюру.

Парикмахер оказался очень словоохотливым, настоящим мастером разговорного жанра. Ни на секунду не прекращая трудиться над изысканной линией моего затылка, он произнес пылкий монолог о крайностях моды.

— ...Считайте меня консерватором, ретроградом, кем угодно, но вам никогда не убедить меня, что лохмы — это красиво. Вы скажете, что во мне говорит парикмахер, по милости новой моды сидящий без работы, и будете почти правы. Но то же самое я слышал от здра-

вомыслящих людей других профессий. А ваше мнение на этот счет?..

Я вижу в зеркале веночек седых волос, окружающих блестящую лысину, лукавый взгляд глубоких глаз. Симпатичный старикан и эрудирован весьма, с таким и поспорить приятно.

— Кое в чем, маэстро, вы правы, но, думаю, не стоит так драматизировать положение. Важно, не какие волосы, а что под ними. Длинные волосы были и у Гоголя и у Белинского...

— Им я прощаю, особенно Гоголю. Но назовите мне хоть одного гривастого, который сделал бы для человечества столько же!

— Уж не считаете ли вы, что длина волос обратно пропорциональна уму? — смеюсь я.

— Безусловно! — подтверждает парикмахер. — Львиную гриву отращивают для чего? Чтобы прикрыть ослиные уши! Вот вы, сразу видно, человек неглупый, потому и носите короткую прическу.

— Спасибо, маэстро, вы очень добры, — церемонно кланяюсь я. — И все-таки мне почему-то не верится, что вы целыми днями сидите без работы.

— Слезы, а не клиентура, — безнадежно машет рукой мастер. — По сравнению с прежним временем...

— Ну, вот в воскресенье, например, неужели никого не было? — приступаю я наконец к делу.

Мастер щедрой кистью намаливает мне щеки.

— В воскресенье, я отлично помню, было всего пять клиентов. Как вы думаете, могу я выполнить план с таким мизером?

— И среди пяти ни одного молодого?

Парикмахер помолчал, вспоминая.

— А вы знаете — был один. Он мне запомнился тем, что единственный из всех захотел расстаться со своей гривой...

— Он что, попросил постричь его наголо? — спрашиваю я как можно равнодушной.

— Ну, до такой крайности не дошло. Я просто сделал ему нормальную человеческую прическу. Но чем он совсем уж меня потряс, так это просьбой сбрить ему баки...

— Бывают же чудачки, — поддакиваю я. — При нынешней-то повальной моде... И что, красивые были баки?

— В том-то и дело, что да. Я уговаривал его изо всех сил, но он упорно стоял на своем. Представляете, он го-

ворил, что баки его заставляет сбрить любимая девушка.

— Даже так? Интересно...

— Да я тоже удивился. Какие все же изуверские способы придумывает женщина, чтобы проверить силу любви! «Если любишь — сбрей баки!» Вот и сбрил. Чего не сделаешь ради любимого существа? — И он лукаво подмигнул моему зеркальному отражению.

— Вы не могли бы поподробней описать его внешность? — спрашиваю я как бы между прочим. Однако парикмахер сразу становится предельно серьезным.

— Простите, с кем имею честь?

Я вынимаю удостоверение, раскрываю. Мастер делает таинственное лицо, зачем-то прикрывает дверь.

— Не в обиду будь вам сказано, я сразу догадался, что сели вы в мое кресло неспроста. Почему? Поживите с мое — не будете спрашивать. Зачем деловому человеку стричься, если неделю назад он уже был в парикмахерской! Две?.. Ну, так я на немного ошибся... Значит, вас интересует тот юноша? Скажу вам сразу — на преступника он непохож. Если он что-нибудь и сотворил, то, по всей вероятности, случайно...

— Однако скрывается от правосудия этот юнец довольно умело.

— Вы полагаете, он сбрил баки, чтобы изменить внешность? А вы знаете — очень может быть. Мне это как-то не приходило в голову.

— Что вам еще запомнилось?

— Знаете — очень заурядная внешность, не за что уцепиться глазу. Баки были единственной примечательностью. Теперь вам будет трудней его искать.

— Зато появилась косвенная улика. Без основательной причины с баками не расстаются. Сколько я вам должен?

— По прейскуранту — семьдесят копеек. А дальше — что ваша совесть подскажет.

Я протягиваю рубль.

— Достаточно?

— О, молодой человек, у вас очень красноречивая совесть...

Неуловимым движением старый мастер опускает рубль в карман халата, нежно очищает щеточкой воротник моей куртки. Сервис на уровне мировых стандартов! И всего за тридцать копеек...

Освященный материальной заинтересованностью обряд очищения закончен. Попрощавшись, я иду к выходу.

— Пойдите! — останавливает меня неуверенный голос. — Не знаю, пригодится ли это вам... От него пахло бензином... Странно — воскресный день, и костюм на нем был выходной, и галстук по последней моде. И все же я уловил запах бензина, очень слабый, едва заметный... Понимаете, он резко контрастировал с привычными парфюмерными ароматами.

— Вы думаете, это имеет отношение к его профессии?

Мастер озадаченно трет подбородок.

— Вот только сейчас я почувствовал, как тяжело произнести решающее слово. Я сегодня был не в меру болтлив и наверняка наговорил много лишнего... Но когда от твоего слова зависит чья-то судьба, я не могу... я не знаю...

— Успокойтесь, маэстро, от вашей догадки до судебного приговора вполне приличное расстояние. Выйдя от вас, он не сел в машину?

— Нет, я услышал бы звук мотора...

Итак, одна зацепка уже появилась. Правда, эта ниточка никуда пока не ведет, но она предвестница успеха. Ну и нюх у старика! Бензин ведь очень летуч и мгновенно испаряется. И все же парикмахер уловил его запах. Или это был водитель грузовой автомашины, причем не совсем исправной, или... Да, так тоже может быть... Он приехал на собственной легковушке или на мотоцикле, оставил неподалеку, а сам пошел в парикмахерскую. Потому-то мастер и не слышал шума мотора... Что ж, кто бы ни был этот парень, в осторожности и предусмотрительности ему не откажешь...

По дороге в райотдел заворачиваю в одно место. На почтительном отдалении от жилых домов посреди небольшого пустыря расположилась цистерна с пивом, прозванная местными остряками «магниткой» за неотразимую притягательность. Сюда в надежде «пообщаться» собирается самый разнокалиберный люд. Большинство, конечно, составляют рядовые пивохлебы. Однако попадаются среди них и тунеядцы, и алкоголики, и даже лица, объявленные во всесоюзный розыск. И хоть я не великий любитель пива, решаю пристроиться к длинному хвосту очереди. Долго ждать? Тем лучше. Будет время

присмотреться к публике — не исключено, что здесь могут оказаться интересующие нас люди.

Очередь продвигается довольно резво, и вот я у цели. Толстушка продавщица с хитрющими карими глазами обслуживает меня по первому разряду — с отстоем и доливом. Уверен — видит меня впервые, где работаю — не знает. И все же выхватила наметанным глазом из массы рядовых потребителей..

Беру свою кружку, отхожу в сторону и вдруг вижу старого знакомого. Гриша Прибылов по кличке Кирпич (это прозвище ему дали за багрово-красный цвет лица), окруженный группой собутыльников, рассказывает очередной эпизод из своей бурной жизни. Я особенно не вслушиваюсь, но улавливаю, что речь идет о субботнем «балдеже» в строительном общежитии.

Вдруг Прибылов взгляделся и, раскинув руки, пошел на меня.

— Здравствуйте, товарищ начальник! Каким ветром занесло к нашей «магнитке»?

Собутыльники, с хмурой опаской поглядывая на меня, начинают понемногу рассасываться. А Прибылов уже рядом со своей хмельной ухмылкой.

— Товарищ Агеев, хоть пивом и не положено, хочу с тобой чокнуться. Потому что правильный ты человек и вовремя предостерег от пагубного шага...

Действительно, был такой эпизод в жизни Гриши Прибылова. Стало нам известно о готовящейся краже из продовольственного магазина. Вызвал я Прибылова в отдел и дал понять, что милиция все знает, посоветовал отговорить своих дружков. Те не послушались и подзалетели. На Гришу этот случай подействовал отрезвляюще: стал меньше пить, устроился на работу...

— Дим Димыч, ты меня ув-важаешь? — тянет Прибылов ко мне мокрые обвислые губы.

Я деликатно отодвигаюсь.

— Да пока, Гриша, вроде бы не за что...

— Правильно, Дим Димыч, пока не за что, — легко соглашается Прибылов. — Но будет, это я тебе ответственно заявляю. А я тебя, Дим Димыч, все равно уважаю. Ты меня — нет, а я тебя — да...

Я отвожу Прибылова подальше от чутких ушей его недавних слушателей.

— Меня, Гриша, вот что интересует. В котором часу ты в субботу вышел из общежития?

Прибылов собирает лоб в гармошку.

— Значит, так, дай припомнить. Жинке я обещал в одиннадцать быть дома, следственно, в половине уже собирался, а без четверти вышел. С посошком, естественно...

— Какой дорогой добирался?

— Как всегда, кратчайшей. Сам знаешь — от Ключевой до Литейной короче, чем по Садовой, не пройти.

Я ощущаю легкую дрожь в коленках: Садовая проходит параллельно Гончарной. Но голос мой по-прежнему спокоен, даже ленив:

— По дороге никто не встретился?

— Да нет, пустынная была улица. Вот уже когда я на Литейную вышел, хлопец один мимо пробежал. Я еще подумал: куда в такую поздноту спешить? На работу — рано, в магазин — закрыто...

— Как он был одет?

— Плащ на нем был... светлый такой. На голове ничего.

— Куда направлялся?

— Как раз троллейбус трогал в сторону города, он почти что на ходу сел.

10

Чуть ли не бегом возвращаюсь я в райотдел. Еще бы — после длинной полосы невезенья наконец-то забрезжило вдали нечто конкретное. Конечно, сообщение Прибылова нуждается в проверке, и все же первая ниточка есть. А это вселяет надежду, что будет со временем размотан и весь клубок.

Перепрыгивая через три ступеньки, я взлетаю на второй этаж, врываюсь в свой кабинет, бросаюсь к телефону.

— Леша, ты? Найди Рябчуна, и мигом поднимайтесь ко мне. Есть отличные новости, Леша! У тебя тоже? Добро, посоревнуемся, кто кого удивит.

Не прошло и пяти минут, как оба помощника сидели напротив меня.

— Андрей Петрович, как успехи?

— Сижу в домоуправлении, просматриваю списки жильцов, кое-кого проверяю. Пока ничего обнадеживающего...

Чувствую — чем-то озабочен старый участковый, чего-то недогваривает.

— Что еще, Андрей Петрович?

Рябчун отмахнулся:

— А, ерундистика! Как-нибудь после...

Я поворачиваюсь к Волкову:

— Леша, ты собирался нас чем-то удивить?

Волков, скорбно разглядывавший на рукаве крохотное пятнышко, резко выпрямился.

— Не знаю, Дим Димыч, может, то, что я выяснил, никаким боком к нашему розыску не относится, но сообщить я обязан. Опрашивая жильцов, я наткнулся на студента Вольдемара Риекстиня. В минувшую субботу он провожал девушку, шли они по Октябрьскому мосту. Мимо них на большой скорости проехал мотоцикл. Возле политехнического института мотоциклист развернулся и помчался обратно...

— И что ты здесь нашел подозрительного?

— Время, Дим Димыч. Студент утверждает, что это случилось между одиннадцатью и полночью.

— Как был одет мотоциклист?

— Коричневая кожаная куртка, на голове шлем... Непонятно, почему он тут же повернул обратно.

— Ну, мало ли причин? Может, просто захотел проветриться, прокатиться.

— Так поздно?

— Именно в эти часы движение минимальное. Показания студента, Леша, запомним, возможно, они нам пригодятся, но у меня есть сведения поважнее. — Я сделал эффектную паузу, торжествующе оглядел своих подчиненных. — Так вот, други, преступник для бегства использовал не мотоцикл, а троллейбус девятого маршрута. И был он не в коричневой куртке, а в светлом плаще, что, кстати, соответствует показаниям потерпевшего и его матери. Предстоит срочно выяснить, кто из водителей работал в субботу поздно вечером. Учитывая, что троллейбусный контингент преимущественно женский, дело это поручается Леше, как мастеру устанавливать контакты с прекрасной половиной рода человеческого...

Волков отправился выполнять задание. Рябчун сидел, вздыхал, мялся, покашливал, пока я напрямик не спросил:

— В чем дело, Андрей Петрович?

— Такая ситуация, Дим Димыч, что неловко и говорить при всех. — Рябчун был смущен и расстроен. — Но и молчать не имею права...

— Давай, Петрович, без предисловий, самую суть.

— Суть, Дим Димыч, в том, что ошибся наш начальник.

— Бундулис?!

— Он самый. Понимаешь, Дим Димыч, никак я не мог успокоиться, что подставил тебя под разнос. Пошел к бабке, хозяйке Валета: «Ты что, старая, меня обморочила, время ухода квартиранта неправильно назвала?» Клянется всеми святыми — передача, мол, кончилась в пол-одиннадцатого. У нее, оказывается, часы старинные с боем, как раз и пробили один раз. Сую программу под нос, показываю — передача кончилась в двадцать два пятьдесят. Уперлась и ни шагу назад: «Мало ли что напишут, я своим часам больше верю». Не поленился я, сходил на телестудию. И что ты думаешь — права бабка: по техническим причинам трансляция из Москвы была прервана. Вот официальная справка. На студии мне объяснили: редко, но такое случается. Так что, Дим Димыч, рано нам выключать Валерку Дьякова из списка подозреваемых. Вполне мог он за это время добратся до Гончарной...

Рябчун заглядывает мне в глаза, пытаюсь отгадать, какое впечатление произвело на меня его сообщение. Но не зря я тренирую лицевую мускулатуру — ничего он там не прочел. И к лучшему, потому что мысленно я обрушиваю на его честную седую голову шквал и бурю. Ну что за наваждение — только успел освоиться с потерей Валета, только переключил мозги на парня, сбритого баки, и снова все летит «вверх кармашками», как метко выразился один знакомый подросток. Конечно, по всем параметрам Валет предпочтительней для предъявления обвинения: ранее судимый, в том числе за ношение холодного оружия, был интимно связан с девчонкой, которую видели на Гончарной... А куда тогда деть парня с баками? Чтобы их сбрить при нынешней повальной моде, надо иметь ой какую серьезную причину. Явная маскировка! Он сбросил эти баки, как ящерица хвост, чтобы улизнуть от преследователя. Ящерице, как правило, это удастся, удастся ли ему?..

Такая наша работа: выстраиваешь аргументы, как кубики, один к одному, кажется, вот оно, стройное здание истины, готово. Но приходит некто и вытаскивает из фундамента один кубик, всего один. И покачнулось с таким трудом воздвигнутое, и рухнуло, и все надо начинать сначала... Что ж, наверно, это и есть самое интересное в нашей работе. И напрасно милейший Рябчун так пере-

живает за ошибку начальника. В уголовном розыске не может, не должно быть уязвленных самолюбий: версий всегда много, но истина неизменно одна. И права на ошибку не лишен никто, в том числе и начальник. Лишь бы не упорствовать в ошибке, лишь бы вовремя ее исправить...

Значит, на старую колею? Назад, к Валету?.. А не сходить ли мне снова в больницу? Покажу таксисту снимок Валета, опознает ли его среди трех? С этой версией надо разобраться до конца, чтобы сосредоточить все силы на сбившем баки...

И вот я снова в отделении реанимации. За прошедшие дни я несколько раз справлялся о состоянии здоровья Носкова. Иногда отвечал Сеглинь, иногда — медсестра: «Без изменений... положение тяжелое... надежды не теряем...» В каком состоянии таксист сейчас? Смогу ли я с ним разговаривать? Нужно тщательно продумать вопросы, на которые я хочу получить ответ.

Сеглинь встречает меня как доброго знакомого и потому особенно не церемонится: кивком головы предлагает обождать и тут же убегает. Видимо, в отделении произошло нечто чрезвычайное: в кабинет то и дело заходят врачи и медсестры, тихо о чем-то совещаются, куда-то звонят. До меня доносятся отрывистые фразы: «Пульс не прощупывается... давление упало... срочно требуется переливание...»

Сеглинь возвращается через десять минут, усаживается рядом. Он радостно возбужден, даже мурлычет что-то вполголоса — видимо, опасность, грозившая больному, миновала не без его участия.

— Ну, инспектор, рассказывайте! Как успехи? Поймали того негодяя?

— Доктор, мне нужно еще раз поговорить с таксистом.

— Ис-клю-че-но! Ка-те-го-ри-чес-ки!

— Неужели ему так плохо?

— Напротив, ему гораздо лучше. Но именно поэтому я вас не пущу! Сегодня ему лучше, а что будет завтра, мы не знаем. Он все еще на грани. И я не хочу, чтобы ваше посещение нарушило достигнутое с таким трудом равновесие. Спрашивайте меня, я готов ответить на все ваши вопросы.

Странно, ведь он не намного старше меня, а я безропотно принимаю от него горькие пилюли. Тяжкий груз ответственности за жизнь человеческую... Он вырос-лит, он на многое дает право.

— Позавчера, когда я вам звонил, вы ответили, что Носков без сознания, бредит. Я хотел бы знать, о чем говорил потерпевший в бреду. Знаете — поток подсознания, расторможенная подкорка... Меня, в частности, интересует, повторял ли он имя преступника, или называл другое?

Сеглинь задумчиво потирает переносицу.

— В бреду он все время звал мать... жену... Алла, кажется... совершенно четко называл имя Валера... Кроме того, были бессвязные выкрики: плащ, кровь, якорь, милиция...

— Поймите, он говорил — «якорь»?

— Да. Вам это что-нибудь дает?

— Пока не знаю, нам дорога каждая дополнительная деталь. Кто-либо, кроме родных, справлялся о его здоровье?

— Звонков очень много, звонят каждый день. Учителя из школы, где он учился, товарищи из таксопарка... Правда, один звонок мне показался несколько странным...

— Ну, ну, доктор!

В звучном баритоне врача появляются недоуменные нотки.

— Понимаете, все спрашивают: как состояние Михаила Носкова, Миши?.. И вдруг: «Будет ли жить таксист Еремин?» Разве у него есть еще одна фамилия?

— Кто звонил?

— Голос женский, с такой, знаете, жеманцей: «Скажите, пожалуйста, будет ли жить таксист Еремин?» Я даже сразу не понял, о ком речь. Переспросил: «Вы имеете в виду Мишу?» — «Да, да, — обрадованно так подхватила, — Мишу Еремина». Ну, ответил, что положено отвечать в таких случаях.

— Еще были вопросы?

— Спросила, пускают ли к нему? Я ответил, что нет.

— Вы не поинтересовались, кто звонит?

— Как же, спросил. «Очень хорошая знакомая», — хохотнула игриво и повесила трубку. Я, признаться, даже расстроился немного. Хотя если вдуматься...

Я поднимаюсь, протягиваю Сеглиню руку.

— Доктор, не будем делать скоропалительных выводов. Кое-какие догадки у меня есть, но они нуждаются в проверке. Благодарю вас, доктор, вы нам дали очень ценные сведения.

Я ухожу из отделения с таинственно-непроницаемым видом человека, посвященного во все мыслимые тайны бытия, но это не более чем очередной приступ пижонства. Какие там догадки! Известие о звонке — ошеломляющая неожиданность, тут есть над чем поломать голову. Кто она — игривая жеманница? Знакомая времен холостяцкой вольницы? Тогда почему назвала его по фамилии, а не по имени? А главное — откуда у Михаила Носкова вторая фамилия?..

На выходе из ворот больницы ко мне бросилась мать Носкова. Признаться, я не сразу ее узнал. Обтянутые кожей, исхудавшие скулы, горячий блеск изможденных глаз...

— Товарищ инспектор, скажите хоть вы правду, он будет жить? Врачи утешают, на то они и врачи... Но вы-то можете ответить?

Стараясь не встречаться с ней взглядом, бормочу что-то успокоительно-обнадеживающее: «Врачи обещают, будем надеяться».

— Я каждый день варю ему свежий куриный бульон и каждый раз слышу: «Пока нельзя...» Ну чем, чем я могу ему помочь?

— Ксения Борисовна, поверьте, врачи делают все возможное. Организм у Михаила молодой, сильный...

— Он у меня спортсмен, борьбой занимается. Сколько у него грамот за выступления!

— Ксения Борисовна, хочу задать вам деликатный вопрос... Не было ли у Михаила увлечений, о которых не знала бы его жена? Вы понимаете, о чем я говорю?

— Что вы, он у меня застенчив, как барышня. И потом очень уж он Аллу любит. До знакомства с ней, не знаю, все может быть, но после... Нет, нет! А почему вы спрашиваете?

— О нем кто-то справлялся. Женский голос. И вот что странно — назвали фамилию Еремин.

Ксения Борисовна пожимает плечами.

— Что ж тут странного? Это фамилия моего второго мужа, Мишиного отчима. Удивительно другое — никто никогда Мишу так не называл. И в школе, и в армии,

и в таксопарке по всем документам он Носков. Кто ж это мог звонить?

— Ваш муж работает мастером на камвольном комбинате, не так ли? Знают ли там, что он неродной отец Михаила?

Ксения Борисовна задумывается.

— Точно не могу сказать.. Ваня ему как родной, никогда и не скажешь, что отчим...

Я торопливо прощаюсь. Сейчас мне нужно побыть одному и как следует все обдумать. Версия любовницы скорей всего отпадает, как-то она не смыкается со сложившимся в моем представлении нравственным обликом таксиста. Тогда кто же?.. Тогда — знакомая преступника. Он боится, что единственный человек, который видел его в лицо, выживет... он один желает Михаилу смерти... Преступник психует, он места себе не находит... В одну из таких отчаянных минут он просит знакомую девушку позвонить в больницу и узнать о состоянии своей жертвы. Девушка может ничего не знать, придуман какой-то невинный предлог. Итак, его знакомая звонит в отделение и называет фамилию Еремин. Из этого следует, что или она, или сам преступник работает на том же комбинате, что и отчим Михаила. Никто ведь там не знает, что фамилия таксиста Носков, все думают, что ранен родной сын мастера Еремина... Так, с этим, кажется, разобрались, надо будет побывать на комбинате... Остается «якорь»... Как это я не спросил?..

Я поворачиваю назад. Ксении Борисовны нигде не видно. Неужели уехала? И вдруг вижу ее в окне троллейбуса. Она сидит скорбная, бесконечно усталая. Стучу в окно, прошу выйти на минутку. Она еле успевает выскочить из трогаящейся машины.

— Ксения Борисовна, ваш Миша служил на флоте?

— Нет, он у меня ракетчик!

Ракетчик? А при чем тогда якорь? Первое лежащее на поверхности объяснение отпадает. Что ж, поищем поглубже...

11

Преступник каким-то образом связан с комбинатом, точнее, с цехом, где работает мастером Еремин. Эту версию необходимо было проверить — и немедленно.

Начальник отдела кадров Полынин, выслушав мой рассказ, сразу ухватил главную мысль.

— Короче, вам нужно узнать, сколько Валериев работает в прядильном цехе?

— Совершенно верно. И по возможности — несколько слов о каждом.

Полынин порылся в картотеке, выложил на стол несколько карточек.

— А вы знаете — не так уж много. Там вообще мужчин по пальцам перечесть. Ну вот, пожалуйста. — Он просмотрел первую карточку. — Орлов Валерий Артемьевич. Коммунист, ветеран труда, скоро на пенсию будем провожать. Отпадает! Далее... Валерий Мясников — комсомолец, учится заочно в политехническом. За этого тоже ручаюсь. Кто еще?.. А, вот этот может вас заинтересовать. Валериан Дюндин! Выпивоха, рвачишка, алиментщик... Был задержан на проходной за попытку вынести шерстяную пряжу. В тот раз ограничились разбором на товарищеском суде. Больше вроде бы не попадался. Подчеркиваю — не попадался, — поднял палец кадровик. — Выносил ли, нет ли — неизвестно...

Я сообщил приметы подозреваемого.

— Подходят в общих чертах, — кивнул Полынин. — Подробнее вам его охарактеризует начальник цеха.

Пройдя через комбинатский двор, я поднялся на второй этаж. Начальника цеха я в кабинете не увидел, зато был там... Бурцев. Ничуть не удивившись моему появлению, он кивнул мне на стул:

— Посиди, Дим Димыч, начальник обещал скоро вернуться.

— А ты что тут делаешь?

— Парень один должен подойти. Да ты его знаешь — Сергей Курсиш. Вы с Рябчуном были у него.

Курсиш, Курсиш... А, Длинный.

— Хочешь с ним потолковать насчет шерсти?

— Думаешь, не выйдет?

— Нет, почему же, парень он неплохой, только обидчив очень. Ты уж с ним потоньше...

— Будешь ты меня учить с уголовниками беседовать, — самоуверенно усмехнулся Бурцев.

Постучав, вошел Сергей Курсиш. Видимо, ему не сказали, кто его ждет, потому что, увидев меня, он сразу насупился и замкнулся.

Бурцев радушным жестом пригласил его сесть..

— Ну, Сергей, давай знакомиться. Я из угрозыска, разбираюсь с кражей шерсти...

— Ну и разбирайтесь! — вскинулся Сергей. — А я-то тут при чем?

Бурцев был несокрушимо спокоен.

— Вы, Курсиш, тоже имеете к этой краже отношение, правда, косвенное. Арестован ваш приятель Виктор Лямин, с которым вы отбывали срок в колонии. Это ведь вы его рекомендовали в цех? Или Роман Фонарев сказал нам неправду?

— Вы думаете, я устраивал Витьку с прицелом на кражу?

— Прямых доказательств у нас нет. — Бурцев говорил медленно, тщательно подбирая слова. — Начальник цеха дал вам самую лестную характеристику. Хотелось бы верить, что вы навсегда порвали с преступным прошлым, но...

— Что но, что но?! — Курсиш вцепился побелевшими пальцами в спинку стула, в глазах плескалась застарелая обида. — Неужели всю жизнь меня будет жечь позорное клеймо уголовника? Чуть где что случилось, сразу ко мне: Курсиш, не ты ли? Почему никто не хочет верить, что я завязал — окончательно и бесповоротно? Поймите — это меня оскорбляет! Со старым покончено навсегда, я теперь ничем не отличаюсь от любого работяги. И я требую к себе уважения, понимаете, элементарного уважения, как любой другой гражданин...

Бурцев резко хлопнул ладонью по столу.

— А ну, тихо, юноша! Уважения захотел! А не рано? Будет тебе и уважение, и почет, только не сразу — их еще заслужить надо. Ты себя с любым работягой не равняй! Он на работу каждый день идет, и в мыслях у него нет, чтобы где-то словчить или урвать. И не тянет его на легкие хлеба, как тебя в недобрый час потянуло. Со старым он порвал! Что ж, теперь прикажешь в ножки тебе за это кланяться?.. Ты еще государству не отквитал за тот вред, что нанес когда-то, и нечего из себя обиженного лепить. Допустим, лично ты честен и зла больше не сотворишь. А рядом твои приятели протягивают руки за народным добром. Что ты сделал, чтобы помешать, остановить, не дать свершиться преступлению?

Курсиш угрюмо молчал. Вроде правильные слова говорил Бурцев, а не принимала их душа Сергея. Слова были жесткими и громыхали, как колеса поезда, увозившего его в колонию. Разве он виноват, что Витька Лямин подло злоупотребил доверием коллектива?.. Вообще-

то вина есть: устроил на работу и отошел в сторонку — моя, мол, миссия на этом кончена. А Валет тут как тут со своими воровскими ухватками...

Бурцев спохватился — кажется, взят неверный тон. Пришел для душевной беседы, а сам закатил проповедь на полчаса.

— Понимаешь, Сережа, — мягким, почти заискивающим тоном продолжал Бурцев, — мы до сих пор не знаем, где похищенная шерсть. Лямин — сам в неведении, Дьяков скрывает. Где он может прятать шерсть, как думаешь?

— Я-то откуда знаю? — буркнул Сергей. — Я с ним на «дело» не ходил.

— Никто тебе этого не вменяет. Но, может быть, ты вспомнишь дружков Валета, у которых он мог припрятать похищенное?

— Знать ничего не знаю и знать не хочу! — упрямо мотнул головой Курсиш.

— Я вижу, вы не хотите нам помочь. — В голосе Бурцева снова зазвучали жесткие нотки. — Смотрите, Курсиш, как бы не пришлось пожалеть... Скрывать не стану — ваш авторитет на комбинате сильно пошатнулся после этой кражи. Как ни крути, ведь это вы привели Лямина в цех, вы поручились за него перед коллективом...

Сергей резко поднялся.

— Я могу идти?

— Идите, Курсиш, и хорошенько подумайте над всем, что здесь было сказано...

Курсиш вышел, демонстративно хлопнув дверью. Похмыкав, повздыхав, отправился вскоре и Бурцев. Я остался ждать начальника цеха. Мое терпение было вознаграждено с лихвой — от него я узнал немаловажную деталь: Дюндин был замечен в кустарных поделках — изготавливал на станке нож. Кухонный, правда, но с заостренным концом. Определенно, будет о чем мне с ним поговорить при встрече!..

Курсиш возвращался после смены домой хмурый и подавленный. Все-таки прав этот лысоватый из милиции: он тоже в ответе за похищенную шерсть. У кого же мог Валет ее спрятать?.. И вдруг всплыла в памяти недавно виденная сценка. Валет вразвалочку шагал по улице, а рядом семенил, подобострастно заглядывая ему

в лицо, худенький мальчонка с оттопыренными ушами. Сергей про себя дал ему прозвище Мышонок. Ранец был при нем — значит, сбежал с уроков... Надо узнать, какая в том районе школа. Охомутал Валет мальчонку, вполне возможно, что втянул и в кражу. Витьку Лямина прошляпил, попробовать хоть этого спасти...

На следующий день Сергей Курсиш стоял у ворот школы, высматривая мальчишку с торчащими ушами. Отзвенел последний звонок, из школьных дверей вырвалась голосистая ребячья ватага. Мышонка нигде не было. А вдруг он вообще не из этой школы?.. А — может, проглядел, и Мышонок давно ускакал домой?.. Нет, вот он! По ступенькам медленно спускался худенький мальчонка с потрепанным ранцем за плечами. Был он какой-то тихий, задумчивый и очень-очень одинокий.

Курсиш выкинул только что начатую сигарету и незаметно последовал за парнишкой. Впрочем, таиться почти не приходилось — мальчишка брел по улице, никого вокруг не замечая. Вскоре они вошли во двор, сплошь уставленный дровяными сарайчиками. Мышонок уже хотел юркнуть в подъезд, но тут его тихонько окликнул Сергей. Мальчишка вздрогнул и обернулся.

— Чего надо? — спросил он нарочито грубым голосом.

Сергей таинственно поманил его пальцем.

— Я — за товаром. Показывай — где?

— Ой, наконец-то! — просиял мальчишка. — А я уж чего только не передумал! Забирайте скорей эти мешки! Я мигом, за ключом только сбегаю... — И он исчез в подъезде.

Сергей прикидывал, как удобней начать разговор. Со всем зеленый мальчонка, хватило же у Валета совести впутывать его в свои нечистые делишки...

Подросток открыл сараюшку, кивнул на груды брошенных навалом дров.

— Все мешки там, забирайте!

— Успеется. — Сергей присел на деревянный чурбан, изрубленный топором. — Как тебя кличут?

— Валет дразнил Шкетиком, а вообще я Эрик. Разве Валет вам не говорил?..

— А меня звать Сергеем, — будто не слыша вопроса, сказал Курсиш. — Вот и познакомились...

Эрик всматривался в Сергея со всевозрастающей тревогой.

— Кто вы такой? Вас не Валет прислал... Может, вы

оттуда? — Эрик неопределенно помотал рукой в воздухе.

Сергей вынул сигареты, закурил, предложил мальчишке. Тот скорчил гримасу.

— И не пьешь?

— Пробовал, противно...

— Так какого же черта ты связался с Валетом?

Эрик молча ковырял носком землю. Сергей притянул его к себе.

— Вот ты, Шкетик, спрашивал, не оттуда ли я? Оттуда, парень, оттуда, хоть ты совсем о другом думал. Там, Шкетик, нет ни конфет, ни мороженого. Жизнь по звонку, день кажется годом. И попадают туда частенько такие же вот слепые кутята, как ты. Что, соскучился по Валету? Так он уже там, можешь повидаться!..

— Не хочу! Не хочу! — забился в его руках Эрик. — Я видел, как вели Витьку Косого. Не хочу!..

— А чтоб тебя не вели, как Витьку, пойди и все расскажи.

Эрик остоленело уставился на Сергея.

— А так разве тоже можно?

— А почему бы и нет?

— И не посадят?

Сергей ответил не сразу, он думал.

— Тебя навряд ли. Валету срок припаяют за вовлечение несовершеннолетних, а ты отделаешься легким испугом. Ну, вызовут родителей на комиссию в райисполком, ну, выплет тебе мать под рубашонку...

— Меня мать никогда не бьет!

— И зря. Сразу видно: драть бы тебя как сидорову козу, да некому. Пусть меня пригласят, я возьму недорого.

Эрик улыбнулся сквозь слезы.

— Воспитывать надо бесплатно...

— Ну, Шкетик, побалагурили мы с тобой всласть, пора за дело. Берем мешки — и ходу!

— Это куда же? — не понял Эрик.

— Ну, ты, малый, даешь! О чем же мы с тобой толкуем целый час? Отнесем шерсть в милицию, пусть возвращают на комбинат.

Эрик поежился.

— А может, сразу на комбинат? Дождемся темноты, в том самом месте и перекинем обратно.

— Э, Шкетик, так не пойдет. Зачем же мы доброе

дело втихую будем делать? Что ж это получается: похищали тайком и возвращаем крадучись?

Эрик вздохнул и начал разбрасывать поленницу. Вытащил мешки и сел, подперев подбородок кулаками.

— Вот вы спрашивали, какого черта я связался с Валетом? А хотите, я расскажу случай из жизни нашего класса?

— Ну-ка, ну-ка, — заинтересовался Сергей.

— Есть у нас учительница физики — Вера Петровна. Вот пришла она однажды в класс, открыла журнал. Все, конечно, пригнулись — пронеси, господи!

— Эрик Заринь, расскажи нам об основном законе гидродинамики!

Урок я выучил, оттарабанил сразу:

— Основной закон гидродинамики состоит в том, что жидкость сжатию не поддается.

— Правильно, Эрик! Теперь объясни почему?

— Потому что молекулы в ней сжаты до предела.

Уже учительница собирается ставить мне оценку, как вдруг басок на весь класс:

— Чепуха все это!

Оборачиваюсь. — Лешка Картузов, по прозвищу Мыслитель. А учительница вся в красных пятнах.

— Встань, Картузов! Если ты хочешь что-нибудь добавить, скажи об этом всему классу.

— И скажу! — лениво поднимается из-за парты Лешка. — Не подтверждает моя практика вашей теории, Вера Петровна.

— Любопытно, — улыбается учительница. — Значит, по-твоему, есть исключения из этого правила?

— Сколько угодно! — прет напропалую Лешка. — Вот, скажем, посылает меня мать за квасом. Знаю точно, мерил не раз — в бидончик входит ровно два литра. А из квасной бочки мне наливают два с половиной. Когда иду за пивом для отца, в тот же бидон втискивается уже три литра. Выходит, и квас и пиво поддаются сжатию, их можно утрамбовать при желании...

Лешка Картузов смотрит хитреньким глазом на физичку, а та платок теребит и молчит. Вот почему она промолчала, почему?..

Сергей мысленно поставил себя на место молоденькой учительницы. А что, в самом деле, ответить? Что есть еще у нас вороватые продавцы? А не смутит ли это чистую детскую душу?.. С другой стороны, рушится в глазах учеников первый закон гидродинамики. Ах, если

бы пединститут давал готовые рецепты на все случаи жизни!..

На Сергея выжидательно смотрели озерно-голубые глаза Эрика, в глубине которых пряталась лукавая смешинка: ну-ка, что ответит старший товарищ? Курсиш поднял с земли гнилую щепку.

— Есть у нас в цехе Валерка Дюндин. На мой взгляд, в нем сосредоточились все отрицательные качества: он и пьянчуга, и драчун, и рвачишка — все ищет работенку полегче да повыгодней. Ну вот рассуди теперь, Шкетик, можно ли его считать истинным рабочим? Он один у нас в цехе, один, но заметный: дня не проходит, чтоб его где-нибудь не прорабатывали. Я к тому говорю, что плохое всегда бросается в глаза, оно всегда на виду. Но по одной щепке обо всем лесе не судят, понял, Шкетик? — Сергей размахнулся и зашвырнул щепку в дальний угол.

Эрик упрямо потрянул головой.

— А Валет говорил, что все воруют, лгут, ловчат, приспособливаются. А если кто не ворует, так только потому, что дурак.

Сергей расхохотался.

— Ну, Шкетик, с тобой, я вижу, не соскучишься. Удобная философия: не воруют одни дураки, мы умные — потому и воруем. Так?

— Примерно, — смущенно улыбнулся Эрик.

— Дешево тебя купили, очень дешево. Впрочем, и меня когда-то не дороже... Ну и как, много радости ты получил от дружбы с Валетом?

— Он обещал мне помочь отца разыскать...

— Ах, вот еще чем он тебя завлек! Запомни, Эрик: никогда и никому Валерка Дьяков добра не делал. Не та натура, понял? Ну, бери тот, что поменьше, и потопали.

Эрик робко и жалобно заглянул в глаза Курсишу:

— Дядя Сережа, а меня вправду не посадят?

Сергей озорно подмигнул:

— Не трусь, Мышонок! Раньше сядешь — раньше выйдешь... Это у нас так в колонии говорили.

Я сидел в своем кабинете и писал повестку для вызова в райотдел Дюндина Валериана Георгиевича, 1956 года рождения, беспартийного... Выяснились два

настораживающих обстоятельства: Дюндин был в числе зевак, когда раненого таксиста увозила «Скорая помощь», и под глазом у него красовался здоровенный синяк, как будто он только что с кем-то подрался. С кем?.. Тут было над чем поразмыслить!..

Однако поразмыслить мне не удалось: дверь распахнулась и в кабинет стремительно вкатилась Булкина. В руке она держала большую хозяйственную сумку, из которой торчали куриные ноги и морковные хвостики.

— Здравствуйте, товарищ расследователь! — бухнула она с порога.

Я про себя чертыхнулся — вот уж не вовремя, — но изобразил на лице самую хлебосольную улыбку, на какую только был способен.

— Добрый день, Ольга Павловна! Проходите, присаживайтесь, рассказывайте...

Вроде бы ни я, ни Бурцев ее не вызывали. Сама пришла!

Ольга Павловна уселась основательно, готовясь к неспешному задушевному разговору.

— Вообще-то я хотела с Петровичем, участковым нашим, повидаться, но на худой конец можно и с тобой потолковать. Ты ведь тоже в законах соображаешь?

У кого спрашиваешь, бабуля? У выпускника юрфака, не добравшего одной пятерки до диплома с отличием? Я снисходительно усмехнулся.

— Кое-что смыслю. Так, самую малость...

— Да мне много и не надо, — успокоила Булкина. — Я почему пришла? Интересуюсь узнать, когда мне выплатят мои денежки?.. Или вот что — ты только укажи, где у вас тут касса, а уж я сама все разузнаю.

— Ничего не понимаю! Какие деньги?

— Как это какие, как это какие? — всполошилась старушка. — Полгода за квартиру не плочено, это пустяк, по-твоему?.. Да плюс за свет, за газ, за электричество!.. Валерка-то Дьяков — квартирант мой бывший — у вас, вот к вам я и пришла.

— Ах, вон оно что! Так это вам надо в суд обращаться. Там ваш иск рассмотрят и, по всей вероятности, удовлетворят. По государственным расценкам.

— По государственным? — разочарованно протянула Булкина. — Это что же, по десять копеек за метр?.. — Она быстро-быстро зашевелила губами, подсчитывая убытки. — Нет уж, спасибо, себе дороже... Увидите Валерку, передайте — прощаю я ему все его

долги. Хоть и злыдень он и чуть жизни меня не решил — все равно прощаю. По доброте и мягкодушию!..

Она встала и решительно двинулась к выходу.

— Минутку, Ольга Павловна! — остановил я ее у самых дверей. — За это время никто к вам не навещался? Девчонка черноволосая не заглядывала?

Булкина в отчаянии всплеснула руками.

— Ну, ты гляди, какая память дырявая! И ведь давно уже не девичья... — Она уселась на прежнее место. — Сижу и думаю, все сижу и думаю — чего забыла? А у самой для тебя сюрприз припасен... Взяла я обратно из Серегиной комнаты свою книжку, а она и выпали оттуда — Серегина присуха. — Булкина порылась в сумке и протянула фотографию: — Вот она — собственной персоной.

Я взял снимок. Распущенные по плечам темные волосы... лихо вздернутый нос... крупные чувственные губы...

— Черныш?! Ну, спасибо, Ольга Павловна! Это прямо-таки царский подарок!

Булкина заглянула через мое плечо.

— Волосы уж больно хороши!.. А губы, ты на губы посмотри — яркие, сочные, грешные... У, греховодница! Совсем как я во младости!..

— Спасибо, спасибо, Ольга Павловна! Вы не представляете, как нас выручили!

— Почему это не представляю? — слегка даже обиделась Булкина. — Все я представляю — не дура, чай... Ну, я пошла, поклон Петровичу. А Валерке привет — молочно-диетический, естественно...

Я проводил Булкину до дверей и снова стал изучать снимок. Так это она была в субботу на Гончарной? Если она, тогда ранение таксиста замыкается на Валете и искать больше некого... Какая-то назойливая мыслишка вьется в голове, я ее отгоняю, она вновь возвращается. Ну, хорошо, была девчонка на Гончарной. Но где уверенность, что скандалил с ней именно Валет? Это мог быть совсем другой парень — тот, кому маэстро сбривал баки, кого видел Прибылов... Переворачиваю снимок, на обороте надпись: «Пусть этот снимок и невзрачен, но он напомнит обо мне, как поздней осенью цветочек напоминает о весне». До чего трогательно! Вот-вот слеза хлынет!..

Внезапно кабинетную тишину пререзает требователь-

ный телефонный звонок, в трубке слышится радостно возбужденный голос Сушко.

— Дмитрий Дмитриевич? Как хорошо, что я вас застала! Приходите сию же минуту — объявился ценный свидетель.

— Кто, Галина Васильевна?

— А вот и не скажу! Придете — увидите...

Мое первое впечатление меня не обмануло — есть в Сушко очень милая женская лукавинка. Жаль только, проявляется она лишь в телефонных разговорах, встречи в ее кабинете проходят гораздо суше и официальной.

Не знаю почему, но свидетель у меня симпатий не вызвал. Быть может, потому, что он кидал слишком пыльные взгляды на Галину Васильевну. То есть «кидал» — не то слово, он просто не отрывал от нее своих огромных окуляров, обрамленных в модную черную оправу. Даже отвечая мне, свидетель ухитрялся не сводить глаз со следователя. Я вполне закономерно решил, что воспитание он получил незавидное, хоть и носит звание научного сотрудника. Младшего, уточнил я с некоторым злорадством. Да, недалеко ты ушел для своих тридцати с хвостиком...

Однако, отбросив личные антипатии, должен признать, что непредвиденный очевидец дал весьма ценные показания. Оказывается, в такси был пассажир!.. Этот МНС и был...

— Эдуард Юрьевич, — обратилась к свидетелю Сушко, — повторите, пожалуйста, как можно подробнее инспектору Агееву все то, что вы рассказывали мне.

— Охотно, охотно повторю свое сообщение, — зачастил, заскороговорил свидетель. — Я, видите ли, занят серьезной научной работой — коллеги считают, что она может претендовать на кандидатскую, — и потому тружусь, не считаясь со временем, зачастую прихватываю и субботы. В тот злосчастный день я задержался в лаборатории допоздна — у меня не получалась очень важная реакция, а в понедельник я должен был выехать в командировку — на часах было, это я хорошо запомнил, двадцать два тридцать пять, и — такая удача! — у самых дверей института поймал такси. На этом, к сожалению, мое везение кончилось — при повороте с Ключевой на Гончарную машина сломалась. Водитель остался ее чинить, а я решил пойти пешком, тем более что

идти осталось немного — живу я на Литейной. Очень, очень славный юноша, неужели он действительно при смерти? Всю дорогу он насвистывал Рондо-каприччиозо... этого... как его... ну, неважно! Я даже постеснялся дать ему чаевые, потому что...

— Скажите, — с трудом ворвался я в его монолог, — почему вы пришли к нам только сейчас? Если вы живете так близко от Гончарной, вы не могли не знать о случившемся.

— Я уже объяснял Галине Васильевне, охотно поясню и вам. По стечению обстоятельств узнал я о происшествии лишь сегодня и сразу после работы поспешил в прокуратуру. Дело в том, что в воскресенье рано утром я уехал на дачу — у моего отца дача за городом, — а оттуда, не заезжая домой, отправился, как я уже говорил, в командировку. Вернулся я только сегодня, и если могу быть чем-нибудь полезен, спрашивайте, я охотно расскажу все, что знаю.

— Когда вы шли по Гончарной, вам кто-нибудь встретился?

— Я шел по правой стороне, а на левой, метрах в сорока от машины, стояла группа молодежи. Их было трое.

— Трое? Вы точно помните?

Сушко подмигнула мне озорно и лукаво: «А что я говорила? Был третий, был!»

Эдуард Юрьевич энергично отверг мои сомнения.

— Я отдаю себе отчет, где нахожусь, и заявляю с полной ответственностью — их было трое. Правда, один — тот, что повыше и поплечистей, — стоял в тени дерева и почти с ним сливался. Второй — ниже ростом — был очень возбужден: кричал, размахивал руками, насккивал на девушку с угрозами...

— Что именно кричал, не вспомните?

— Сейчас, сейчас, дайте сконцентрироваться... — Свидетель снял очки, тщательно протер их фланелевой тряпочкой, снова водрузил на нос. — Как-то очень театрально у него получалось... нечто вроде: «Предательница, всю душу ты мне истоптала!» Странная нынче молодежь — то шпарят сплошным жаргоном, то вдруг становятся на котурны, ударяются в ложный пафос... Да, этот субъект был очень взвинчен, очень...

— Вы, конечно, не сделали попытки вмешаться и прошли мимо?

— Да, инспектор, я прошел мимо, я даже ускорил

шаг. И не надо этого иронического тона, хоть вам и кажется, что вы имеете на него право. Не знаю, быть может, в горячке боя я бы бросился грудью на пулемет, но подставлять себя под нож хулигана, разнимая пьяную ссору... Я занят серьезной работой, я весь в науке, я просто не вправе рисковать своей жизнью, она принадлежит не мне одному. Мне беспредельно жаль этого симпатичного таксиста, но, скажите честно, выиграет ли общество от того, что на его месте в больнице окажусь я?..

МНС снял очки, нежно подышал на стекла, полез в карман за тряпочкой. Он явно ждал моего ответа, но я молчал. Не знаю, почувствовал ли он в моем молчании брезгливое презрение, но оно там было. В другое время я нашел бы что сказать этому интеллектуальному мещанину, пытающемуся прикрыть свою трусость изящной словесностью, однако затевать дискуссию сейчас... Нет, это было бы просто неуместно.

Затянувшуюся паузу прервала Сушко:

— Эдуард Юрьевич, вы хотели что-то добавить к своим показаниям?

Свидетель опять уставился на нее своими окулярами.

— Ничего существенного, Галина Васильевна, все, что вспомнил, я рассказал... Разве вот еще что... Когда я подходил к своему дому, они меня обогнали — тот, плечистый, и девушка. Он шел упругим, размашистым шагом, спутница едва за ним успевала...

— Лица ее не рассмотрели? — спросил я без всякой задней мысли, но свидетелю мой вопрос не понравился.

— Я, инспектор, не имею такой привычки заглядывать в лица незнакомым девушкам, это считается дурным тоном.

Сушко поднялась, протянула руку:

— Спасибо за помощь, Эдуард Юрьевич, надеюсь, если понадобится, вы не откажетесь посетить нас еще раз...

Он схватил ее руку и держал, мне показалось, целую вечность, а она не отнимала, и, видимо, его пожатие не было ей противным, хотя, по всем признакам, рука его должна быть холодной и скользкой. Мне он на прощанье только кивнул — коротко и сухо — кажется, я ему тоже не приглянулся.

Когда дверь за МНСом закрылась, Сушко расхохоталась:

— Ух, вы злой, Агеев! У вас там все такие?

— Я самый свирепый!

Галина Васильевна бегло просмотрела протокол допроса свидетеля.

— Итак, как я и предполагала, третий был. Ксения Борисовна его не заметила, потому что он стоял в тени дерева, а у потерпевшего, насколько я поняла, вы спросить не догадались.

— Не успел, Галина Васильевна, так будет точнее и...

— И не так болезненно для вашего самолюбия... Давайте прикинем, что дают для розыска новые сведения.

— Примет, кроме самых общих, свидетель не сообщил, а что причиной ссоры с красоткой была ревность, мы предполагали и раньше.

— Да, но мы не знали, что повод для ревности был таким жгучим и обнаженным. Одно дело — догадываться, подозревать в измене, совсем другое — воочию убедиться, что тебе предпочли другого. Сильнейший удар по психике, стрессовое состояние... Теперь можно понять ту ярость, с которой преступник набрасывался на свою бывшую подружку... Что же вы молчите, Дмитрий Дмитриевич, спорьте, если не согласны.

— Все правильно, Галина Васильевна, — улыбнулся я ее нетерпеливости. — Как говорят шахматисты, ход ваших мыслей вполне корректен. А молчу я вот о чем. С самого начала мне было непонятно, зачем преступник залез в кусты, что он там делал. Теперь ситуация проясняется. Третий провожал девушку и должен был возвращаться той же дорогой. В открытую преступник напасть на соперника не решился — тот был выше и сильнее. Вот он и подстерегал его в кустах.

— И таксист принял на себя удар, предназначавшийся другому, — подхватила Сушко. — И тот, другой, которому фактически спас жизнь Миша Носков, тоже затаился, тоже не желает помочь следствию. Нет, это просто возмутительно!

Я невольно залюбовался следователем Сушко. Вот сейчас она была сама собой — порывистой, пылкой, увлекающейся. А та чопорная строгость, которую она на себя напускает, совсем ей не подходит. Галина Васильевна перехватила мой недостаточно почтительный, выходящий за рамки служебной субординации взгляд и

смущенно опустила голову. Мочки ее маленьких ушей запылали рябиновым цветом.

— У вас все, товарищ Агеев? — спросила она, не поднимая глаз.

Уходить не хотелось, и я очень кстати вспомнил о фотографии Валеркиной девушки.

Сушко рассматривала снимок внимательно и придирчиво — чисто по-женски.

— Примерно такой я ее и представляла. Взбалмошная, капризная, развязная. И красивая... Из-за такой можно потерять голову.

— Даже в наш рассудочный век?

— Даже в наш. Не все же такие рационалисты, как... — Не закончив фразы, она впилась взглядом в левый нижний край снимка. — Дмитрий Дмитриевич, смотрите! Что это?

Я обогнул стол и склонился над фотографией. Душистый каштановый локон скользнул по моей щеке. Ну и глаз у этой Сушко! Только сейчас замечаю у ног девицы нечто пушистое.

— Какой-то хвост...

Тонкие ноздри чуть-чуть вздернутого носа Сушко негодующе затрепетали.

— Не какой-то, а собачий! Фотограф-неумеха, видимо, не смог захватить в кадр всю собаку, но я отчетливо вижу — такой пышный хвост может принадлежать только колли, его невозможно спутать ни с чьим другим. Ну, Дмитрий Дмитриевич, если вы и сейчас не отыщете этого свидетеля... Такая броская примета!

— Была когда-то. А сейчас столько развелось этих собачников! Всех владельцев проверять — месяца не хватит.

— Зачем же всех? Только молодых девчонок, тем более у вас есть фотография.

— А если собака не ее? Если соседи попросили выгулять? Или выпросила у знакомых для съемки? Или сам любитель, пока снимал, попросил подержать? Тогда как?

Галина Васильевна молчит, подавленная моими вескими возражениями. Но я все решил с самого начала — немедленно в клуб служебного собаководства. Однако я злюсь на себя за свою оплошность (не разглядеть на снимке такую важную деталь!) и сейчас срываю зло на ни в чем не повинном следователе. А вообще-то пусть

не воображает, что нам все дается легко и просто. Даже с этой, действительно броской приметой на розыск Черныша сил придется ухлопать немало...

Получив в клубе собаководства адреса владельцев колли, я отправляюсь в питомник служебных собак и разыскиваю кинолога Ромуальда. Он все еще переживает гибель своей Коры и к моей просьбе относится без энтузиазма.

— Вообще-то, Дим Димыч, не положено...

— Да мне необязательно ищейку, мне хотя бы щенка. Самого завалящего; — упрашиваю я.

— Завалящих не держим, — обижается Ромуальд. — Объясни хоть, зачем тебе?

— Личный сыск, — говорю я коротко и веско.

— Так бы сразу и сказал... Ладно, дам тебе на вечер Демона, но учти — отвечаешь головой.

Я вполуха слушаю наставления Ромуальда по уходу за щенком. Меня сейчас больше интересует собаководческая терминология — как бы не оказаться профаном на предстоящей встрече, если она, конечно, состоится. Обрадованный проявленной заинтересованностью, Ромуальд, как истый энтузиаст, обрушивает на мою голову водопад информации. Убедившись, что я твердо усвоил разницу между фокстерьером и экстерьером, что я ни-почем не спутаю прикус с фикусом, он торжественно вручает мне поводок.

— Вернешь к вечерней кормежке! Опоздаешь — больше никогда не получишь.

Демон оказался веселым, общительным щенком, еще не приступившим к обучению разным собачьим премудростям. Натягивая поводок, он старательно метил столбы и деревья, облаивал прохожих и вообще вел себя очень непринужденно. Мы с Демоном никак не могли достичь полной гармонии во взгляде на окружающую действительность: он хотел изучить ее глубоко и основательно, я же спешил обойти как можно больше собачьих площадок.

Из пятидесяти адресов, полученных в клубе служебного собаководства, я отобрал десяток наиболее близких к месту нападения на таксиста и терпеливо кружил в этом районе. Терпение! Для работника угрозыска это едва ли не главная добродетель. Собак навстречу попа-

дается много, но все не те. Солидные, степенные доги обдают звонко тывкающего Демона холодным аристократическим презрением. Пугливо жмутся к ногам хозяев болонки и пекинесы. И только бойкие терьеры отчаянно рвутся с поводков, стремясь свести близкое знакомство с Демоном.

Я захожу в сквер, опускаюсь на скамейку, с наслаждением вытягиваю ноги, уставшие за день. Ценнейшее качество — терпеливость, а в личном сыске просто незаменимое, но, честно говоря, я... недостаточно стар для него. Слово «ждать» всегда ассоциировалось у меня со словом «медлить». Вот и сейчас: сижу как дурак с этим глупым щенком-несмышленищем и чувствую, что скоро нас будет трудно различить. Чего я жду? Почему так уверен, что именно сегодня встречу эту неуловимую девчонку? А если с собакой выйдет гулять ее мать или кто-то из родичей? Вряд ли я смогу восстановить облик пса по хвосту, который виден на снимке...

И снова мы с Демоном неумоимо бродим по собачьим площадкам. То есть это я неумоим, щенок явно устал и хочет домой. И когда я окончательно решаю прекратить на сегодня поиск, судьба постановляет, что пора мне улыбнуться — заслужил долготерпением. Мы с Демоном шли по дорожке старого запущенного парка, как вдруг неожиданно из боковой аллеи вышла девушка, держа на поводке красивого джентльменистого колли. Я узнал бы ее и без собаки. Те же, что на снимке, иссиня-черные волосы, та же капризно вытянутая нижняя губка. Правда, волосы почему-то стянуты сзади в «конский хвост», и одета она в старенькое демисезонное пальто.

Я вовсю пялю на девчонку глаза, делая вид, что сражен ее красотой, я останавливаюсь, я провожаю ее длинным взглядом. Она капризно дергает плечиком и сворачивает влево. Я иду в противоположную сторону, чтобы, сделав круг, выйти ей навстречу.

А ведь лошадиная прическа красоте совсем не подходит, распущенные волосы гораздо больше ей к лицу. И это замызганное пальтишко. При мамашиней-то обеспеченности!.. И вдруг я вспоминаю сбритые баки. Значит, тоже маскируется, тоже не хочет, чтобы ее узнали. Да, тут вопросами в лоб немного добьешься.

Мы снова сближаемся, она всматривается настороженно. Мне ничего не остается, как продолжать играть роль юнца-простачка, жаждущего познакомиться с хо-

рошенькой девушкой. Как бы нечаянно я отпускаю поводок. Обретя долгожданную свободу, Демон тотчас подсакивает к псу и начинает с ним заигрывать. Колли снисходительно следит за вертящимся вокруг него комком шерсти и юного нахальства. Я не спешу одергивать зарвавшегося щенка.

— Почему ваш красавец пес не носит своих медалей? — спрашиваю я таким тоном, будто мы с ней век знакомы.

Девушка ничуть не удивлена — видимо, знакомства на улице ей не в новинку. Она улыбается мне стандартной чарующей улыбкой, позаимствованной у какой-то кинодивы.

— С чего вы взяли, что наш Джимми медалист? Он еще не выставлялся.

Если сейчас прислушаться к моему сердцу, меня действительно можно принять за влюбленного. Но причина другая — я услышал ее голос, ее манеру с ленивой жеманностью растягивать гласные. Сомнений нет — это она звонила в больницу.

— Его, значит, зовут Джимми? А вас?

Красотка векидывает на меня кокетливый взгляд из-под густо облепленных тушью длинных накладных ресниц.

— Лаурой.

Я хочу подойти и представиться по всем правилам хорошего тона, но колли угрожающе оскаливает зубы.

— Не подходите близко, Джимми этого не любит. Ревнив, как тысяча Отелло...

— А если я все же попробую?

— Тогда вам придется покупать новые брюки. Защитничек, я гляжу, у вас не очень надежный.

— Молодой, необученный, — вздыхаю я. — Но взгляните, каков экстерьер! А высота в холке! А ширина пасти! Наконец, обратите внимание на скакательный сустав! Ручаюсь, через год он станет рекордистом-медалистом. Вот тогда я смогу подойти к вам безбоязненно.

— Поздно! Тогда будет поздно.

— Выйдете замуж?

— Все может быть...

— И кто же он, этот счастливчик?

Кокетливая улыбка, завлекательная игра ресниц. Поистине, чтобы научиться строить глазки, совсем необязательно заканчивать строительный институт.

— Так кто же? — настаиваю я на правах ревнивого влюбленного.

— Его здесь нет, но он скоро вернется, — неохотно роняет Лаура.

Я лихорадочно перебираю в памяти «странствующих и путешествующих». Геолог? Моряк? Снабженец? Экскурсовод?.. И вдруг в моем мозгу вспыхивают слова свидетеля в окулярах: «Он шел упругим, размашистым шагом, спутница едва за ним успевала». Проверим!

— А, знаю! «Вы служите, мы вас подождем». Угадал?

Испуганно-удивленный взгляд Лауры говорит о том, что я попал в яблочко. Так, так. Значит, парень, с которым она ушла, солдат. Запомним, пригодится. Но сейчас меня гораздо больше интересует, кто остался после их ухода. Валет? Дюндин? Или кто-то третий, кого мы еще не знаем? Я осторожно нащупываю пути к разгадке.

— Неужели ваш солдатик не боится за вас? Такую шикарную девушку могут и увести. Думаю, охотников нашлось бы немало. Да я первый!..

— А Джимми на что? — весело парирует Лаура. — Джимми меня в обиду не даст!

— Ну, не всегда же вы ходите с таким грозным стражем...

По какому-то наитию я вдруг решаю броситься напролом. Хоть и не великий я физиономист, но кое-что узнаю по выражению лица. Я оглушительно хлопаю себя по лбу.

— Теперь я вспомнил наконец, где вас видел. Вы шли по Гончарной, так? И провожал вас мощнецкого вида парень, так?.. Это и есть ваш будущий муж?

Оживленное, смеющееся лицо девушки мгновенно становится злым и отчужденным. Перемену в настроении хозяйки чувствует и Джимми, он снова на меня оскаливается.

— Вы меня с кем-то путаете. Никогда я не гуляла по Гончарной. Я даже не знаю, где такая улица...

Я резко торможу, я даю полный назад.

— Вообще-то вас трудно спутать с кем-либо, вы неповторимы в своем очаровании. Да и какое все это имеет значение — была, не была... Главное, чтоб вы забыли про того вояку. Он что, приезжал на побывку?

Все кончено, нет больше прежнего доверия, взгляд Лауры холоден и насторожен.

— А почему это вас так интересует?

Если я сейчас достану удостоверение, она замкнется окончательно, и мне придется долго докапываться до истины. И тут меня осеняет. Я оглядываюсь, прикладываю палец к губам.

— Тсс! Интересуюсь не только я... Валера тоже...

Лаура нервно дергает поводок.

— К-какой Валера?

— Разве у вас их несколько?

— Имя довольно распространенное...

— Имеется в виду Валера Дьяков.

— Не знаю такого, — хмурится Лаура.

— Неужели? — Я вынужден сменить стиль: из скромного влюбленного превратиться в нагловатого посланца Валета. — А вот он тебя знает и помнит. Передай, говорит, Чернышу наше с кисточкой, а если не признает, покажи вот эту иконку. — Я вынимаю фотографию и помахиваю ею перед носом девицы. — «Хоть этот снимок и невзрачен, но он напомним обо мне...»

Лицо Лауры проясняется.

— Так ты от Валета? С этого бы и начал. А то темнит, строит из себя черт-те что, чушь собачью теребит. Где Валет, куда запропал?

— О берлоге, по некоторым соображениям, болтать не велено. Нужны хрустики, чтобы начать новую жизнь.

И снова неувовимо меняется ее лицо: оно становится жестким и твердым.

— Мы ему ничего не должны, расчет был полный.

— Все правильно, все о'кэй. Но он сейчас на мели...

— Впечатляет, но не трогает. Какое наше дело? И почему это я должна доверять совершенно незнакомому мне человеку?

— Лаура, ты забыла, мы знакомы целую вечность. Меня зовут Дима, а это вот Демон — будущий медалист...

— Уникально интересно! Так вот, Дима, передай Валету, чтоб никого больше не подсылал, а приходил сам. Хочу на него посмотреть в натуре, в полный рост. Понятно?.. Тогда и потарахтим. Буду ждать завтра в это же время. Пошли, Джимми!..

И она пошла прочь — красивая, фигуристая, предмет мечтаний и раздоров неуравновешенных юнцов. А я так ничего и не узнал, что же произошло на Гончарной. Я смотрю, как она удаляется легкой, пружинистой походкой, и не знаю, что делать: следовать за Лаурой, имея на поводке такого чертенка, как Демон, бессмыслен-

но — я только открою карты раньше времени. Подождать до завтра? А вдруг она больше не придет?.. Я быстро выхожу из парка, она в этот момент заворачивает за угол. Оглянувшись, сердито погрозила пальцем. Я посылаю вслед пламенный воздушный поцелуй. Ладно, рискнем, теперь ясно, в каком примерно районе она живет.

14

В ходе допроса Валериана Дюндина у меня сложилось мнение, что он в своих ответах неискренен. Явная растерянность при выяснении обстоятельств его появления на месте происшествия, смехотворное объяснение синяка над левым глазом: «В коридоре напоролся на косяк...» И этот затравленный, бегающий взгляд...

Я доложил о своих подозрениях Бундулису. Верный своей привычке думать на ходу, Ивар Янович зашагал по кабинету.

— Знаменитый датский физик Нильс Бор высказал однажды такую мысль: «Вряд ли эта теория верна — она недостаточно безумна». Относилось это, правда, к сфере научных исследований, но ведь мы тоже можем причислить себя к исследователям жизни. Жаль только, изучать нам приходится не самые светлые ее стороны. Я это к тому, Дим Димыч, что твоя идея причастности Дюндина к преступлению достаточно безумна...

Я приосанился — Бундулис был не очень щедр на комплимент.

— Ивар Янович, правда ли, что преступника всегда тянет на место преступления?

— «Всегда» — чересчур категорично, я бы заменил это слово более гибким — «иногда». Да, бывает, но никакой мистики здесь нет. Преступник хочет убедиться, не оставил ли он следов, не видел ли его кто-нибудь. Смешавшись с толпой любопытствующих, он может наблюдать за действиями милиции...

— Именно так было с Дюндиным! В субботу Дюндин крепко выпил, он этого не отрицает. В поисках приключений вышел из дома, на Гончарной встретил свою бывшую знакомую Лауру, стал к ней приставать. И вот тут неизвестный солдат ударил его. Дюндин засел в кустах, чтобы расправиться с обидчиком, когда тот пойдет обратно, и в этот момент его выдернул из засады таксист. Дюндин ударил Носкова ножом и скрылся. Через

некоторое время вернулся, замешался в толпу. Стопроцентное алиби! Вот как все было, Ивар Янович!

Бундулис останавливается передо мной, смотрит изучающе.

— А так ли? Не принимаем ли мы желаемое за действительное? Сначала ты меня увлек своей пламенной аргументацией. Но, поостыв, передумав весь твой диалог с Дюндиным, я вижу — здесь еще много неясного. И прежде всего — происхождение синяка. Вся твоя версия основана на том, что удар был нанесен солдатом. А если нет? Если Дюндин действительно напоролся на косяк? Надо, чтобы Рябчун сходил к Дюндину домой и осторожненько поинтересовался этим синяком. При каких обстоятельствах возник, обращался ли Дюндин к медикам?.. — Бундулис снова отправляется в путешествие по кабинету. — Ты, Дим Димыч, наверно, думаешь — послал же бог начальничка: то одобрит план поиска, то забракует, то согласится с версией, то усомнится. Что поделаешь, Дима, к истине надо идти через сомнения. И других богов, кроме истины и справедливости, нет у нас и быть не может...

За спиной Бундулиса приоткрывается дверь, и я вижу в щелочку фасонистый пробор Леши Волкова. Отчаянно жестикулируя, он пытается выманить меня в коридор.

Бундулис неожиданно резко оборачивается.

— Леша?! Ты чего там семафоришь?

Волков вытягивается в струнку.

— Товарищ майор! Найден очень важный свидетель!

— Так давай его сюда, — оживляется Бундулис. — Нам сейчас только свидетелей и не хватает. Все есть: безумные идеи, косвенные улики...

В сопровождении сияющего Волкова в кабинет входит отчаянно курносая девчоночка, на пышных золотистых волосах лихо заломленный берет. Брови у нее такие высокие, словно она однажды сильно чему-то удивилась, да так и осталась навсегда удивленной.

— Проходи, проходи, Зина, — подбадривает Леша. — И повтори все, что мне рассказывала.

Девушка садится на краешек стула, быстренько оглядывает нас — кто тут главный? — и поворачивается к Бундулису.

— Я работаю на троллейбусе девятой линии. Вечером, конечно, народу мало, каждый пассажир заметен. Этого парня я увидела, когда он выбежал с улицы Са-

довой. Он мне замахал рукой и крикнул что-то. Я подождала, пока он войдет, и только тогда тронула машину. В зеркальце, конечно, наблюдаю. И так обидно мне показалось — я, как порядочная, ждала его в ущерб графику, а он не соизволит билет компостировать. Я, конечно, по микрофону напомнила: «Граждане, не забывайте компостировать билеты!» А он ухмыльнулся так нахально и на следующей остановке вышел. Меня потом совесть мучила: может, у парня при себе билетов не было, заставила пешком топать...

Бундулис торопливо листает уже довольно пухлую папку с делом. Нашел протокол допроса Дюндина, прочел там что-то, хмыкнул удивленно. Взял со стола погасшую трубку, не зажигая, сунул в рот — при женщинах наш начальник не курит.

— Так, так, Зиночка, продолжайте. Все, что вы рассказываете, чрезвычайно интересно. Вы могли бы описать своего пассажира?

Девушка сдвигает брови к переносице, говорит, вспоминая:

— Он был в светло-зеленом плаще до колен... Волосы русые, вьющиеся немного. На щеках — баки...

— А лицо вы хорошо рассмотрели? Над левой бровью ничего не заметили? Шрам, синяк, кровоподтек?.. Постарайтесь припомнить!

Я мысленно колочу себя кулаком по лбу — тупица, бестодочь, тишкодум. Это же просто, как вермишель! Согласно моей версии преступление произошло после стычки с солдатом — значит, Дюндин должен был вскочить в троллейбус уже с отметиной над глазом.

Девушка поднимает еще выше навеки удивленные брови, нерешительно пожимает плечами.

— Нет... кажется, нет...

— Спасибо, Зиночка! Всех благ!

Леша галантно распахивает перед девушкой дверь, они выходят вместе. Бундулис подносит спичку к мефистофельской голове своей трубки.

— Не Дюндина она везла, Дим Димыч. Я посмотрел в протоколе его адрес — он живет в противоположной стороне...

Так рухнула еще одна версия — весьма на первый взгляд перспективная, а на самом деле грубо сотканная из случайных совпадений, субъективных впечатлений и

интуитивных домыслов. Рябчун привалил ее, уже похороненную, еще парой камушков. Поговорив с соседями, Рябчун выяснил, что Дюндин в тот день повздорил со своим собутыльником. Стало понятно, почему Дюндин скрывал на допросе происхождение синяка: боялся, что его привлекут к ответственности за хулиганство — истинным-то зачинщиком драки был он сам.

Бундулис с иронической усмешкой рассматривал мой унылый лик.

— Что, Дим Димыч, опять надо начинать с нуля? Привыкай, привыкай, мне-то это дело знакомо. Давай вместе думать, что будем делать дальше...

Он поднялся из-за стола и начал не спеша, то и дело останавливаясь, расхаживать по кабинету.

— Знаешь, Дим Димыч, хотя твоя последняя гипотеза не подтвердилась, есть в ней одно рациональное зернышко. Мы в своих рассуждениях все время исходили из агрессивности преступника. И не без оснований. По свидетельству Ксении Борисовны, юнец яростно насккивал на девчонку. Пассажир такси добавил к этому, что парень кричал: «Предательница, ты мне всю душу истоптала!» Заметь, кстати, какой изысканный оборот... Так вот. У нас постоянно перед глазами беснующийся юнец, девица с ее криком: «Валера, не надо!» А где третий? Мы не знаем ни его примет, ни его имени, ни его реакции на происходившее. В своей версии ты впервые предположил, что солдат не был безучастным свидетелем, что он дал отпор ошалевшему ревнивцу. Вот почему, Дим Димыч, в развитие твоей гипотезы я выдвигаю свою: Валерой звали солдата, к нему относился крик девчонки. Что скажешь?..

Что я мог ответить — логика Бундулиса была безупречной. Конечно, все так и было! Солдат рвался в бой, но Лаура, зная, что у преступника нож, удерживала его от драки, повторяя, как заклинание: «Валера, не надо!» Солдата звали Валерой, солдата!.. В сущности я все время топтался вокруг одной-единственной версии: преступник — Валера. Да, конечно, в девяносто девяти случаях из ста испуганный женский возглас должен относиться к нападающему... Кроме того, о третьем вообще не было известно, он всплыл совсем недавно. Слабые утешения! Кто впервые назвал имя Валера? Сеглинь! Это он в ответ на мой звонок сообщил, что таксист вспомнил имя преступника. А за полчаса до этого ввалился Рябчун с фотографией Валерки Дьякова... Вот они —

истоки ошибки, которая вывела розыск на ложный путь. По нему я и тащился, добровольно нацепив шоры на глаза: по сторонам не смотреть, вперед, только вперед. И пришел туда же, откуда вышел.

Бундулис сел рядом, приобнял за плечи.

— Выше голову, Дим Димыч! Это всего лишь предположение, очень может быть, что оно не подтвердится. Его надо проверить сегодня же, при встрече с Лаурой. Незаметно подведи разговор к солдату и, улучив момент, назови его Валерой. Интересно бы посмотреть, как она прореагирует... Сходить, что ли, мне с тобой, постоять в сторонке?.. Нет, не пойду, думаю, ты и сам сделаешь нужные выводы. Если моя версия верна, это значительно усложняет розыск. Теперь преступником может оказаться Андрей, Николай, Константин... словом, имя перестало быть главным ориентиром.

— Товарищ майор, может, не дожидаясь вечера, задержать Лауру? Ведь знает она преступника, знает!

— Остынь, кипяток! Задерживать Лауру у нас нет оснований. Что мы ей предъявим? Пакеты, которые ей передавал Валет? Но сейчас почти невозможно установить их содержимое. Единственное, что нам позволяет процессуальный кодекс, — пригласить Лауру в качестве свидетеля. Но такая, какой ты ее обрисовал, вряд ли захочет нам помочь.

— Точно, Ивар Янович! При нападении на таксиста Лауры не было. Это позволяет ей делать вид, что она ничего не знает ни о преступлении, ни о преступнике.

— Вот видишь, тем более нельзя пороть горячку. Иди и хорошенько продумай план встречи с Лаурой. Потом зайдешь — уточним детали.

Когда я подходил к своему кабинету, из него тихо выскользнул худенький мальчонка с ушами-лопухами. Вид у него был скорбный и покаянный — похоже, только что исповедовался Бурцеву в грехах. Но едва дверь за ним захлопнулась, как мальчишка разудало гикнул и припустил по коридору.

— Видал, как надо воздействовать? — горделиво спросил Бурцев. — Плотненько я с ним побеседовал, чуть слеза мальчика не прошибла. Ты б так не смог, Дим Димыч, нет еще у тебя родительского опыта. Тонкая это вещь — родительская психология...

Хотелось мне изречь что-нибудь ядовитое насчет воспитательного влияния, которое эффективно лишь в стенах кабинета, но решил промолчать. А Бурцев болтал как ни в чем не бывало, оживленно и радостно:

— Между прочим, Дим Димыч, спешу порадовать — окончательно установлено, что Валет непричастен к нападению на таксиста. Ты спросишь, кто вразумил? Мальчуган! Это ж не простой пацаненок, это третий соучастник кражи на комбинате! Сижу вчера в кабинете, уже совсем собрался домой, вдруг звонок из дежурки. Бурцев, спрашивают, тебе, случаем, шерсть не нужна? А что, говорю, дорого просят? Да нет, отвечают, тут один малец даром отдает. Нам, правда, не доверяет, требует самого главного по шерсти. Спускаюсь, гляжу — сидит хлопчик и руками за мешки держится. За те самые, что я пятые сутки ищу. Как же, спрашиваю, ты их донес? А мне, отвечает, дядя Сережа помог. Ну, я мигом смекнул, что за дядя. Это же Сергей Курсиш, помнишь, я с ним на комбинате душеспасительную беседу имел. И видишь, проняло — разыскал второго помощника Валета. Так что теперь Дьяков не отвертится. И свидетели есть, и шерстка нашлась...

Бурцев стремительно вышел, спеша на доклад к начальству.

Сижу, обхватив голову руками, и думаю, думаю. Преступник не найден, и я чувствую себя в долгу неоплатном. Перед Ксенией Борисовной, постаревшей за эти дни на несколько лет. Перед Мишей Носковым, так безоглядно бросившимся на защиту незнакомой девчонки. Перед его женой Аллой, которая уже шестой месяц носит под сердцем ребенка — его ребенка. А еще я в долгу перед Добром, чьим солдатом являюсь, которое должно, обязано восторжествовать над Злом, как бы оно ни маскировалось, куда бы ни пряталось...

Я снова и снова листаю разбухшее за время розыска дело. Показания Ксении Борисовны... Выписки из протоколов допросов Валерия Дьякова, свидетеля Романа Фонарева... Беседы с парикмахером, Гришей Прибыловым... Объяснение Дюндина...

«Валера, не надо!» — кричала Лаура. Что это — извечное стремление женщин примирить враждующие стороны, не допустить кровопролития? Или желание уберечь солдата от неизбежных в случае схватки неприятностей по службе?..

Скрипнула дверь, в комнату несмело заглянул Фонарев. Увидев меня, кивнул неуверенно и застыл у порога, как бы не решаясь войти.

— Входи, входи, чего в дверях топчешься, — радушно пригласил я, радуясь нечаянной передышке. — Где пропадал, Рома, сто лет тебя не видел.

Фонарев прошел к столу, сел на краешек стула.

— Я несколько раз заходил к Игорю Константиновичу. Он и сегодня меня вызвал. Наверно, насчет Виктора Лямина.

— Подожди немного, Бурцев скоро вернется. Ну, как там Ксения Борисовна, Иван Николаевич? Ты у них часто бываешь?

— Почти каждый день. Надо же помочь, пока Миша в больнице.

— Как он? Я вчера в больнице справлялся — ему вроде лучше?

— Доктор говорит: самое опасное позади. Говорит: пошел на поправку, недели через две можно выписывать... А у вас что слышно? Ребята в цехе интересуются, скоро ли преступника найдете?

— Ищем, Рома, ищем. Не так все просто, как кажется...

— Неужели никаких концов?

— Нет, почему же? Кое-что наклевывается. — Мой взгляд непроизвольно скользнул по снимку черноволосой красоти. Я подметил, что Фонарев давно уже заинтересованно поглядывает на фото Лауры, наполовину прикрытое бумагами.

— Что, Рома, хороша девчонка? Может, встречал где-нибудь?

Фонарев осторожно взял снимок, вздохнул завистливо.

— Смотрится, бестия! Вот бы познакомиться!..

Я неопределенно улыбнулся. Нет, Рома, эта прелесть не для тебя. Уж очень ты неказист на вид. Все какое-то круглое, обтекаемое: круглое лицо, бесформенный, бульбочкой, нос, толстые губы, расплывчатый подбородок. Да и ростом не вышел — сантиметров сто шестьдесят, метр с кепочкой. Видно, не коснулась тебя акселерация, обошла своей милостью.

— Вот усы отрастишь как следует, тогда, может, и познакомлю, — пошутил я.

Роман огорченно пощупал реденькие рыжеватые усики, топорщившиеся над верхней губой.

— Не растут, проклятые! Чем я их только не мазал!.. Нет, не встречал такой. А кто это?..

Я молча отобрал снимок. Хоть мы, Рома, и учились с тобой в одной школе, но на такие вопросы я отвечать не обязан. Раз не знаешь девчонки, сиди и жди Бурцева. А мне надо подготовиться к вечернему свиданию, обкатать в мозгу все возможные варианты... Итак, я — приятель Валета, готовый продолжить вместо него деловые контакты с Лаурой. Любопытно, кто стоит за ее спиной? Она, конечно, посредник, не более... Ладно, допустим, Лаура мне поверила. А как подступиться к главному?..

Вечереет. Я сижу на скамейке в старом заброшенном парке и нетерпеливо поглядываю на часы. Однако красотка заставляет себя ждать — уже прошел час сверх условленного времени. Специально для встречи с Лаурой я немного прифрантился: элегантная тирольская шляпа, серый финский костюм без единой складки, ярко-красные туфли на каучуковой платформе, на руке — зонтик-«дипломат». Этаким фланирующий молодой пижон, не знающий, как убить свободное время. На этом маскараде настоял Бундулис.

— Солдат скорей всего уехал, да он может и не знать преступника. Лаура — вот наш главный козырь! Твоя задача — завоевать полное ее доверие. Настолько, чтобы она разрешила проводить ее до дома. — Бундулис ухватил Мефистофеля за выступающую бородку, примял большим пальцем пепел. — Такое, Дим Димыч, у меня впечатление, что преступник кружит где-то рядом. Я на всякий случай принял меры — тебя будут сопровождать. Кто знает, кого приведет Лаура на предполагаемую встречу с Валетом... А возможно, кто-нибудь увяжется за ней и по собственной инициативе. Одним словом, смотри в оба!

Где же Лаура? Я начинаю беспокоиться не на шутку — слишком многого жду я от этой встречи.

Позади раздается еле слышное повизгивание. Я незаметно оглядываюсь — Джимми. А вон и Лаура. Стоит, спрятавшись за деревом, и с трудом удерживает своего пса. Почему же не подходит? Неужели сработала знаменитая женская интуиция?.. Вероятней всего, ей ка-

жется подозрительным отсутствие Валета. Только без суёты, будет уходить, окликну.

А Лаура и в самом деле собралась уходить. Кинула на меня недоверчивый взгляд, взяла пса на короткий поводок и свернула в боковую аллею. Я поднимаюсь и неспешным прогулочным шагом отправляюсь вслед.

За поворотом аллеи никого. Я ускоряю шаг — Лаура исчезла вместе с собакой. В отчаянии мечусь по парку и вдруг слышу игривый женский смех. Из-за могучего раскидистого дуба выходит Лаура. Джимми на правах давнего знакомого обнюхивает мои ноги и больше мной не интересуется.

— Здравствуйте, Дима! А почему вы без собаки? Где ваша вчерашняя шавочка?

Что за чертовщина? Вчера мы были уже на «ты»...

— Я брал ее напрокат, чтоб легче было с вами познакомиться.

— Такой вы робкий! — стрельнула глазками Лаура.

— С красивыми девушками — очень!

— Бесподобство! Это ошибка всех парней. Они считают: чем девушка красивей, тем она неприступней и капризней, они просто боятся к ней подходить. У меня есть подружка Наташка — смазливей меня втрое. Так на танцах ревмя ревет — никто не подходит. А она, бедняжка, была бы рада самому захудалому плейбою...

— И что, до сих пор никто не подошел?

— Свято место пусто не бывает. А вы хотели бы с ней познакомиться?

— Вообще-то пала мне на сердце одна бесподобная красавица... — Боже, какую гнуснейшую пошлятину я несу! Но надо, надо, не сонеты же Петрарки перед ней декламировать. — Правда, говорят, она занята, собирается замуж за какого-то солдата по имени Валера...

— Ну, это еще неизвестно, — фыркает Лаура. — Валерка вернется только через год, так что можете смело ухаживать...

Итак, гипотеза Бундулиса насчет имени солдата блистательно подтвердилась. Мой крючок она проглотила без звука, как нечто само собой разумеющееся. Но странно — ни слова о Валете. Казалось бы, первый вопрос: где Валет, почему не пришел? Молчок, полнейшее безучастие...

— Я бы и рад приударить, да боюсь, нашему общему знакомцу это может не понравиться.

— О ком это вы? — удивленно округляет глаза Лаура.

— О Валете, о ком же еще.

— Уникально интересно! А кто это?

Я даже теряюсь на секунду — таким чистым, незамутненным ложью взглядом смотрит на меня Лаура. Но тут же беру себя в руки и включаюсь в игру.

— Ха-ха! Вашу забывчивость можно понять — столько поклонников, разве всех упомнишь...

— С памятью у меня полный порядок, — холодно отрезает Лаура. — Но знакомых с такими кличками у меня не было и, надеюсь, никогда не будет.

Вот оно что — проверка. Пожалуй, этого следовало ожидать. Вчера она с кем-то виделась... слухи об аресте Валета просочились... ее запрограммировали на ангельскую чистоту и кротость... Что ж, я готов и к такому повороту. Сегодня днем у меня была беседа с Валетом. Припертый к стенке откровенными показаниями мальчишки, явившегося с повинной, Дьяков стал разговорчивей, о «джентльменстве» больше не вспоминал. Того, что я узнал, вполне достаточно, чтобы усыпить подозрения Лауры.

Мы идем к выходу из парка.

— Валета взяли, — роняю я вполголоса. — Он успел передать, чтобы Шплинт временно заглох и понадежней укрыв товар...

Лаура молчит. Идет и молчит. Я начинаю сомневаться, слышала ли она мои слова.

— Валета взяли! — повторяю я громче и внятней.

— Не вопи, не глухая! — резко обрывает Лаура. — За что?

— Таксиста порезал...

И вдруг взрыв истерического хохота сотрясает плечи девушки. Я грубо хватаю ее за руку.

— Ну, чего, чего веселишься? Не он, что ли? А кто? Ты ведь знаешь!..

Визгливо-икающий смех Лауры прекращается так же внезапно, как начался.

— Подержи! — Она дает мне поводок и вытаскивает из сумочки пачку сигарет. — Закуривай! — И привычным жестом заправского курильщика выщелкивает две сигареты.

При свете вспыхнувшей спички я вижу жестко сомкнутые губы, закаменевшие скулы.

— Вот, значит, зачем ты ко мне подкатываешься? Хочешь своего дружка выручить? — медленно цедит она.

Такой вариант меня вполне устраивает, и я ее не разумею.

— Хотя бы! Если знаешь, кто пырнул таксиста, пойдди и скажи. Без тебя Валету не выбратсья, все улики против него.

— Отмажется, не впервой! А в милицию не пойду, не дождутся.

— Почему?

— Потому что!

— За армейца своего испугалась? Боишься, что и его притянут к ответу?

Она яростно затягивается, и я замечаю в уголке глаза внезапно навернувшуюся злую слезу. Вот оно что!.. Вероятно, солдат ничего не знает о ее прошлой связи с Валетом, о ее посредничестве в нечистых делах. Все это может вскрыться на суде, где она и солдат должны будут давать свидетельские показания. А Валерку своего она, кажется, любит по-настоящему, надеется связать с ним дальнейшую жизнь... М-да, вот тебе и Лаура — пожирательница сердец!

Мы идем по темным улицам Задвинья, под ногами шуршит осенний листофон. В придорожных кустах позади нас мелькнула и скрылась щупленькая фигурка.

«Сопроводитель, — догадываюсь я. — Довольно грубая работа».

Можно было идти другой дорогой, но я нарочно сворачиваю на Гончарную. Пусть Лаура пройдет тем же путем, каким шла в тот субботний вечер... Держа девушку под руку, я не спеша веду ее под тем самым фонарем, мимо тех самых кустов. И чувствую, как вся она сжимается, как невольно ускоряет шаг...

Проводить ее до самого дома Лаура не разрешила. И хотя, уходя, она несколько раз оглянулась, я незаметно проследовал за ней. «Сосновая, 19», — прочитал я на доме, в левый крайний подъезд которого она вошла. Адрес показался мне знакомым. Несомненно, я его видел... и совсем недавно... может быть, даже сегодня... Сегодня я просматривал папку с делом... Ну, конечно, я видел этот адрес в одном из протоколов... В этом доме живет кто-то из свидетелей. Кто же?..

Вернувшись в райотдел, я бросился к сейфу, вынул папку. Однако открыть не успел — в динамике селекторной связи раздался голос Бундулиса: «Лейтенант Агеев, срочно ко мне!»

В кабинете начальника сидел малознакомый мне младший инспектор угрозыска — маленький, худенький, похожий на подростка. «Опекун», — усмехнулся я внутренне, сохраняя на лице полнейшую серьезность.

— Послушай-ка, Дим Димыч, что Мирончук рассказывает. Очень все это занятно, очень...

Мирончук повернулся ко мне:

— Этого паренька, товарищ лейтенант, мы засекли в парке. Он пришел чуть позже девушки и в дальнейшем скрытно следовал за ней. Мне показалось, что девушка знает о его присутствии, пару раз она взглянула в ту сторону...

Я посмотрел на Бундулиса, он сосредоточенно попыхивал трубкой.

— Ивар Янович, этого можно было ожидать. Чтобы обезопасить себя от случайностей, Лаура привела с собой телохранителя. Уверен — он из группы Дьякова!

— Ты слушай, слушай, — прервал меня Бундулис. — Выводы после будем делать.

— ...Парень не спускал глаз с девушки и, что особенно было заметно, чутко прислушивался к каждому ее слову. Он крался за вами, товарищ лейтенант, всю дорогу, но, когда вы свернули на Гончарную, остановился в нерешительности. Дальше он пошел по параллельной улице...

Бундулис выскочил из-за стола и забежал по кабинету.

— Ты слышал, Дим Димыч? Честь тебе и хвала, что догадался провести Лауру по Гончарной. Но парень-то не пошел! Почему? Потому что с этой улицей у него связаны неприятные воспоминания. Потому что он там был в ту самую субботу!

Да, сюрпризец!.. Не я отслеживаю преступника, а преступник меня. Значит, это его фигура мелькнула и скрылась в кустах. А я-то грешил на оперативника...

— Сейчас, Дим Димыч, мы все это увидим в наглядности. Поглядим, поглядим, как ты там разводишь шуры-муры со своей кралечкой... Мирончук, у вас все готово?

— Так точно, товарищ майор!

Мы спустились в лабораторию. Погас свет, и на эк-

ране пошли кадры фильма. Я увидел себя, расфранченного, как брачный аферист, Лауру с ее стандартным киноскалом... Но вот в кадр попадает щупленькая фигурка неизвестного преследователя. Затаившись в кустах, он жадно прислушивается к нашему разговору. Оператор снимал его сзади, и долгое время я вижу только затылок и спину предполагаемого преступника. Но вот он поворачивает голову, и я едва сдерживаю крик изумления. Фонарев! Ромка Фонарев! Пухлые губы, круглый, картофелинкой, нос, вялый, безвольный подбородок...

Бундулис удивлен не меньше:

— Фонарев?! Главный свидетель по делу Виктора Лямина? Тот, кто помогал Волкову искать нож преступника?..

Я срываюсь с места и бегу к дверям.

— Дим Димыч, куда ты?

— Сейчас, Ивар Янович! Мне надо кое-что проверить.

Теперь-то я вспомнил, где видел адрес, — Сосновая, 19. В этом доме живет Роман Фонарев, это зафиксировано в протоколе его допроса. Мозг лихорадочно работал, синтезируя разрозненные факты в окончательную версию. Все неясные подозрения, которым я подосзательно не давал ходу, потому что они не укладывались в придуманную схему, вдруг выплыли и замелькали перед моим внутренним взглядом... Воскресенье. Он стоит у стола в квартире Ксении Борисовны, выкладывает из сетки бутылки с соками. А перед тем успел сбрить баки — парикмахерские открыты с семи утра. Аккуратная прическа, гладко выбритые щеки... Теперь понятно, зачем он стал отращивать усы, — готовился к встрече с Мишей Носковым. Тот парень, что пырнул таксиста, был с баками, но без усов, а этот — совсем наоборот. Чего доброго, Носков мог и не узнать. Ну, ловок, ну, хитер!..

И вдруг меня опалило: мне вспомнилась татуировка, которую я увидел на его руке, — якорь, оплетенный вместо цепи змеей. Вошел Бурцев, отвлек внимание, якорь мелькнул и забылся. Сейчас я пытаюсь найти ему место в цепи улик. Не тот ли это якорь, о котором кричал в бреду раненый таксист? Не его ли увидел Миша Носков за секунду до удара? Надо немедленно проверить! Кто еще мог видеть руку Фонарева так близко?.. Парикмахер! Он сбривал ему баки, он мог заметить...

Я разыскал в телефонной книге номер парикмахерской, где работал седовласый маэстро. В ответ на мой

вопрос в трубке зарокотал низкий, с легкой картавинкой голос:

— Вы знаете, инспектор, якорь таки был...

16

Пока мы с Бундулисом обсуждали весомость собранных улик, пока решали, надо ли дожидаться санкции на арест, Фонарев, оказывается, не терял времени зря. К сожалению, узнал я об этом значительно позже. А было так...

Когда мы с Лаурой свернули на Гончарную, Фонарев пошел, почти побежал по параллельной улице, торопясь домой.

«Что делать, что делать?.. — растерянно метались мысли. — Через две недели выйдет из больницы таксист... Узнает с первого взгляда... И милиция уже хватает за пятки... Раз уж добрались до Ларки, считай — все кончено...

Бежать надо, скрыться! А куда?.. Если ехать всю ночь, к утру можно быть в Минске... А в Витебской области есть маленькая деревушка, бабушка давно зовет в гости. Вот и поживу сколько можно...»

Открыв дверь своим ключом, Роман шагнул в переднюю. Из ванной выглянула мать, рукава ее халата были закатаны по локоть.

— Ромонька, я нашла в чулане твой плащ, стала стирать, а там какие-то пятна, никак не отстирываются. Чем ты его так извозюкал?

Роман молча прошел в свою комнату. Мать нерешительно шагнула вслед.

— Ромасик, что с тобой творится в последнее время? С матерью-то ты можешь поделиться?

— Ма, я уезжаю к бабушке. Собери мне рюкзак в дорогу и что-нибудь поест. Если кто будет мной интересоваться, скажешь — не знаю. Уехал, а куда — неизвестно. Ясно?

Клавдия Семеновна всхлипнула и вышла. Она поняла: произошло что-то непоправимо страшное, о чем лучше не расспрашивать, что рано или поздно узнается, и лучше позже, чем раньше... Привычные хлопоты заглушали непрощенные мысли, и она стала лихорадочно собирать сына в дорогу, подсознательно чувствуя, что не скоро теперь его увидит.

Роман достал из ящика стола пятьсот рублей, скоп-

ленные на четырехдорожечный «Грюндиг», сунул во внутренний карман. «Может, зря я сболтнул матери, куда еду?.. Нет, ничего, ей можно. Что с ней будет, когда узнает? А ничего не будет — переживет... Ладно, попрощаюсь с Ларой — и ходу, только они меня и видели. Пора бы ей уже вернуться...»

Роман подошел к стене, постучал условленным стуком. Никакого ответа. Постучал еще раз — тот же результат. За стеной голосами модных менестрелей завывала стереорадиола. «Может, не слышит?» Он натянул куртку и выскочил из квартиры. Вбежав в соседний подъезд, поднялся на второй этаж, позвонил раз, другой... Наконец дверь распахнулась. «Мамзелина» — так фамильярно называла Лаура свою мать — предстала перед Романом в состоянии подпития. Из комнаты доносились хмельные голоса, кто-то порывался затянуть песню.

— А, жених! — Женщина растянула в зубастой улыбке кроваво-красные губы. — Проходи, раз пришел, — нальем и тебе.

— Я к Ларе. Она дома?

— Пошла Джимми выгулять, скоро вернется: проходи — подождешь...

— Я лучше на улице.

Мамзелина прищурила глаза, еще заметней стали густые зеленые тени на морщинистых веках.

— Что, не подходит тебе наша компашка? А ты, мальчик, очень-то не заносись. — не хуже тебя. Я ведь все про твои делишечки знаю, все... Но молчу покуда. — Она качнулась вперед, обдав Романа перегаром, жарко зашептала в ухо: — А Ларку я за тебя не отдам — не мечтай. Что ж она, столько лет будет тебя дожидаться? Да тут никакая любовь не выдюжит. А уж такая, как ваша... Что вас связывает, кроме постели, что? А для такого дела можно найти парня и повидней...

Роман выскочил из квартиры, сбежал по лестнице вниз. Его душили жгучие слезы обиды. «Вон, значит, как!.. А на что, собственно, ты рассчитывал? Конечно, Ларка не станет ждать десять лет... Один необдуманный шаг, и все кувырком. Потерял девушку, загубил жизнь и себе, и этому таксисту... А-а, — успокоил он сам себя, — все мы крепки задним умом. Сделано — не вернешь! Теперь о другом думать надо...»

Роман подошел к стоящему у подъезда мотоциклу, бережно провел рукой по седлу. Этот друг надежный —

не подведет. Значит, первым делом надо выехать на Минское шоссе...

Послышался знакомый стук Лауриных каблучков. Роман бросился навстречу.

— Лара! Я тебя так ждал! Я хотел...

— Опять шпионил за мной? — резко оборвала его Лаура. — Ну и как, понравился тебе мой новый кадр?

— А ты хоть знаешь, кто это? Что он у тебя пытался? Про меня спрашивал?

— Про тебя?.. — Лаура нервно закусилась верхней губкой. — Нет... про тебя нет... Слушай, Ромка, не ужели?..

— Дошло наконец-то! Это инспектор угрозыска Агеев! Раз уж он на тебя вышел, теперь не отцепится... И пусть, пусть, я уезжаю!

— Брось дурить! Куда?

— Сперва к бабке, а там видно будет. Я хотел проститься, Лара... Мы, может быть, никогда больше не увидимся...

Лаура вынула из сумочки сигарету, чиркнула спичкой. При ее свете увидела дрожащие губы парня.

— Струсил? В штанишки наложил? А ведь твое бегство — главная улика. Кто ни в чем не виноват — тому скрываться незачем.

— Нет, я еду... это решено. Махну на Дальний Восток, там не достанут... Приедешь ко мне?..

Лаура выпустила изо рта плотное облачко дыма.

— Я ухожу, мне холодно...

— Проводи меня, я еду сейчас...

— Ладно. Отведу Джимми и приду.

Лаура вошла в свой подъезд, Роман поднялся к себе. Не успел он вставить ключ, как дверь открылась сама. В прихожей его ждала мать, аккуратно уложенный рюкзак висел на вешалке.

— Ромасик, где ты пропадал? Наверно, опять у мясничихиной дочки? Сколько раз я тебя заклинала, чтобы ты прекратил эту позорную связь. Ни к чему хорошему она не приведет!

— Ты была права, мать, но сейчас поздно об этом.

— Ромульчик, может быть, ты все-таки скажешь?..

— Узнаешь, мать, завтра же все узнаешь. Прощай!..

Клавдия Семеновна с рыданьем бросилась на шею сыну. Роман поцеловал ее в щеку и вышел, оставив ключи на телефонном столике, — больше они ему не понадобятся.

...У подъезда уже нетерпеливо приплясывала Лаура, в руке она держала огромный кусок бисквитного торта.

— Угощайся! Пока тебя ждала, половину съела.

Роман порывисто притянул любимую к себе.

— Мы больше никогда, никогда, никогда!..

Лаура попыталась вырваться.

— Сумасшедший! Ты меня всю измараешь!..

Роман, не слушая, осыпал торопливыми дрожащими поцелуями губы, щеки, шею Лауры.

— Ну, хватит, хватит! Ты видишь, как я одета, меня отпустили на минутку...

— Может, прокатишься со мной немного? Обратно на троллейбuse...

— Еще чего выдумал! Меня гости ждут!

Роман вздохнул:

— Эх, Ларка, Ларка, первая ты моя любовь...

— Ничего, авось не последняя. Арриведерчи, Рома!..

Роман сел в седло, включил зажигание, оглянулся. Лаура смотрела на него, продолжая жевать все тот же нескончаемый кусок торта, пританцовывая в такт музыке, несущейся из окна.

— Прощай, Лаура! И помни — я тебя любил и любить буду!

Девушка хотела что-то ответить, но рот был набит кремом, и она только прощально махнула рукой. Мотор взревел, резко взяв с ходу, мотоцикл исчез за углом. Лаура запахнула легонькое пальтецо и направилась к своему подъезду...

Все машины были в разгоне, и на задержание Фонарева мы с Рябчуном отправились пешим ходом. Рябчун пышет гневом.

— Нет, ты подумай, каков подлюга! Втерся в семью таксиста, стал там своим человеком... Такого криводушия я, Дим Димыч, еще не встречал: пырнуть Носкова в живот и через полчаса преспокойно разговаривать с его матерью, утешать ее, сочувствовать... Откуда это у него?..

— Откуда лжецы и лицемеры? С неба не падают, сами выращиваем. В семье: «Сделаешь уроки, Ромичек, заработаешь рубль. Только папе ни слова, ладно?». В школе: «Портишь ты нам, Рома, отчетность своими хилыми знаниями. Надо бы тебе поставить двойку в четверти, ну да так уж и быть...»

Мы опоздали на самую малость. Рябчун растерянно крутит головой, оглядывая пустую площадку перед домом.

— Здесь обычно стоит его мотоцикл... Неужели удрал?..

Что ж, не исключено. Если он видел меня с Лаурой, слышал, о чем мы говорили... Надо разыскать Лауру, не мог Фонарев уехать, не попрощавшись с ней. А вот и она... затаилась в глубине подъезда...

— Лаура, что вы там прячетесь? Я ведь вас вижу, выходите.

— Я не прячусь, инспектор Дима, я греюсь. Холодно!..

— Где Фонарев?

— Драпанул!

— Куда?

— На Дальний Восток!

— Лаура, нельзя ли посерьезней?

— Ладно, чего там темнить, все равно узнаете. Ромка отправился к своей бабушке.

— Где она живет?

— Где-то в Белоруссии...

— Давно уехал?

— Только что. Я думала, он вам встретился.

— Лаура, мне нужно срочно позвонить. Телефон у вас есть?

— Да, но...

— Андрей Петрович, доставай машину, я сейчас вернусь. Идемте, Лаура!

Девушка нервно передергивает плечиками, не оглядываясь, поднимается по лестнице. Мы появляемся в самый разгар веселья. В прихожую выскакивает кругленький лысенький коротышка и принимается вопить дурашливым голосом:

— Ларочка, любовь моя, наконец-то! А это кто? Пополнение? А бутылек где? Без вступительного взноса не принимаем!..

Я вежливо отстраняю толстячка-бодрячка и прохожу в комнату. Навстречу поднимается недовольная хозяйка.

— Кто вы такой и что вам здесь надо?

Я вынимаю свою книжицу.

— Инспектор угрозыска Агеев. Мне нужно срочно позвонить. Вы разрешите?

— О, пожалуйста, пожалуйста, — захлопотала хо-

зайка. — Мы всегда рады помочь нашей родной милиции...

Набирая номер, я неприметно осматриваю собравшуюся компанию. Мое внимание привлекает рыжеватый мужчина с тонким хрящеватым носом, немного свернутым набок. Он сидит, уткнувшись в тарелку и не поднимает глаз. Ба, да ведь это Танцор, он же Станислав Лабазин! Теперь следователю будет легче протянуть ниточку между участниками концерта: Валет — Лаура — ее мать — Танцор... И о содержимом пакетов теперь будет легче узнать...

На другом конце провода поднимают трубку:

— Дежурный по городу капитан Удалов!

Волоча за собой шнур, выхожу в соседнюю комнату, прикрываю дверь.

— Говорит инспектор угрозыска лейтенант Агеев. Полчаса назад скрылся Роман Фонарев, подозреваемый в покушении на убийство. Мотоцикл «Ява» номер двадцать четыре — семьдесят шесть ЛАВ. Наиболее вероятное направление: дорога на Минск — Вильнюс.

— Сигнал принят, лейтенант! Даю команду перекрыть город!

Я быстро спускаюсь вниз. У подъезда меня ждет Рябчун, чуть поодаль вижу новенький «Жигуленок» цвета «белая ночь».

— Поехали, Дим Димыч! Это наш автодружинник Рихард Зилберг. Готов ездить с нами хоть всю ночь...

Я усаживаюсь рядом с мускулистым атлетом, одетым совсем по-летнему: даже ворот рубашки нараспашку, и машина рывком трогается с места. Видно, Рябчун уже ввел Рихарда в курс дела.

На Минском шоссе нас перегоняет машина с голубым маяком-мигалкой. Вздывает сирена, и машина исчезает за поворотом.

— Тоже пошли на задержание, — говорю я, — им известно примерное направление. Кажется, они его схватят раньше нас.

— С милицейской машиной тягаться не стану, — улыбается Рихард. — Еще обидятся, если обгоню.

— А смог бы?

— Если поднатужиться — вполне!

Во мне просыпается извечный азарт — любой ценой обойти соперника. Наверно, это гнездится в человеке-

ской натуре с первобытных охотничьих времен, когда вырвавшийся вперед отхватывал лучший кусок мамонта.

— Гони, Рихард! Я отвечаю!..

Водитель прибавляет газу, и скоро мы обгоняем машину ПМГ. Движение на шоссе незначительное, встречных машин мало. Стрелка спидометра переваливает за сто тридцать.

— Рихард, здесь есть боковые дороги?

— Я этот район плохо знаю. Если он учуял погоню, непременно попытается свернуть.

— Думаю, о преследовании он пока не подозревает. А впрочем... Андрей Петрович, смотрите внимательней, нет ли где съезда с основной магистрали?

Рябчун припадает к окну, я тоже до рези в глазах всматриваюсь в осеннюю темень.

— Вот он — ваш гонщик, — неожиданно извещает Рихард. — Жмет на всю катушку!

Внезапно сзади снова слышится звук милицейской сирены. Видно, водитель ПМГ не мог снести оскорбления, нас догоняют.

Звук сирены заставил мотоциклиста оглянуться. Погоня! Он выжал ручку газа до отказа и мгновенно скрылся из глаз.

— Давай, Рихард, жми! — подхлестывает Рябчун. — Уйдет ведь, бродяга!

Минут через десять проскакиваем небольшой сосновый лесок, въезжаем на деревянный мост.

— Стой, Рихард! Кажется, авария!..

Мы выскакиваем из машины и видим — с правой стороны моста перила сломаны. На воде, готовый вот-вот погрузиться, покачивается шлем мотоциклиста.

— Неужели утонул? — встревоженно восклицает Рябчун.

Я вытираю испарину — ну и вечерок! Что это: несчастный случай или самоубийство? Скорее всего второе. Даже если мотоциклист упал в воду случайно, он вполне успел бы выбраться...

Из подъехавшей патрульной машины выходит майор Ершов. Он работает в городском управлении угрозыска, мы с ним знакомы по совместному раскрытию одного преступления.

— Что, Дим Димыч, упустил преступника? Это тебя бог наказал — не будешь перегонять нашу «канарейку». — Подсвечивая фонариком, он внимательно рас-

сматривает следы на мосту. — Так, говоришь, утонул беглец? Всякое бывает, Дим Димыч. Мы тут с тобой оплакиваем безвременно усопшего, а покойничек — вполне возможная вещь — сидит в соседнем лесочке и похохатывает в кулачок... Бойко, Круминь, Лысак! Возьмите фонари и прочешите вон те кусты! Далеко он уйти не мог...

Милиционеры двинулись в указанном направлении. Не прошло и получаса, как на мосту в сопровождении конвоя появился взъерошенный Фонарев.

— Нервишки у мальчика не выдержали, — докладывает Лысак. — Сидел бы тихо, может, мы и прошли бы мимо. А он как вскочит, как побежит. Да где ему от Бойко оторваться, когда у того первый разряд.

— Не суйся в волки, коли хвост собачий, — бурчит, ни к кому не обращаясь, Ершов.

Я подхожу к Фонареву. Он сейчас и впрямь похож на побитую собачонку.

— Что ж это вы, Роман Алексеевич? Мы еще вам никакого обвинения не предъявили, а вы уже в бега ударились? Или чувствуете за собой вину?

— Ничего я не чувствую! — огрызается Фонарев. — Просто выехал прогуляться...

— У вас прямо необъяснимая страсть к ночным прогулкам. В субботу, в день преступления, вас видели на Октябрьском мосту, сегодня вы здесь...

Фонарев молчит, глаза полыхают мрачной злобой. Подходит майор Ершов.

— Дим Димыч, ты заметил — он же насквозь сухой. Нарочно мотоцикл утопил, чтобы сбить нас со следа.

17

В тот же вечер мы произвели обыск в квартире Фонарева. Изъяли светлый плащ с замытыми пятнами, похожими на кровь, коричневую кожаную куртку. Искали нож, но его нигде не было.

Многое в этой запутанной истории оставалось мне неясным, и прежде всего — мотив. Вообще-то работникам уголовного розыска не всегда удается доискиваться до истоков преступления — не хватает времени. Это дело следователя, но здесь был особый случай. Я хотел понять, как человек, который учился в одной школе со мной, мог совершить такое... Жаль, что я вовремя не прислушался к мнению моей дорогой родительницы. Ког-

да я передавал ей привет от Фонарева с заверениями в любви и уважении, мать поморщилась: «Был Ромка мелким лгунишкой, таким и остался. Не могла я быть для него любимой учительницей, да и он у меня в фаворитах не числился. Учился средненько, был криклив и забиячлив...» Тогда я не придавал словам матери должного значения, а жаль. Тот юнец, что насакивал на девчонку, тоже был криклив и забиячлив...

Жестокость и лицемерие — откуда они? Ответа на этот вопрос искал я в беседах с людьми из ближайшего окружения Фонарева...

Роме было пять лет, когда он притащил домой хорошенького белого котеночка. «Выкинь сейчас же эту гадость!» — приказала мать Фонарева — Клавдия Семеновна. Мальчик захныкал: «Мам, он красивый и ласковый, пусть у нас живет...» Мать брезгливо, двумя пальцами схватила котенка за шиворот и понесла вон из квартиры. Сын бежал следом, и плакал, и умолял не выбрасывать Пушистика. Женщина открыла дверь, размахнулась и с силой швырнула крохотного котенка на лестницу. Рома хотел убежать, посмотреть, что с ним, жив ли, но мать не пустила. А через месяц пришла дворничиха и, таинственно приглушив голос, рассказала Клавдии Семеновне, что Ромка вместе с двумя подростками зверски замучил голубя. Клавдия Семеновна выслушала равнодушно, пообещала примерно наказать сына и... забыла. Зато она твердо помнила, что голуби — распространители орнитоза.

Когда Ромке стукнуло десять лет, он однажды учудил такое, о чем сердобольная дворничиха, которая все это мне рассказывала, и теперь не может вспоминать без содрогания. Жил в подвале ничейный кот по прозвищу Тимоша. Ромка изобрел иезуитский номер: насадил на рыболовный крючок кусок колбасы и метнул его из окна вниз, подгадав момент, когда Тимоша отправлялся за пропитанием. Голодный кот мгновенно проглотил приманку, и страшный крик, полный ужаса и муки, разнесся по двору. Ромка смеялся и наматывал леску на катушку спиннинга, намереваясь вздернуть Тимошу в воздух. Выскочила дворничиха, оборвала леску и понесла кота к ветеринару. Жестокая шутка даром не прошла — отчим пребольно отхлестал Ромку ремнем: «Зачем без спроса брал спиннинг?..»

Содержательным был и разговор с Лаурой. Она не особенно удивилась превращению Валетова дружка в сотрудника угрозыска и после недолгого колебания откровенно все рассказала.

Наутро в кабинете следователя Сушко состоялся первый допрос подозреваемого в тяжком преступлении Романа Фонарева. Я присутствую тут же. Моя роль заключается в том, чтобы не дать Фонареву уйти от истины. Когда обвиняемый пытается схитрить, увильнуть от правдивого ответа, я подкидываю уточняющий вопрос, и он вынужден признавать то, что признавать совсем не хочется.

Галина Васильевна слушает внимательно, я бы даже сказал, сочувственно, ни словом, ни жестом не выказывая своего истинного отношения. Ей важно, чтобы Фонарев высказался полностью, а уж потом она сумеет отсеять зерна правды из вороха лживых уверток и обтекаемых полупризнаний.

— Расскажите, Фонарев, как вы провели тот день. Меня интересует, предшествовали преступлению какие-то чрезвычайные обстоятельства или оно было совершенно случайно?

— Случайно, конечно, случайно, — ухватывается Фонарев за спасительную идею. — Я не хотел... так получилось... он вытащил меня из кустов... я был зол на весь мир... от меня только что ушла любимая девушка...

Роман достает пачку «Примы», умоляюще взглядывает на следователя. Галина Васильевна встает, открывает форточку.

— Курите, Фонарев.

Роман жадно затягивается, от чего и без того худые щеки его западают совсем.

— В тот день, это была суббота, я сидел у Лауры. Мы слушали музыку, пили кофе, собирались сходить в кино. И вдруг врывается Валерка...

Да, все так и было. Правда, Валерий Кречетов не ворвался, а позвонил в дверь — требовательно, длинно, по-хозяйски. Что ж, он имел на это право...

Маленький, тщедушный Ромка Фонарев давно украдкой поглядывал на красивую девчонку из соседнего подъезда. Но при ней неотступно находился Валерий Кречетов, а у него был такой рост и такие плечи... И вдруг удача — Валерку призывают в армию. Первое время Лаура лишь насмешливо щурилась в ответ на

робкие попытки Фонарева завести знакомство. Но потом...

— Потом, инспектор Дима, мне стало невыносимо скучно, — рассказывала вчера вечером Лаура. — И я подумала: чем не кадр Ромка Фонарев? Зарабатывает прилично, есть мотоцикл с коляской, отдельная комната. Конечно, Валерку с ним не сравнить, но Валерка далеко, а этот рядом... Я была у него первой, он молился на меня... Для такого хлюпика, на которого никто из девчат и внимания-то не обращал, я была счастливой находкой. Я помыкала им как хотела, он выполнял все мои капризы и прихоти...

И может быть, ничего бы не случилось, не заведи Фонарев речь о женитьбе. Лаура от окончательного ответа уклонилась. Хотя Кречетов ничего ей не обещал, она все же надеялась после возвращения Валерия из армии выйти за него замуж. В последнем письме Лаура написала, что ей предстоит принять важное решение, и если Валерий не хочет потерять ее навсегда, то должен выбрать время и приехать. И вот он явился...

Лаура открыла дверь и отступила в растерянности — она не ожидала столь стремительной реакции на свое письмо.

— Ой, Валерка, сюрприз-то какой бесподобный!.. Ты стал такой бравый!.. А загорел-то как!.. Там до сих пор жара, да?.. Да раздевайся, что же ты стоишь как неродной?!

Валерий хмуро и подозрительно смотрел на Романа, вышедшего из комнаты в коридор.

— А это кто? Мой дублер? Я вижу, ты тут без меня не скучаешь!..

— Валерка, не будь занудой! — Лаура подпрыгнула и обвила руками загорелую крепкую шею.

У Романа перехватило дыхание. Удушливая волна унижения подкатила к горлу, в бессильной ярости сжались кулаки. А что он мог сделать? «Старый друг — лучше новых двух», «У любви, как у пташки, крылья...» Нельзя, нельзя здесь оставаться, но и уйти он не мог. По приказанию Лауры сбегал за бутылкой вина, потом еще за одной. Сидел молча, вливая в себя рюмку за рюмкой, медленно наполняясь дремучей первобытной злобой.

Лаура резвилась как школьница. Упоительное созна-

ние власти над двумя соперниками заставляло ее выкидывать самые эксцентричные номера. То она вскакивала на стол и кружилась в бурном танце среди рюмок и бокалов, то прыгала на колени к Валерию, шепча ему на ухо жаркие словечки. На Ромку Лаура и глазом не ве-ла — куда он денется...

Так, в пьяном угаре прошел весь день. К вечеру Лаура услала Романа за очередной бутылкой, а когда он вернулся, в квартиру его больше не пустила. Тщетно колотил Ромка в дверь ногами — в ответ раздавался лишь яростный собачий лай. Облегчив душу грязным ругательством, которое он выплюнул в замочную скважину, Фонарев поплелся домой. Распаленное воображение рисовало сладострастные картины Лауриной измены. «Тварь! Лживая намазанная тварь! И хватит! И конечно!..» Роман клялся себе, что никогда, никогда больше даже не взглянет в ее сторону, и знал, что все эти клятвы — чушь, ерунда, что стоит Лауре поманить его пальцем, и он снова ей все простит... Нет, хватит, пора наконец стать мужчиной! Он отомстит ей за все свои унижения! И ей, и этому самодовольному индюку Валерке!..

Затуманенный хмелем взор бродил по комнате, и вдруг Роман увидел на секретере нож. Он сам, собственноручно, выточил его, отполировал, сделал наборную ручку из плексигласа. Отличная получилась финка! Ну, солдат, держись теперь!.. Нет, убивать он, конечно, никого не станет. Но пригрозит! Вынет нож и покажет Валерке. Со значением! И посмотрит, какое будет у него лицо. И может быть, Лаура после этого будет его немножко уважать и даже бояться. Валерка уедет, и все останется как было...

Он сел к окну и стал смотреть на улицу. Дождлся, когда Лаура и Валерий вышли из подъезда, и долго шел за ними, оставаясь незамеченным. На тихой улице Гончарной Лаура, услышав сзади шорох, быстро обернулась. Роман метнулся в кусты, но поздно — его увидели, остановились. Фонарев подошел разболтанной, вихляющей походкой, сказал, сплюнув:

— Я пойду с вами!

Валерий расправил крутые плечи, резко шагнул вперед.

— Уйди, пока харю в творог не размазал!

Фонарев отскочил, выхватил нож.

— А это видел? Ну-ка, тронь попробуй!..

Лаура загородила собой Валерия.

— Иди домой, ты выпил...

Солдат рвался в драку, Лаура с трудом его удерживала, твердя: «Валера, не надо!..» Потом схватила его за руку и потащила прочь. Они ушли, а Фонарев остался с нерастраченной жаждой мести и рвущейся наружу в поисках выхода первобытной злобой. Самец, у которого более сильный соперник увел красивую самочку.

В тот момент Фонареву было безразлично, кого ударить ножом, он действительно был зол на весь мир. Таксист принял на себя удар, предназначенный любому другому, подвернувшемуся под руку. Маленький, униженный, жалкий, Фонарев вложил в этот удар всю накопленную за день ненависть и боль. По закону подлости: мне плохо — пусть же будет худо и тебе!.. Ударив, Роман ужаснулся и пожалел. Нет, не таксиста — себя. Поймают, будут судить. Бежать, пока никого нет! И нож не бросать — это улика!..

Фонарев мчался, ломая кусты, подгоняемый страхом грядущей расплаты. Хмеля как не бывало, мысль работала четко и ясно. Сейчас налево, в переулочек, потом по Садовой... Выбежав на Литейную, почти на ходу вскочил в отправляющийся троллейбус. Водитель — курносая девчонка в сиреневой косынке — напомнила про билет, но он выскочил на следующей остановке. Тихонько, чтобы не разбудить мать, вошел в квартиру, спрятал светлый плащ в чулане, надел коричневую кожаную куртку.

Под окном стоял мотоцикл «Ява» — подарок матери на день рождения. Роман надвинул шлем, включил зажигание... На максимальной скорости въехал на Октябрьский мост, притормозил, сунул руку в боковой карман. В воздухе сверкнуло блестящее лезвие клинка, где-то глубоко внизу глухо булькнуло. Главная улика — на дне!.. Возле политехнического института Фонарев развернулся и поехал обратно.

В этот момент его увидел и запомнил студент Вольдемар Риекстинь, провожавший девушку. Если бы начать разрабатывать версию Леши Волкова — «мотоциклист в коричневой кожаной куртке», — мы вышли бы на Фонарева с другой стороны. Этот путь — посложней и подольше, но и он неизбежно вывел бы нас на преступника.

— Скажите, Фонарев, как пришла вам в голову такая дерзкая мысль — вернуться на место преступления? — задает вопрос следователь Сушко.

— Я хотел узнать, что с таксистом... жив ли он?.. И потом... я хотел заявить, что это я, я ударил его ножом... И если бы меня кто-нибудь узнал в тот момент, я бы не стал отпираться...

Фонарев говорит быстро, торопливо, вздохнув, а глаза в этом монологе не участвуют, они живут своей, отдельной жизнью, думая совсем о другом, потаенном... О чем же? Ну, например, о том, что от этой молодой симпатичной женщины зависит теперь его судьба и не худо бы ее разжалобить, «запудрить» ей мозги. В действительности возвратился он на улицу Гончарную совсем по другим мотивам.

«...Интересно, что там сейчас?.. Может, подъехать?.. Вроде только что увидел... Затесаться в толпу, послушать, что говорят. Узнать меня может только таксист, если жив остался... Но его, наверно, уже увезли... в больницу... или в морг... Кто еще меня видел? Мать таксиста? Издалека и мельком. Плащ я снял, волосы зачесал на пробор. Риск быть узнанным ничтожен, а выиграть можно много. Бесспорное алиби! Где был в это время? Там же, где и вы, товарищ блюститель! Вспомните, вы же меня свидетелем записывали...»

Все было так, как он ожидал. Раненого увезла машина «Скорой помощи», возле дома сгрудилась толпа любопытствующих и сочувствующих. Роман хотел присоединиться и вдруг увидел Еремина — мастера своего цеха. Он шел, ссутулившись, при шаркивая ногами, словно нес на плечах невыносимую тяжесть.

— Иван Николаевич, что здесь случилось? — бросился навстречу Фонарев. — Я ехал мимо, смотрю — толпа...

Еремин вяло пожал протянутую руку.

— Сына моего пырнул какой-то бандит...

Фонарев похолодел. Выходит, тот парень... Ну да, вот же дом, в котором живет мастер... И в цехе говорили, что сын у него работает таксистом... А мать? Значит, это была жена Еремина? Он видел ее только однажды, на комбинатском вечере... Что же теперь делать?! Если б он знал!.. А, что там, теперь поздно каяться. Может, все и к лучшему: кто подумает, что он мог поднять руку на сына своего мастера? Сейчас главное — не показывать виду, полнейшее спокойствие...

Все эти мысли вихрем пронеслись в голове Фонарева, а вслух он спросил:

— Не нашли?

Еремин ссутулился еще сильнее.

— Догнал бы — живого места не оставил. Может, и хорошо, что не догнал...

Потом Фонарев помогал мастеру готовить машину Михаила к отправке в таксопарк, успокаивал рыдающую Ксению Борисовну: «Его найдут, его обязательно найдут...»

В первое мгновение, увидев Фонарева, Ксения Борисовна вздрогнула. Ей показалось, что... Тут подошел Иван Николаевич, сказал, что работает с Романом в одном цехе... Но главное — в памяти Ксении Борисовны накрепко засела массивная челюсть преступника, а у Фонарева подбородок был круглый, женственный, безвольный. Потом мы выяснили, что свет фонаря падал под углом и это удлиняло черты лица.

— В общем, Фонарев, — подвожу я итог, — помогли тебе твои уловки, как нищему рукопожатие.

— Я хотел, хотел прийти с повинной! — кричит Фонарев. — Это она меня отговорила...

— Вот как? А мне Лаура сказала, что она вообще ничего не знала о преступлении...

— Вы слушайте больше, она еще и не то придумает. Это ж такая стервозная девка!.. На следующий же день рано утром я пошел к ней...

Дверь открыла Лаура. На пороге стоял Фонарев — бледный, с темными кругами под глазами от угарной ночи. Не спрашивая разрешения, прошел в комнату, рухнул в кресло.

— Ромка, что с тобой?

— А то ты не знаешь!

— Скажешь — узнаю...

— Я человека убил!..

— Из-за меня? — восхищенно ахнула Лаура. — Из-за того, что я с Валеркой ушла? Ты и вправду меня так любишь?

Фонарев молчал, уткнув лицо в ладони.

— Тебя кто-нибудь видел, скажи? А этот таксист жив? Ну же, не молчи, — теребила Лаура.

— В больницу его увезли, что дальше — не знаю. Это, оказывается, сын нашего мастера Еремина.

— Кто тебе сказал?

— Я потом вернулся туда...

— И тебя никто не узнал?

— Я переоделся. Еще нож помогал искать.

Лаура посмотрела на Фонарева удивленно и недоверчиво.

— Бесподобство! Вот уж не ожидала от тебя такой прыти. Я, признаться, всегда думала, что ты тухля тухлей. Нож куда дел?

Роман зыркнул подозрительно.

— А тебе зачем?

— Думаешь, пойду доносить? — хохотнула Лаура. — Что взять с больного, кроме анализа? Очень мне нужно Валерку под удар ставить!

Роман вскочил:

— У, тварь! Все о нем беспокоишься! А что у меня из-за тебя жизнь покорежена — это пустяк?

Лаура вытащила из пачки сигарету, закурила, изящно отставив мизинчик.

— Тоже мне нашелся — оригинал в упаковке! Кто тебя заставлял на людей с ножом кидаться?

— Это верно, не на того я бросился. Твоего хахаля надо было угрохать, а потом тебя!

— Трепло! Валерка бы тебе так вмазал!..

Фонарев опустил голову.

— Что делать, Лара, посоветуй? Может, пойти признаться?

— Еще чего? Не смей меня впутывать!

— При чем тут ты?

— А как же! Начнут выпрашивать: с кем был в тот вечер да по какой причине? И выйдет: ножом ударил ты, а виновата я...

— А разве не так?

Лаура гневно пыхнула дымом в лицо Фонареву.

— Лыцарь! Никак ты не можешь, чтоб за мою спину не спрятаться! Кто же знал, что ты такой бешеный, когда выпьешь?

— Пил я немного...

— Или я не видела! Хлестал в три горла! Нам с Валеркой почти ничего не досталось.

— Вам и так сладко было!..

Лаура встала, мечтательно потянулась всем своим гибким змеиным телом.

— Валерка — мужик что надо!..

Фонарев метнулся к ней, порывисто привлек к себе.

— Вот все про тебя знаю, все, а тянет по-прежнему. Заколдовала ты меня, что ли?

Лаура осторожно высвободилась из его объятий.

— Сядь! Лучше подумай, как в тюрьгу не загреметь. Роман снова помрачнел.

— Что там думать? Все равно найдут!

Лаура презрительно усмехнулась.

— Какого ж черта ты следы путал, алиби создавал? Кончай дрожать — смотреть отвратно! Ты был на месте происшествия, искал нож вместе с мастером, кто тебя может заподозрить? Только вот еще что надо сделать. Если таксист жив, он тебя обязательно узнает — по бакам. Сегодня же их сбрей! А я позвоню в больницу, узнаю, что с шофером. Как ты сказал его фамилия — Еремин?..

Искусно группируя факты, Фонарев пытается создать впечатление, что он всего лишь горемычная жертва нескладно сложившихся обстоятельств. Если бы не безобразное поведение Лауры... Если бы не приезд Валерия Кречетова... Если бы таксист оставил его в кустах... И вид у Романа во время допроса соответственный: само смирение и покорность судьбе-злодейке.

Тактика в общем-то не новая и достаточно примитивная: представить дело так, будто преступление совершено неумышленно, в состоянии сильного душевного волнения. Но нет! Фонарев сам себя выдал с головой: тот циничный расчет, то бесчувственное хладнокровие, которое он проявил, скрываясь от правосудия, исключают смягчение наказания. Фонарев внутренне был готов к преступлению, а когда он его совершил бы — в ту субботу или годом позже — не суть важно.

— Это все она, она виновата, — твердит без устали Фонарев. — Из-за нее все случилось... Это ж такая стервозная девка!.. Ее надо судить, ее!.. Если бы не она!..

— Какой же вы все-таки!.. — вспылила, не выдержав, Сушко. — Было одно смягчающее обстоятельство — слепая, безрассудная любовь, — но и ее вы растоптали!..

На сегодня допрос закончен. Я вывожу подследственного в коридор, чтобы сдать конвоиру. Навстречу нам поднимается по лестнице мать таксиста. Увидела Романа — побледнела, отшатнулась. В глазах испуг и удивление, презрение и... жалость. Да, обыкновенная бабья жалость, какую испытывают женщины к несчастным и ущербным. Фонарев прогладил лицо Ксении Бори-

совны тяжелым, заледенелым взглядом, молча прошел мимо. Ни одна жилочка в нем не дрогнула, не всколыхнулась ни совесть, ни раскаяние.

«Пустое сердце бьется ровно», — вспомнилась мне строка из школьной хрестоматии.

Прошел год. Однажды вечером я поймал зеленоглазое такси. За рулем сидел молодой мужчина с четким, словно вычеканенным профилем: тонкий, острый нос, плотно сжатые губы, энергичный подбородок. Я пригляделся попристальней — неужто Носков? Он покосился настороженно — чего, мол, уставился? Ну да, он же меня не знает. Видел один-единственный раз, да и то был в таком состоянии...

— Ну как, Миша, выкарабкался?

Он опять скосил глаз.

— Откуда вы меня знаете?

— Виделись в одном месте, — продолжал я интриговать. — Только тогда ты был в горизонтальном положении и не очень разговорчив. Но все же вспомнил, что у преступника были баки.

— Лейтенант Агеев? Мне мама о вас рассказывала...

— Уже, Миша, старший лейтенант, — поспешил похвастать я. — Получил повышение за успешное раскрытие... А, кстати, чем закончился суд над Фонаревым?

Михаил помолчал, видно было, что вопрос ему неприятен.

— Семь лет дали... в колонии усиленного режима...

Машина останавливается у моего дома, мы прощаемся.

— Миша, о главном не спросил: кого пестуешь — сына, дочку?

Носков расплылся в неудержимой блаженно-радостной улыбке:

— Сын у меня, уже семь месяцев. Димой назвали...

Я стою у подъезда своего дома, покурываю — мать не любит, когда я дымлю в комнатах. Ну, что ж, Дима так Дима... Не настолько я еще зазнался, чтобы возомнить, что это в мою честь. И все же приятно...

МИЕРМИЛИС СТЕЙГА ШАГИ ЗА СПИНОЙ

Повесть

I

Дремлет бор в тускло-голубоватом лунном свете. Сухой сосняк на взгорке еще дышит теплом, но с болотистой низины уже тянет холодной сыростью.

У ветхого, местами поваленного забора извилистые лесные тропы сплетаются в прямую дорожку, ведущую к высокому крыльцу дома лесника. Старый, рубленый из бревен дом вытянут кверху, словно его приподняли за печную трубу, потом опустили, и он по-старушечьи скособочился. Единственное, похожее на воспаленный глаз оконце подмигивает красноватым светом.

С треском распахивается окно. Жалобно скрипнув, хлопает наружная дверь. Эхо звуков еще долго мечется по лесным чащобам и затихает, увязнув в болоте. Где-то хрустит сухая ветка, слышится шорох листьев, глухо ударяет упавшая шишка. Замирают в чаще чьи-то шаги.

Внезапно ночную тишину разрывает гортанный каркающий крик. Свет в оконце начинает слегка подрагивать, и вот он уже заплясал. Все резвей и резвей, словно

в доме кто-то закружился, заметался со свечой в руке. Угасает он так же неожиданно.

Вдруг что-то светлое прошмыгнуло у изгороди, а затем посреди двора появляется белый призрачный силуэт. Но это не привидение, а женщина. Распущенные волосы длинными прядями падают на белую рубаху. Подняв руки вверх, она с криком убегает в лес.

Из раскрытого окна в посеребренные кусты вываливается человек. С трудом встав на ноги, он ковыляет в чашу леса.

II

Натужно рыча и чихая, милицейский автомобиль преодолевал болото по застланной хворостом дороге. Моросил дождик.

Пожилой шофер, прижавшись к рулю, напряженно всматривался в дорогу, стараясь не угодить в трясину. Он вполголоса клял и старые негодные «дворники», оставлявшие на стекле мокрые полосы, и топкую грязь, в которой того гляди увязнет чиненый-перечиненый «газик», и, наконец, старуху, которая отдала богу душу именно сегодня, в первый день его отпуска. А теперь колотись из-за нее в ночную темень по этим чертовым ухабам за тридевять земель. Конечно, Розниек мог бы и сам сесть за баранку, но только не по такой дороге. Пожалуй, только он, старый Антон, изловчится проехать по ней.

Инспектор уголовного розыска Улдис Стабинь был настроен куда более оптимистично. Он сидел сзади и вдохновенно говорил:

— Померла старушка лет девяносто девяти от роду в своей постели естественной смертью. А участковый врач справку не выдает: в поликлинике, мол, покойница не лечилась, диагноз, мол, неведом, пусть едет «Скорая», да побыстрее. Приезжает «Скорая», осматривает, обследует и устанавливает, что померла старушка девяносто девяти лет в своей постели естественной смертью, но справку писать не торопятся. Пусть, мол, обстоятельства уточнят следователи и эксперты. Приезжают следователи, эксперты, пишут длинный-предлинный протокол, фиксируют следы, фотографируют и устанавливают, что померла старушка девяносто девяти лет от роду в своей постели естественной смертью по причине старческого одряхления организма...

Розниек обернулся и метнул в Стабиня злой взгляд.

— Очень хотелось бы знать, когда вы, молодой человек, станете серьезнее?!

— Разве это первый случай, когда мы трясемся впустую? — продолжает Улдис. — Вспомни, Валдис, хотя бы историю с туфлей. Доктор, наверно, не в курсе, — обращается к судебно-медицинскому эксперту Стабинь. — Вот послушайте. Однажды мальчишка-подпасок нашел на лугу новенькую лакированную туфлю. Обследовав место происшествия, участковый инспектор Заринь обнаружил вытоптанную площадку и полоску примятой травы. «Дело ясней ясного — здесь произошло убийство! — утверждал тогда Заринь. — Смотрите, здесь бандюга душил эту женщину, потом волок в лес, да не заметил, что туфля с ноги соскочила. А тут, возвращаясь, он бросил окурок». Этот «Шерлок Холмс» только что закончил школу милиции и жаждал раскрыть ужасное преступление.

— Надо признать, ход мыслей не столь уж нелепый, — засмеялся Розниек.

— Конечно, — согласился лейтенант. — Выглядело все правдоподобно. В поисках жертвы мы весь лес перевернули. На рыхлой земле у кротовой норы наткнулись даже на подозрительный след сапога.

В темных глазах врача улыбка. Он проработал в этом районе почти десять лет, прекрасно знает всех оперативных работников, в том числе завязатого шутника лейтенанта Стабиня. В армии Стабинь был сержантом. До этого звания, как он сам любил рассказывать, дослужился в кружке самодеятельности. Окончив вечернюю школу, Стабинь поступил на заочное отделение юридического факультета и перешел на оперативную работу. Тогда же ему присвоили офицерское звание. У Стабиня хороший голос. Он гитарист. Щеголеват. Девушки вокруг него так и вьются. Но с женитьбой Улдис не спешит.

Мелкой дробью дождь барабанил по туго натянутому брезентовому тенту. Колеса то и дело ныряли в глубокие лужи, и потоки грязи с шумом били в днище кузова. Машина то кренилась набок, то подсакивала, но все же, упрямо урча, тащилась вперед.

— Что же было дальше? — Судебно-медицинский эксперт считал, что со скукой в дороге надо бороться активно.

Стабинь любит, когда к его побасенкам проявля-

ют интерес. Выдержав для солидности паузу, он продолжил:

— Решили установить личность владелицы туфли.

— В старину принцу найти Золушку было легче, — пошутил врач.

— Это уж точно, — согласился Улдис, — он предлагал всем девицам примерить башмачок.

— Ты упускаешь важную деталь, — вмешался Розниек. — В сказке принцу за успешный розыск светила награда — рука и сердце красавицы.

— С нас хватит и одного женатого — тебя, — парировал Стабинь. — Мы применили иной метод, куда более гениальный. Такие туфли — дефицит. Как правило, их продают лишь «своим людям» из-под прилавка и с приличной наценкой. Короче говоря, мы нашли продавщицу, и оказалось, что ее знакомая бросила мужа и уехала в неизвестном направлении. Это было подозрительно. Мы задержали мужа и предъявили ему туфлю. Осмотрев ее, муж побледнел. «Да, — признался он, — виноват. Но она же первая напала, замахнулась...» — «Чем?» — спрашиваю. «Да вот этой самой туфлей». У нашего участкового сразу глаза загорелись. «Рассказывайте!» — «А чего рассказывать, — вздохнул муж. — Вырвал я у нее туфлю и...» — «И?..» — «И выбросил в окно вагона. Неужто мне теперь за это пятнадцать суток влепят?»

Судебно-медицинский эксперт улыбается. Шофер прислушивается с интересом.

— Ну а вытоптанная трава и следы ног?

— Наверно, там корова лежала, а наследил подпасок своими новыми сапогами... Такая вот симфония, — закончил Стабинь обычным своим присловьем.

Дождь перестал. Край небосвода посветлел.

Выбравшись на более твердую дорогу, «газик» резво проскочил мимо сарайчика и затормозил у дома. На крыльце прибывших поджидали участковый инспектор Каркл, женщина-врач и понятые — старый почтальон и секретарь сельсовета.

III

Оперативные работники, эксперт и понятые вошли в просторную комнату.

Некрашенная дубовая кровать задвинута в самый темный угол. Перед окном тяжелый квадратный стол. У сте-

ны старый коричневый комод, над ним картинка, изображающая мадонну с младенцем, и несколько фотографий в рамках. Посреди комнаты на полу тело тщедушной старушки.

Немало трупов повидал следователь Розниек на своем веку. Такая профессия. Однако привыкнуть к их виду и выработать в себе безразличие он не смог.

Старуха лежала на спине, руки как-то по-солдатски прижаты к бокам, правая нога неестественно согнута, босая, на левой шерстяной вязаный чулок и галоша. Другая галоша виднелась под кроватью. Изборожденное резкими морщинами лицо рассекал широкий тонкогубый рот, застывший в насмешливой гримасе.

Розниек заставил себя подойти и наклониться над телом.

«Обстоятельства загадочны», — вспомнились Валдису слова прокурора Кубулиса, когда тот ни свет ни заря позвонил и попросил выехать на место происшествия.

— Все-таки смерть естественная, — донеслось до слуха Валдиса замечание Яункалниня, судебно-медицинского эксперта. Голос у того был низкий и, как всегда, спокойный. — Похоже на инсульт. Не такая уж редкость в ее возрасте.

— Инсульт, — повторил Розниек, точно ему хотелось глубже проникнуть в смысл слова. — Тогда почему она лежит посреди комнаты в такой странной позе?

Вопрос был скорее риторическим.

— Ничего удивительного, — ответил Яункалнинь. — Смерть может застигнуть человека где угодно.

Взгляд Улдиса Стабиня, подобно объективу кинокамеры, блуждал по комнате с предмета на предмет, четко фиксируя все мелочи.

— Естественная смерть есть смерть естественная, — заметил он глубокомысленно. — Выходит, Валдис, нам с тобой тут делать нечего. Будем поворачивать обратно, что ли?

Подойдя к столу, он стал разглядывать остатки сыра и ветчины на тарелках и толстые ломти деревенского ржаного хлеба. Затем извлек из-под стола недопитую бутылку водки.

— Характерная привычка, — сказал он, — ставить бутылку под стол. Так поступают выпивохи в чайных, когда разливают на троих. — Стабинь деловито обнюхал

оба стакана, стоявших на столе. — Не водка ли тут всему виновница?

— Не исключено, — подхватил эксперт. — Алкоголь повышает кровяное давление.

Молоденькая женщина, секретарь сельсовета, несколько оправившись от испуга, не отрывала от Улдиса Стабиня больших наивных глаз.

Девушка явно старалась привлечь внимание лейтенанта. Однако Улдис был чрезвычайно серьезен. Наконец она набралась храбрости и шагнула вперед.

— Старушка Упениеце не пила, и Катрина тоже, они жили очень тихо и скромно... — Словно испугавшись своего слишком громкого голоса, она смутилась и умолкла.

Седовласый эксперт взглянул на девушку и отечески улыбнулся.

— Все возможно, голубушка. В ее годы для инсульта достаточно и малой дозы алкоголя.

Улдис Стабинь с блокнотом подошел к секретарю.

— Можете рассказать поподробней о том, как жили Упениеце, с кем встречались, кто у них бывал?

— Дядя Криш знает больше, — сказала девушка. — Он почти ежедневно возит почту в Межсарги.

Услышав свое имя, Криш, низенький старичок в потрепанном френче почтового работника, с лысой, великоватой для его роста головой, восторженно вскрикнул.

— Покойница славная была старушка, — пробормотал он дрожащим голосом. — Добрый человек! Да будет ей земля пухом!

Следователь Розниек вглядывался в темные полосы на половицах, затем ножиком соскрёб что-то с пола и высыпал в пробирку.

— Вы первый обнаружили Упениеце мертвой? — спросил он у почтальона. — А как вы вошли в дом?

Почтальон жалобно взглянул на врача, потом на участкового инспектора Каркла, словно ища у них поддержки.

— Как всегда, утром я развозил почту. Выехал рано, чтобы успеть в поселок. Гляжу, дверь настежь. Вошел — и вот... Думал, еще не поздно спасти... Побежал звонить доктору...

— Что, что? — Инспектор Каркл, помогавший Стабиню производить осмотр комнаты, остановился. — А почему, когда мы с врачом приехали, дверь была закрыта?

Розниек внимательно наблюдал за стариком. Почтальон ответил не сразу.

— Наверно, когда побежал, захлопнул дверь. Английский замок... Защелкнулся...

— А окно было открыто? — поинтересовался следователь.

Почтальон платком вытер лысину.

— Про это не скажу. Не заметил.

— Окно было открыто, — уточнил инспектор Каркл.

— Кто еще проживает в Межсаргах? — продолжал расспрашивать Розниек.

— Только Катрина Упенице, дочь старухи. После происшествия ее никто не видел, — доложил лейтенант Каркл. Рядом с рослым Розниekom Каркл выглядел щуплым подростком.

— Послушай-ка, Алберт, — обратился к нему Улдис. — А может, Катрина на работе? Рано ушла и даже не знает, что мать... Где она работает, сколько ей лет?

Инспектор Каркл тревожно глянул на дверь, ведь и в самом деле, Катрина Упенице могла в любую минуту прийти и застать эту страшную картину. Надо бы ее перехватить, подготовить...

— Работает она в колхозе, а лет ей за сорок, — задумчиво проговорил он и, закулив сигарету, подошел к раскрытому окну.

— Старушка скончалась примерно в час ночи, — сказал эксперт, — следовательно, дочь, если только она была дома, не могла не знать о случившемся. Кроме того — попрошу отметить в протоколе важное обстоятельство, — обратился он к Розниeku, — труп не перемещали. Трупные пятна находятся на спине. Никаких опасных для жизни телесных повреждений я не вижу. Лишь на обеих руках выше локтей обширные кольцеобразные кровоподтеки, образовавшиеся еще при жизни.

Розниек нагнулся и внимательно осмотрел руки покойной, затем каждую в отдельности сфотографировал.

— Н-да, — проворчал он. — Все далеко не так просто. Смерть, возможно, и естественная; но обстоятельства все же странные. Не исключено насилие.

Интуицию называют вторым умом следователя. И она подсказывала Валдису, что клубок этот с налету не распутать. «Что-то загадочное в ее предсмертной усмешке. Нелегко мне будет извлечь тайну, которую она унесла в могилу. Потребуется, видимо, долгий, кро-

потливый труд. Нужны неопровержимые доказательства».

Комнату то и дело озаряла холодная молния фото-вспышки — следователь фотографировал труп, пол, кровать, комод, стол.

— На кровати вроде бы лежали, — заметил он. — Подушки помяты.

— И на печке тоже, — слышался голос Стабиня из другой комнаты. — Гляди, подушка сброшена на пол, валяется чулок.

Розниек пинцетом собирал со стола и складывал в пробирки, баночки и коробочки остатки пищи.

— Судя по всему, ужинали двое.

— Возможно, Катрина с матерью, — высказал предположение инспектор Каркл.

Розниек пожал плечами.

— Непохоже. Во всяком случае, в комнате находилось не два человека, а больше, и характерно, что никто из них не оказал помощи старухе. Никто не вызвал врача.

Каркл надвинул фуражку на лоб.

— О смерти старой Каролины тоже никто из них не сообщил.

— Значит, окно было раскрыто? — на всякий случай переспросил Розниек.

— Раскрыто! — подтвердил Каркл.

— Тогда поглядите вместе со Стабиным, нет ли чего интересного на дворе, а я пока займусь протоколом.

Розниек о чем-то задумался, затем встал, подошел еще раз к комоду, раскрыл пыльный альбом и стал внимательно рассматривать пожелтевшие фотографии. Почтальон со свойственным пожилым людям любопытством присоединился к нему.

Вот пышнотелая девица с густыми бровями и энергичными чертами лица в подвенечном наряде. Рядом полный невысокий жених. Вот она же с маленькой девчушкой на руках.

— Наверно, это Каролина Упенице с дочкой Катриной, — предположил старик. — Вот конфирмация, а тут чьи-то похороны.

— Скажите, пожалуйста, — обратился Розниек к почтальону, — Упенице получала письма?

Взгляд старика беспокойно скользнул с фотографий на следователя.

— Нет, — ответил он, — только газету и кое-какие журналы.

В окне появилась голова Улдиса Стабиня.

— Подойди-ка, Валдис, взгляни! — позвал он. — Тут какой-то спортсмен выпрыгнул из окна, оставив на память свою визитную карточку.

Розниек сунул альбом инспектору Карклу и быстро подошел к окну.

IV

Ошинь, ветеринарный фельдшер колхоза «Карогс», проснулся и сел в постели столь резко, что пружины протестующе заскрежетали.

Из кухни через открытую дверь доносился перестук посуды. Это сестра Ошиня — Вилма — таким способом извещала брата, что завтрак готов и пора вставать. Упаси ее бог это сделать словесно! У брата слабые нервы, но зато крепкий кулак. Потеряв ногу, Ошинь считал себя неудачником. Так и не сбылись его мечты о карьере офицера «третьего рейха». Интендантское училище было расформировано сразу же после разгрома под Сталинградом, и курсантов всех до одного отправили на фронт. Полгода провалявшись по госпиталям, Ошинь попал на курсы ветеринарных фельдшеров. По окончании был направлен на работу в армейскую конюшню.

После войны Ошинь вернулся в Латвию, из всей родни нашел лишь сестру. Невзрачный и одноногий инвалид с крутым и взбалмошным характером так и остался холостяком. Дело свое он знал. Сумрачный и молчаливый, разъезжал он по хозяйствам и животноводческим фермам, осматривал и лечил скот. Изредка жаловался на свои беды колхозному жеребцу Максиму или племенному быку Орлику. В трезвом состоянии Ошинь с людьми разговаривал мало. Откровение на него находило лишь после бутылки — тогда он плакался на свою судьбу каждому встречному-поперечному...

Ошинь потянулся, широко зевнул и вдруг, схватившись руками за голову, застонал.

— Ох и трещит башка, прямо на части разламывается. Эй, Вилма! Глянь-ка в шкафчик, не осталось ли там глоточка?

Вытирая руки о передник, дородная Вилма робко вошла в комнату.

— Не пора ли, братец, взяться за ум, — сварливо сказала она. — Доведет тебя пьянка до беды.

Ошинь уставился на сестру недобрым взглядом. Вилма быстро подошла к шкафчику и достала бутылку. Ошинь вышиб пробку и единым духом выпил водку.

— Уф-ф, слава тебе, господи, теперь в самый раз. — Он долго разглядывал и массировал сильно натертую культю правой ноги. — И дернул же меня черт вчера переться к этим...

Необычный шум на дворе заставил Ошиня прервать свое занятие. Он дотянулся до брюк, но не успел их надеть. Дверь распахнулась, и в комнату ввалился долговязый парень. На руках у него была женщина с безжизненно запрокинутой головой и посиневшим лицом. На фиолетовых губах пена с примесью крови. С длинного белого одеяния капала вода. На полу быстро собралась лужица.

Водянистые глаза Ошиня расширились и застыли в испуге.

— Дядя Карл, помоги! — выдохнул парень, тяжело опустив женщину на кровать.

— Трина! — едва выдавил Ошинь.

— Катрина из Межсаргов, — подтвердил юноша. — Иду, гляжу — лежит под мостом, там, за большими камнями. Жива ли?..

Парень был изрядно напуган.

— Вряд ли тут можно помочь, — отвернувшись, пробормотал Ошинь, шаря дрожащими руками в тумбочке. — Сестра, подай воды! — прорычал он хрипло.

Вилма неслышно вошла.

— Господи, помилуй! — всплеснув руками, запричитала она. — Скончалась, ей-ей, скончалась, ах ты, божье наказание!

— Не каркай, ворона! — прикрикнул на нее Ошинь. — Воду носи живо!

Вилма вздрогнула и бросилась на кухню. Вскоре она вбежала с большой глиняной кружкой. Ошинь высыпал в нее какой-то порошок, размешал и попытался влить Катрине в рот. Однако тщетно. Челюсти женщины уже окоченели. Ошинь стал щупать пульс. Подушка под безжизненно запрокинутой головой постепенно окрашивалась кровью.

Крупные капли пота проступили на лбу Ошиня.

— Чего уставился! — рывкнул он на парня. — Дуй в поселок...

Всю стену в кабинете прокурора Кубулиса занимали книжные полки. Книги Кубулис называл «мой крепкий и надежный тыл».

Хозяин кабинета, человек худощавый, с редющей шевелюрой и кустистыми бровями, сидел за массивным, заваленным бумагами письменным столом и разговаривал по телефону. Он явно был чем-то озабочен. На приветствие Розниек Кубулис безмолвно кивнул, жестом пригласил сесть и продолжал телефонный разговор. Следователь не садился, давая тем самым понять, что лишним временем не располагает.

Бледное добродушное лицо прокурора вдруг покрылось красными пятнами.

— Ах вон оно что! — крикнул он в трубку. — Нет! Даже не подумаю! И до суда не освобожу! Не надейтесь! Валцинь махровый жулик, расхититель общественного имущества. Заслуги?! Суд учтет! Ах способный работник?! Хороший специалист?! В местах лишения свободы и такие нужны! Все, разговор на эту тему окончен. — Прокурор положил трубку и тяжело откинулся на спинку кресла. — Черт бы их всех побрал! — взорвался он. — Нашлись защитнички! Когда Валцинь разбазаривал колхозное добро, они делали вид, что ничего не замечают, а теперь, видите ли, без него обойтись не могут. Незаменимый специалист!

Прокурор сидел, вперив неподвижный взгляд в широкую белую голландскую печь в углу кабинета. Потом вдруг повернул голову, стал разглядывать рослую фигуру Розниек, словно увидел его впервые.

Раздражение в глазах Кубулиса быстро таяло, как светящийся квадратик на экране выключенного телевизора. Теперь это были обычные усталые глаза человека, много повидавшего на своем веку. В голосе появились знакомые дружелюбные нотки.

— Как далеко ты продвинулся с делом этого Валциня?

— Пишу обвинительное заключение, — ответил Розниек.

— Все подтвердилось полностью?

— Да. Вы же прочтете дело до того, как направите его в суд...

Озабоченное лицо Кубулиса озарилось улыбкой.

— Прочту, а как же. Только мы с вами должны счи-

таться с тем, что родственники Валциня ходят по инстанциям, пишут жалобы и действуют вовсю. Если мы, не дай бог, не докажем достоверность хотя бы одной фразы, одного слова из написанного в обвинительном заключении, то...

— Знаю.

Прокурор встал и распахнул окно. Кабинет освежила волна летнего воздуха. Запахло жасмином и свежескошенной травой.

— Что же нового ты привез из Юмужциеса? — спросил Кубулис.

— Случай весьма странный, — сказал Валдис. — Причина смерти ясна — инсульт. Это не вызывает у врачей сомнения, и, казалось бы, нет оснований возбуждать уголовное дело. Однако кое-какие детали все же наводят на мысль о вероятности убийства.

— Какие?

— Я пока абсолютно ничего не утверждаю, — продолжал Розниек, — я только анализирую обстоятельства. Смерть наступила около часа ночи. Покойная обнаружена на полу посреди комнаты, выше локтей, на предплечьях у нее обширные кольцеобразные кровоподтеки, возникшие, по мнению эксперта, незадолго до смерти. На полу свежие полосы, прочерченные галошами покойной. Одна галоша заброшена под кровать.

— Похоже на борьбу?

Валдис пожал плечами.

— В ту ночь на хуторе Межсарги двое — назовем их Икс и Игрек — пили водку. В некотором роде это не была обычная выпивка. Стол, похоже, был накрыт заранее, даже цветы поставлены. Ужин проходил беспокойно. Люди думали о чем-то другом, были рассеянны. Откусив кусок сыра и не доев, брали другой. Поначалу закусывали каждый из своей тарелки, затем сели рядом и стали есть из одной. На остатках еды имеются следы зубов двух человек. У Икса зубы пошире, у Игрека помельче. На стакане Икса отпечаток широкой ладони, только очень неясный, расплывчатый, человек, видимо, нервничал, покатывал его в руке.

— Посуду и остатки пищи отправили на экспертизу?

— Само собой. — Розниек устало опустился в кресло

— Полагаете, здесь замешаны еще какие-то лица?

— Думаю, да. Окно было раскрыто, под окном сломан куст. Мы нашли там пуговицу от брюк. Похоже, кто

то спасался бегством через окно. И еще. До того, как все это произошло, старая Каролина уже улеглась спать. Об этом свидетельствует ее постель на печи. Потом произошло нечто неожиданное, потому что старуха соскочила с печки и вбежала в комнату Катрины. Она так спешила, что не успела даже надеть чулок. Его мы нашли на полу возле печи, там же валялась и подушка.

Прокурор закурил.

— Вам, конечно, уже известно, что дочь этой старой женщины той же ночью утонула? Ее нашли в реке у самого моста.

— Два покойника в одном доме. Вряд ли это случайное совпадение.

Оба долго молчали.

— Кто расследует это дело? — прервав паузу, спросил Розниек.

— Пока Апинис, но, думаю, оба дела надо объединить...

— Каковы будут ваши указания на дальнейшее?

— Поезжайте домой, отдохните. Работа предстоит серьезная.

С трудом оторвав отяжелевшее тело от кресла, следователь встал и вышел в коридор.

VI

В кабинете Апиниса у стола сидел долговязый паренек. Вид у него был смущенный и растерянный.

Следователь Апинис сосредоточенно писал протокол. Не отрывая взгляда от бумаг, он продолжал допрос:

— Значит, ходили проверять верши? Вы что же, не знаете, что рыбная ловля такой снастью строго запрещена? — Апинис поднял голову и посмотрел не на подростка, а в окно, как будто заметил что-то весьма интересное.

— Я... я... — съежился парнишка, — я не знал... это не мои верши... у меня только... меня теперь посадят?..

Прокурор Кубулис, сидя в углу кабинета у журнального столика, листая книжку, в допрос не вмешивался. Теперь же он встал и подошел к пареньку.

— К вашему сведению, следователь Апинис общественный инспектор рыбоохраны и потому напоминает вам о том, что ловить рыбу вершами запрещено, — благодушно пояснил Кубулис. — Впредь так не поступайте. А в данный момент нас больше интересует, в кото-

ром часу вы увидели в воде под мостом Катрину Упенице?

Паренек приободрился и, подумав, ответил:

— Будильник зазвонил полшестого, я оделся, пошел... Это могло быть около шести или половины седьмого утра. Увидал, что-то белеет меж больших камней, подошел ближе — женщина. Вошел в воду, вытащил ее и побежал к Ошиням. Их дом самый ближний. Думал, может, еще жива...

— Она вся была под водой?

— Вода затекала ей в рот, но иногда бывает, утопленника откачивают.

— Вы не пытались это сделать?

Парень покраснел.

— Нет.

— Почему?

— Не знаю, не умею...

— Сколько вам лет?

— Шестнадцать с половиной.

— Н-да, — протянул Кубулис. — На мостике, в реке, на берегу, одним словом, по соседству с местом происшествия ничего подозрительного не заметили?

— Я не глядел.

— А по дороге никого не встретили?

Подросток снова задумался.

— Н-никого.

— Вот ведь какое дело, — прокурор поднялся со стула и подошел ближе к Розниeku, все это время стоявшему у двери, — на месте происшествия действительно ничего подозрительного не нашли. Однако у погибшей на затылке глубокая рана, на плечах и шее синяки, правая рука сломана...

Кубулис вновь обратился к юноше:

— Вы были знакомы с Катриной Упенице?

— Да, был, она жила в Межсаргах.

— Вы славный парень и, конечно же, захотите нам помочь, верно?

Подросток смутился, затем поднял глаза и улыбнулся:

— Постараюсь, насколько смогу.

— Вот и прекрасно. — Кубулис положил юноше руку на плечо. — Начнем с самого простого: постарайтесь восстановить в памяти все события сегодняшнего дня: что видели, слышали, в общем все. Будильник снова установи на полшестого, мы завтра приедем рано, и ты

нам покажешь, какой дорогой шел, где увидал Упенице, как нес ее к Ошиням, что интересного видел по пути. Договорились?

Незаметно для себя Кубулис стал называть юношу на «ты». Оба его сына были примерно такого же возраста, и потому Кубулис особенно хорошо понимал психологию подростков и умел найти с ними общий язык.

— Ладно! — с готовностью кивнул парень.

На лицо прокурора вдруг легла тень.

— Ты на чем приехал? — озабоченно спросил он. — Домой успеешь добраться?

— У меня мопед, — не без гордости ответил подросток.

— Тогда ладно.

Следователь Апинис ткнул пальцем в протокол и буркнул:

— На, прочти, распишись и все сделай, как сказал товарищ прокурор...

— Не думайте, что он из пай-мальчиков, — заметил следователь, как только дверь за парнем захлопнулась. — В прошлом году из колхозного сада не вылезал, хоть у самого дома яблок полным-полно; в школе дрался. Теленку Гринвальдихи привязал к хвосту паклю и подпалил, чуть коровник не сгорел. Родителей несколько раз вызывали в комиссию по делам несовершеннолетних.

— Откуда у вас такие сведения? — поинтересовался прокурор.

Апинис откинул свое грузное тело на спинку кресла.

— Позвонил в школу, — прикрывая рукой зевоту, ответил Апинис. — Вы же меня сами учили, что до того, как человека допрашивать, надо узнать, что он собой представляет. Мне хотелось выяснить, почему подросток оказался ночью у моста. Верши обычно ставят километра на два выше. У моста слишком мелко. И я очень сомневаюсь, был ли он один.

— Вы подозреваете его?

Апинис вяло усмехнулся.

— В этом деле нет юридических оснований кого-либо подозревать.

— Это ваше твердое убеждение?

— Конечно. Заключение медиков категоричны: мать умерла своей смертью, дочь утонула. Таким образом, убийство исключается.

— Вы не верите заключениям судебно-медицинских экспертов?

— Наоборот, верю.

— Тогда объясните происхождение прижизненных телесных повреждений на теле женщин.

Апинис подтянул рукава кителя, словно собирался приступить к ответственному делу, и сказал:

— Вся эта «тайна» не стоит и ломаного гроша, — насмешливо глянул он на Розниека. — С вечера они вдвоем выпили. Ночью старухе стало плохо, звала дочь, не добудившись, слезла с печи, пошла да и грохнулась посреди комнаты. Об этом свидетельствуют и неубранная постель, и подушка, и чулок на полу.

— А о чем свидетельствуют обширные кровоподтеки выше локтей? — вмешался в разговор Розник.

— Катрина, разбуженная шумом, ухватила мать за руки, пыталась ее поднять, — невозмутимо продолжал Апинис.

— Так, так, — прокурор явно что-то прикидывал в уме. — Продолжайте, продолжайте, это становится интересным.

— Видя, что мать умирает, Катрина распахнула окно, стала звать на помощь, затем выпрыгнула в окно и побежала на ближайший хутор. Но так как она была еще пьяна и торопилась, то на узком мостике, потеряв равновесие, упала в речку, разбила голову о камни и утонула.

— Допустим, — согласился Кубулис. — А как объяснить свежие полосы, прочерченные галошами на полу, и галошу, залетевшую под кровать?

— Возможен и такой вариант. — Апинис говорил таким тоном, словно его насильно заставляют высказывать то, что обоим и без того должно быть понятно. — Обе женщины по пьянке сцепились. Катрина схватила мать за руки выше локтей и со зла как следует встряхнула. У старухи инсульт.

Розниека передернуло.

— По-твоему, это случилось до или после того, как женщины отправились спать? — хмуро спросил он.

— Какая разница? Катрина мертва, и уточнять детали происшедшего бесполезно.

— Предлагаешь дело прекратить?

— Факт! Рано или поздно это дело все равно придется списать. Так лучше уж не тратить зря порох. Незачем разыскивать несуществующих преступников.

Розниек нахмурил брови.

— Завидую людям, которым всегда все ясно. Ни сомнений, ни проблем. Легкая жизнь, широкие пути, светлые тона. Но если подумать — это не что иное, как признаки ограниченности.

Выбить Апиниса из седла было не так просто.

— Я хочу повторить, что мы не имеем права бесцельно транжирить время и государственные средства. Наша обязанность — раскрывать и расследовать преступления, а не причины инсультов, инфарктов и так далее! Этим пусть занимаются медики, социологи, психологи.

Прокурор поежился так, будто его зазнобило.

— Я лично считаю, что даже естественная смерть еще не исключает вероятности преступления, — сказал он несколько нравоучительно, — а несчастный случай может оказаться ловкой инсценировкой. В данном случае мы не имеем права прекратить дело, пока окончательно не убедимся, что вероятность преступления исключена. Этого требуют от нас не только служебный долг и закон, но и наша совесть. И на этом дискуссию считаю законченной...

VII

Следователь Розниек возвращается домой. Городок уже затих. В редком окне горит свет. Нет-нет да встретится прохожий, поздоровается. Розниека тут знают все, поскольку городишко крохотный.

У кинотеатра толпится народ. Сегодня идет новая широкоэкранная картина. Инта давно жаждет посмотреть ее. Валдис взглянул на часы. До начала последнего сеанса всего несколько минут. У входа стоит Фелита, помощник прокурора, с двумя молодыми людьми. Она лукаво подмигнула Валдису.

— Пошли в кино, мрачный тип, не пожалеешь!

— В другой раз, — улыбнулся Валдис. Мысли упрямо возвращались к новому делу. Происшествие на хуторе Межсарги при всей своей кажущейся простоте тайло немало загадочного. Экспертиза подтвердила предположение о том, что темные полосы на половицах действительно прочерчены галошами покойной. Кроме того, было установлено, что старая Каролина Упениеце в тот вечер алкогольных напитков не употребляла. Стало быть, версия Апиниса о ссоре во хмелю отпала. Зато под ногтями пальцев правой руки Упениеце эксперты

обнаружили мелкие чешуйки человеческой кожи и запекшуюся кровь. Исследование показало, что эти улики не имеют отношения к дочери Катрине. Следовательно, была какая-то схватка, борьба, и Каролина кого-то поцарапала. Куст под окном пострадал основательно. Похоже, что его помял какой-то тяжелый предмет. Найденная пуговица, по утверждению экспертов, была пришита к темной шерстяной одежде. На хуторе Межсарги одежды из такой материи не обнаружено. Несомненно, что в доме находился третий человек, но кто и что ему там понадобилось?

Подкатил автобус с тускло освещенными окнами. Несколько пассажиров вышли. Женщина с большой сумкой направилась в сторону гостиницы. «Наверное, в командировку», — подумал Розниек. Позади деликатно кашлянул старичок.

— Добрый вечер, — заискивающе поздоровался он. Розниек сразу узнал почтальона из Юмужциемса, который был понятным на хуторе Межсарги.

— Добрый вечер, — ответил Розниек.

— В поликлинику, знаете ли, приехал. Рано утром надо анализы сдавать, — завздыхал старик. — Что делаешь, хвораю. Старость не радость.

— А я вас искал. Повестку не получили? Хотел еще порасспросить о жизни обеих Упенице в Межсаргах. Вы ведь часто у них бывали.

Старик семенил рядом с Розниekom.

— Повестку получил, — подтвердил он. — Приду к вам после поликлиники, только уж не знаю, товарищ следователь, о чем рассказывать. Обе женщины жили тихо, неприметно, никого не трогали, ни на кого зла не держали. И вдруг такая беда. Что, до сих пор так ничего и не выяснили?

— Жили тихо и неприметно? — покачал головой Розниек. — Неужто у них не было ни знакомых, ни друзей?

— Видите ли, товарищ следователь, — он осторожно огляделся и приглушенным голосом продолжал, — в Межсарги и в самом деле никто не заходил, не было у этих женщин настоящих добрых друзей. Я, конечно, ничего худого сказать не хочу, но... пару раз встречал в Межсаргах нашего коновала Ошиня и однажды его родича, Яниса Лаурпетериса.

— Насколько мне известно, оба они живут неподалеку от Межсаргов?

— Да, да, соседи близкие. Однако что у них с ними за дела — сказать вам не могу, — таинственно нашептывал почтальон. — Старая Каролина однажды мне рассказала, что Ошинь перед войной был влюблен в Катрину, сватов засылал, но остался с носом. Мать, насколько я понял, никогда не могла этого простить дочке.

— Вот видите, — сказал Розниек, — не таким уж тихим и неприметным было их существование.

— Грех говорить про покойников худое, но в последнее время старуха больно уж нехорошо вела себя с дочерью, нападала на Катрину, честила ее почем зря, подчас и за косу тягала.

— Может, для этих ссор были причины?

— Какие причины! Просто у старухи ум за разум уже зашел.

— А может, она и в тот вечер тоже сцепилась с Катриной. Как, по-вашему?

— Что вы! Мне-то откуда знать? Я сообщаю лишь то, что мне известно. Вы, наверно, больше меня в курсе дела.

— Благодарю за полезную информацию, — пожал следователь руку почтальону.

— Завтра утром вы все-таки ко мне загляните. По-толкуем. Может, еще что вспомните.

Следователь ушел, а старый почтальон стоял и долго глядел ему вслед.

Розниек свернул в переулок. Свет в окне его квартиры был виден издали. Значит, Инта не спит, ждет. И не сбежала с детьми, как частенько грозилась.

Огонек в окне успокаивал, и мысли Розниека вновь переключились на события в Межсаргах.

Да, Кубулис прав. Человека можно убить не только ножом, пистолетом, ядом, а подлостью, угрозами, даже резким словом. Неоказание помощи умирающему — тоже уголовное преступление. А смерть Катрины! Эксперты сомневаются в том, что рана на голове — результат падения на камни, скорее Катрину ударили тяжелым тупым предметом...

Розниек находился уже во дворе. У двери квартиры он полез в портфель за ключом и обнаружил авоську с пришпиленной запиской.

— Ах, старый склеротик! — воскликнул с досадой Валдис. — Инта велела купить хлеб, яйца, сыр, сметану, помидоры. «Смотри не забудь, как обычно, — пред-

упредила она и записала все на бумажке, — ребенок болеет, в доме ничего нет. Я ведь тоже работаю!»

Розниек безнадежно махнул рукой и отпер дверь. — Какой сюрприз! — всплеснула руками Инта. — Адрес наш еще не забыл? Ужин разогреешь сам. Я ложусь спать!

Валдис промолчал. Сейчас объяснить что-либо Инте было бесполезно. Он выждал, пока она закроет дверь спальни, помыл руки и сел за стол.

Однако мысли упорно не желали переключаться на домашние дела.

Что скрывается за густым туманом, окутывающим эти необычные события? Чтобы раскрыть преступление, необходимо в первую очередь выяснить, с какой целью оно совершено, понять психологические мотивы действий виновного. Этот же случай не ясен ни с какой стороны. Мы, по сути дела, даже не знаем, что произошло той ночью в доме Упениеце. Завтра же надо съездить со Стабином в Юмужциемс.

Розниек машинально ел, не ощущая вкуса пищи...

VIII

Прокурор Кубулис с удовольствием втянул в себя смолистую свежесть лесного воздуха и на миг задержал дыхание.

— Апинис, вы только прислушайтесь, какая благодатная тишина! — прошептал он, словно боясь ее разбудить.

Кубулис не скрывал своего восторженного благоговения перед красотой природы, будь то дерево, травинка или всего лишь искрящаяся на солнце капелька росы. Не часто удавалось ему вырваться на лоно природы.

Грузный Апинис тяжело и неохотно шагал за своим начальником. Пожатие плечами было единственной реакцией на реплику прокурора. Апинис восторги шефа считал блажью, однако предпочитал вслух не высказываться. Они шли по лесной дороге, вел их подросток Дайнис Калниетис.

Дорога круто повернула вниз, и взору путников открылась извилистая речка, весело бегущая по каменистому руслу. Высоко над водой был перекинут узкий деревянный мосток без перил.

— Вот здесь... — показал пальцем Дайнис и вдруг осекся. К равномерному журчанию воды добавился плеск. Похоже, кто-то, пока невидимый за густым кустарником, переходил речку вброд. Все трое напрягли слух. Звук шел со стороны глубокого, поросшего деревьями и кустарником оврага.

— Напрямик через заросли пробираться долго, — шепотом сказал Кубулис. — А пока мы... Дайнис, — обратился он к парнишке, — тут нет какой-нибудь тропки?

Но Дайниса и след простыл. Слышно было только, как по откосу скатилось несколько камней и звонко шлепнулось в воду.

— Пошли! — метнулся вперед прокурор. — Надо бы перехватить раннего путника.

— Разве теперь это так важно? — бормотал Апинис, неохотно следуя за начальником. — Этот паршивец удрал, и вся наша затея лопнула!

Кубулис довольно быстро для своих лет взбирался по крутому склону и, оглянувшись, бросил на ходу: — Полагаю — важно, если на рассвете второго дня кто-то рыщет вокруг места происшествия!

Обойдя овраг поверху, они вышли к тропинке, остановились и прислушались. Ни звука.

— Уф-ф, — шумно вздохнул Кубулис. — Зря торопились, сгинул таинственный лесной человек.

— Почему обязательно человек, может, и лесной зверь, — пошутил Апинис.

Где-то совсем близко зашуршали листья. Шаги приближались. Кубулис потянул Апиниса за рукав, и они притаились за большим кустом можжевельника. На тропинке показался Дайнис. Он растерянно озирался по сторонам. Когда юноша миновал их укрытие, Кубулис окликнул паренька. Тот вздрогнул и обернулся.

— Послушай, голубчик, куда это ты вдруг исчез?

Дайнис покраснел, насупился и пробормотал:

— Хотел поглядеть, кто там лазает.

— А кто тебя об этом просил?

— Я думал, надо.

— Вот видишь, — обратился прокурор к Апинису. — Дайнис считает, что это все-таки надо. Так кто же там был в такую рань?

Дайнис снова замялся.

— Я... н-не видал... — но, подняв глаза и встретив

открытый и добрый взгляд, он робко сказал: — Пьяный Ошинь домой ковылял.

— Ошинь? — задумчиво покачал головой прокурор. — Интересно.

Апинис тут же подскочил к Дайнису.

— А откуда он шел?

— Лучше вы у него сами спросите. Мне он не докладывал.

— Ну ладно, ладно, — примирительно сказал Кубулис. — Это мы выясним. Но ты, приятель, все же покажи нам, где стояли твои верши и в каком месте ты нашел Катрину Упениеце.

Паренек молча направился к речке. Кубулис и Апинис последовали за ним. Дайнис вошел в воду — она оказалась ему выше коленей — затем, взобравшись на большой серый камень, сказал:

— Вот тут, между камнями, она и лежала, ногами к мосту.

Кубулис внимательно оглядел мостик, затем, раздевшись до трусов, вошел в воду и стал осматривать камни и дно ручья. Ноги сводило от холода, и Кубулис почувствовал, как заныла старая рана, а в поясице снова начало постреливать.

Апинис с папкой в руке походил по берегу и вскоре доложил:

— Ничего такого, что говорило бы о борьбе или насильственных действиях, не заметил.

Настроение Кубулиса заметно ухудшилось. Может, все-таки не стоило лезть в холодную воду. Как бы опять не скрючил его радикулит.

— Вроде бы никаких следов нет, — пробурчал, ежась от холода, прокурор. — Впрочем, рано еще делать выводы.

— Так где же вы, Калниетис, ловили рыбу? — обратился он к подростку, который стоял на прежнем месте и словно ожидал, когда о нем вспомнят. — Тут даже начинающий рыболов верши не поставит, а ты ведь своими уловами известен всей округе.

Дайнис поджал губы, точно опасаясь сболтнуть лишнее.

— Будем в молчанку играть? Или расскажешь все начистоту? — спросил Кубулис.

Дайнис нахохлился как воробей перед дракой и процедил сквозь зубы:

— Я тут верши не ставил.

— Что же ты тут делал вчера в половине шестого утра?

Подросток глухо выдавил:

— Не скажу, и все! Хоть убейте!

— Убивать тебя никто не собирается. Но зря с нами хитришь. Сам потом пожалеешь. Каяться будет поздно... Что ж, ступай домой. Молчальник нам не нужен.

Дайнис медленно повернулся и пошел не оглядываясь.

Апинис недоумевающе пожал плечами:

— Будь моя воля, я бы его посадил. Денька на три, чтобы пораскинул умишком и одумался. Ручаюсь, признался бы наверняка.

Прокурор покачал головой.

— Вам бы только сажать, — гневно сказал он. — А за что? Ну не сказал он нам сегодня правду. Может, кого-то боится. Допустим, мы его задержим, но тем самым спугнем преступников. А дальше что?.. Какие у нас факты против Дайниса Калниетиса? В чем мы можем его обвинить? В том, что он рано утром ходил на речку? Нам даже неизвестно, имеет ли этот факт связь с межсаргским делом. Разве у нас есть законное основание для задержания гражданина Калниетиса, товарищ следователь? Подозрения еще не доказательства. Расследуйте, найдите доказательства, а тогда уж задержите или ставьте вопрос об аресте. Лишение свободы не шутка!

И безрезультатный выезд, и запирательство Дайниса — все это злило Кубулиса, хоть он и понимал, что подросток чем-то встревожен и вряд ли удастся так просто вызвать его на откровенность, особенно в присутствии Апиниса, который был с ним грубоват на первом допросе. «Психологический момент, — подумалось Кубулису, — только не все наши работники признают его существование. А как много зависит от этого в нашем деле!»

Прокурор и следователь вышли из леса на шоссе. Метрах в трехстах стоял прокурорский «газик».

— А мы ведь шли по другой тропинке, — сказал Кубулис скорей себе, нежели Апинису.

Капот машины был поднят, старик Антон ковырялся в моторе.

— Теперь до него не докричишься, — устало вздохнул Кубулис. — Если Антон залез под капот, то все. Пошли к машине...

— Старуха Каролина к посуде даже не прикасалась! — Стабинь, обернувшись, силился перекричать свистевший в ушах ветер.

— Это заключение экспертизы? — выкрикнул Розниек.

Они ехали на мотоцикле в Юмужице. Мимо, словно бегуны-марафонцы, проносились телеграфные столбы.

— Да, сегодня утром получил. На бутылке и на стаканах только отпечатки пальцев Катрины.

На повороте шоссе мотоцикл сбавил ход, и говорить стало легче.

— Стало быть, она в трапезе не участвовала!

— Да, следы зубов на сыре не ее. Сыром закусывала Катрина и кто-то еще. Скорей всего мужчина.

— Ого! Значит, версия о третьем неизвестном подтверждается. Значит, надо его искать.

Стабинь резко притормозил и свернул налево. Теперь они мчались по грунтовому грейдеру, оставляя за собой густую завесу пыли. По обе стороны дороги широкими зелеными полотнищами тянулись поля клевера. За поворотом меж деревьев промелькнул сарай. Затем из-за косогора появилось несколько домов. Стабинь остановился у трехэтажного здания из красного кирпича, где размещались все учреждения поселка. Большую часть первого этажа занимал магазин.

— Первым делом навестим это заведение, — лукаво подмигнул Стабинь.

У прилавка сгорбленная старушка, шамкая губами, пересчитывала сдачу, босой мальчуган покупал конфеты.

Завмаг снял старомодные очки, протер их полкой халата и вновь водрузил на нос. На лице его отразился мучительный вопрос: что сулит ему неожиданный визит оперативников?

— Привет, Эджус! — весело поздоровался Стабинь. — Вчера много водки продали?

Завмаг взволнованно сдвинул жиденькие белесые брови.

— Да торговали, — неопределенно ответил он.

Стабинь подошел к прилавку.

— Попросите жену подменить вас. Надо потолковать.

Звать жену Эджусу не пришлось. Яркое накрашенная блондинка с красивым холеным лицом появилась неожиданно. Бросив на мужчин взгляд, она прошествовала мимо них и принялась обслуживать покупателей.

Завмаг провел оперативных работников во внутреннее помещение магазина, где была также и его квартира.

На больших окнах модные шторы. Со вкусом подобрана и расставлена мебель темно-красного цвета. Витрину буфета украшали изделия из хрусталя и серебра и резные антикварные вещицы. На полках секции выстроились ряды книг. И только сам неказистый Эджус в своем темно-сером халате никак не гармонировал с окружающей обстановкой.

Розниек остановился посреди комнаты и неожиданно для самого себя спросил:

— Вы горожанин?

Эджус отставил от продолговатого стола стул с золотистой обивкой и спокойно сказал:

— Прошу вас, товарищ, садитесь. Чем могу быть полезен?

Улдис Стабинь, удобно усевшись в мягком кресле подле журнального столика, закурил.

— Эджус не горожанин, — ответил он на вопрос коллеги. — Местный он. Вот жена рижанка. Стремится идти в ногу с модой.

Эджус промолчал. Он несмело присел на краешек стула. Его беспокойные блестящие глазки ощупывали лица сотрудников.

Стабинь словно ненароком спросил:

— Постарайтесь вспомнить, кто позавчера после обеда покупал водку.

Эджус несколько успокоился.

— У леспромхозовских была получка.

— Так-с, — протянул Розниек, что-то прикидывая в уме. — И много их приходило?

— Как всегда, — уклончиво ответил завмаг.

— А из колхозников кто? Нас интересуют лишь те, что брали с собой.

— Бригадир Скродел взял две бутылки. Говорил, гостей из Риги ждет.

— Из Риги? — переспросил Стабинь и что-то отметил в блокноте. — И кто же они такие?

— Сестра с мужем.

— А фельдшер Ошинь брал водку? — спросил Розниек.

Эджус потер лоб, вроде бы вспоминая, потом с неожиданной решимостью резко ответил:

— Нет, позавчера Ошиня в лавке не было.

— А когда он был? — Розниек не давал Эджусу времени на обдумывание ответа.

— Неделю, пожалуй, или полторы как не заявлялся. За продуктами ходит Вилма, сестра его. В последнее время кое-кто перестал покупать водку у меня. Хотя... хотя...

— Хотя пьянствует как прежде, — закончил за него Стабинь.

Эджус улыбнулся. Судя по всему, ему хотелось кому-то насолить, но чужими руками. Однако Стабинь на этой теме задерживаться не стал. Он шел своим путем.

— Кто еще в тот вечер брал водку?

— Калеиха одну бутылку мужу снесла. Да, чуть не забыл. Катрина Упениеце взяла поллитра.

Оба сотрудника разочарованно глянули друг на друга. Под Розниekom скрипнул стул.

— А раньше Упениеце водки никогда не покупала? — возобновил он разговор.

— Раньше нет. А вот лесники брали...

— Благодарю. — Поднялся Стабинь. — Вы, случайно, не знаете, для кого покупала водку Упениеце? Сама она ведь непьющая.

— Чего не знаю, того не знаю. Насчет других чуть что, всем известно. А эта сидит у себя молчком в лесу.

— В четверг из чужих тут никого не замечали?

— Были двое, вроде бы из управления мелиорации. Но я сам не видал. Жена с ними беседовала у конторы.

...Когда они вышли на шоссе, Стабинь в сердцах сплюнул.

— Черт подери! Она сама, выходит, поила своего гостя. Что будем делать дальше?

Розниек задумчиво ковырял песок носком ботинка.

— Ты уверен, что эта «оригинальная» чета ничего не знает по нашему делу?

— Парочка — будь здоров! Гармония полная. Думают об одном и том же, дышат одним и тем же. А если что и знают, то десять раз прикинут: что выгоднее — сказать или не сказать?

Стабинь столкнул мотоцикл с подножки.

— С дамочкой я еще побеседую, — озорно подмиг-

нул он. — Со мной она не откажется пооткровенничать. В парикмахерскую и в магазин все сплетни стекаются как в мусорную яму. А почему тебя так заинтересовал фельдшер Ошинь? Или есть основания?

— Пока ничего конкретного, — задумчиво протянул Розниек. — Говорят, он иногда наведывался в Межсарги.

— Ошинь алкоголик и мрачный тип. Сейчас он, кажется, нашел другой источник сивухи. Но, как видишь, в Межсарги водку принес не он. — Стабинь резко дал газ, и рев мотора оборвал разговор.

Х

Кабинет участкового инспектора Каркла мало напоминал официальное учреждение. К массивному письменному столу была вплотную придвинута коляска с двумя куклами. Лохматый медвежонок лежал кверху лапами на столе рядом с пластмассовой чернильницей. По полу были раскиданы детские колготки, чулки, грузовичок без колес, ножницы и полоски разноцветной бумаги.

Когда Розниек со Стабином переступили порог кабинета, Каркл с набитым едой ртом вбежал в комнату через другую дверь и попытался подобрать валявшиеся вещи.

Стабинь встал посреди комнаты и с ехидной улыбкой наблюдал за действиями товарища. Розниек неловко топтался у двери.

Собрав игрушки в охапку, Каркл выпрямился и пробормотал:

— Извините, товарищи, я сейчас, — и бочком вышел из комнаты.

Вскоре он вернулся, обеими руками застегивая на ходу свой милицкий китель.

— Не ждал гостей. — Он вопросительно глядел на Стабиня и Розниека.

— Зато малыши твои, как видно, ждали и потому устроили целую выставку, — добродушно подтрунил Стабинь.

Каркл развел руками.

— Что поделаешь — дети есть дети. Больше всего любят играть там, где не положено.

— Товарищ Каркл, какие сведения ты собрал о Каролине и Катрине Упенице? — спросил Розниек.

— Во-о-он тот дом на пригорке, за старой мельницей, видите? — ткнул Каркл пальцем в окно. — Раньше этот хутор назывался Упениеки. Говорят, старая Каролина хозяйничала там богато. Теперь там правление райпотребсоюза.

— А кто мог бы рассказать поподробней...

— Над чем мудрствуете? — из-за полуприкрытой двери послышался старческий голос. — Ты спроси лучше у бабушки Салинь. Она полвека прослужила у барыни, у Каролины Упениеце.

— А ведь верно, — согласился Каркл. — Моя теща испокон веков живет в этих местах, знает всех здешних жителей.

— А сейчас бабушка Салинь дома? — повернулся он к двери.

Дверь приоткрылась шире.

— Где ж ей быть, как не дома. Старая, хворая, далеко от дома не убежит.

— Тогда пошли, — предложил Каркл. — Она тут по соседству проживает.

Бабушка Салинь обитала в комнатухе над конторой. Комнатка была чистая, прибранная. Маленькая, на вид добродушная старушка отложила вязанье и опустила костистые руки на колени.

Ни удивления, ни тревоги по случаю столь неожиданного визита на ее лице не было. Пожевав губами, она благожелательно сказала:

— Я, сынки, про то, как живет барыня в Межсаргах, и знать не знаю, и ведать не ведаю. В позапрошлом году повстречала ее на базаре, она жаловалась на Катрину, что та ей перечит, не слушается.

— А может, дочка и впрямь была нехорошая? — предположил Розниек.

— Полно тебе, полно! — замахала на него руками старушка. — Катя была чистое золото. Где еще такую дочку найдешь, чтобы по хозяйству сама все делала да еще тебя и помыла и нарядила? Чего же вы стоите-то у дверей, входите, садитесь.

Каркл придвинул стулья своим товарищам и сам уселся на табуретку.

— Но это было тогда, перед войной, — заметил он. — Может, нынче она переменилась?

— Нет, нет, — вновь всплеснула руками старушка. — Она в ту пору и вовсе за двоих везла — и за

батрачку, и за горничную, покуда мать с городским хлыщом амурничала. Так в девках и осталась.

— И ни одного кавалера? — ухмыльнулся Стабинь.

— Какие там кавалеры! Не до того ей было. Барыня ей шагу ступить не давала, недобрая была и ревнива не в меру. Не дай бог, чтобы Кате кто приглянулся. А уж хитра была, что старая лиса!

— А куда ж тот хлыщ подевался? — спросил Розниек, как бы между прочим. — Уехал куда или скончался?

— Упорхнул, сынок, упорхнул, — согласно закивала головой бабка. — Как только записали барыню в кулаки и землю почти всю отобрали, так след его и простыл. На что ему Каролина без богатства?

— И что же он — жениться хотел или только так — мощну Каролины малость порастрясти? — поинтересовался Стабинь.

— Отчего же не жениться на такой земле, на доме, на скотине — ой-ой-ой добра-то было! Мужик был не промах, к тому же у Каролины родня богатая не то в Австралии, не то в Бразилии.

— Близкие родственники? — спросил Розниек.

— Как же, — заволновалась старушка. — Не кто-нибудь — отец родной. Когда уехал в заморские страны счастья искать, Каролина еще совсем дитем была.

— Ну и как, нашел?

— Да, говорят, вроде бы нашел. На присланные денежки мать Каролины землю вроде бы и купила. Усадьба была как картинка, но назад отец так и не вернулся, говорят, помер на чужбине.

— А кто он был, тот хлыщ ее, не помните? — спросил Стабинь.

Бабушка Салинь, усердно вороша старческую память, зажмурила глаза.

— Из Риги приезжал! — обрадовалась она, что наконец вспомнила. — Важный такой, лысый, и живот у него был как у барина. Каролина его Джоном звала...

— Латышское имя у него, наверно, Янис?

— Это уж я, голубчик, не знаю, и фамилию его тоже не скажу. Замятовала. Да и пропал он тогда, как в воду канул.

— А может, этот Янис Катрине нравился?

— Полно вам! Этакое чучело! Хотя, по правде говоря, барыня поедом ела Катрину.

Стабинь недоверчиво пожал плечами.

— Неужели только из-за этого мать свою дочь возненавидела?

Помолчав, старушка сказала:

— Возненавидела, голубчик, еще и как возненавидела. Разорвать ее была готова. Больно уж хотелось Каролине во второй раз выйти замуж, да женихи как увидят Катюню, так сразу от хозяйки и отворачиваются. Какой же дурень возьмет мать, если у ней дочка загляденье. Каролина от злости, бывало, только что на стену не лезла. «Только после меня пойдешь замуж, — все кричала она, — только после меня! А в приданое тебе — старую клеть, где ты со своим Янко-батраком миловалась!»

— Это с каким же батраком Янкой? — тотчас задал вопрос Розниек.

Старушка смутилась. Было ясно, что она невзначай коснулась чего-то такого, о чем ей говорить не следовало.

— Чего не ведаю, сынок, того не ведаю, — попыталась она увильнуть от разговора. — Катрина была дитем добрым, как родная дочка мне. А потом грех случился. Полюбила она батрака и тайком встречалась с ним в клети. Там барыня их и застигла. Катрину жестоко побила, а Янку со двора прогнала. Ладный был парень, да только беден, — вздохнула старушка. — Нетутошний он был.

— И куда же он делся?

— Ходили слухи, будто в Россию подался, а потом на войне убили.

— Фамилию его не помните?

Старушка задумалась.

— Нет, по фамилии никто его не называл, все Янка да Янка. Погоди-ка, он, кажись, в сельсовете в списках павших солдат числится.

— А потом Катрина больше ни с кем не встречалась? — продолжал расспрашивать Стабинь.

— Многие сватались, но Катрина всем от ворот поворот давала. Да вон наш Ошинь и тот два раза ездил свататься. Приезжали и из соседних волостей, только уж не припомню кто. Память слаба стала.

Розниек порылся в портфеле и достал еще один бланк протокола.

— Почему вы называете Каролину Упениеце барыней? — спросил он.

— Барыня она и была. Богатая, скупая и ненасытная, как рысь

— Тогда, надо полагать, у Каролины Упениеце водились и драгоценности?

— Известное дело. Бывало, как вырядится в Ригу ехать на гулянку — не наглядеться на нее. Бусы, брошки, кольца — чего только не навешает!

— И после войны тоже?

— А как же, известное дело. Только сама своими глазами я не видела.

— А что барыня делала во время войны?

— Ее тут не было. Перед самой войной барыню выслали. И поделом ей было. С Катриной вот только нескладно получилось. Бедняжка вечно в прислугах ходила, а тут и ей тоже пришлось ехать со владычицей своей. А когда воротились, Каролину не узнать было: сгорбилась, постарела, высохла, но дочку свою держала еще строже. Да и Катрина больше уж не молодка была. С год они тут пожили по соседству с конторой, в избенке для батраков. А после Катрина пошла к больному леснику сиделкой.

— Промеж себя женщины по-прежнему не ладили?

— На старости лет барыня боялась остаться совсем одна и ни на шаг Катрину от себя не отпускала.

Стабинь поерзал на стуле.

— А у Катрины с лесником этим ничего не было? Может, для ревности был повод?

— Еще чего, сынок, придумаешь. Старик хворал раковой чахоткой, дышал на ладан, покуда не отдал богу душу.

— А как же Каролина обходилась без дочери, когда та к леснику ушла?

— А что она могла поделывать? Лесник барыню и на порог не пускал. А как помер, Каролина сразу заявила. Не смогла от нее отбиться Катрина. Такое уж у нее сердце было доброе. Зажили они в Межсаргах вдвоем. Как там у них было, сынок, не ведаю.

Розниек поднял глаза от протокола, в который подробно записывал рассказ старушки.

— Спасибо, бабушка. У меня еще один, теперь уж последний вопрос. Вы случайно не знаете, кто в по-

следнее время бывал в Межсаргах? С кем эти женщины водили дружбу или хотя бы виделись?

— Думаю, вряд ли кто ходил в Межсарги. Хоть наверняка сказать не могу. Чего не знаю, того не знаю.

Мужчины поблагодарили словоохотливую старушку.

— Насчет драгоценностей мог и не спрашивать! — сказал Стабинь, когда они вышли на шоссе. — На ограбление уж нисколько не похоже.

— А там и грабить-то было нечего, — добавил Каркл.

Розниек задумчиво сморщил лоб.

— Поди знай, что могла припрятать эдакая старушенция. Но меня заинтересовало еще одно обстоятельство.

— Давай говори, — посмотрел на товарища Стабинь.

— Уже два человека подтвердили враждебность в отношениях между Катриной Упенице и ее матерью.

— А кто еще?

— Старичок почтальон из Юмужциемса. Он тоже слышал о неудачном сватовстве Ошиня.

Инспектор Каркл, шагавший впереди, оглянулся.

— Почтальон не из здешних, в Юмужциемсе он поселился не так давно.

— Ему Каролина жаловалась, — сказал Розниек.

— Ошинь большой проныра, он мог воспользоваться созданными обстоятельствами в Межсаргах и попытаться что-нибудь выжать из старухи.

Стабинь побренчал ключами в кармане, затем вынул и повертел их на указательном пальце.

— Вот такая симфония... — пессимистически вздохнул он. — Пока мы только и делаем, что собираем старые сплетни и гадаем на кофейной гуще.

— Знать прошлое человека необходимо, дружище, хотя бы ради того, чтобы правильно расценить его поступки сегодня, — заметил Розниек философски.

— Видать, тебя опять осенила гениальная идея!

— Наипростейшая — еще раз обследовать окрестности и дороги, ведущие в Межсарги. Не на вертолете же прилетел тот ночной гость.

— Я тоже так думаю. Схожу на всякий случай, поговорю еще раз с людьми. Может, чего-нибудь новенького расскажут.

Стабинь махнул рукой и направился к поселку.

— Вот здесь. — Инспектор Каркл показал место, где лесная тропинка сливалась с глинистой полевой дорогой. Вскоре тропинка ответвлялась вновь, уже в другую сторону от дороги, и вышла лугом к молодой роще. — Это самая короткая дорога из Межсаргов в поселок.

Розниек тщательно вглядывался во все выбоины и бугорки на неровной поверхности дороги.

— Другого пути в поселок нет?

— Есть. Идти надо вдоль болота и через мосток. Направо — в лесхоз, налево — в поселок. Вторая дорога пооживленней, там многие ходят, следов будет тьма. Поди знай, который из них нужный.

— Тут недавно проезжали, — сказал Розниек. — Если и были следы, то их затоптали. Зря понадеялись на интуицию Стабиня. Надо было сразу же обследовать все вокруг.

Каркл тактично помалкивал. Стабину всегда везло. Он умел разыскать нужных людей, дружески поболтать с ними и быстро выведать нужные сведения. Каркл преклонялся перед его сноровкой. Но зато к техническим средствам Стабинь относился несколько скептически. «Какой толк от следов обуви или отпечатков пальцев, если ты не знаешь, кому они принадлежат, и вряд ли скоро узнаешь. Самая верная техника — людские языки», — любил говаривать он.

Розниека это всегда раздражало, ибо криминалистическая техника была его коньком. Он мог просиживать ночи напролет в лаборатории над своими экспериментами. У Розниека были даже некоторые изобретения в этой области, но из скромности он никогда о них не говорил.

Следователь присел на корточки и что-то внимательно рассматривал через увеличительное стекло. На лице появилось заметное оживление.

— Поди-ка сюда, Алберт, — обратился он к инспектору с несвойственной ему фамильярностью. — Видишь?

Инспектор присел рядом. Ничего особенного он не замечал, разве что полукруглый, довольно глубокий след в красной глине.

— Не от каблука ли этот след? — несмело предположил он.

— Да еще какой! — Радость Розниек была безмерна. — Гляди, задняя кромка врезалась в землю глубже, чем остальная часть каблука. У человека была своеобразная походка. Ногу он, похоже, выбрасывал вперед.

— Может, у него просто ноги длинные?

— И такое возможно. Только очень уж длинные. Найти бы след от другой ноги, тогда можно было бы по ширине шага прикинуть и рост этого человека. К сожалению, колесо автомашины все остальные следы уничтожило.

— Эх, если бы этот след был еще и тем, который нам нужен! — сказал Каркл. — Он ведь не на тропинке, а в стороне.

Розниек улыбнулся.

— Думается, это именно тот след, который нас интересует. Ведь человек пересекал дорогу ночью, в незнакомом месте и потому не сразу нашел продолжение тропинки. А по этой тропке в последнее время, надо полагать, ходили только обе эти женщины да почтальон.

— Почтальон по большей части ездит на мопеде кружным путем.

Покуда Розниек готовил гипсовые слепки, Каркл прохаживался взад-вперед, ища еще какие-нибудь следы. Ничего не обнаружив, он возвратился к Розниeku.

— Знаете, что мне пришло в голову?..

— Что? — взглянул на него Розниек.

— Возможно, такие же следы надо искать на песке у ручья. Хотя там следов будет немало, у плоских камней сходится несколько троп. Но наш объект, во всяком случае, должен был идти именно по этой дороге.

— А почему не через мостик? Ближе вроде бы...

— Как сказать, — задумчиво возразил Каркл. — Если идти в центр поселка, этот путь короче, а если на околицу? Местные предпочитают ходить через плоские камни. Говорят, дорога приятней.

— Молодец, — хлопнул по плечу младшего лейтенанта Розниек. — Смекалка работает.

Запаковав гипсовые слепки следов, они двинулись дальше.

Тропинка капризно петляла из стороны в сторону. Можно было подумать, что ее протоптал пьяница. Но это было не так. Здесь ходили люди, любящие природу. Вот дорожка бережно обходит стороной бруснич-

ник, тут она огибает тоненькую березку, пощадила она и мелкий кустарничек.

— Эту тропинку проложила Катрина Упенице, — уважительно сказал Каркл. — По ней она ходила в свою бригаду.

Оба оперативных работника, словно страстные грибники, обшаривали лес. Следы разглядеть здесь трудно, тропинка твердая, проросшая мелкими корнями, усыпана прошлогодней хвоей. А вот грибы и впрямь попадались часто. Розниек помаленьку набрал полный полиэтиленовый мешочек, на всякий случай хранившийся у него в портфеле. «Вот ребятишки обрадуются, — подумалось ему, — особенно этому крепышу боровичку с тремя шляпками и тремя ножками, сросшимися в одну».

Каркл, сойдя с тропинки, срезал и подал Розниeku великолепный подосиновик.

— Значит, все-таки вы считаете, что это убийство?

— Нет, не считаю, но предполагаю, — улыбнулся Розниек.

— Но должен же следователь знать, что он в конце концов ищет.

— Не всегда мы это четко себе представляем и все же ищем. В особенности когда неясно, что произошло.

— Как раз именно тот каверзный случай. Эксперт говорит, старушка умерла своей смертью, но полосы на руках и разбросанные галоши говорят иное. Кто-то ее крепко встряхнул. Катрина, возможно, и бежала за помощью... Однако что делал в доме неизвестный мужчина? Почему он исчез и никому ничего не сообщил?

— Об этом мы у него и спросим.

— Когда найдем.

Некоторое время они шли молча, думая каждый о своем.

— Сегодня утром мы со Стабином были в магазине, — нарушил молчание Розниек.

— У Эджуса?

— Да. Хотели все-таки выяснить, кто принес водку в Межсарги.

— Я тоже интересовался. Оказывается, Катрина сама купила бутылку для своего гостя.

— Все верно, — подтвердил Розниек. — Но я установил еще один факт. Леспромхозовцы покупают водку ящиками.

— Да, там пестрый народец понаехал.

— Есть с судимостями?

— Имеются!

Розниек остановился и стал разглядывать ствол могучей сосны. На высоте человеческого роста к коре прилипла мокрая нитка — темная, грубая, скорее всего из кофты деревенской вязки. Он сфотографировал нитку и поместил ее в пробирку.

Они пошли дальше.

Розниек расстегнул рубашку, затем снял ее, скомкал и сунул в портфель. Лишь теперь он заметил, что солнце поднялось уже высоко.

Вскоре лес поредел, чаще стали попадаться лиственные деревья.

— Здесь, — показал Каркл и повернул направо. Розниек последовал за ним.

За кустарником стала проглядывать залитая солнцем речка. Берег тут был пологий, песчаный, кое-где на нем виднелись островки травы. Плоские валуны были вроде специально для удобства пешеходов брошены в воду, создавая переход через речушку.

— Мост хоть куда, все честь по чести! — воскликнул Розниек.

Каркл, присев на корточки, зачерпнул пригоршню прозрачной холодной воды, выпил, удовлетворенно крякнул и принялся изучать песчаный берег.

— Глянь-ка, похоже, отпечаток того самого сапога! — сам не веря в реальность счастливой находки, выкрикнул он. — А вот и след другой ноги.

Розниек тотчас снял с плеча фотоаппарат.

— Интересно. Оба следа на песке резко отличаются друг от друга, как будто у каждой ноги была своя походка. Правую человек ставил прямо перед собой, словно подбрасывал ее, левую — наискосок, носком наружу.

— В самом деле интересно, — отозвался Каркл, продвигаясь по следу. — Он не переходил речку по камням, а пошел вброд.

— Протез! — хлопнул себя по лбу Розниек. — У этого человека вместо правой ноги — протез. Значит, круг разыскиваемых значительно сузился. Скажи, эта дорожка за ручьем куда ведет?

— Я же говорил — к окраине поселка. В крайнем доме живет колхозник Балодис, за ним — Бекитан, а там, поближе к лесу, — фельдшер Ошинь. А у Ошиня, — Каркл обернулся и понизил голос, словно опасаясь, что его могут подслушать, — вместо правой ноги — протез!

— Вот оно что! Снова мы вышли на Ошиня! А может, в поселке еще кто-нибудь ходит на протезе?

— Больше никто, — ответил Каркл. — Пойдем, навестим Ошиня?

— Стоило бы, конечно, — раздумывал Розниек. — Впрочем, давай повременим, проанализируем эту личность всерьез.

— Да он весь как на ладони. Весьма мрачный и неприятный субъект. Служил в германской армии, пьет без просыпу.

— Причинял ли он кому-нибудь зло умышленно? Людям или, может быть, скотине, которую лечит?

— Врать не буду, такого за ним не замечалось. А скотину и вовсе он уважает больше, чем людей.

По камням они перешли речку.

— А куда ведет эта тропинка? — поинтересовался Розниек.

— К шоссе, к автобусной остановке.

Следователь раскрыл портфель и, достав необходимые приспособления и химикалии для фиксации следов на песке, вновь пересек речку, но в обратном направлении.

XII

— Ваша фамилия, имя, отчество? — Стабинь в упор смотрел на сидевшую перед ним женщину средних лет. На ней была синевато-серая шерстяная кофта домашней вязки. Женщина нервно теребила концы платка. Казалось, она того и гляди расплачется. Но это только казалось. Вилма Ошинь была не из тех, кого легко довести до слез. Ее, конечно, мучил страх, но это еще не означало, что она тотчас выложит все, что ей известно. Вилма была деревенской женщиной, со свойственной деревенским людям хитрецей. Прежде чем сказать, она всегда прикинет, выгодно ли ей. Это Стабинь уловил сразу: и по тому, с какой осторожностью она приоткрыла дверь колхозного красного уголка, и по тому, сколь медлительно осматривала стул прежде, чем сесть на него. Она явно выгадывала время для обдумывания ситуации.

— Я, дорогие, ничегошеньки не знаю, — плаксиво заныла она. — Откуда мне, простой крестьянке..

В глазах Стабиня мелькнула ирония.

— Разве для того, чтобы назвать свое имя, требуется высшее образование? — улыбнулся он.

Вилма несколько смутилась.

— Вы с сенокоса вызвали меня в контору разве только затем, чтобы узнать мою фамилию?

— Значит, вы все-таки догадываетесь, о чем пойдет разговор?

— Если о брате, то он про свои дела мне ничего не рассказывает. Только дерется, когда хватит лишнего.

— И часто это бывает?

Вилма сообразила, что сболтнула лишнее.

— Случается, — ответила она, — иногда под горячую руку.

— И как часто ваш брат выпивает?

Строгий тон Стабиня свидетельствовал, что уклончивые ответы его не устраивают.

Немного помолчав, чтобы собраться с мыслями, Вилма, растягивая слова, сказала:

— Пить он, конечно, пьет. Правда, теперь меньше. Раньше вообще ни одного вечера не бывал трезвый. Сейчас малость поутих... — Искоса глянув на инспектора и поняв, что тот ждет более точного ответа, она продолжала: — На неделе раза два надирается. А тогда бывает, что и дает рукам волю, но не в полную силу. Легонько. А чтоб мордобой учинить, упаси боже. Он не хулиган.

— Где он пьет? — спросил Стабинь.

— Дома. А то где же еще?

— А в четверг? Вот в этот, в последний. Где он был?

— В четверг? — задумалась женщина. — В четверг он не напивался.

— Напиваться, может, и не напивался, но выпил? Где?

— Откуда мне знать? По пятам за ним не хожу.

Инспектор, прищулив глаза, пристально глядел на женщину.

Вилма Ошинь поежилась и покраснела.

— Неужто набедокурил, старый хрыч?

В этот момент дверь осторожно приоткрылась, и в красный уголок вошел следователь Розниек. Он присел на диван и стал с интересом разглядывать тетушку Ошинь.

В наступившей тишине было слышно, как тикает будильник на книжной полке.

Стабинь отодвинул листок протокола, пробежал глазами написанное и продолжил допрос:

— Так где же он был в четверг?

— Вам лучше знать, коль он чего натворил. — Женщина явно пыталась словчить.

— Мы-то, конечно, знаем. И вы тоже знаете. Так что в прятки играть не будем. Где в четверг напился ваш брат?

— Ну тогда, видать, у... — Ошинь наморщила лоб.

— ...Уж не у Катрины ли Упенице в Межсаргах? — подхватил Стабинь и, довольный тем, что ему удалось блеснуть смекалкой, подмигнул Розниеку.

Розниека передернуло так, что под ним скрипнули пружины дивана.

Нос Вилмы побагровел, кровь прихлынула к щекам.

— Ах, Езус Мария! Значит, так нахлобыстался, что его понесло в Межсарги?! Боже милостивый, сжался над грешной душой! Он же в пьяной дури не соображает, что творит.

— Вот она, какая симфония! — Бросив победный взгляд на Розниека, Стабинь вновь обратился к допрашиваемой: — Стало быть, вы все же знаете, где в тот вечер был ваш брат?

От этих слов Ошинь сразу как бы очнулась и пугливо посмотрела по сторонам.

— В какой такой вечер?

— В минувший четверг.

— Откуда мне знать. Это вы сказали, что он был в Межсаргах.

— Будто вам неизвестно, что он туда часто навещался.

— Первый раз слышу, — испуганно выдохнула Вилма.

Вскочив со стула, Розник зашагал по комнате, затем спросил:

— Приблизительно в котором часу Ошинь в четверг вышел из дому?

— Корову я уже подоила. Стало быть, около девяти.

— Куда он собирался идти?

— Не сказал куда. — Ошинь испуганным взглядом следила за каждым движением Розниека.

— Во что он был одет?

— Как всегда, в серый пиджак.

— А брюки?

— Брюки? Темные, наверное.

— В какую сторону он ушел?

— К лесу.

— Кто в той стороне живет?
— Там несколько хуторов.
— И Межсарги тоже?
— Они дальше.
— В котором часу он вернулся?
— В четверть третьего.
— Откуда вы знаете?
— Мне надо рано вставать, корову доить, вот и поглядела на часы, могу ли еще поспать.
— На следующее утро одежду ему чистили?
— Чистила, вывалялся где-то в грязи.
— И пуговицы пришивали?
— Да у него всегда так: как сковырнется на своем протезе, упадет, так пуговицы от штанов и отлетают.

Розниек выстреливал вопрос за вопросом, не давая Вилме Ошинь возможности собраться с мыслями.

— Брюки тоже были мокрые?
— Нет, чего не было, того не было.
— За ночь могли просохнуть?
— Могли. Одежду он кинул на печку. Так что же стряслось? Скажите, бога ради.
— Пока еще сами не знаем.

Внимательно разглядывая кофту тетушки Ошинь, Розниек словно невзначай поинтересовался:

— А сами вы в Межсарги не ходили?
Ошинь вздрогнула.
— В Межсарги? — испуганно спросила она. — А чего мне там делать?

— Уж этого я не знаю, но визитную карточку свою оставили. — Он вынул из портфеля пробирку с обрывком нити и протянул Вилме. — Вроде бы аккуратно от вашей кофты.

Ошинь протянула было руку, но тут же ее отдернула, точно обожглась.

— Не ходила, богом клянусь, не ходила, — отчаянно затрясла она головой. — Я к родичам шла, в Лаурпеты. Это неподалеку оттуда.

— Ладно. Выясним. А сейчас брат уже воротился с работы?

— Да вроде должен быть, если опять не назююкался где-нибудь, — облегченно вздохнула Вилма.

Когда дверь за ней закрылась Розниек гневно обернулся к Стабиню:

— Если ты еще когда-нибудь будешь подсказывать

допрашиваемому, я тебе бутылку клея вылью за шиворот, так и знай. Будет тебе тогда симфония! А теперь сейчас же к Ошиням! Произведем обыск. Экспертиза одежды и обуви может рассказать кое-что.

ХІІІ

Вековой лес был объят крошечной тьмой. На расстоянии двух шагов ничего не было видно. Лес замер в оцепенении. В предгрозовом безмолвии не шелухнется ни один листок. Внезапно огненный зигзаг молнии рассек небо и высветил ветхий домишко лесника Межсарги. Могучий раскат грома прогрохотал над высокой печной трубой и вершинами деревьев.

Посреди двора низкорослый плечистый мужчина инстинктивно замер и съежился, затем шлепающими шагами направился к дому. Он зажег карманный фонарик, деловито обследовал массивный висячий замок на двери и две сургучные печати. Постоял в раздумье, обошел дом и скрылся в пристройке. Немного погодя вынырнул оттуда, держа в руках ящик. Поставил его под окном, влез на него, вышиб стекло и, просунув руку вовнутрь, приподнял шпингалет. Через окно неизвестный проник в комнату. Осветил фонариком стену, снял висевшую на гвозде картину божественного содержания и стал ее рассматривать. Сверкнула молния, ударил гром — человек трусливо распластался на полу. Затем закрыл окно и принялся ворошить ящики комода и полки старинного шкафа, тщательно рассматривая каждую мелочь. Он спешил. Ему было жарко. Человек вытер влажный лоб, снял пиджак и остался в одной сорочке. Свет фонарика постепенно меркнул. Теперь уже было трудно что-либо рассмотреть. Он выпрямился, потер рукой поясницу, постоял посреди комнаты. Удар грома загрохотал почти одновременно со вспышкой молнии, ярко озарив комнату. По черепице забарабанили первые крупные капли дождя. Человек подошел к выключателю, поднял было руку, но передумал. Сняв с кровати одеяла, он тщательно занавесил ими окна. Лишь после этого он зажег свет и продолжил свои поиски. Теперь его действия были лихорадочно торопливыми и хаотическими, он нервничал. Вещи на место уже не клал, а разбрасывал по комнате. Одежда, старые газеты и всякая всячина — все это валялось теперь на полу. В сенях он обнаружил большой бидон с керосином.

Не раздумывая долго, человек втащил бидон в комнату и облил керосином пол и все, что на нем было нашвыряно. По углам комнаты разбросал старые газеты, распахнул окно, через которое влез в комнату. Достал из кармана спички и поджег газеты во всех четырех углах, а сам проворно вылез через окно. Притаясь на опушке леса, он глядел на разгорающийся костер до тех пор, покуда пламя не охватило высохшие за десятилетия бревенчатые стены. И тогда он растворился в ночной тьме.

XIV

Стабинь и Розниек, усевшись на мотоцикл, помчались в город. Однако не успели они проехать и трех километров, как небо покрылось тучами и сразу же потемнело. Стабинь затормозил у обочины.

— Доехать до города и думать нечего. Вымокнем до нитки.

— К тому же дорога раскисла, недолго и шею свернуть.

— Что ж, повернем назад. Переждем у Каркла. Он наверняка уже дома.

Гроза настигла путников у самого дома инспектора. Следователи проворно затолкали мотоцикл под навес, а сами бегом бросились к дому. В передней они долго отряхивали куртки и вытирали ноги о коврик. Каркл стоял в дверях и, посмеиваясь, смотрел на промокших коллег.

— Так и знал. Хочешь не хочешь, а гостей принимать придется.

— Гости принимать — не дрова колоть, — отшутился Улдис Стабинь.

— Ого! — удивленно переглянулись Розниек и Стабинь. На столе в комнате красовался натюрморт — бутылка французского коньяка и коробка «Ассорти». Розниек повертел коробку в руках, внимательно вглядываясь в этикетку.

— Свежая, — удивился он, — выпущена в этом месяце.

— Конечно же, из сельмага Эджуса, — иронически заметил Стабинь.

— купишь такую у нашего Эджуса, держи карман шире, — усмехнулся Каркл.

Розниек задумчиво наморщил лоб.

— В райцентре в последнее время таких конфет тоже не было в продаже. Где это ты раздобыл такое сокровище?

— А все там же! В Межсаргах, в кладовке на верхней полке. После вашего отъезда, прежде чем опечатать дом, мы с понятыми еще раз все осмотрели.

Стабинь осторожно взял бутылку за горлышко у самой пробки, поднял ее к свету и стал внимательно разглядывать.

— Вряд ли все это имеет связь с происшествием, — усомнился он. — Какой болван, привезя французский коньяк, будет пить обыкновенную водку. Вероятно, эти деликатесы были припасены для других целей.

— Не лишено логики, — согласился Розниек. — Но для кого этим женщинам было покупать столь дорогое угощение? Кроме того, как нам известно, ни одна из них в последнее время в Ригу не ездила. И все-таки надо проверить. Похоже, тут тоже может появиться ниточка, которая неизвестно куда потянется.

В комнату вошла жена Каркла — приветливая женщина с льняными волосами и сильными натруженными руками. Она несла поднос, нагруженный миской с горячим картофелем и тарелками с нарезанной ветчиной, мясом, сыром, хлебом.

— Ну что ты за человек, Алберт, — воскликнула она, — даже не догадался усадить гостей. — Она поставила поднос на стол и вышла. Через минуты две она принесла красивый глиняный кувшин, до краев наполненный домашним ячменным пивом, и глиняные кружки.

— Ого! — потер руки Стабинь. — Твоя Малда — золото. Попадись мне такая — женился бы, глазом не моргнув.

— Ищи, — пробасил Каркл, — а теперь, господа, прошу к столу. Как говорится, чем богаты, тем и рады, уж не обессудьте.

Стабинь тотчас принялся накладывать себе на тарелку еду. Розниек втянул носом аппетитный дух горячей картошки, взялся было за нож и вилку, но опять положил на место.

— А хозяйку разве не подождем?

— Ешьте на здоровье, пока не остыло. — Стоя в дверях, Малда вытирала полотенцем руки. — Сейчас приду. Не могу же я сидеть в затрапезном виде с такими видными мужчинами.

Стабинь налил кружку пива и пригубил.

— Н-да, сварено, братцы, на славу! — воскликнул он. — Тоже Малдиных рук дело?

— А то чьих же! — подтвердил Каркл.

— Ну, берегись, приятель! Умыкну я когда-нибудь темной ночью твою жену.

— Ну и трепач же ты! — засмеялся Каркл. — У Ошиня что-нибудь обнаружили?

— Чтобы мы да пришли с пустыми руками, — отозвался Улдис, кладя на тарелку очередной ломоть ветчины. — У нас теперь имеются отпечатки обуви Ошиня, а Яункалнынь взял пробу его крови. Уверен на сто двадцать процентов, что она окажется идентичной той, что обнаружена под ногтями старухи Упениеце.

— Не говори «гоп», пока не перепрыгнешь. На Ошине никаких царапин не было. — Розниек отодвинул пустую кружку в знак того, что больше пить не намерен.

— Может, плохо искали, может, зажили. Но зато пуговица, которую мы нашли под окном в Межсаргах, точь-в-точь такая же, как на брюках Ошиня. Экспертиза наверняка подтвердит. Тогда Ошину лгаться будет некуда, и он признается как миленький.

— Видал, как все у него просто, — откинулся на спинку стула Розниек. — К твоему сведению, такие пуговицы далеко не антикварная редкость. Другое дело остатки волокон ткани в отверстиях пуговицы, если они совпадут с тканью брюк Ошиня. Кроме того, еще неизвестно заключение биологической экспертизы крови.

— Я бы не стал миндальничать с этим типом! — воскликнул Стабинь. — Ошинь отрицает, что ходил в Межсарги. А у нас имеются свидетели. Ошиня я сегодня же задержал бы, но Валдис уж слишком осторожничает. Упорхнет твой невинный голубок, а мне придется его разыскивать.

Розниек поднял вверх вилку, словно дирижерскую палочку.

— Я его тотчас же арестую, если ты приведешь убедительные доказательства того, что именно произошло той ночью в Межсаргах.

— Ошинь сам расскажет обо всем, как только окажется в каталажке.

— А если не расскажет, какое ты ему предъявишь обвинение? По какой статье?

— Хорошо, а следы? — самоуверенности у Стабиня заметно поубавилось.

— С отпечатками обуви дело обстоит довольно странно, — ответил Розниек. — Может, я и ошибаюсь, но мне кажется, что у ручья мы видели следы ног двух разных людей, причем у обоих вместо правой ноги протезы.

— Ну, знаешь! — чуть не поперхнулся Стабинь. — Это уже из области фантастики. Не понимаю, чего там мудрить, если все проще простого: Ошинь шел под хмельком, нетвердо, и потому шаги у него разной длины.

— Следы отличаются не только длиной шага. Однако не будем гадать, подождем заключение экспертизы. Кстати, у Ошиня мы нашли еще кое-что. — Розниек вышел в прихожую и вернулся с бутылкой мутноватой жидкости.

— Не самогон ли? — Каркл, подавшись вперед, понюхал и покачал головой. — Вот подлец! На коленях умолял, чтобы под суд не отдавали, при мне искорежил все змеевики и прочие причиндалы. Клялся, что никогда больше не будет гнать, и вот нá тебе...

— Это ты о ком? — спросил Розниек.

— Да о Янисе Лаурпетерисе. Родич вашего Ошиня.

— Слушай, а он, случаем, живет не в той ли стороне, где и Межсарги?

— Именно там, — подтвердил Каркл. — По дороге к нему надо переходить через тот же злополучный ручей. Завтра же на зорьке поеду и застукаю старикана на месте преступления.

— Поедем вместе, — сказал Розниек.

Гроза продолжалась. Дождь по-прежнему гулко барабанил по кровле. Однако мужчины за столом, не обращая внимания на погоду, продолжали анализировать факты, пытаясь воссоздать правдоподобную картину происшедшего в ту роковую ночь в Межсаргах.

Разговор прервал резкий телефонный звонок. Каркл снял трубку.

— Пожар? — побледнев, переспросил он. — Лес горит?..

XV

Все трое бросились во двор. Дождь прекратился. Посвежавший после грозы воздух приятно охлаждал разгоряченные лица. Поспешно выкатив из-под навеса Карк-

лов мотоцикл с коляской, они помчались в лес. Черная просинь неба была окрашена багровым заревом. Ухабистая дорога раскисла от дождя. Грязь из-под колес забрызгала ездоков с головы до ног.

Вскоре свет фары осветил нескольких человек. Вооруженные топорами, лопатами и ведрами, они спешили в лес спасти то, что еще можно было спасти. Позади слышался вой сирены пожарной машины. Из-за пригорка ударили два мощных прожектора.

— Пропустим их вперед, — толкнул Розниек Каркла в плечо.

Каркл едва успел съехать на обочину. Две машины пронеслись мимо.

— Достанут ли рукава до реки? — озабоченно сказал он.

— Может, из города вызвать подкрепление? — предложил Розниек.

— Этого наши орлы никогда не забывают сделать, даже когда в этом нет особой надобности. На всякий, так сказать, пожарный случай, — отозвался Каркл.

— Дабы ответственность по-братски разделить на всех, — добавил Стабинь.

Каркл не был настроен шутить. Пожар на вверенном ему участке — происшествие весьма неприятное. И леса сгорит порядочно, и донесений придется писать горы. Трудней всего расследовать, что вызвало пожар. Если поджог, то преступники, конечно, норовят спалить все, что только может гореть, чтобы замести следы преступления...

За поворотом на лесной дороге показался приближающийся красный огонек. И вот в свете фары появился человек на мопеде с подвязанными к раме лопатой и ведром.

— Кришьян! — окликнул Каркл. — Что там горит?

Водитель мопеда повернул голову, и Розниек со Стабином узнали почтальона.

— Дом лесника! — выкрикнул на ходу почтальон. — Наверно, молния шарахнула. Я уже звонил пожарникам и леспромхозовцам...

— Чертова симфония! — воскликнул Стабинь. — Что-то неслыханное. Неужто и впрямь в старой халупе завелась нечистая сила.

— Закономерное совпадение, — отозвался Розниек. — Если не веришь, ступай к Апинису, он тебе ми-

гом докажет. Старая Каролина умерла от инсульта, это безусловно. Катрина утонула сама — тоже неопровержимый факт. А что в дом ударила молния — это в два счета установит инспектор местной пожарной охраны и, настрочив заключение, на этом деле поставит точку.

— Хочешь не хочешь, Валдис, но я начинаю верить и в бога и в черта, — сказал Стабинь.

— Верь, верь, тебе это выгодно. Будет на чей счет списать нераскрытые преступления.

Каркл выехал на поляну и затормозил.

Дым и пар окутали дом лесника бледно-серой пеленой. То там, то сям из-за той завесы выныривали темные силуэты и вновь исчезали за ней.

Розниек и Стабинь соскочили с мотоцикла и побежали к дому. Вытащив ключ из замка зажигания, Каркл догнал их. Теперь, когда они были совсем близко и глаза их свыклись с темнотой и дымом, стало ясно, что Межсарги спасти не удастся. По всему двору и прилегающей поляне были раскиданы обугленные, еще дымящиеся бревна и стропила. Каркл оказался прав. Пожарных рукавов до реки не хватило, воду черпали из колодца. Орудовали в основном баграми. Растаскивали дом по кускам, а затем гасили.

— Счастье еще, что дождь помог, — проворчал Каркл. — А то бы и лес запылал.

— Гореть начало изнутри, — сообщил подошедший инспектор пожарной части лейтенант Паунынь. — Это ясно по направлению огня.

— Значит, причиной пожара могла быть и молния? — спросил Розниек.

— Очень может быть, — согласился лейтенант. — Мы обнаружили старенький радиоприемник ВЭФ-«Супер» с незаземленным грозопереключателем. Разряд молнии, ударивший в антенну, мог привести к воспламенению.

— А что еще интересного вы нашли? — вмешался в разговор Стабинь. — Или все успели поломать и разорить так, что теперь сам черт не разберет, что было и чего не было?

— Когда тушишь пожар, трудно сохранить вещественные доказательства, — оправдывался лейтенант.

Пройдя вперед и перешагнув через обгоревшие бревна и дымящиеся развалины, он занялся осмотром. Розниек последовал его примеру.

— Впрочем, Улдис, пожарные, дай им бог здоровья,

кое-что для нас все-таки оставили. Гляди. — Розниек поднял с земли кусок обгоревшей доски, на которой уцелел оплавленный пластмассовый выключатель. — Не плохо бы найти еще что-нибудь в этом роде.

Стабинь, покопавшись в грудe дымящегося мусора, подошел к Розниeku.

— Темно, даже при свете фар какую-нибудь существенную мелочь можно не разглядеть.

— Утро не за горами. Подождем, а как только расцветет, возьмемся за дело.

Несколько колхозников, стоявших неподалеку, курили и оживленно обсуждали происшествие. К их разговору прислушивался и Дайнис Калниетис. Увидав Розниека, подросток почтительно с ним поздоровался, в смущении потоптался на месте, но не подошел.

«Дайнис вроде бы хочет что-то сказать, — догадался следователь. — Но, похоже, что-то ему мешает».

Каркл подошел к Розниeku и шепнул:

— Вон тот верзила с бороденкой и есть Янис Лаурпетерис — родственник Ошиня и ближайший сосед Межсаргов.

Сутулый, с лохматой головой, узкими глазами и не померно длинными руками, Лаурпетерис в желтоватом свете фар походил на гориллу.

Розниек невольно улыбнулся.

— Старик Чезаре Ламброзо, ни минуты не колеблясь, причислил бы его к категории потенциальных убийц.

— И явно ошибся бы. Слишком уж трусливая душонка обитает в этом человеке.

— А что скажешь о парнишке?

— О Дайнисе?

Розниек утвердительно кивнул.

— Мальчишка озорной. Курит, выпивает, недавно в компании с таким же своим приятелем поколотил малышей школьников и отнял у них мелочь. Вопрос о нем рассмотрим на заседании исполкома и, вероятно, направим в спецшколу.

— А родители у него есть?

— Да какие там родители?! Пьянчужки, лодыри. Чего от них ждать. Дайнис племянник Лаурпетериса. Надо мальчишку обязательно вырвать из этой среды, иначе пропадет. По натуре он неплохой, только слишком уж распустился.

— Вон оно что, — удивился Розниек. — Стало быть,

Ошинь, Лаурпетерис и Дайнис Калниетис — близкие родственники. Это уже интересно.

— Не думаю, чтобы очень. В общем, после осмотра поедem в город. Я тоже поеду с вами, чтобы здешний народ знал, что меня нет. А попозже, вечером, нагрянем к Лаурпетерису. У меня такое предчувствие, что многое может проясниться.

Медленно, но неотвратимо утренний свет просачивался сквозь листву. Белесые сумерки таяли под первыми лучами солнца...

XVI

Дом Лаурпетерисов стоял на холме. Издали он походил на черный пиратский корабль, взлетевший на гребень высоченной волны. Короткая труба энергично извергала клубы белого дыма в бездонное ночное небо.

Трое мужчин гуськом вышли из леса и пересекли луг.

— Пришли в самое время, — сказал инспектор Каркл, обернувшись. — Производство дымит полным ходом!

Розниек старался укоротить шаг, чтобы не наступать на пятки низкорослому Карклу.

— Надо было прихватить с собой понятых, если придется составлять протокол, — озабоченно сказал он.

— Найдем. Там, глядишь, и будущие подсудимые найдутся, не то что свидетели.

Замыкавший шествие лейтенант Стабинь прибавил шагу.

— Судя по всему, на хуторе сегодня гостей не ждут. Сюрприз будет что надо.

Заросший крапивой и бурьяном забор местами был повален, местами выломан. Сотрудники незаметно обошли полосы яркого электрического света, падавшего из окон.

— Подежурь здесь, — шепнул Стабиню Каркл, — а мы рванем в дом. Один справишься, если кто вздумает выпрыгнуть в окно?

— Как-нибудь! — буркнул Стабинь, нырнув в густые кусты.

Каркл поднялся на щербатое крыльцо и, лезвием ножа приподняв щеколду, открыл заскрипевшую наружную дверь. Затем он резко распахнул настежь дверь в комнату. У Розниека создалось впечатление, что ему из темноты кинозала представился застывший финаль-

ный кадр детективного фильма: трое мужчин в ярко освещенной комнате, словно по команде вскочившие на ноги, испуганно таращат глаза на внезапно появившихся оперативных работников. Первым опомнился Ошинь. Он неспешно вновь опустился на кровать. Достав трубку, стал сосредоточенно набивать ее табаком, будто в данный момент для него более важного дела не было.

Лаурпетерис и Дайнис Калниетис продолжали стоять. Их побагровевшие от выпитого самогона лица сохраняли выражение замешательства.

Посреди комнаты вовсю бурлил самогонный аппарат.

— Так вот какие верши ты ходил проверять рано утром в четверг. Так, что ли, Дайнис? — энергично шагнул вперед Розниек.

Дайнис, опустив глаза, покраснел еще больше, но молчал.

— Кому ты нес в то утро самогон? — продолжал Каркл начатый допрос. — Где спрятал его по дороге?

Вопрос прозвучал столь грозно, что оставить его без ответа Дайнис не решился.

— Родителям и дяде Екабу, — промямлил он.

— Давай, давай, рассказывай, не стесняйся. Скажи, сколько сивухи перетаскал леспромхозовцам в то утро и раньше? Почему занимался подобным промыслом? Сколько тебе Лаурпетерис за это платил? Говори, говори, не отмалчивайся. А не то упрячем куда положено, там у тебя язык быстро развяжется.

— А... мне рассказывать нечего, — заикаясь, пробурчал подросток. — Я и в тот раз хотел прокурору рассказать, только побоялся, — поглядел он в сторону Ошиня и Лаурпетериса.

— Это в какой же «тот раз»? — усмехнулся Розниек. — Уж не в тот ли, когда в лес удрал от прокурора Кубулиса?

— Я не удираю.

— А как еще назвать эту игру в прятки?

— Услышал шаги... Какой-то человек шел как раз в ту сторону, где я спрятал утром в кустах самогон... Вот и побежал поглядеть, не наткнулся ли он на бутылки.

— Но ведь этим человеком был Ошинь?

— Откуда я мог заранее знать. Отдал ему самогон и вернулся к прокурору. Я вам все расскажу. Все, все...

— А что скажет Лаурпетерис?

Лаурпетерис переминался с ноги на ногу.

— Нечем мне козырять. Застукали, значит, судите. Чего много говорить.

Ошинь окинул обоих уничтожающим взглядом и презрительно отвернулся.

Розниек присел на табурет рядом с самогонным аппаратом.

— Судить вас будут, можете не сомневаться. И не только за самогон, но и за то, что совратили несовершеннолетнего на преступление и пьянство. В нашем кодексе статья на сей счет имеется. А Ошинь что скажет?

Поерзав на кровати, Ошинь поднял мутные глаза.

— А мне что за дело до этого! — хрипло рявкнул он. — Я самогон не гнал, самогоном не торговал, мальчишку не поил. Вы на меня собак не вешайте.

— Это еще как сказать, — улыбнулся стоявший у двери Улдис Стабинь. — Но аппаратик классный. Породистая коровенка. Вы, случайно, на премию за высокие удои не рассчитываете?

На сей раз шутка Стабиня пришлась Розниеку не по вкусу.

— Останавливайте аппарат! — строго сказал он Лаурпетерису. — И собирайте вещички. Поедете с нами! А ты, Дайнис, в ночь на четверг был тут до самого утра?

Дайнис утвердительно кивнул.

— Кто еще в тот вечер находился при самогонном аппарате?

— Мы трое и были! — отозвался Ошинь из своего угла. — Не хотелось закладывать Яниса, потому и молчали...

— Я задал вопрос Дайнису!

— В тот вечер Ошинь тоже был здесь, напился и ушел ночью домой. Я остался. Утром, когда шел по мосту, нашел Катрину Упениеце и отнес ее к Ошиням.

— А почему именно к Ошиням?

— К ним ближе всего, и он ведь... доктор.

— Других соображений у тебя не было?

— Не-а. — Дайнис удивленно взглянул на Розниек. — А какие еще могли быть соображения?

Ошинь с интересом прислушался.

— Какие, какие, — передразнил он с ехидной усмешкой. — Не знаешь разве, какие были у нас с тобой соображения? Ты приволок ко мне домой Катрину, чтобы помочь мне, злодею, спрятать концы в воду после убийства Верно, гражданин следователь? Дурень я был.

Надо было Катрину бросить в старый колодец, там ее до скончания веков никто бы не нашел, а я «Скорую» вызвал.

— Для того чтобы отвести от себя подозрения? — принял вызов Стабинь. — Подобные случаи встречались.

— Если бы я кокнул Катрину, то не оставил бы в реке, да еще у самого моста, где люди ходят.

— А почему бы и нет? Ведь выглядит так, будто Катрина сама свалилась в воду, расшиблась, захлебнулась — несчастный случай. Куда лучше, нежели прятать труп в колодец. Разве не так?

— Ищите другого, чтобы для плана в тюрьму упрятать.

— Вам, Ошинь, следовало бы поинтересоваться лечебным заведением для хронических алкоголиков в Олайне, — перебил его Розниек. — Это для вас более подходящее место.

Встав с табурета, Розниек зашел в соседнюю комнату, где под присмотром Каркла Лаурпетерис укладывал в сумку свои вещи.

— В котором часу ушел от вас в тот вечер Ошинь? — спросил Каркл.

Лаурпетерис медленно выпрямился.

— Уже было далеко за полночь. Наверно, около половины второго. Я его вывел на двор. Дайнис улегся спать, а я стал самогон студить. Когда заводил будильник, поглядел. Было без пяти два.

— Вы были трезвы?

— Как сейчас. Я завсегда такой, когда при деле.

Розниек возвратился в большую комнату. Похоже, Вилма говорила правду. Ошинь пришел домой ночью, после двух, пьяный. Теперь ясно, где он был в ту ночь и почему это скрывал. Да и Вилме тоже было известно, где пьет ее братец, но опасалась подвести Лаурпетериса. Дайнис тоже по этой причине придумал байку с вершами.

Стало быть, Ошинь той ночью не был в Межсаргах и его невиновность сомнений не вызывает. Но ведь могло случиться, что стрелки будильника были хитроумным Ошинем передвинуты вперед часика на два, после чего он нагрянул в Межсарги. Обеспечив себе алиби, он мог спокойно совершить задуманное убийство. Полностью отбросить эту версию пока нельзя.

Розниек уселся на кровать рядом с Ошинем и сказал успокаивающим тоном:

— По пути домой падали?

— Падал. Хватанул лишнего, — отрывисто ответил Ошинь. Теперь его лицо было мрачным и сосредоточенным.

— Реку переходили у плоских камней?

— Рядом с плоскими камнями, — уточнил он. — Вброд. Камни скользкие, на протезе можно свалиться.

— Отчего не шли по мостику?

— Мосток без перил. Ночью для пьяного еще опасней.

— По пути никого не встречали?

— Никого. Впрочем... — Ошинь на мгновение заппулся, но, тщательно выбирая слова, продолжил: — Инвалид один дрожмя дрожал на автобусной остановке. Я еще удивился, чего он в такую рань. До автобуса было добрых два часа. Подошел, попросил у него закурить.

— Что он курил?

— «Элиту».

— Во что был одет?

— Не разглядывал. Помню только, что в туфлях, а в руках палка.

— Как он выглядел?

— Волосы светлые, плечи широкие, повыше меня будет.

— Вы сказали — инвалид?

— Я своего брата по несчастью узнаю среди ста тысяч. Он зябнул, хотя ночь была теплая. Ковылял взад-вперед. Я сразу понял, что он на протезе. Захотелось с ним поговорить. Но промолчал, ума хватило. Я ведь воевал на другой стороне...

Розниек потер рукой лоб.

«Следы у ручья и в самом деле выглядели разными, — подумал он. — К сожалению, эксперт еще не прислал заключение. Но для отвода глаз Ошинь мог эту историю с «братом по несчастью» сочинить».

— Раньше вы не встречали этого человека?

Розниек попытался выяснить еще что-нибудь.

— Никогда. Но мне показалось, что он меня знает.

— Почему вы так думаете?

— Не знаю. Глядел он на меня как-то странно.

Ошинь стал неожиданно словоохотлив.

Каркл с Лаурпетерисом стояли в двери и внимательно слушали. Стабинь, сидя за столом, записывал этот разговор на портативный магнитофон.

— Тебя, кажется, можно поздравить. — Апинис встал с мягкого кресла и с ухмылкой протянул руку Розниеку. — Ты, говорят, попал на след загадочного гостя.

Инта в серебристом импортном брючном костюме стояла перед трюмо в квартире завмага Эджуса, а жена Эджуса вертелась вокруг нее. На стуле лежали красивые детские ботиночки. Женщины были так увлечены примеркой, что не заметили, как вошли Розниеке со Стабином. Громогласное приветствие Апиниса заставило модниц повернуть головы к двери.

Инта смутилась, а Жанна, поняв, что ситуация становится неловкой, быстренько ретировалась в соседнюю комнату.

Розниеке почувствовал, как запылали его уши.

— Что это все значит? — воскликнул он.

— Ничего особенного, — спокойно ответил Апинис. — Разве не видишь: твоя Инта хочет приобрести шикарный импортный костюмчик. Гляди, и у меня, грешного, тоже обновка! — Он раскрыл коробку и извлек из нее импортные коричневые туфли...

Грохот телеги по мостовой, ворвавшийся в раскрытое окно, оборвал разговор.

— Тпр-ру-у... чтоб тебя черти побрали! — Хриплый голос фельдшера Ошиня возвестил о его прибытии.

Розниеке со Стабином, словно по команде, бросились к окну.

Красный не то от натуги, не то от выпитого Ошинь, пыхтя и отдуваясь, выволакивал из телеги почтальона. А тот яростно сопротивлялся.

Увидев в окне инспектора, Ошинь заорал:

— Привет, милиция! Вы его знаете? Я, я... сейчас я в-вам его пок-кажу!

Почтальон неожиданно пнул ногой фельдшера в живот. Ошинь, словно мешок с отрубями, вывалился из телеги и распластался на земле. Лошадь, огретая кнутом почтальона, рванула с места галопом.

— Цирк! Настоящий цирк! — воскликнул Улдис Стабинь и, ловко выпрыгнув в окно, бросился вслед за повозкой. Ошинь, безуспешно пытаясь встать, прохрипел:

— Сволочь он, старая отпетая сволочь.

Розниеке, выпрыгнувший вслед за Стабином, помог Ошиню встать на ноги.

— За что это вы его так? — спросил он.

Ошинь нахмурил густые сросшиеся брови.

— Дело мое! Я в вашей дружине не состою. Сам как-нибудь сведу счета с этим подонком.

— Все-таки интересно, куда это вы вместе с ним так торопились?

— Известное дело куда. За шнапсом. Надо было кое о чем потолковать по душам, да горячее кончилось, а фирма Лаурпетериса обанкротилась.

— Какие же это такие важные дела вы собирались обсуждать?

Ошинь погрозил Розниeku пальцем.

— Много будешь знать, скоро состаришься. У нас с Кришьяном свои дела. И посторонним совать свой нос в них не следует.

К крыльцу лихо подкатила телега, управляемая Стабином. Сидевший с ним рядом почтальон, похоже, несколько протрезвел.

— Обоих в вытрезвитель! — свирепо крикнул Апинис. — А когда проспятся, накажем за мелкое хулиганство.

— Справедливо, — согласился Стабинь. — Но прежде всего отведем их к Карклу в участок, потребуем объяснения по поводу сегодняшнего инцидента, — подмигнул он Розниeku. — Вот такая симфония.

Почтальон съежился, ловко подобрался к Ошиню, молниеносно сунул руку тому за пазуху и, вытащив оттуда какой-то предмет, помахал им перед лицом Розниека.

— Вот, следовательно, полюбуйтесь, что Ошинь хотел мне всучить за два поллитра.

Предмет этот оказался весьма оригинальным чернильным прибором — индеец в боевом наряде на коне у колодца. Копье являлось пером, а колодец — чернильницей. Розниек долго любовался безделушкой.

— Антикварная вещица! — сказал он, вопросительно глядя на старика.

— Видите ли, — вдруг таинственно зашептал почтальон, — мое дело вроде бы сторона, но разве можно молчать, когда в поселке творятся такие подлые дела. Вот эту штуковину я видел на комодe у Каролины Упенице. Каролина мне говорила, что это чей-то подарок ее отцу.

Ошинь вдруг заерзал, замахал кулаками и бросился на почтальона.

— Врешь, гад ползучий! — заорал он. — Это мой конь, моя чернильница, моя! Я ее в Кёльне за пятнадцать пфеннигов купил!

— Прекратить! — грозно гаркнул Улдис Стабинь. — Лезь в повозку живо!

Ошинь сник, словно проколотый пузырь.

— Что я сказал... — ворчал он, нехотя взбираясь на телегу.

Стабинь огрел лошадь кнутом, и повозка, пыля, покатила по дороге.

— Милиционеру все же подвернулась работенка, — съехидничал Апинис, — не зря приехал.

— Не зря, не зря, — подтвердил Розниек. Чувство досады улеглось, настроение улучшилось. «Явный ход конем», — подумал он и быстрым шагом направился к центру поселка.

XVIII

— Зачем она поехала с нами! Зачем она поехала с нами! — повторял одно и то же длинноволосый белокурый парень.

Вывалянная в грязи девочка-подросток в порванных брюках и с исцарапанным упрямым лицом враждебно глядела на парня.

Улдис Стабинь придвинул к ней листок протокола.

— Прочитайте и распишитесь, — коротко сказал он и подпер голову ладонью.

Улдис чувствовал себя усталым. Куда девались его кипучая энергия и неизменно бодрое настроение? Он желал сейчас только одного — поскорей выбраться на свежий воздух из дежурного помещения.

Улдис Стабинь дежурил уже вторые сутки. Сотрудников не хватало. В самый разгар отпускного сезона неожиданно заболели два оперативных работника.

Вчера вечером сержант Озол привез двух пьяниц. Они учинили дебош в ресторане. Ночью ватага подростков из Риги разгромила киоск. До самого утра пришлось разбираться с ними.

Подписанный девушкой протокол Стабинь передал для подписи белокурому парню. Затем приказал сержанту Озолу увести виновного.

«Кажется, наступила передышка», — решил Улдис. Взяв последние оперсводки, он стал их не спеша просматривать. «На улице Лашу угнана светлая «Волга».

Государственный номерной знак... В троллейбусе седьмого маршрута две карманные кражи...»

«Нелегка ты, наша жизнь милицейская», — вздохнул Стабинь. Он отложил сводки, кроме одной, привлечшей его внимание.

«Сегодня в 11.35 на станции Ваверы с электропоезда был снят в бессознательном состоянии гражданин Янис Векерис, двадцати одного года, грузчик Рижского порта, — читал Улдис. — Не приходя в сознание, гражданин Векерис скончался на месте. Векерис находился в состоянии среднего опьянения».

«Это не наша епархия, — подумал Стабинь, — пускай коллеги-железнодорожники покопаются». Но следующие строчки заставили его передумать.

«На руках покойного выше локтя обнаружены синие кольцевидные кровоподтеки. Причина смерти — инсульт. Согласно поступившим данным в поезде у гражданина Векериса произошла ссора с неизвестным гражданином. Все сведения, имеющие отношение к этому случаю, просим направлять в отдел железнодорожной милиции капитану Ефремову».

— Вот какая симфония! Похоже на наш случай! — удивился Стабинь и протянул руку к телефону. Но тут же спохватился: чего ради поднимать Валдиса среди ночи. Лучше сначала выяснить самому.

Озол! — окликнул Стабинь сержанта, дремавшего на скамейке. — Озол! Дома выпишься! А теперь посиди на моем месте. Если до утра не вернусь, тебя сменит Виксна с Кедровым. Если случится что, вызови лейтенанта Катковского и по телефону доложи начальнику. Ясно? Я поехал в Ваверы.

Заводя служебный мотоцикл, Стабинь мысленно повторил: инсульт, синие круги над локтями, ссора с незнакомым мужчиной. Чертовски похоже на наш случай.

Капитан Ефремов обрадовался неожиданному гостю. Он радушно пожал руку Стабиню.

— Каким ветром тебя принесло?

— Тем же самым, что и тебя, когда ты явился в прошлом месяце в три часа ночи.

— Ну, у меня-то было срочное дело. А что случилось у тебя? Выкладывай, не стесняйся.

На сей раз у Стабиня не было времени на то, чтобы шутками и прибаутками «подкалывать» коллег-же-

лезнодорожников. Они дружили, но и постоянно соперничали, спорили. Поводами для споров бывали территориальные недоразумения.

— Меня интересует сегодняшнее происшествие в электричке, — сказал Стабинь.

— Уголовщиной это не пахнет. Парнишка умер от инсульта: напился и перенапрягся, удерживая дверь.

— У нас имеется аналогичный случай. Инсульт и точно такие же кольцевые кровоподтеки выше локтей.

— Так, может, и это дельце прихватишь? — с надеждой спросил Ефремов.

— Ладно, хватит! Расскажи серьезно и обстоятельно, что тебе известно об этом деле. Может, я и освобожу вас от него.

Ефремов помолчал, словно обдумывая, стоит ли уступать дело Стабиню, затем вынул из сейфа тощую папку.

— Вот все, что известно на данный момент.

...Курортный сезон в разгаре. Электричка мчится от станции к станции, утрясая свое нутро и набивая его новыми пассажирами. Некий дюжий верзила, выставив вперед плечо, впрессовался в тамбур вагона. Вслед за ним втиснулись еще два парня. От них разит перегаром. Вскоре положение стало изменяться к лучшему: народ помаленьку выгружался, и в тамбуре можно было себя почувствовать вольготней.

Верзила, привалясь к двери салона широченной спиной, громогласно объявил:

— Теперь мы тут власть. Никого больше не впустим и не выпустим.

— Точно, Епи! Хо-хо-хо! — дружно загоготали оба его дружка.

Поезд замедляет ход. Люди пытаются открыть дверь, чтобы выйти в тамбур. Женщина с ребенком на руках в отчаянии дергает ручку, затем хочет пробиться к противоположным дверям, но не может — вагон переполнен. Пассажиры стучат в стекло, возмущаются. Светловолосый мужчина средних лет встает, направляется к двери и, напрягшись, раздвигает ее. Верзила, удерживающий дверь, вваливается в салон. Люди начинают протискиваться к выходу. Это уж слишком! Сжав кулаки и вытаращив глаза, верзила наступает на дерзкого пассажира. Вагон замирает в ожидании. «Адьютанты» злорадно хихикают, но мужчина ведет себя так, словно все это не имеет к нему никакого отно-

шения. Верзила замахивается, но мужчина мгновенно захватывает его руки выше локтей. Хулиган пробует вырваться. Лицо его багровеет. Оба дружка в замешательстве. Такого поворота они не ожидали. Вдруг верзила бледнеет, его лоб и шея покрываются испариной, и он неожиданно валится на бок. Бросив на поверженного презрительный взгляд, светловолосый мужчина спокойно выходит из вагона.

Электропоезд трогается и быстро набирает скорость.

А верзила, лежа на полу, словно выброшенная на берег рыба, жадно ловит ртом воздух, затем теряет сознание.

— Человек в обмороке! — кричит кто-то.

— Врача, врача! — раздается женский голос. — Неужели в вагоне нет ни одного врача?! Может, валидол есть у кого-нибудь?

Поезд останавливается на очередной станции. Пассажиры выносят молодого человека и укладывают в тень под соснами.

Вокруг пострадавшего мгновенно образуется толпа. Один щупает пульс, другой сует под нос пузырек. Бесполезно! Лицо мертвенно посерело, глаза остекленели...

— А ребят, что были с ним, задержали? — спросил Стабинь.

— Ищи ветра в поле!

— Широкоплечий мужчина, светловолосый, в темном костюме. Вы нашли его?

— Пока нет. Ищем. Объявили приметы по телевизору и радио. Ну что, переслать материал к вам? Не стоит дублировать работу. Я серьезно.

— А я и не шучу. Пока что в этом нет надобности. Если появится, сам приеду за делом. Но тебя попрошу: как только разыщешь этого героя, сообщи. Я мигом прилечу. Желаю отдежурить без крупных происшествий!

Просторная привокзальная площадь в этот ночной час непривычно пустынна: ни машин, ни людей, три могучих ясеня гордо высятся в тусклом свете фонарей и отбрасывают причудливые тени на желтоватый асфальт.

Где-то вдалеке слышался глухой гул, и вскоре Стабинь услышал торопливый перестук колес поезда.

Мимо пронесся товарный состав и исчез в ночи так же быстро, как появился. И вновь воцарилась тишина.

Стабинь немного постоял, посмотрел на часы. До конца дежурства еще два часа. Не поехать ли домой поспать? Нет, нельзя — мало ли что может произойти. Озол там один. Надо возвращаться.

Улдис сладко зевнул, завел мотор, и мотоцикл резко рванул с места.

В отделе милиции Стабиня ожидала срочная шифровка: «На песке обнаружены следы двух человек. Кровь под ногтями у Упенице, следы зубов на хлебе и сыре, а также найденная под окном брючная пуговица Ошиню не принадлежат».

Стабинь дважды перечитал шифровку и отдал Озолу.

— Зарегистрируй и верни мне, — предупредил он.

— Вот оно что... — стал размышлять вслух Улдис. — Прав был Розниек — Ошинь отпадает. Придется искать другого хромого. Черт его знает, может, и впрямь тот самый, что в поезде накуролесил. И не такие чудеса случаются на белом свете.

Стабинь сел за письменный стол и принялся не спеша заполнять журнал дежурного.

ХІХ

Твердой солдатской походкой капитан Ефремов покинул железнодорожный отдел милиции. И после дежурства в голове у него все продолжали роиться невеселые мысли. Станный малый этот Улдис Стабинь... Вроде хороший парень и в то же время какой-то взбалмошный. Разве трудно объединить оба эти дела, чтобы не ломать голову двоим? Светловолосый широкоплечий мужчина с серыми глазами и в темном костюме... Иголку в стог сена найти легче. И поплакаться некому... Прокурору Кубулису? Не пройдет номер — Розниек со Стабиным его лучшие кадры.

Двери автобуса закрылись через доли секунды после того, как капитан вскочил на подножку. Вот и здесь сколько народу! Поди знай, что за люди и где их найти в случае надобности. А в поезде их в сто раз больше.

Выбравшись на свежий воздух, капитан Ефремов вздохнул с облегчением. Хорошо бы искупаться, да где найти время? А быть может, человек, которого я ищу,

сейчас на пляже нежится или в море плавает? На объявление по радио и телевидению он не отозвался...

В накуренной комнате штаба народной дружины толпились люди.

— Пожалуйста, не закрывайте дверь! — воскликнул кто-то при входе Ефремова.

— Ладно, ладно, не буду, но в такую жару могли бы дымить и поменьше. — Капитан снял светлый спортивный пиджак и повесил на спинку стула. Сел за стол и обвел присутствующих вопросительным взглядом.

— Ну-с, какие новости?

— Ничего серьезного. — Начальник штаба, седой загорелый мужчина, подошел к столу. — Обошли санатории, дома отдыха, пансионаты, общественные столовые, кинотеатры, походили по пляжу — ничего.

— Плохи ваши дела, — пошутил Ефремов.

— Плохи, но не безнадежны. Работая по заданию, мы нашли свидетельницу происшествия в поезде. Вот, гражданка Лапинь... В санатории работает.

— Я ехала из Риги, — начала рассказ Лапинь, — и заметила этого человека, когда он уступил место старушке, а потом стоял неподалеку от двери. С ним очень вежливо поздоровался парень спортивного вида.

— Парень был один? — спросил Ефремов, отмечая что-то в блокноте.

— Нет, их было трое. Второй парень был пониже, рыжий, и лицо все в веснушках, и еще с ними была высоченная девица. Все в джинсах. У рыжего в руках был волейбольный мяч.

— Вы бы их узнали, если бы увидели?

— Рыжего узнала бы, а остальных — не знаю, не уверена.

— Где они вышли?

— Кажется, перед тем, как произошел этот скандал. Где — точно не помню.

— С мячом, говорите, — удовлетворенно проворчал Ефремов. — А вам врач не рекомендовал гулять по пляжу, дышать морским воздухом?

— Гулять всегда лучше, чем работать, — кокетливо засмеялась женщина.

— Если муж ваш не ревнив, — встал со стула Ефремов, — можем отправиться хоть сейчас. Для любителей побросать мячик время самое подходящее.

Начальник штаба остановил его жестом руки.

— Какие еще будут задания? Ребята ждут.

— Задания? — Ефремов задумался. — Неплохая идея. Начнем разведывательные действия по всему фронту. Товарищ Лапинь, опишите, пожалуйста, еще раз, как выглядели те молодые люди. А вы, ребята, записывайте. И еще, — продолжал Ефремов, — если вам встретятся люди с подобными приметами, весьма вежливо проверьте документы и попросите завтра в девять утра зайти ко мне.

Лапинь подошла к Ефремову.

— Что ж, пойдёмте дышать морским воздухом.

Ефремов набросил пиджак на плечи.

— С удовольствием!

Они вышли из штаба дружины и направились к пляжу.

Пляж был густо усеян людскими телами, словно солнце пригвоздило их своими лучами к мягкому желтому песку.

Судебно-медицинский эксперт доктор Яункалнынь с набитой одеждой авоськой и притороченными к ней сандалиями медленно шагал по песку у самой воды. Он шел, выбирая в пестрой неразберихе местечко потише, где можно было бы полежать. Пройдя с полкилометра, Яункалнынь увидел вывеску на столбе: «Зона тихого отдыха». Чуть дальше были установлены таблички: «Не шуметь», «Не играть», «Желаем приятного отдыха». Яункалнынь был вполне удовлетворен. Он расстелил одеяло, улегся и раскрыл книжку. Однако его радость была недолгой. Раздался взрыв смеха и громкие, далеко не изящные словоизлияния. Яункалнынь оторвал взгляд от книги и увидел расположившуюся неподалеку компанию. Молодежь резалась в карты, прихлебывала из бутылок и шумно галдела.

— Н-да, — проворчал Яункалнынь, — наверно, не очень подходящее место я выбрал. — Доктор свернул одеяло и перебазировался подальше. «Говорит Москва, — раздался громкий голос из транзистора, — передаем легкую музыку». Яункалныню не хотелось слушать легкую музыку. Собрав свои пожитки, он передвинулся поближе к воде. И вот тут-то его настиг мяч, летевший чуть ли не со скоростью звука.

— Эй, вы! — возмутился Яункалнынь. — Как-никак здесь зона тихого отдыха.

Волейболисты поглядели на доктора удивленно, слов-

но на марсианина, но тем не менее убрались. Не успел Яункалнынь обрадоваться их уходу, как территорию, оставленную волейболистами, тотчас заняли футболисты. Мяч у них был намного тяжелее, и потому Яункалныню из соображения личной безопасности пришлось ретироваться и отсюда.

— Что вы мечетесь с места на место как гонимый ветром лист? — услышал Яункалнынь хорошо знакомый женский голос. Помощник прокурора Фелита Судрабите дружески взяла Яункалныня под руку. — Я, доктор, давно гляжу на вас и пришла к выводу: вы как филин. Вам не хватает чувства коллегиальности. Не можете ужиться в здоровом спортивном коллективе, ладить с веселыми людьми.

— Просто-напросто в свой законный выходной день я жажду тишины и покоя!

— Не будьте неврастеником, доктор. Не придавайте значения мелочам. Я полагаю, в будущем году все тут изменится к лучшему.

— Не будет галдящих, некультурных людей? — удивился Яункалнынь.

— Нет же! Надписей этих не будет, и потому не будет причин портить свою нервную систему. А вообще, доктор, выжаривать себя на солнцепеке очень вредно. Знаете, я тут познакомилась с симпатичными людьми. Они приглашают меня покататься с ними на яхте по заливу. — Фелита была настроена шаловливо. — Давайте поедем! Для вас тоже найдется местечко.

— Это же вас пригласили, а не меня, — сказал Яункалнынь.

— Вы неконтактный человек, доктор. Я вас познакомлю, и эти милые люди сразу же вас пригласят.

— Нет, нет, у меня тут кое-какие дела, уж не обижайтесь...

— Вы бука, — обиженно надула губки Фелита. — Что ж, насильно мил не будешь — поеду одна. — Она беспечно махнула рукой и побежала к морю.

Яункалнынь в раздумье глядел ей вслед. Как привлекательна ее стройная фигурка в купальном костюме! Сердце холостяка сладко заныло. «И что я за недотепа, — самокритично подумал он. — Почему бы не поехать вместе с ней? Но не бежать же теперь, как мальчишке, вдогонку». И тем не менее он шаг за шагом продвигался в том же направлении. Неподалеку от берега на якоре стояла красивая голубая яхта. Широкоплечий

мужчина средних лет подбирал шкоты. Поблизости стоял по колено в воде рыжеволосый молодой человек с веснушчатым лицом, а метрах в восьми высокая девушка. Они играли в мяч. Фелита вбежала в воду и обрызгала их. Затем все трое ловко вскарабкались на палубу, и стройное суденышко снялось с якоря.

Яункалнынь пристально смотрел на удалявшуюся Фелиту и снова ощутил странное томление, которое в нем уже давно вызывала эта обаятельная женщина.

В свои сорок лет Яункалнынь был одинок, поскольку считал брак без настоящей любви безнравственным. А любовь все не приходила. Да и времени на ее поиски как-то не хватало. В студенческие годы Яункалнынь серьезно увлекался биологией, потом все помыслы были заняты кандидатской диссертацией, которую он с успехом защитил, а затем снова с головой ушел в подготовку докторской.

Яункалнынь долго стоял, наблюдая за удалявшейся яхтой, досадуя на себя за упущенную возможность. Больше он уже не жаждал тишины. Шагая по пляжу, он то и дело поглядывал на белую точку у горизонта. Ощувив усталость, он решил освежиться и, раздевшись, побрел к воде. Вдруг в поле его зрения попала странная пара — капитан Ефремов в костюме шествовал по пляжу с незнакомой женщиной в купальнике. Картина эта выглядела довольно странно, тем более что Яункалнынь всегда считал капитана примерным семьянином.

Однако Ефремов нисколько не смутился.

— Алло, доктор! Как водичка? — крикнул он.

— Вы, случайно, не меня ищете? — озабоченно поинтересовался Яункалнынь.

— На сей раз нет, — успокоил его Ефремов. — Разрешаю продолжать водные процедуры.

— Может, составите компанию?

Недолго думая, Ефремов разделся и с разбега бросился в воду. Он хорошо плавал и вскоре оставил доктора далеко позади. Проплыв метров сто, повернул обратно и подплыл к нему.

— Ух, здорово, — шумно фыркал и отдувался Ефремов. — Давно надо было искупаться. А то из-за этой бесконечной работы забываешь, что море рядом.

— Если работой называть прогулки по пляжу, да еще в обществе интересной особы...

— Не язвите, доктор. Для кого прогулка, а для кого работа... Вы давно на пляже?

— С самого утра. Перелетаю с места на место, точно гонимый ветром лист. Это Фелита меня так назвала.

— Судрабите? А где она?

— В море. На яхте.

— А вас бросила на берегу?

— Так уж получилось, — вздохнул Яункалнынь.

Ефремов набрал полную грудь воздуха и нырнул. Всплыл он метрах в двадцати пяти от доктора. Яункалнынь подплыл к нему.

— Если я правильно понял, вы кого-то разыскиваете? — спросил доктор.

Ефремов протер глаза и стряхнул с подбородка капли воды.

— Да, одну троицу.

— Как они выглядят?

Ефремов помолчал, обдумывая, стоит ли зря тратить время. Вряд ли рассеянный доктор мог заметить кого-либо из них. Но все же, дабы не обидеть человека, сказал:

— Блондин средних лет, широкоплечий, спортивной осанки, рыжеволосый юнец в очках и высокая девушка со светлыми длинными волосами.

— Рыжий в пестрой рубашке «фроте»! — вскричал доктор.

— Вы их видели?

— Это с ними Фелита уплыла на яхте.

— Давно? — насторожился Ефремов.

— С час тому назад.

— Доктор, вы не ошибаетесь?

— Точно, конечно, не знаю, они ли, но, судя по описанию, весьма похожи.

— А где Фелита подцепила их?

— Понятия не имею. Сказала, что ее пригласили покататься. Меня звала...

Дальше Ефремов уже не слушал. Он побежал к берегу, не вытираясь, натянул одежду и, шепнув что-то женщине, бегом направился к спасательной станции.

XX

Улдис Стабинь в майке и спортивных брюках, с футбольными бутсами через плечо вбежал в служебное помещение автобусной станции.

— Девочки, — крикнул он с порога, — сейчас узнаем, которой из вас выпал крупный выигрыш!

— Будет тебе болтать! Опять разыграть кого-то надумал? — отозвалось сразу несколько голосов.

— Не верите? Так я и знал. Вообще, мне женщины почему-то не доверяют. Такая уж моя печальная судьба. — Улдис, вглядываясь в расписание автобусов и график рейсов кондукторов, притворно вздохнул. — Вот она, счастливица, тут у вас в табличке и значится. В прошлую пятницу первым рейсом на Ригу ездила... Лайма. Сердечно поздравляю и прошу, Лаймочка, выйти со мной.

— Ты куда ее повел? В загс, что ли? — засмеялась бойкая брюнетка.

— Разве Улдис поведет девушку в загс! — подхватила полнотелая девица у окна. — Он это учреждение обходит за километр.

— Не ходи, Лайма, не надо! Этот донжуан соблазнит, присвоит себе выигрыш и бросит.

— Ай, ай, ай, какие зловередные, — покачал головой Улдис. — А что же будет с вами, когда замуж пойдёте? Не дай бог попасть в такие коготочки — разорвете.

— А зачем к зловередным ходишь? Ищи дурочек по-добрей!

— Я ведь не к вам, а к Лайме пришел... Надо же познакомиться поближе, привыкнуть друг к другу. Свою ее на футбол, мороженым угощу, потом сходим в кино на «Жил-был полицейский». Шикарная французская картина. Пошли, Лайма!

Лайма, рослая девушка с короткими, как у мальчишки, волосами, глядела на Улдиса как замороженная. Ей, так же как и ее подружкам, нравился этот парень, но Лайма никак не думала, что он обратит внимание именно на нее, не очень-то привлекательную девушку. И Лайма засомневалась. А что, если Улдис затеял очередной розыгрыш? Он горазд на такие штучки...

— Пойдем, Лайма, поговорим, — уже серьезно повторил свое приглашение Улдис и взял Лайму под руку. Девушки приумолкли.

— Делать нечего, — зарделась Лайма, — милиция. Арестовала меня, теперь пиши пропало. Носите, девочки, передачи.

Они вышли на улицу и направились к стадиону.

— Ты не проспала в пятницу первый рейс? — спросил Стабинь.

— Нет, не проспала. А тебе что?

— Хотелось узнать, как съездила и что хорошего видела.

— Только для этого меня и пригласил?

— И для этого тоже. Но, говоря откровенно... — Стабинь вдруг посерьезнел. — Я рад, что именно ты ехала этим рейсом. Другую я, пожалуй, вызвал бы на допрос по всей форме к себе в кабинет.

— Хм, — пожала плечами девушка. — В чем же разница?

Глаза Улдиса весело заблестели.

— Мне страшно нравится смотреть на тебя, когда ты о чем-нибудь рассказываешь. А на лоне природы, уверен, это будет выглядеть гораздо эффектней. Вот и теперь с тобой произошла настоящая метаморфоза. Глаза горят, на лице румянец...

— Ну знаешь!.. — вскипела Лайма. — Кончай валять дурака. Или будешь острить в одиночестве.

— Не сердись, Лаймочка, — примирительно сказал Улдис. — Меня действительно интересуют все подробности этого рейса...

...В четверг Лайма гуляла на вечеринке, и встать в половине шестого утра ей было чудовищно трудно. Будильник пробренчал словно за горами. Лайма проснулась, лишь когда ее растолкал отец:

— Вставай, соня! На работу опоздаешь!

Босиком выскочив в коридор, умылась, наскоро оделась и, даже не поев, побежала на автостанцию. Машину Жанис уже вывел. Отъезжающие толпились у автобуса. Запыхавшаяся Лайма открыла дверь в салон. Большинство пассажиров были местными жителями. Кое-кто из них ехал в Ригу. Эти были одеты праздничней.

— Петер, а ты куда? — спросила Лайма темноволосого паренька, который, пропустив всех, поднялся на подножку последним.

— В Ригу. В университет поступаю! — не без гордости ответил Петер.

Лайма усадила его на переднее место, чтобы поболтать в дороге — как-никак учились в школе вместе. Это место предназначено для инвалидов и женщин с детьми, но сегодня таких пассажиров не было. В Межциемсе две женщины с корзинами сошли. Наверно, отправились в лес по ягоды. На остановке Юмужциемс одиноко стоял плечистый мужчина. Он вошел в автобус через переднюю дверь. Лайма обратила внимание, что новый пассажир заметно волочил правую ногу. Не ускользнул этот

факт и от Петера, который сразу же уступил инвалиду свое место. На пассажире был темно-зеленый костюм, модные туфли и тонкая спортивная рубашка. Манжеты его брюк были мокрыми, туфли испачканы глиной.

Улдис внимательно слушал, изредка задавал вопросы.

— Ничего не говорил — кто он, где живет, где работает?

— Смахивал на начальника. А вообще, кто его знает, теперь почти все одеваются по моде. С ним Петер разговаривал. Ему понравился этот пассажир. «Умный, — шепнул он мне, когда тот вышел, — наверно, многое повидал в жизни. Говорит, тут его молодость прошла, а теперь приехал поглядеть на родные места».

— В Риге где он вышел?

— Кажется, около улицы Революцияс.

— Не заметила, в какую сторону он пошел?

— Нет. Это надо Петера спросить, он еще ему в окно рукой помахал на прощание.

— Вот, значит, какая симфония, — задумчиво протянул Улдис и поглядел куда-то вдаль. — Завтра ты что делаешь?

— Еду восемнадцатым маршрутом в Алуksне.

— А что ты скажешь на такое предложение: махнем с тобой утром в Ригу. С твоим начальством я согласую. Днем пошатаемся по городу, а вечером в театр или еще куда? Согласна?

— Согласна! — покраснев, ответила Лайма.

XXI

Георг поднял руку. словно по выстрелу стартового пистолета, Ванда и он прыгнули в воду и поплыли к берегу. Дрейманис неподвижно сидел на руле. Плечи его были несколько наклонены вперед. На лице никаких эмоций. Взгляд, медленно скользнув над головами двух пловцов, достиг берега. Дрейманис, похоже, прикидывал расстояние до пляжа. Не меняя позы, лениво переложил руль. Яхта резко накренилась, гик перекинулся на другой борт, едва не ударив Фелиту в бок. Она инстинктивно вцепилась обеими руками в борт. Вялые паруса наполнились ветром, яхту развернуло, и судно, разрезая острым штевнем волны, стало набирать ход, удаляясь от берега.

— Вы помощник районного прокурора, — водяни-

стые глаза Дрейманиса вдруг засветились ледяным блеском, — очень приятно познакомиться. — Голос его звучал миролюбиво и любезно, но в нем явно прослушивалась нотка металла.

Фелита удивленно глянула на Дрейманиса. Странно, ведь она никому не говорила, что работает в прокуратуре. «Стало быть, Дрейманис неспроста искал случая со мной познакомиться. Вон оно что! И побег этой парочки с яхты вовсе не был случайностью. Я умышленно оставлена наедине с этим типом в море. Что ему от меня нужно?» Хоть солнце и жарило как прежде, но по спине Фелиты пробежали мурашки.

Дрейманис будто читал ее мысли.

— Романтично, — заметил он, осклабясь. — Разыскивали меня вы, а нашел вас я, и теперь мы можем наедине поговорить.

Фелита вздрогнула и оглянулась — берег выглядел далекой и недостижимой желтой полоской. Она перевела взгляд на Дрейманиса. Светлые, коротко стриженные волосы, широкий лоб, сросшиеся брови, крупный нос, энергичный, выдающийся вперед подбородок. Бесцветные глаза.

— Почему вы думаете, что мы вас ищем? — ответила она медленно, с трудом шевеля ватными губами. Старый испытанный прием для выигрыша времени и лучшего осмысления обстановки.

Дрейманис поднял голову.

— Я не думаю, я знаю. Будучи культурным человеком, читаю газеты, смотрю телевизор, слушаю радио!

За мягкой, почти ласковой интонацией угадывалась железная воля этого человека.

Яхта качнулась, раздался пронзительный скрип, и судно опасно накренилось на борт. Набежавшая волна окатила Фелиту с ног до головы. По морю пошла крупная зыбь, очевидно, где-то вдалеке бушевал шторм. Для игры в прятки времени не оставалось. Подавив дрожь, Фелита перешла в контратаку:

— И вы, значит, с перепугу решили, что не худо бы иметь заложницу, — неожиданно расхохоталась она. — Напрасно старались. От меня никаких гарантий вы не получите.

Дрейманис сосредоточенно следил за парусами, и слова Фелиты, казалось, пропустил мимо ушей.

«Сильные мужчины не выносят насмешек над собой, — вспомнила Фелита чье-то изречение, — а в осо-

бенности, когда их упрекают в трусости». Она обхватила руками предательски дрожащие колени и старалась не выдать своего волнения.

— У вас заячья душа, — продолжала Фелита с напускной веселостью. — Иначе вы уже давно явились бы в прокуратуру.

Кажется, Фелита попала в точку. Дрейманис резко выпрямился и окинул ее пытливым, тяжелым взглядом.

— Кому и зачем я понадобился? — внезапно осипшим голосом сказал он.

Теперь Фелите надо было быть начеку и каким-то образом заставить его раскрыть свои карты. Выяснить, с какой целью он заманил ее в ловушку.

— Желательно было уточнить кое-какие обстоятельства, — заметила она как бы между прочим.

— Только и всего? — В голосе Дрейманиса сквозили насмешка и скрытая злость. — И по этому случаю объявили розыск по всей республике. Бросьте наводить тень на плетень, я не маленький. Для выяснения обстоятельств в вашем распоряжении имелся целый вагон свидетелей. Но вы ищете козла отпущения...

Фелита украдкой вздохнула. Она избегала смотреть на Дрейманиса, чтобы глаза не выдали ее страха.

— А вы что, разве чувствуете за собой вину? — с напускной бодростью воскликнула Фелита.

Дрейманис медлил с ответом. Скорей всего прикидывал наилучший вариант.

Между тем Фелита сумела несколько подавить волнение. Мысли прояснились, и она стала более спокойно анализировать создавшуюся ситуацию. О побеге нечего было и помышлять. Берег уже почти скрылся из виду. В какой-то момент Фелита пожалела, что не прихватила с собой миниатюрный пистолет. Впрочем, кто знает, чем могла бы окончиться угроза оружием... «Положение отнюдь не безвыходное, — успокаивала она себя, — мы этого человека разыскиваем, а он объявился сам. Не для того же он меня сюда завез, чтобы утопить. Я ему нужна, чтобы сперва выудить, выжать из меня все, что относится к следствию, и лишь тогда... Все зависит от меня самой, и только от меня...»

Пауза затянулась. Фелита искоса глянула на Дрейманиса. Похоже, нервничает, покрылся испариной. Пробурчав нечто вроде извинения, снял рубашку. Мускулистые руки и грудь покрыты татуировкой. «Такие ручи-

щи схватят — одними синяками не отделаешься. Кости переломает, как спички».

— Вы чувствуете за собой вину? — переспросила она, чтобы нарушить томительное молчание.

Ветер неожиданно стих, паруса повисли, словно огромные увядшие лопухи, и яхта обессиленно закачалась на крупной волне. Дрейманис подтянул шкоты, и к яхте вернулся слабый ход.

— Парень действительно умер? — спросил он.

«Интересно, — подумала Фелита, — противник предлагает играть в открытую».

— Да, умер, и вам это известно.

— Ну и чем это для меня пахнет?

— На мой взгляд, то, что произошло в поезде, вам не могут вменить в вину, — осторожно выбирая слова, ответила она.

— Вы так считаете?

— Безусловно!

— А другой работник прокуратуры будет иного мнения. Третий отыщет в Уголовном кодексе еще какую-нибудь статью. Пройдут месяцы, а может, и годы, пока мне удастся доказать, что я не верблюд.

— Категорически повторяю, в данном случае ваши действия были законными!

Дрейманис вскинул брови.

— Что значит — в данном? А в каком случае незаконные?

— Может, вы еще кого-нибудь встряхнули?

— Встряхнул. Тряс и трясти буду, если понадобится...

Глаза Дрейманиса сузились и стали колючими.

— Вы спортсмен? — решила Фелита изменить тему разговора.

— Был когда-то... теперь я тренер по вольной борьбе. Владею также приемами самбо и каратэ.

— И против женщин тоже?

— Женщины самые опасные противники, — криво усмехнулся Дрейманис, — в особенности привлекательные.

«Странно, — рассуждала про себя Фелита. — Я сделала опасный шаг, дала ему возможность перехватить инициативу разговора и выудить у меня все, что мне известно о расследовании происшествия в Юмужциемсе. Но он не воспользовался этой возможностью. Почему? Ведь он не дурак».

— Ошибаетесь. Женщина умеет достойно оценить силу и благородство мужчины. И если противник этими качествами обладает, то не считает для себя зазорным признаться в поражении.

— Вряд ли! Впрочем, в иных случаях поражение женщины является ее победой.

На солнце напозла большая иссиня-серая туча. Подул ветер. Неподалеку повисла косая завеса мелкого дождя. Туча, а с нею и дождь медленно, но верно приближались к яхте.

— Не пора ли нам закончить эту интересную дискуссию и возвратиться в цивилизованный мир, — шутливо сказала Фелита, — а то доктор начнет за меня волноваться и подымет на ноги спасательную службу.

— Какой еще доктор? — подозрительно покосился Дрейманис.

— Наш судебно-медицинский эксперт. Мы тут вместе отдыхаем.

Дрейманис отреагировал не сразу.

— Вы очень приятная женщина, мне искренне жаль с вами расстаться...

Фелита вновь ощутила холодок под ложечкой, но Дрейманис как ни в чем не бывало взял румпель на себя. Яхта описала плавную дугу, паруса забрали ветер, судно развернулось носом к берегу и стало набирать ход.

Фелита постепенно успокоилась. Где-то поблизости протарахтел мотор. Из пелены дождя вынырнул задраный кверху нос моторки.

XXII

Фирменный экспресс «Видземе» — огромный элегантный автобус «Икарус-люкс», — мягко покачиваясь, мчался по широкому шоссе к Риге. В предрассветной дымке высотные здания города походили на нарядные новогодние елки.

Улдис Стабинь и Лайма в удобных креслах самолетного типа чувствовали себя как в воздушном лайнере. Правда, с той разницей, что никто не предлагал им кислые конфеты и не требовал пристегнуть ремни.

Улдис отвлек свою спутницу от окна неожиданным предложением:

— Лайма, выбери себе нос по вкусу!

Улдис показал ей похожий на карточку спортлото листок с рисунками разнообразных человеческих носов.

Лайма с любопытством оглядела носы, затем недоуменно подняла глаза на Стабиня.

— Меня вполне устраивает мой собственный!

— Ладно, тогда скажи, какой нос был у человека, ехавшего в то утро из Юмужциемса в Ригу.

Лайма напрягла память.

— В лицо я бы его узнала, но в отдельности...

— Ты не смущайся, — подбадривал ее Стабинь. — Может, вот этот? — указал он на длинный острый нос.

— Нет, скорее вот этот.

Нос, которому Лайма отдала предпочтение, был коротким и округлым.

— Вот видишь. — Улдис был явно удовлетворен. — Теперь попытаемся подобрать другие детали лица, — извлек он из портфеля еще несколько карточек.

Лайме понравилась эта игра. Она довольно быстро подобрала рот, глаза, лоб и подбородок. Несколькими карандашными штрихами Улдис выполнил набросок всего лица.

— Послушай, — восхитилась Лайма, — да у тебя талант! Ты же художник!

— Стенгазетный, — рассмеялся Улдис. Раскрыв блокнот, он показал Лайме еще один рисунок.

— Сходство есть! — воскликнула она. — А кто сложил это лицо?

— Фельдшер Ошинь. Он встретил этого мужчину ночью на автобусной остановке в Юмужциемсе.

Улдис спрятал рисунки в портфель. Лайма снова отвернулась к окну. Высокие дома постепенно все плотней обступали автобус, и вскоре город окончательно вовлек экспресс в бурлящую сутолоку автомобильного потока.

— Надо было Петера попросить нарисовать, — повернулась Лайма к Улдису. — Он хорошо рисует.

— Найдем дело и для Петера. Наверно, он уже здесь и ждет нас. — Улдис встал и подал Лайме пальто. — Прошу, миледи.

Автобус остановился. Улдис вышел и подал руку Лайме. С другой стороны к ней подошел Петер, и Лайма, повиснув на локтях обоих молодых мужчин, принялась подпрыгивать, словно расшалившаяся девчонка.

— Будущей даме не положено вести себя столь легкомысленно, — с напускной строгостью сказал Улдис.

Лайма покраснела.

— Петер, приветик! — воскликнула она чрезмерно

экзальтированно, дабы скрыть свое смущение. — Ты давно ждешь?

— Нет, — неуверенно протянул Петер. Он глядел на Улдиса Стабиня и явно недоумевал. В модном светлом костюме Стабинь сейчас больше походил на эстрадного певца, чем на сотрудника милиции.

— Зови меня Улдисом, и, хотя мы не пили на бру-дершафт, будем говорить друг другу «ты». Так надо для дела, — сказал Улдис. Он посмотрел на часы. — Семнадцать минут девятого. Вскоре служивый народ повалит в конторы и учреждения. Гляди в оба!

— Видишь ли, Улдис, — Петер снял очки в черной пластмассовой оправе, протер их и снова надел, — интересующий тебя человек вышел из автобуса здесь, на остановке, и перешел улицу.

— Насколько мне известно, большинство учреждений находится на этой стороне, — усмехнулся Улдис. — Открою вам секрет. Видите машины, стоящие на обочинах? Некоторые из них будут снимать на кино пленку всю улицу в те часы, когда люди идут на работу и с работы...

— Здорово! Тогда улов обеспечен. — Петеру нравился размах мероприятия.

— Цыплят по осени считают, — усмехнулся Улдис. — Вечером посмотрим. Если он окажется в кадре, попытаемся взять под наблюдение, проследим, куда он направился.

Лайма с большим интересом наблюдала за улицей. Нескончаемая вереница автомашин, автобусов, троллейбусов. По широким тротуарам, словно муравьи, взад и вперед сновали пешеходы с портфелями и сумками. Перегоняя друг друга, некоторые из них ныряли в двери магазинов и учреждений. По широкому подземному переходу пестрый поток людей двигался на рынок.

— А что же мы будем делать? — разочарованно вздохнула Лайма, словно ребенок, у которого отняли игрушку. Ей хотелось сразу же приступить к поискам и, конечно, найти убийцу.

Да и Петер тоже уныло глядел на Улдиса. Завтра экзамен, а он тут бездельничает.

— Носов не вешать! — подбадривал своих помощников Улдис. — Сейчас и для вас работенка найдется. Лайма прогуляется по магазинам, заглянет в кафе, потом навестит столовую, мастерскую по ремонту обуви. А ты, Петер, походи по рынку, загляни в пивной бар. Если наткнетесь на след, немедленно звоните по этому но-

меру! Встречаемся здесь ровно в тринадцать ноль-ноль.

Лайма и Петер отправились выполнять свои задания, а Улдис, подойдя к стоянке такси, открыл дверцу свободной машины.

Водитель машинально включил счетчик.

— Куда? — коротко спросил он.

— Никуда, — столь же кратко ответил Улдис и предъявил служебное удостоверение. — Надо бы кое о чем потолковать.

— Пожалуйста, — пожал плечами таксист, выключив зажигание.

— Вы часто бываете на этой стоянке?

— Случается.

— И по утрам?

— Бываю и по утрам.

— А инвалиды садятся без очереди? Скажем, безногие, — продолжал выпрашивать Стабинь.

— Само собой.

— В четверг утром вы здесь не были?

— Нет, я работал в другой смене, — посмотрел шофер на календарь с припиленным к нему графиком.

— А в смене всегда работают одни и те же?

— Нет, у нас скользящий график.

— Посоветуйте, как мне разыскать шоферов, которые в четверг около половины девятого утра были на этой стоянке.

— Надо поехать в парк и объявить по внутренней радиотрансляции. А лучше всего поговорите с бригадирами.

Улдис еще раз поглядел на часы.

— Отвезите меня, пожалуйста, в таксопарк.

Шофер так лихо развернул машину, что шины заверещали. У витрины гастронома маячила понурая фигурка Лаймы.

Стабинь задумался: «С чего мне взбрело в голову, что искать этого типа надо именно там, где он вышел из автобуса? Разумеется, вероятность того, что человек, а инвалид в особенности, будет стремиться выйти поближе к месту работы, велика. Но не исключена и пересадка. А в этом случае очень возможно, что инвалид воспользуется такси. Как это мне раньше не пришло в голову?»

Машина въехала на территорию таксопарка. Человек невысокого роста, размахивая руками, бежал навстречу.

— Что у тебя случилось?! Почему сошел с линии?! — взволнованно кричал он.

Шофер затормозил.

— Вот он все вам и организует.

Предъявив мужчине удостоверение, Улдис сказал:

— Мне необходима ваша помощь.

— Хорошо, пойдете ко мне.

На дверях комнаты табличка «Старший диспетчер. Заместитель командира добровольной народной дружины по охране общественного порядка Н. Левинский».

В комнатухе диспетчера небольшой стол, заставленный разноцветными телефонами... Среди них беспорядочно раскиданы деловые бумаги. Три разномастных стула у стены. «Скорее всего для этого человека кабинет и рабочее место там, где он находится в данный момент», — подумал Улдис. Левинский не предложил посетителю сесть, он и сам не сел.

— Разыскиваете преступника? — быстро спросил он. — Фотография имеется?

Стабинь показал диспетчеру оба наброска и сказал:

— Светлые волосы, широкоплеч, высокого роста, в темно-зеленом костюме спортивного покроя, на ногах коричневые туфли, хромой, вместо правой ноги протез. Около половины девятого утра в прошлый четверг он, возможно, сел в такси у Видземского рынка. Вот и все.

— Трудноватая задача, но попытаемся помочь. Такие дела нам не впервой. Если можно, оставьте мне эти рисунки и приходите завтра утром пораньше. Если только кто-нибудь из наших таксистов вез этого типа, то он будет ожидать вас здесь.

Улдис простился и направился к выходу.

— Габран вас отвезет! — крикнул вслед Левинский. Однако Улдис решил идти пешком.

XXIII

Дрейманис, удобно расположившись на полумягком стуле в кабинете Розниека, настороженно следил за каждым движением следователя.

— Задайте мне все вопросы сразу, — потребовал он.

Было заметно, что Дрейманис нервничает. Широкие плечи поникли, уголки рта опустились.

— С какой стати? — спросил Розниека и подошел ближе. В него впился злой взгляд глубоко посаженных, обрамленных сеткой морщин и жилок глаз.

— Чтобы я мог сосредоточиться и сначала все их обдумать, а потом уж отвечать. Чтобы вы не заманили меня в ловушку.

— А вы ее боитесь?

— Кто же не боится ловушки?

— По-вашему, и честные люди тоже?

— Да. Честные тоже. Запутать можно кого угодно... Розниек с трудом подавил раздражение.

— Почему же в таком случае вы завлекли в ловушку нашу сотрудницу?

— Это не было ловушкой.

— А что же это было, по-вашему?

Дрейманис, пригладив рукой волосы, стал разглядывать пепельницу столь пристально, точно на дне ее таился ответ на неприятный вопрос.

— Я хотел играть на своем поле, по своим правилам. Точнее говоря, вести переговоры на своей территории, — наконец выдавил он.

— И потому не явились в прокуратуру? Оригинально!

— С помощью подобных объявлений вы разыскиваете преступников. А я себя преступником не считаю.

— Почему же в таком случае вы не явились добровольно?

— Опасался, что преступника из меня сделаете вы, — вызывающе глянул он на Розниека.

— Не доверяете нам?

Дрейманис оставил реплику без ответа. За окном слышался мерный шум дождя. Розниек терпеливо ждал.

— При желании меня можно обвинить в смерти человека, — наконец выдохнул Дрейманис.

— Считаете себя убийцей? — пытливо спросил Розниек, пристально глядя на Дрейманиса. Но тот отвернулся, лицо у него пожелтело, под глазами обозначились темные круги.

— Я не юрист. До того, как явиться, хотел выяснить, что мне грозит.

Розниек присвистнул:

— Для этого можно было сходить к адвокату, а не заманивать в море Судрабите.

Дрейманис скептически улыбнулся:

— Откуда адвокату известно, что нагорожено в моем деле?

— Ему известны законы...

— Я бы пошел к адвокату, — кусая пересохшие гу-

бы, резко повысил голос Дрейманис, — имей он право ознакомиться с делом прежде, чем я сдуру чего-нибудь не напутаю.

— Говорящий правду никогда ничего не напутает...

Воцарилось долгое напряженное молчание. «И допрос вроде бы не допрос, а дискуссия, — думал Розниек, — и я вроде не следователь, а Дрейманис вроде не преступник. Словно в кабинете происходит какое-то театральное действо, в котором каждому из актеров надлежит сыграть отрепетированную роль, после чего сойти со сцены». Розниек передернул плечами, словно хотел отделаться от этой навязчивой мысли, затем, взяв бланк протокола, приготовился писать.

— Позволю себе не принять ваше предложение, — твердо заявил он. — Допрашивать вас буду так, как это предусмотрено законом, а не так, как желательно вам. Ваша фамилия Дрейманис?

Во взгляде Дрейманиса вновь проскользнула тревога, но затем он постарался придать лицу равнодушное выражение.

— Да, Эрнест Янович Дрейманис, — криво улыбнулся он.

— В прошлое воскресенье вы ехали на электропоезде и...

— Так точно, — прервал Дрейманис Розниeka, — ехал и потрянул хулигана, бесстыже издевавшегося над пассажирами — женщинами и детьми.

Теперь он говорил связно, кратко и по существу.

— Был ли этот случай «встряхивания» у вас первым?

— Нет! Случалось и раньше. И впредь тоже буду так поступать, если понадобится.

— Почему вы сдавливаете руки выше локтя?

— Чтобы не смогли ударить меня по лицу.

Розниек понимающе кивнул. Похоже, ему удалось нащупать контакт с этим странным человеком.

— Где вы находились в прошлый четверг?

Дрейманис снова напрягся.

— Какое это имеет отношение к делу? — ответил он вопросом на вопрос.

— Спрашиваю здесь я, — сдержанно напомнил Розниек.

Дрейманис брезгливо поморщился.

— Так я и знал, не зря вы старались меня прихватить. В четверг, стало быть?

— Да, да. В четверг.

— Интересно, какие еще смертные грехи вы намерены мне приписать?

— Извольте ответить, где вы были в четверг, чем занимались? Это важно, — спокойно, но настойчиво повторил вопрос Розниек.

— Разве человек способен точно запомнить, где он был и что делал в тот или иной день и час? — Дрейманис уклонился от прямого ответа.

Розниек невольно прислушивался к монотонному шуму дождя. «Вопрос не лишен здравого смысла, — подумал он, — слишком точные ответы, как правило, далеки от истины».

Дрейманис нахмурился, видимо обдумывая, что сказать.

— Во-первых, это был рабочий день. Четверг... — Он достал свою записную книжку и принялся ее перелистывать. — В четверг я должен был проводить занятия с восьми пятнадцати до восемнадцати, с перерывом от четырнадцати пятнадцати до шестнадцати часов. Полагаю, ученики заметили мое присутствие в классе, — осклабился он. — Я же говорил, что мне придется доказывать, что я не верблюд.

Розниек пропустил реплику мимо ушей.

— А вечером?

Дрейманис посчитал по пальцам.

— По понедельникам, вторникам и четвергам с двадцати до двадцати двух пятнадцати у меня занятия со спортсменами. В этом году не было ни одного случая срыва.

— А ночью?

— Об этом надо спросить у моей жены, а еще лучше — у тещи, — повеселев, заявил Дрейманис. — Насколько мне помнится, за последние десять лет я ни разу не ночевал вне дома.

— Еще один вопрос: вы когда-нибудь бывали в Юмужциемсе?

— В Юмужциемсе? — переспросил Дрейманис. — Нет, никогда.

— А знакомые среди жителей Юмужциемса у вас имеются?

Дрейманис и на этот раз помедлил с ответом.

— Похоже, никто из моих знакомых там не проживает.

Розниек подробно записал ответы на бланке, затем поднял глаза на Дрейманиса.

— Возможно, вы знаете или знали ранее некую Катрину Упениеце или же ее мать, Каролину Упениеце?

Дрейманис пожал плечами.

— Нет. Таких не знаю...

Розниек перечитал протокол и придвинул к Дрейманису.

— Прочтите и распишитесь. Это все, что я хотел выяснить.

Дрейманис недоверчиво глянул на следователя.

— Все? А я думал...

— Одернув распоясавшегося хулигана, вы поступили правильно, в полном соответствии с законами и моралью советского общества, — дружелюбно ответил Розниек. — Поступай так каждый, милиции было бы намного меньше работы. Непонятно только, почему вы так упорно избегали встречи с нами?

— Видите ли... у меня уже имеется некоторый опыт.

— Столкновения с законом?

— Ну... не совсем. Я был всего-навсего свидетелем... Хулиган привязался к женщине, и я его... одним словом... доставил в милицию. И пошло: что ни день, то пиши объяснения, заявления; то меня допрашивает инспектор, то следователь, затем вызывают для опознания этого типа. Устраивают очную ставку. Когда передали дело в прокуратуру, все началось сначала. Я едва успевал являться на нужный этаж, в указанную комнату, и все это под угрозой уголовной ответственности за неявку. Словом, полгода меня тягали по этому делу. Соседи и сослуживцы поглядывали на меня с подозрением, а кое-кто и отворачивался при встрече. Жена нервничала, работа не клеилась... Скажите откровенно, разве нельзя было все это проверить покороче и без нервотрепки?

Розниек встал, подошел к окну, раздвинул шторы и открыл форточку. Ветер на дворе усилился. Крупные капли дождя ударяли о мокрую поверхность асфальта и лопались пузырями.

— Когда это произошло? — поинтересовался он, вставая к столу.

— Да лет пятнадцать назад.

— К сожалению, вы тогда попали в руки волокитчиков. Но в тот раз вы были отнюдь не свидетелем, а обвиняемым. — Дрейманис бросил на Розниека недоуменный взгляд. — Да, да, вы его так, грубо говоря, двинули, что он влетел вместе с осколками стекла в витрину и получил тяжкие телесные повреждения.

— Да, но и тот негодяй ни с того ни с сего пристал к женщине, — пояснил Дрейманис. — Когда же я попытался его осадить, так сказать, по-хорошему, он полез в драку. Что оставалось делать? Только тогда у меня не было свидетелей. Женщина сбежала, а этот тип клялся, что я напал на него первым. К тому же в тот вечер я был навеселе после банкета...

Розниек сочувственно покачал головой.

— В жизни всякое случается. Женщина в тот раз поступила точно так же, как в нашем случае поступили вы. Уклонилась от следствия, это пошло вам во вред.

— Показания женщины могли мне помочь?

— Безусловно. Закон освобождает от ответственности того, кто причинил увечье преступнику при самозащите, или защищая других лиц, или принимая меры по охране общественного порядка. Однако мера самозащиты должна соответствовать опасности от реального нападения. Подчеркиваю, реального.

— С тех пор я и не бью, — улыбнулся Дрейманис. — Хватаю за руки и не даю им воли.

— Так-то, пожалуй, оно вернее, — согласился Розниек. Он встал и подал ему руку. Дрейманис тоже встал и в нерешительности помялся.

— Мне бы хотелось извиниться перед Судрабите, — сказал он. — Наверно, я изрядно напугал ее.

— Ваше желание можно только приветствовать. Ее кабинет рядом...

XXIV

По кислым физиономиям Лаймы и Петера Улдис понял, что их поиски успехом не увенчались.

— Носы не вешать! — бодро воскликнул он. — Мы еще увидим небо в алмазах, а преступника — на скамье подсудимых.

Рассказав о своей поездке в таксопарк, Улдис изложил план дальнейших действий:

— Сегодня мы в роли пожарных инспекторов пройдемся по некоторым учреждениям и предприятиям и заодно поищем нашего инвалида. Но первым делом разрешите пригласить вас, дамы и господа, отобедать в первоклассном молочном ресторане.

— С удовольствием! — воскликнула сразу повеселевшая Лайма.

Все трое зашагали по направлению к Стрелковому парку.

Ресторан был и в самом деле великолепен. Он походил на большой белый пароход, пришвартованный к берегу канала и слерка покачивающийся на зеленых волнах газонов. Посетителей было немного.

— Дамы и господа! — Широким жестом Улдис пригласил своих помощников занять свободный столик в углу-террасы. — Здесь нам будет удобно. Что будем есть? — подал он меню Лайме.

— Устрицы и черную икру! — весело отозвалась она.

— И, разумеется, шотландское виски! — добавил Улдис. — Икра в меню числится, виски — тоже. Только не приложу ума, как быть с устрицами? А пока вы тут изучаете ассортимент деликатесов и соответствие их цен нашим финансам, я позвоню в управление.

Набрав номер в телефоне-автомате, Стабинь услышал знакомый голос капитана Соколовского.

— Стабинь говорит.

— Ах это ты, сынок. И где тебя черти носят! Придешь, всыплю по первое число.

— Не томи — выкладывай, что нового?

— Звонил Левинский. Нашли, говорит, таксиста, который вез вроде бы того ночного гостя из Юмужциемса. Приметы, во всяком случае, совпадают.

— Молодец! — крикнул в трубку Стабинь.

— Не подлизывайся.

— Да не ты молодец, а Левинский. Где шофер?

— А ты где?

— В молочном ресторане.

— Так я и думал. Жди, такси минут через двадцать подъедет.

Улдис повесил трубку и в радужном настроении направился на террасу.

— Дорогие товарищи, кажется, фортуна сменила гнев на милость, — радостно сообщил он. — Сейчас подъедет таксист, который вез нашего приятеля от Видземского рынка. Он покажет куда!

— А чего же мы по рынку мотались, если он поехал дальше? — наморщила лоб Лайма.

— Во-первых, нам не было известно, что он оттуда уехал. Во-вторых, нам и теперь еще неизвестно, тот ли это тип, который нам нужен.

— А в-третьих?

— Нам не придется вкушать ни первого, ни второго, ни последующих блюд...

Такси уже пофыркивало у выхода. За рулем сидела худенькая белокурая девушка.

Улдис сел впереди, а Лайма и Петер — на заднее сиденье.

— Да, я везла в четверг плечистого светлоголового инвалида в темном костюме, — не дожидаясь вопросов, сказала девушка. — Сел он у Видземского рынка без очереди. Очень торопился, на часы все поглядывал. Наверное, волновался.

— Говорил?

— Нет, большую часть пути молчал.

— Почему же вы думаете, что он волновался?

— Женская интуиция.

— Что ж, двинем в путь-дорожку, — улыбнулся Улдис, — покажите, куда вы доставили вашего пассажира.

Машина тронулась с места. Короткими отрывистыми движениями водитель переключала передачи и поворачивала руль.

— Прибыли! — Девушка затормозила у кирпичного дома в Старом городе. Дверь украшало несколько вывесок различных учреждений.

— Зря так близко подъехали, — заметил Стабинь. — Обогните квартал еще раз и остановитесь вон у того дома. Я сейчас вернусь.

Улдис выскочил из машины и нырнул в парадное.

На втором этаже он прошелся по коридору, читая таблички на дверях и внимательно рассмотрев фотографии на доске Почета. Мимо сновали работники. У окна что-то горячо обсуждала группа мужчин.

— Скажите, пожалуйста, где комната номер... — Стабинь искусно симулировал смущение.

— Какая? — Молодой человек с продолговатым лицом был явно недоволен тем, что его перебили на самом интересном месте.

— Да вот, записку где-то посеял. — Стабинь засмущался еще больше, продолжая рыться в карманах. — Черт возьми, — нервничал он, — и куда она делась?..

— Кого вы ищете?

— В том-то и дело, что его фамилия была записана на той бумажке.

— Скажите хотя бы, как он выглядит. Или вы и этого не знаете?

На лице Стабиня затеплилась надежда.

— Говорят, инвалид, широкоплечий...

— Хромает на правую ногу?

— Вроде бы да.

— Это Леясстраут — заместитель начальника треста. Пятый этаж, сто тридцать четвертая комната. Только сейчас он, кажется, в министерстве...

Вызвав лифт, Улдис поднялся на пятый этаж, поглядел, где находится кабинет Леясстраута, а затем, уже по лестнице, спустился вниз.

— Вот ведь какая симфония, — проговорил он, усаживаясь в машине. Вынул из портфеля миниатюрную кинокамеру и предостерегающе поднял палец вверх, — теперь глядите в оба. Одну минуточку, — Улдис снова выскочил из машины и, вскоре возвратясь с большим букетом, вручил его опешившей Лайме.

— Возьми, пожалуйста, и держи на виду. Мы должны походить на веселую компанию, которая едет в гости и ждет еще одну запаздывающую даму. Лайма, придвинься поближе к Петеру, чтобы высвободить еще одно место.

Не успел Улдис снова сесть в машину, как Петер взволнованно прошептал:

— Гляди, гляди!

У здания остановилась черная «Волга». Из нее вышел, прихрамывая на правую ногу, мужчина и быстрым шагом направился к двери здания.

— Это он, он, — вцепилась Лайма в плечо Улдиса.

— Он самый! — сказала девушка. — Арестуйте его!

Однако Улдис не последовал совету. Вскинув кинокамеру, он лихорадочно снимал.

XXV

Леясстраут стремительно вошел в кабинет. Часы на отполированном до зеркального блеска письменном столе показывали без четверти девять.

Окинув критическим взглядом кабинет, он остался доволен царившими тут чистотой и порядком. Подошел к большому окну, отдернул тяжелые шторы. Перед хитроумно замаскированным зеркалом он пригладил торчащую русую с проседью прядь, подтянул узел гастука и сел за круглый столик, на котором уже ароматно дымилась чашка крепкого кофе. Леясстраут, просматривая свежие газеты, с наслаждением отпил несколько глот-

ков. Вдруг на большом столе щелкнуло переговорное устройство, и раздался громкий женский голос:

— Ян Карлович, к вам на прием гражданин из сельского района. Говорит, из прокуратуры.

Леясстраут нахмурил густые светлые брови.

— Из прокуратуры сельского района? — Подойдя к письменному столу, он наклонился к микрофону. — Пусть войдет!

Дверь отворилась. Высокий, сутуловатый человек помялся у порога. Леясстраут пошел ему навстречу.

— Садитесь, пожалуйста! Чем могу быть полезен? — показал он на кожаный стул у письменного стола.

— Моя фамилия Розниек. Я следователь прокуратуры. — Розниек достал из кармана ярко-красную книжечку.

— Верю, верю, — замахал руками Леясстраут. — Лучше скажите, что вас ко мне привело?

Розниек подобрал ноги под стул, пристроил руки на подлокотниках, смерил Леясстраута взглядом.

Открытое круглое лицо с коротковатым носом светилося добродушием и вместе с тем излучало энергию и уверенность в себе.

Розниек не знал, как начать разговор, и не понимал, что его смущает. Потом до него дошло: он сидел в чужом кабинете с той стороны стола, где обычно сидят допрашиваемые.

Леясстраут встал, прошелся к окну, затем присел на низкий диванчик напротив Розниека.

— Слушаю вас, товарищ следователь.

— В четверг на прошлой неделе вы приезжали в Юмужциемс, на хутор Межсарги, — начал без обиняков Розниек.

Леясстраут вздрогнул, к лицу прилила краска. Замешательство длилось всего несколько мгновений.

— Откуда у вас такие сведения? — в голосе явственно прозвучали начальственные нотки.

— Я полагал, мы обойдемся без вещественных доказательств. Но если требуется... — Он покопался в портфеле и кинул на столик несколько фотоснимков с отпечатками следов на песке.

Леясстраут внимательно просмотрел фотографии.

— Так, так, — сказал он вдруг весело, — прямо как в детективном кинофильме: следователь отслеживает

преступника. А что, если следователь ошибся и это следы не моей обуви?

Розниек слегка подался вперед, пристально наблюдая за Леясстраутом. Любопытно, Леясстраут не спрашивает, что произошло в Юмужциемсе, а сразу пробует отшутиться.

— Следы ваши, — серьезно продолжал Розниек, — можем сличить их с обувью.

— Ишь какой скорый! — возмутился Леясстраут. — Вы сперва запаситесь санкцией прокурора республики на обыск, вот тогда и поговорим. А для того, чтобы получить санкцию, требуется законное основание.

— Такое основание есть, — спокойно ответил Розниек.

— Тогда, может быть, скажете, в чем оно состоит? — нетерпеливо выпалил Леясстраут. — Что именно привело вас ко мне?

— Хотя хозяин этого кабинета вы, но вопросы буду задавать я, — вежливо, но твердо заметил Розниек. — Ответьте, пожалуйста, в четверг на прошлой неделе вы были в Юмужциемсе на хуторе Межсарги?

Леясстраут зажег сигарету и глубоко затянулся. Он молчал. Розниек внезапно ощутил, что напряжение ослабевает, словно бы лопнула некая пружинка в психологическом механизме разговора.

— Можете, конечно, и не отвечать, ваша поездка в Юмужциемс не вызывает никаких сомнений. — Он достал из портфеля и положил на стол еще несколько снимков. Это были фотографии кусочков хлеба и сыра со следами зубов, а также гипсовых отливок зубов. — Эти визитные карточки вы оставили в Межсаргах, а вот на этих предметах есть также и отпечатки пальцев. — Розниек бросил словно карты еще два снимка: коньячной бутылки и коробки конфет «Ассорти». — Вам эти предметы знакомы. Если угодно, есть и два свидетеля — кондуктор автобуса и студент. Они видели, что вы вошли в автобус в Юмужциемсе. Вы с ними вместе ехали до самой Риги.

Розниек наблюдал за Леясстраутом. Бесследно исчезло начальственное высокомерие. Лоб повлажнел, наморщился, на виске пульсировала набухшая вена. Леясстраут отодвинул остывший кофе, резко встал и с напускной безысходностью развел руками.

— Ну, хорошо, допустим, я в молодости жил и работал в этом вашем Юмужциемсе. А теперь съездил на-

вестить знакомых. Что же в этом факте достойно внимания сельского Шерлока Холмса?

— Странный визит, — пропустив колкость мимо ушей, усмехнулся Розниек. — Приехали вечером, а посреди ночи уже отправились в обратный путь.

Леясстраут насторожился.

— Что, разве и в лесу за мной была слежка?

— Нет, зачем же. Вас заметил человек, когда вы долго ожидали автобуса на остановке. Помните? Вам он не знаком?

— Похоже, где-то видел его раньше.

— И не хотели, чтобы он вас узнал. Поэтому не поддерживали разговор.

— Опять подозрения. Да скажите же в конце концов, что означает этот спектакль?

— Меня интересует, что вы делали той ночью в Межсаргах? И почему так внезапно уехали?

— Вам не кажется, товарищ следователь, что любой гражданин имеет право хранить в тайне все то, что относится к его личной жизни? — Леясстраут высказал это хотя и негромко, но с раздражением.

— Бесспорно. И тем не менее не понимаю. Вы столько лет живете в Риге и ранее никогда не ездили...

— И тут ни с того ни с сего вдруг роман где-то в Юмужциемсе, на старом хуторе Межсарги... — У Леясстраута, видимо, начали сдавать нервы. — Да, действительно, уму непостижимо! Разве мало женщин в Риге? Неужто обязательно ехать куда-то к чертям на кулички?! — Он вновь закурил и умолк. Затем уже в другом тоне добавил: — Катрина была моя первая и самая большая любовь. Разве мог я не поехать, когда она меня позвала?

В кабинете долго царила гнетущая тишина.

— Извините, — выдавил наконец Леясстраут. — Не знаю уж, поймете вы меня или нет, и все же я попрошу... У меня жена, двое детей...

Розниек задумался. Несомненно, Леясстраут той ночью был в Межсаргах. Рассуждая логически, да и в соответствии с имеющимися доказательствами, очевидно, имелась прямая связь между его поездкой туда и смертью обеих женщин. Не исключена и возможность его вины в двойном, хорошо замаскированном убийстве. В лучшем случае он свидетель разыгравшейся в Межсаргах трагедии.

— Расскажите, пожалуйста, что вы делали в четверг

ночью в Межсаргах? — чеканя каждое слово, еще раз задал вопрос Розниек.

Леясстраут недоуменно пожал плечами.

— Не понимаю, для чего вам это знать?

— Потому что Катрина Упениеце и ее мать в эту ночь были убиты. — Следователь внимательно наблюдал за выражением лица Леясстраута.

Леясстраут внезапно побледнел. К бледности обескровленного лица добавилась восковая желтизна. В мгновение ока он постарел, осунулся. Едва шевеля онемевшими губами, Леясстраут попросил Розниека распахнуть окно. Какое-то время он сидел неподвижно, опершись на подлокотник дивана. Затем, мало-помалу придя в себя, с трудом поднялся, тяжело ступая, подошел к сейфу и вручил Розниeku несколько конвертов.

— Вот письма. Следствию они пригодятся. Я... сейчас не в состоянии что-либо вам рассказать...

XXVI

Подобно врачу, следователь тоже изучает человека. Но если первого интересует преимущественно физическое здоровье, то второго — моральное. Больной не боится врача, он ему помогает. Но перед следователем редко обнажают душу и сердце, в особенности морально больные люди — преступники. Очень редко они сознают, что именно следователь и есть тот лекарь, который способен помочь их исцелению. Следователю приходится самому проникать в интимнейшие лабиринты души, отыскивать тропки, ведущие к правде, к откровенности, а затем и к выздоровлению. Работа трудная и неприятная. Но такова уж профессия следователя.

Розниек извлек из ящика стола письма Катрины Упениеце Леясстрауту, разложил их по датам и еще раз внимательно перечитал, задумываясь над каждым словом.

«Здравствуй, дорогой мой Янис!

Прости, что осмелилась так к тебе обращаться, но мы же с тобой друзья юности, потому думаю, что имею право. Я безмерно счастлива, что ты жив и здоров. Здесь все считали тебя погибшим на войне, но я не смогла в это поверить. Сердечно поздравляю тебя с юбилеем! Видела твой портрет и биографию в журнале. Я так счастлива, что нашла тебя, словами этого не высказать.

Хочу тебя увидеть. Но сейчас приехать в Ригу не могу, не могу мать оставить одну, да и в колхозе работы по горло. Если ты не стал слишком гордым, напиши мне хоть несколько строчек в ответ, буду очень рада получить весточку от тебя.

Катяня.

Надеюсь, что еще не совсем меня позабыл.
Межсарги, 11 апреля 19... года».

Розниек отложил письмо в сторону и стал читать следующее.

«Дорогой мой, милый Яночка!

Только что получила твое письмо. Рада ему бесконечно. Теперь в моей жизни появился совсем другой смысл. Я знаю, у тебя есть семья, своя жизнь. Я ничего не требую, пойми меня правильно. Но ты вернул мне молодость. То, что ты жив и что я тебя увижу, придает мне новые силы жить и работать.

Дорогой мой Яночка, очень бы хотелось съездить в Ригу и встретиться с тобой. Но ты ведь очень занятой человек, большой начальник. Быть может, все давно позабыто?

Жизнь моя течет, как говорят, через пень колоду. Мать совсем спятила. Снова взялась за старое. Словом, тут творится такое, что в письме описать невозможно. Только один ты можешь мне помочь. Ты для меня всегда был самым дорогим и близким человеком. Яночка, найди время и приезжай! Мне очень нужен твой умный совет. Посетим дорогие нам места — сходим к большому обрыву, к старому дубу. Лето уже близко, и там опять будет очень красиво.

Катяня.

Межсарги, 20 апреля 19... года».

«Дорогой Яник!

Опять я тебе пишу. Послала два письма, а ответа как не было, так и нет. Может, почта плохо работает? Не дождавшись тебя, кое-что предприняла по своему разумению так, как, по-моему, поступил бы и ты. Может, я заблуждаюсь; столько ведь лет прошло. Это письмо посылаю с нашим бригадиром. Она едет в Ригу на совещание и опустит письмо на главном почтамте. Так что его ты уж получишь обязательно. Если ответа не получу, то,

выходит, ты больше знать меня не хочешь. Хотя никогда я в это не поверю. Наверно, твоя работа и семейное положение не позволяют со мной переписываться. И все-таки приезжай. Это не прихоть. Это моя большая просьба.

Кате.

Межсарги, 18 мая 19... года».

Последней была телеграмма третьего июня.

«Яник писем нет приезжай срочно надо поговорить. Катыня».

Розниек провел рукой по лбу и погрузился в раздумье.

Итак, получив телеграмму, Леясстраут сразу же отправился в путь. Примечательно, что он не воспользовался служебной машиной, а поехал автобусом. Очевидно, не хотел привлекать к себе внимания. Неужели Леясстраут, получив письма Катрины, не стал бы ей отвечать? Возможно. Но ведь ответил на первое? И о чем надо было Катрине столь срочно поговорить с ним? Что скрывает за собой строка письма: «...тут творится такое, что в письме описать невозможно»? И что Катрина успела предпринять «по своему разумению»? Вряд ли она стала бы писать письма и посылать телеграмму без серьезного повода. Но, может, телеграмма послана с умыслом — заставить Леясстраута приехать в Юмужциемс? И все-таки тут кроется нечто загадочное. Но что?.. что?.. что?.. Упершись коленями в письменный стол, Розниек слегка покачивался.

Леясстраут поехал в Юмужциемс тайком. Не исключено, что лишь для того, чтобы раз и навсегда поставить точки над «и», то есть положить конец связи с Катриной Упениеце. Былое перегорело, остыло, и возврата к нему не было. Оно могло только повредить. Почему в таком случае он повез в Межсарги столь щедрый гостинец? Стоп! Розниека вдруг осенила догадка. «А что, если в шоколадные конфеты что-то подмешано? Они остались нетронутыми. И, возможно, поэтому Леясстраут выбрал другой путь. Сомнительно, но тем не менее конфеты надо проверить, на всякий случай назначу экспертизу...»

Розниек нажал кнопку селектора.

— Вызывайте! — коротко приказал он секретарю.

Леясстраут вошел медленно и тяжело. Вид у него был изрядно помятый. Ранее элегантный костюм теперь выглядел мешковатым. Зато поседевшие виски вполне гармонировали с морщинами на бледном лице. Нос заострился, глаза ввалились и погасли.

— Садитесь, пожалуйста! — Розниек встал и указал на стул по другую сторону стола. — Надеюсь, мы сможем продолжить наш разговор?

Леясстраут утвердительно кивнул головой и сел.

— Стало быть, Катрина Упениеце и ее мать ваши знакомые с довоенных времен? — Розниек достал из ящика голубой бланк протокола.

— Да. У Каролины Упениеце я в свое время батрачил. В ту пору вся округа величала ее помещицей. А Катрине... — Леясстраут умолк и украдкой вздохнул.

— Почему вы не возвратились в Юмужциемс сразу после войны?

— Да, Кате я действительно очень любил, — закончил мысль Леясстраут. — Это длинная и печальная история. Несколько лет я провалялся сначала в госпиталях, а затем в санаториях. Осколки снаряда попали не только в ногу, но и в легкие... Женился на медсестре, которая ухаживала за мной, как за малым беспомощным ребенком. У своей жены я в неоплатном долгу до конца жизни... Честно говоря, я боялся снова встретить Катрину. Это не так просто...

— И вас нисколько не интересовала судьба Катрины Упениеце?

Леясстраут опустил голову.

— Разве мало семей распалось во время войны? А мы ведь не были даже зарегистрированы. Судьба Катрины, конечно, меня интересовала. Приехав, я узнал, что она, как и раньше, проживает в Юмужциемсе. Я даже видел ее издали. Узнав, что числюсь здесь в списках погибших на войне, решил, что так для Кате будет лучше. И если бы не моя фотография в журнале...

— Я вас сегодня не допрашивал бы.

— Не в этом дело. Я думаю, возможно, Кате осталась бы жива.

— Вы связываете смерть обеих женщин с вашей поездкой?

Леясстраут медлил с ответом. Он тоскливо поглядел в окно и глубоко вздохнул:

— И да и нет, сам не знаю. Попытаюсь рассказать вам все по порядку.

Катрина не скрывала своей радости.

— Янка!.. Все-таки приехал...

— Как видишь, приехал, Кате.

Леясстраут порылся в портфеле и выставил на стол бутылку французского коньяка и большую коробку шоколадных конфет.

— Какая роскошь! — всплеснула руками Катрина. — В молодости мы такого и не видывали... И сегодня не притронемся. Спрячу в чулан, буду лакомиться и вспоминать большого человека в Риге, бывшего моего Янку, батрака хозяйки.

— Где она теперь? — поинтересовался Леясстраут.

— Тут рядом, на лежанке. Никакая она больше уже не хозяйка. Состарилась, оглохла, почти ничего не видит. Все только бухтит и бухтит без конца.

Катрина подошла к двери и прикрыла ее.

— Вот она, жизнь, какая... все наши мечты нарушила.

— При чем тут жизнь. Виновата хозяйка. Разве ты забыла?

— Молоды были тогда и глупы...

Они стояли посреди комнаты и глядели друг на друга.

Внезапно Катрина спохватилась.

— Господи, что же мы тут стоим! Садись, Янис, а я кое-что поищу.

Проворно, как в былые времена, она вскочила на табурет и принялась шарить на верхней полке. Все такие же стройные ноги, стан как у девушки, только поседела изрядно.

— На-ка, поставь на стол! — Катрина подала ему бутылку и какую-то снедь.

Лицо вроде бы то же и не то. Годы и пережитое оставили на нем свой отпечаток. Нет и длинных тяжелых кос, так украшавших эту горделивую головку. Да, минуло более двадцати лет. И не омолодит былую красавицу даже белое платье, надетое Катриной по случаю столь торжественного события...

И все-таки что-то к ней притягивает... Что? То ли прежняя Кате с ее нерастраченной, годами копившейся любовью? Или любовь к давнему, хранимому памятью образу? Ответом на этот вопрос прозвучал голос Катрины:

— Садись, милый, за стол. Давай хоть ненадолго побудем прежними, как тогда, Янкой и Кате.

Леясстраут поднял стакан:

— За нашу старую любовь!

— И за тайну, — добавила Катрина.

Водка разогрела кровь. Янис привлек к себе Катрину и поцеловал...

Две костлявые руки, будто клещи, вцепились Леясстрауту в плечи.

Он сразу обернулся, вскочил на ноги. Перед ним стояла горбатая старуха с перекошенным злобой лицом.

— Проклятущий! — шипела старая. — Хочешь мою дочку заграбастать? Не дам! — вопила Каролина мерзким пронзительным голосом, потрясая костлявыми кулаками. Трудно было узнать в этом иссохшем чучеле хозяйку...

— И тогда вы в припадке слепой злости схватили старую Упенице за руки и принялись трясти?

Вопрос Розниек вернул Леясстраута к действительности. Словно спросонок, он уставился невидящими глазами на следователя, как бы желая стряхнуть сонную одурь.

— Возможно, вы были слишком возбуждены, ослеплены злобой, защищались? — спросил Розниек.

— Нет, нет, ничего подобного. Никогда в жизни я не поднимал руку на женщину. Обе они остались в комнате...

— А вы бежали через окно. Почему?

— Нет, я вышел в дверь. Хотя окно я раскрыл еще до этого. Было душно.

— Кто же воспользовался окном? Куст под окном был помят, и под ним обнаружена брючная пуговица.

— Не знаю. Я вышел через дверь.

— Дверь оставили раскрытой?

— Кажется, захлопнул.

— В комнате, кроме вас троих, никого больше не было?

— Никого.

Розниек задумался.

— Быть может, когда вы схватились с ее матерью, Катрина выскочила в окно?

— Я же сказал: никакой борьбы не было. Я ушел, а обе женщины остались.

— Тогда, может быть, Катрина схватила мать за руки и трясла, покуда не вытряхнула из нее жизнь? Потом выскочила и побежала топиться.

— Катрина утонула?

— Да, но перед этим была основательно избита.

В комнате снова наступило молчание. Леясстраут обеими руками стиснул виски.

— Кате не могла совершить ничего подобного, — глухо и медленно проговорил он. — Она была для этого слишком мягка и уступчива. Но ведь никого больше в доме не было. Следовательно, все против меня. Выходит, виновен во всем я.

— Выходит, так, — согласился Розниек.

Прежде чем начать писать протокол, Валдис еще раз тщательно обдумывал ситуацию: «С какой стати верить Леясстрауту на слово? Только потому, что он начальство, бывший фронтовик, имеет награды? Несомненно, Леясстраут не из потенциальных преступников. Но если рассмотреть вопрос с другой стороны, у Леясстраута были основания ненавидеть свою бывшую хозяйку. Это раз. Его первая и, вероятно, самая горячая любовь втоптана ею в грязь — два. И вот теперь, когда давние чувства снова вспыхнули, она снова тут как тут и обрушилась на него с оскорблениями. Надо было обладать воистину стальными нервами, чтобы не схватить старую каргу и не вытрясти из нее душу. Но у него, прошедшего войну, четырежды раненного, потерявшего ногу, нервы ни к черту. А что было дальше? Катрина в ужасе убегает. Леясстраут пытается ее догнать, но протез, проклятый протез... Обезумевшая от страха Катрина бежит к реке, бросается с моста, расшибается о камни и тонет. Вполне логичная и правдоподобная версия».

Валдис пристально еще раз поглядел на Леясстраута, понуро сидящего по другую сторону стола.

Все вроде бы гладко, как говорится, без сучка и задоринки. Пиши, Валдис, протокол с чистой совестью... Чего же ты отложил ручку в сторону? Ах, тебе еще не совсем ясно, почему человек, который, казалось бы, приперт к стенке, все же не признается, хотя бы для того, чтобы облегчить свою участь?..

Ишь чего захотел! Леясстраут человек умный, образованный, знающий законы. Он понимает, что установлен только факт пребывания его на хуторе в ту трагическую ночь. Однако доказательств, что именно он совершил преступление, у меня еще нет. Будь они, я бы их предъявил. А в таком случае у него есть шанс выйти сухим из воды.

Если же он признает, что в минуту душевного потрясения поднял руку на старуху даже без умысла убить,

все равно отвечать придется. И тогда все достигнутое — семейное счастье, общественное положение, высокий пост — все, все летит прахом.

Нет, далеко не каждый в подобной ситуации решится пойти на признание. Вот почему Леясстраут с самого начала отрицал знакомство с Упениеце и свое присутствие в ту ночь в Межсаргах...

Розниек исписал один лист, отложил в сторону и взял чистый.

— Расскажите, пожалуйста, о чем вы в тот вечер беседовали за столом с Катриной Упениеце?

Леясстраут подавил вздох.

— Я уже сказал: говорили о прошлом.

— Вы не интересовались, почему Катрина так спешно и настойчиво вас вызывала в Юмужциемс?

— К сожалению, старуха помешала.

Следователь озабоченно посмотрел на часы, снял телефонную трубку и набрал номер.

— Инта, ты? Знаешь...

— Знаю, — ответила Инта. Голос у нее был слишком уж спокойный. — На концерт сегодня ты, конечно, пойти не можешь. Так я и предполагала. Опыт есть, не первый раз. Можешь не волноваться. Я пойду одна. — И трубка стала попискивать.

XXVII

Покой и тишина кладбища вселяли чувство тревоги. Розниек ощущал это каждым своим нервом. Слабый ветерок перегонял опавшие листья с одного могильного холмика на другой. Расплывчатые ватные тучи часто заслоняли солнце, и не понять было — распогодится или сызнава зарядит дождь. Могила Катрины и ее матери находились рядом. У могилы, понуро опустив плечи, стоял Леясстраут. Лицо землисто-серое, под глазами глубокие складки.

— Даже здесь хозяйка продолжает стеречь Кате. — Он положил розы на могилу Катрины. — Неужели я никогда и не узнаю, о чем ей так надо было со мной поговорить?

Розниек держался немного в стороне.

— Мне кажется, вас тогда это не так уж интересовало.

Леясстраут невесело улыбнулся.

— Судите по тому, что я ушел, так и не спросив, что

у Кате на сердце? Вы правы. Такие телеграммы ни с того ни с сего не посылаются. Если бы мы всегда и во всем поступали обдуманно, никогда не приходилось бы сожалеть о своих поступках.

— А жизнь стала бы вконец скучной, — добавил Розниек. — Погасли бы все чувства, у людей не осталось бы ни радости, ни печали, ни злости, не возникали бы моменты такого возбуждения, когда человеку трудно контролировать свои действия. Мы превратились бы в роботов, совершающих лишь запрограммированные поступки.

Слова Розниeka согнали грустную улыбку с лица Леясстраута.

— Присядем лучше там, — указал он на скамью у гравийной дорожки. — Здесь самое подходящее место для откровенного разговора.

Розниеку стало ясно, что от расставленных сетей придется отказаться. Он злился на себя за сочувствие, испытываемое к Леясстрауту.

— И опять же вы правы, — продолжал Леясстраут. — Не обдумав свои действия, мог же я, охваченный злобой, вытряхнуть душу из старухи Упенице. Много ли ей надо. А поводов для этого у меня было хоть отбавляй. У вас действительно имеются все основания для подозрения, но, смею вас заверить, соверши я это, у меня хватило бы силы воли для признания.

— И вы из-за этой старой кулачки, морального уroda, отказались бы от всего, что вам дорого?

Леясстраут молчал, но глаза его красноречиво говорили сами за себя. В них были горечь и боль.

Розниеку стало как-то не по себе.

— Пора ехать! — услышал он басовитый голос Леясстраута.

Они шли молча. По дороге встречались вполголоса разговаривающие между собой люди. Безмолвно несли почетный караул стройные сосны. Над могильными плитами молитвенно застыли туи.

Розниеку долго не удавалось собраться с мыслями, но в конце концов он снова заговорил:

— Восемнадцатого мая Катрина Упенице писала о том, что послала вам два письма, но не получила ответа. В телеграмме она также сообщает, что писем нет.

Леясстраут потряс головой, словно хотел стряхнуть тягостное уныние.

— Об этом мне самому хотелось поговорить с вами.

На первое письмо я ответил немедленно. И на второе тоже, но второго письма она не получила. Я тоже писем больше не получал, хоть и послал еще два. И вдруг получил письмо от восемнадцатого мая. Оно было опущено в Риге. Кате писала, что отдала его бригадиру с просьбой опустить на главном почтамте. Телеграмма тоже была отправлена из райцентра.

Собеседники незаметно дошли до кладбищенских ворот.

— Стало быть, пропали четыре письма — два Катрины и два ваших?

— Пять. На последнее письмо я тоже ответил, но от Катрины ответа не дождался. Вряд ли это случайность!

Розниек, что-то прикидывая в уме, спросил:

— Есть ли какие-нибудь доказательства, что вы действительно посылали письма?

— Какие могут быть доказательства, если я сам лично опускал их в ящик на углу улицы? Хотя, впрочем... постойте-ка!.. Кажется...

Леясстраут дрожащими пальцами начал рыться в бумажнике.

— Вот! — протянул он Розниеку голубую квитанцию. — Последнее письмо я отправил заказным.

Розниек внимательно рассматривал квитанцию.

— Датирована... двадцать третьим мая.

— Следовательно, на юмужциемской почте должна иметься роспись получателя.

— Безусловно. А вы убеждены в том, что полученные вами письма были написаны рукой Катрины Упениеце?

— Абсолютно! По содержанию, стилю, по тому, как она меня встретила.

— А по почерку?

— В те давние времена мы ведь не переписывались. Но идентичность почерка, как мне известно, легко может установить экспертиза.

— Разумеется, если только нам удастся в конторе колхоза найти образцы почерка Катрины Упениеце.

— В конторе? А почему не дома?

— Хутора Межсарги больше не существует — сгорел дотла.

— Сгорел? — остановился Леясстраут.

— Вы об этом не знали?

— Когда это произошло?

— В понедельник ночью — спустя три дня после смерти Катрины и ее матери.

Леясстраут горестно усмехнулся.

— Эх вы... никому не верящие следователи! В понедельник утром я вылетел в Москву. Находился там четыре дня. Сжечь Межсарги я не мог бы при всем своем желании.

— На поджигателя вы непохожи, — сказал Розниек. — Только вот письма ваши Катрине, если ухитрилась перехватить Каролина Упенице, могли сгореть.

— Могли! Но куда в таком случае девались письма, адресованные мне?

— Вы уверены, что они были отправлены?

— Кате никогда не была лгуньей.

— Это не аргумент. Вы говорили, что, не доверяя секретарше свои письма, отправляли их сами. А какой вы указывали обратный адрес?

— Служебный. Я депутат, письма приходят отовсюду. Многие пишут по нескольку раз, дополняя ранее посланную просьбу или благодарят за оказанную помощь. Письма Кате не вызвали бы подозрений секретарши.

— А разве письма вам вручаются нераспечатанными?

— Секретарша вскрывает только служебную переписку, но не депутатскую и личную.

— Кто она и как к вам относится?

— Женщина средних лет. Ко мне относится хорошо, обязанности свои исполняет старательно... — Леясстраут, похоже, что-то обдумывал. — Знаете, раньше я не придавал этому значения. Но она старается привлечь мое внимание, не упускает возможности блеснуть остроумием, ярко одевается.

— Вот видите. Значит, могла интересоваться вашей перепиской. Знакома она с вашей женой?

— Жена изредка заходит ко мне на работу. Думаете, она передала письма жене, чтобы убить сразу двух зайцев? Вряд ли.

— Женщины народ сложный.

— Думаете, жена не дала бы мне понять, узнай она что-нибудь?

— Это еще вопрос. Мы никогда не знаем, что у них на уме.

Они вышли за ворота, где их поджидала машина.

— Прощу. — Леясстраут распахнул дверцу.

— Благодарю, — отрицательно покачал головой Розниек. — Пройдусь пешочком и все спокойно обмозгую. А к вам просьба: перед отъездом загляните к нам. С ва-

ми хочет повидаться прокурор Кубулис. Кроме того, нам надо будет встретиться с одной вашей старой знакомой и вместе поговорить.

— Старой знакомой? — удивился Леясстраут. — Разве кто-нибудь меня тут еще помнит?

Розниек загадочно улыбался.

XXVIII

Бабушка Салинь вырядилась как на праздник. Не каждый день ей доводилось бывать у следователя «по делу». Она долго глядела на Леясстраута, потом вдруг спросила тихонько:

— Янка, сынок, да неужто это ты? Бедная Кате! — По морщинистой щеке старушки скатилась слеза. — Бедняжка, видать, не суждено ей было, не суждено...

Леясстраут обнял своими большими крестьянскими руками щуплую старушку. Так они и стояли, припав друг к другу. Крупный коренастый мужчина и хрупкая старушка.

Эта сцена вызвала в воображении Розниека совсем другую картину, чем-то похожую и в то же время абсолютно иную по смыслу. В ней также перед Леясстраутом стояла немощная старая женщина, злобная и агрессивная. Удалось ли ему тогда сдержать в узде свой естественный гнев?

Леясстраут, взволнованный неожиданной встречей, сел без приглашения на ближайший стул.

Розниек достал из портфеля старомодный семейный альбом и придвинул свой стул к стулу старушки.

— Товарищ Леясстраут, — сказал он, — посмотрим старые фотографии! Быть может, в этом альбоме найдется ключ к нашему ребусу. Альбом этот принадлежал обоим Упениеце. Нашли в Межсаргах.

Розниек стал перелистывать альбом.

— Бабушка Салинь, назовите, кого из этих людей вы знаете, — сказал он.

Старушка надела очки и стала внимательно рассматривать фотографии.

— Вот это — Каролина, еще в девушках, рядом с матерью.

Розниек перевернул страницу.

— Возможно, кого-нибудь из этих узнаете? — Он подал старушке групповой снимок с подписью внизу: «Рундальский дворец».

Мамаша Салинь долго приглядывалась, потом придвинула очки поближе к глазам.

— Да, многих тут я знавала, — сказала она. — Этот — Марцис Вецгайлс, на войне пропал. Это — Петерис Лапинь, после войны был бригадиром в нашем колхозе.

— Он и сейчас там работает? — раскрыв блокнот, спросил Розниек.

— Что вы! — замахала руками бабушка Салинь. — Лет, почитай, пять как помер. Стар он был и хворый. А вот и барыня наша, а с нею рядом — да это же он, ей-богу, Хлыщ! Ишь как к ней притулился!

— Хлыщ? — Розниек всмотрелся в снимок, а затем протянул его Леясстрауту. — Вы помните этого человека?

— Помнить-то помню, — подтвердил Леясстраут. — Но как он тут очутился? Он же вроде птицы перелетной — приедет, поживет, уедет. На людях показываться не любил. Хозяйка писала ему письма и чаще всего сама ездила в Ригу.

— Откуда вам известно о письмах?

— Я отвозил письма на почту. На конвертах было написано: «Господину Круминю. Рига, улица Марияс, тридцать девять, квартира двадцать семь», или наоборот: «Дом двадцать семь, квартира тридцать девять».

— Значит, говорите, господину Круминю, — повторил Розниек. — Улица Марияс, тридцать девять, квартира двадцать семь или дом двадцать семь, квартира тридцать девять.

Леясстраут удивленно обернулся к Розниеку, но ни о чем не стал спрашивать.

Следователь вновь вручил альбом бабушке Салинь.

— Посмотрите, пожалуйста, до конца, может, еще попадется этот Круминь или какая-нибудь знакомая личность.

Вскоре бабушка Салинь воскликнула:

— А вот, сынок, погляди-ка! Вот он самый и есть — Хлыщ с Каролиной на мотоцикле.

— У Круминя был мотоцикл? — спросил Розниек.

— Раза два приезжал на нем, — ответил Розниеку Леясстраут, — английской или немецкой марки. Хозяйка уезжала вместе с ним в Ригу и жила там по нескольку дней. Лишь тогда мы с Кате, бывало, могли вздохнуть свободно.

— Более никого не знаю, — заявила бабушка Салинь, возвращая альбом.

Розниек, пошарив в портфеле, достал металлическую чернильницу — индейца с конем у колодца.

— Отличная вещь! — восхитился Леясстраут. — Антикварная. Где приобрели?

Бабушка Салинь поправила съехавшие на нос очки и восторженно вскрикнула:

— Как живые!

Розниек, убедившись, что оба они видят этот предмет впервые, все же спросил на всякий случай:

— А раньше вы никогда этой штучки не видели?

— Нет, — согласно ответили оба.

Розниек вынул бланк протокола, уселся поудобней за стол и начал писать.

Леясстраут задумчиво стоял посреди комнаты.

— Я понимаю, — сказал он, глядя почему-то в потолок. — У вас есть свои служебные секреты, которые разглашению не подлежат. И тем не менее у меня к вам просьба. Мне не безразлична судьба Катрины, потому я хочу знать все до конца... Безусловно, когда это станет возможным... Если я смогу чем-либо быть полезен, всегда к вашим услугам, в любое время.

Розниек продолжал писать.

— Сейчас мы проверяем новую версию. Обещаю, если дело прояснится, вы все узнаете. А за предложенную помощь — благодарю.

Леясстраут размашисто подписал протокол и придвинул листок мамаше Салинь, затем быстрым взглядом окинул комнату, словно желая убедиться, что ничего тут не забыл, и, прихрамывая, направился к двери.

Бабушка Салинь засеменила вслед за ним.

XXIX

До войны улица Марияс была замощена булыжником. Магазинов и лавчонок на ней было великое множество — больших и малых, торговавших всякой всячиной.

Со звонким цокотом мчались пролетки легковых извозчиков, мелькали желтые спицы высоких тонких колес. Толстые кучера в черных кожаных фартуках чинно восседали на передках и время от времени, больше для порядка, охлестывали лошадей кнутом. Глаза лошадей сбоку были прикрыты шорами, дабы не глядели по

сторонам и не пугались неуклюжих автомобилей и трамваев с открытыми площадками, со звоном и лязгом тащившихся по рижским улицам.

Босоногий мальчишка Арвид Кубулис носился по этим улицам в ораве таких же, как он, пострелят. Летом катался, примостясь на задней оси колясок, а зимой на коньках, зацепившись проволочным крюком за извозчичьи сани.

По этой самой улице Марияс шагал Кубулис в день Первомая сорок первого года, а в июне шел с комсомольским отрядом на фронт. За послевоенные годы преобразилась старая улица. Просторные витрины магазинов, вместительные автобусы и троллейбусы, юркие «Москвичи», «Жигули» и «Волги» нескончаемыми вереницами мчат в обоих направлениях по гладкому асфальту.

Хорошо зная довоенную улицу Марияс и многих ее жителей, Кубулис отправился в Ригу сам. В доме тридцать девять с тех давних пор и по сей день проживал друг детства Кубулиса. Прокурор решил поначалу не обращаться в официальные инстанции, не рыться в архиве, как обычно поступают в таких случаях. Он хотел сперва выяснить по возможности больше о Кришьяне Крумине, или Хлыще, некогда наезжавшем в Юмужциемс к Каролине Упениеце. У него не было уверенности, что Круминь имеет какое-то отношение к смерти обеих Упениеце. Однако проверить необходимо каждую версию.

На тридцать девятом доме давным-давно другой номер, да и выглядит теперь это здание совсем иначе.

В списке жильцов Кубулис, к своему удовлетворению, обнаружил то, что искал: «И. Думинь, квартира одиннадцать». Там же, где и раньше.

Дверь долго не открывали. Затем послышались шаркающие шаги и сонный мужской голос:

— Кто там?

— Скажите, пожалуйста, Илмар Думинь дома?

— Сейчас отопру. — Замок щелкнул, и перед Кубулисом предстал старый, сгорбившийся человек с сухой желтой кожей и впалыми щеками.

— Мне нужен Илмар Думинь, — повторил Кубулис.

Человек подозрительно оглядел Кубулиса с головы до ног и на вопрос ответил вопросом:

— Зачем он вам?

Кубулис замялся. Не так уж удобно разговаривать через порог, а войти его не приглашали.

— Меня зовут Арвид Кубулис. Когда-то в детстве мы дружили. Я жил в соседнем доме...

Старообразное лицо человека сразу изменилось, разгладились морщины, сердитые глаза подобрели.

— Не узнаешь? Да, здорово я постарел!

— Илмар! Неужели это ты? — Кубулис был потрясен. Вот что сотворило время с некогда стройным и подвижным пареньком!

— Заходи, заходи! — Илмар Думинь отступил на шаг, пропустил Кубулиса и запер дверь.

Все тут до боли знакомое. Только на однотонных светло-коричневых стенах появилось несколько современных гравюр, и комната обставлена рижской «Юбилейной» мебелью с витриной и широкой секцией.

— О, у тебя масса отличных книг! — воскликнул Кубулис и направился к секретеру.

— Теперь, дружище, времени у меня хоть отбавляй. Только тем и занимаюсь, что книжки читаю да дочке помогаю по хозяйству. Доктора запретили работать, дали вторую группу. Что поделаешь — инвалид!

— Это где же ты так?

— Известное дело, в Освенциме.

— В Освенциме?!

— Отец у меня, если помнишь, был железнодорожником...

— Как не помнить!

Пригласив Кубулиса сесть, Думинь также опустился в кресло.

— И я пошел по его стопам, — принялся он рассказывать. — А когда мы взорвали эшелон с фашистскими танками, подался к партизанам. Но не повезло — во время разведки угодил в лапы фрицам. Сперва мной занимались гестаповцы. Потом попал в Освенцим. Сам удивляюсь, как удалось выжить. После войны снова работал на железной дороге, но здоровье было подорвано. Вот и пришлось уйти на пенсию. А что ты подделывал все это время?

Думинь вновь помрачнел. Он, видимо, жалел, что сразу все выложил о себе, не узнав, чем все эти годы занимался его бывший товарищ.

От Кубулиса не ускользнула внезапная перемена настроения.

— Моя судьба сложилась удачней. Воевал, затем окончил юридический факультет, теперь работаю прокурором.

— Прокурор — это хорошо, — неопределенно протянул Думинь. — Прокуроры нам пока нужны, даже очень нужны. Ты здесь, в Риге?

— Нет, в сельском районе.

— Ну а каким ветром занесло тебя после стольких лет ко мне? Ведь не ради того, чтобы поболтать.

— Не скрою, мне нужна твоя помощь, — признался Кубулис. — Не помнишь, кто до войны проживал в двадцать седьмой квартире?

— Помню, отчего же не помнить! Квартира как раз подо мной, окна выходят во двор. Там жила госпожа Круминь, сколько раз мы им стекла мячом вышибали!

— Да, да, вспомнил, — озорно заискрились глаза Кубулиса. — Я был меньше тебя и грозился наябедничать отцу.

— Вот видишь, ты уже тогда стремился к справедливости.

— Но не вспомнишь ли ты, что собой представляли сыновья вдовы Круминь?

— Старший отращивал усики, был холостяком. Неужто забыл, как он гонялся за нами, поймал Лаймониса и отлупил за то, что мы в него швыряли гнилые яблоки? Младший же — толстяк и задавака — учился в гимназии.

— Этого чуточку помню. Что с ними стало?

— Толстяк, рассказывали, служил в немецкой армии и погиб на фронте. Мать переселилась в деревню, вряд ли теперь еще жива. А что со старшим, не знаю...

— А чем он в ту пору занимался, не помнишь?

— Нет. Постой-ка, мы ведь его дразнили обером. Не был ли он официантом в каком-нибудь ночном кабаке? Ведь всегда по вечерам куда-то уходил. Наверно, тот еще фрукт, раз ты им так интересуешься. — Думинь оживился, но не хотел показаться излишне любопытным.

— Кто сейчас обитает в той квартире? — спросил он.

— Совсем другие жильцы. Поселились после войны, про Круминей наверняка слыхом не слыхали. А знаешь, кто, пожалуй, сможет рассказать? Эрмансон! Он был соседом, другом и собутельником Круминя. Они и по возрасту, наверно, одногодки.

— Где живет Эрмансон?

— Там, где и раньше, в двадцать восьмой.

— Тогда, может, сходим к нему? — встал из-за стола Кубулис. — Мне надо узнать о Крумине как можно больше.

— Видишь ли, друг мой, тебе по делу, в котором, не дай бог, можно угодить в официальные свидетели против Круминя, Эрмансон вряд ли что-нибудь расскажет. Человек он осторожный и придерживается известного принципа: моя хата с краю, я ничего не знаю. А мне, председателю домового комитета, с глазу на глаз он охотно выложит все; что только ему известно о любом жильце дома. Правда, при одном условии: чтобы источник информации оставался в тайне. Я могу ему это обещать?

— В обратной пропорции, — рассмеялся Кубулис, — чем больше он сообщит, тем меньше у него шансов остаться в тени.

Думинь поднялся со стула.

— Схожу к Эрмансону, а ты посиди, почитай или посмотри телевизор... — Думинь осекся и, как-то странно вдруг поглядев на Кубулиса, выложил на стол несколько документов. — Уж извини, но вот мои удостоверения — пенсионное и дружинника, а ты тоже предъяви мне свои. В жизни всякое случается. Поди знай, какие дорожки исходил человек за свою жизнь и по какой шагает сейчас.

Кубулис показал Думиню служебное удостоверение.

— Еще раз извини! — сказал Думинь и вышел.

«Разумный человек, — подумал Кубулис, — а какой сорвиголова был в детстве!»

Думинь вернулся скорее, чем ожидал Кубулис. Он даже предположил, что затея оказалась напрасной.

— Ну так вот! — Думинь, кряхтя, снял пиджак, который никак не желал отделиться от толстого вязаного жакета, надетого под низ, несмотря на теплую погоду. — Круминь на самом деле работал в «Фокстротдиле» официантом. Его туда пристроил некто Жанис Зустер, тоже официант. Он был другом дома Круминей. Эрмансон его тоже знает.

Кубулис слушал внимательно, изредка делая в блокноте заметки.

— Этот Зустер мне может понадобиться?

— Зустер и Круминь были неразлучны и тогда, когда Круминь, уволившись из ресторана, заколачивал деньгу на биржевых и валютных махинациях. Эрмансон предполагает, что Зустер был его тайным компаньоном. Где находился Круминь в годы войны, Эрмансон толком не знает. По слухам, вроде бы за границей. Не знает и где Круминь сейчас, зато Зустера он в Риге встречал.

Работает официантом в ресторане. В каком — не спросил... Тебе надо бы отыскать Зустера и порасспрашивать его. Но, по словам Эрмансона, он тип скользкий. Больше из старого хрыча мне ничего выжать не удалось.

Кубулис встал и подошел к столу.

— За такую информацию спасибо. Приезжай, Илмар, в Пиекрасте! У нас там замечательный санаторий. Подлечим тебя как следует. Заодно и рыбу поудим. Я говорю вполне серьезно.

XXX

По вестибюлю ресторана публика прохаживалась степенно. Две молоденькие женщины перед зеркалом поправляли прически. У гардеробной стойки собралась очередь. Старый гардеробщик привычным движением принимал пальто, зонты и шляпы.

Улдис Стабинь пристроился к очереди. Продвигаясь мимо одного из трех огромных зеркал, Стабинь поглядел на свое отражение и остался доволен. На него смотрел человек с внушительной гривой, модными усиками и самоуверенным выражением лица.

Вместе с плащом Улдис сунул в руку гардеробщика полтинник и подмигнул ему. Старик, смерив Стабиня оценивающим взглядом, изобразил услужливую улыбку и шепнул:

— Иди, милоч, в малый зал, за портьеру. Там тебе будет приятно.

— Зустер сегодня работает? — озабоченно спросил Стабинь.

— Работает, работает, а как же, — успокоил его гардеробщик.

В малом зале было с десяток столиков. Двое молодых официантов и один седой неторопливо обслуживали гостей. Стабинь, быстро оценив ситуацию, сел в самый угол. Пожилой кельнер, проходя мимо, окинул Стабиня безразличным взглядом и, покопавшись без всякой надобности в стенном шкафу, минут через десять подошел.

Стабинь, делая заказ, не поскупился, и ледяное выражение на лице официанта сменилось улыбкой.

— Судя по всему, вы будете не один.

— Надеюсь, — со значением подмигнул ему Улдис.

Время шло, но за столик никто не подсаживался. Стабинь потягивал коньяк, закусывал и листал прине-

сенные с собой ярко иллюстрированные заграничные журналы. Официант начал заметно нервничать. Столики давно были заняты, а посетители все подходили. Улдис подозвал официанта, налил ему рюмочку коньяка.

Официант пугливо оглянулся и сказал:

— Мне в рабочее время нельзя, но если вы настаиваете...

— За ваше здоровье и успехи! — поднял рюмку Улдис.

— Ваше здоровье.

— Что-то не идет ваш друг, э-э... или подруга, — озабоченно сказал он, давая понять, что был бы не прочь посадить на свободные стулья еще кого-нибудь. — Может, вообще не придут?

— Я сам себе и друг, и сосед, и компаньон, — высокомерно бросил Стабинь, вроде бы не поняв намека. — И если захочешь, ты тоже будешь моим другом. — Стабинь прикидывался опьяневшим и уже хотел было заключить своего нового собутыльника в объятия.

— Ладно, ладно, — отстранился официант, намереваясь улизнуть.

— Я тебе знаешь, каким другом буду? Твоим лучшим другом буду! Таким же, каким был тебе папаша Круминь.

— Круминь? — удивился официант. — Вы знаете Круминя?

— Отчего же не знать, если он мне... — Стабинь осекся и ткнулся носом в щеку Зустеру.

— Кем же он вам приходится? — заинтересовался официант.

— Слишком много хочешь знать! Это м-моя тайна, сугубо личная, ли-ичная, понимаешь?!

— Насколько мне известно, детей у Круминя не было, — не очень уверенно возразил официант.

— Кто тебе это сказал? К твоему сведению, старик из тех, кто умеет прятать концы в воду! — с пьяной обидчивостью воскликнул Улдис. И для убедительности стукнул кулаком по столу.

Официант склонился к Улдису и положил ему руку на плечо.

— А где Круминь сейчас?

«Ишь ты, не знает, где Круминь!» — промелькнуло в голове Стабиня.

— Где он? — неожиданно повеселел Стабинь. — Я и сам не прочь бы уз-з-знать, где этот старый Хлыщ!

— Хи, хи, — подхихикнул официант. — Стало быть, папашу разыскиваешь?

— Хочу слупить с него в пользу матери, разумеется, алименты за восемнадцать лет моей молодой несчастной жизни, ха, ха, ха! — засмеялся Стабинь.

— Черта лысого ты с него получишь! — усомнился официант. — Вон Розинда уже который год пытается, и все без толку.

— Это кто, девка его?

— С довоенным стажем. Буфетчица у нас. Твой папаша всегда к тому же умел делать деньги.

Стабинь налил еще. Официант, подозвав одного из своих молодых коллег, попросил его подменить. Чувствовалось, что тема застольной беседы была ему небезразлична. Правда, Стабинь еще не разобрался, в чем тут причина, но решил выудить из старика все, что удастся.

— Послушай, друг! — наклонился он к уху официанта. — А не удрал ли он опять в эту, как ее...

— В Австралию?

— Ага, вот выскочило название из головы. Вроде бы еще рано для склероза. Наверно, он немало чудес всяких тебе понаплел?

— Ну да, что и говорить!

— А почему он вернулся?

Официант с явным подозрением покосился на Стабиня, словно желал разглядеть, что кроется за веселостью пьяненького парня.

— Это ты у него самого спроси!

— А как же это ему удалось через границу в заграницу? Вот бы и сыночка прихватил. Нет. Всегда только о себе и думает. Ха, ха, ха...

— Он вместе с фрицами драпанул еще во время войны, попал в американскую зону, а уже оттуда и подалее.

— Это мне все известно. Я подумал, уж не смазал ли он пятки и теперь?

— Теперь где ему! Слушай-ка, — официант придвинулся совсем вплотную к Стабиню, — а кто твоя мамаша? Уж не та ли деревенская, у которой родня богатая аккурат в этой самой Австралии?

— Разве я на нее не похож? — накалывая вилкой маринованный грибок, спросил Стабинь.

«Один-ноль в мою пользу, — отметил он про се-

бя. — Круминь был в Австралии, где проживают родственники Упениеце, и приехал оттуда».

Официант потыкал вилкой в салат.

— А где же она теперь?

— Умерла, да будет ей земля пухом.

— Отмучилась, — отозвался официант. — Царство ей небесное!

Стабинь налил, и они выпили «за упокой души».

— А ты, брат, сказочно богатый человек, — угодливо шепнул официант. — Известно ли это тебе или неизвестно?

Стабинь лихорадочно соображал, что выгодней — быть информированным или нет?

— Круминь считает, что мне об этом лучше не знать, — заговорщицки оглядываясь, тоже шепотом сказал он.

— Понятно, — констатировал официант. — Ты ищешь папеньку с тем, чтобы разобраться в ваших финансовых делах. Напрасные хлопоты! Не в его это интересах. Круминь не станет с тобой связываться!

— А почему бы нет?

— Ты — лишняя карта на руках, не козырная и даже не туз.

— Ошибаешься, старина! — хихикнул Стабинь. — Я туз, и вдобавок не простой, а козырной, без меня ему игры не сделать.

— Не хвались. Хоть ты, сынок, пошел в своего отца, но тебя видно насквозь. Хочешь все разнюхать, а потом мотануть через границу к своему миллиону, а папаше шиш с маслом! Разве не так, а? Ты молодой, шустрый, но Круминю и в подметки не годишься. Тебе его не облапошить...

«Старик надеется на богатый улов, — подумал Стабинь. — Из Круминя Зустеру все равно ничего не выжать, а из меня надеется. Пускай старик пытается заинтриговать меня свежими новостями, а я буду делать вид, что они мне давно известны. Чем ниже упадут его акции, тем крупнее будут карты, с которых ему придется ходить».

— Все это давно знаю, — небрежно бросил Стабинь. — Иначе я и не искал бы Круминя. Знаю, что ты близкий его друг, потому и пришел сюда. Одним словом, предлагаю играть в открытую. Это выгодно обоим...

Стабинь внимательно наблюдал за лицом официанта.

Сейчас он играл втемную. «А вдруг старик согласится на посредничество? — прикидывал Улдис. — Очень соблазнительная возможность проверить, что я за птица. Впрочем, нет, этого он делать не станет — так он спутал бы карты не только мне, но и себе. Фактически ему наплевать, кто я. Лишь бы было с кого получить по счету».

Официант вдруг рассмеялся неестественным смехом. В голосе слышались вибрирующие нотки беспокойства. Он поддел на кончик ножа кусок сыра, но ко рту не поднес. Старик обдумывал ответ, и это требовало времени.

— Знаешь что, голубь, — сказал он наконец. — Я тебе не советую попадаться Круминю на глаза. Ты, насколько я понимаю, не запланирован к участию в его делишках. Заграничная родня о твоём существовании ничего не знает и знать не желает. Если будешь путаться под ногами, тебе не поздоровится. Действуй лучше в одиночку, на свой страх и риск. Поезжай, получи что тебе полагается. Если, конечно, сможешь доказать, что ты действительно сын Каролины Упениеце, её законный наследник. А кое в чем я тебе мог бы помочь.

— В чем именно?

Официант долго что-то прикидывал в уме, но затем решился:

— Я не вымогатель, много мне не нужно, но что причитается, хотел бы получить.

Улдис насторожился. Похоже, старик сейчас бросит карты на стол!

— Так вот, значит, дело такое, — продолжал официант. — Твой отец перед войной задолжал мне полторы тысячи латов — карточный долг. Я желаю всего лишь получить свои деньги.

— В долларах?

— Не откажусь и от рублей, но в двойном размере.

— А я что буду с этого иметь?

— Что иметь, говоришь? Это будет для тебя очень даже выгодное дельце. Тебе требуются доказательства. Они в моих руках. Я тебе отдам письма отца и родственников ко мне, которые они посылали из Австралии, когда хотели, чтобы я выжал из твоей сестры и матери генеральную доверенность на наследство. В письмах там про все сказано, и они тебе, голубь, очень понадобятся — в них ключ к ларцу с золотом. Принесешь деньги, получишь письма. Я их храню здесь, в ресторан-

ном сейфе. Как видишь, я человек благородный, отдаю миллион долларов всего за три тысячи рублей, которые когда-то сам же выиграл.

Улдиса даже в жар бросило. Вот она где всплыла, эта большая щука, которую они с Валдисом так долго и терпеливо пытались выудить! Круминь не на шутку опасный зверь. Мать и дочь Упенице ему нужны были живые или мертвые, потому что стоили ни много ни мало — миллион долларов. Вот почему Катрина призывала Леясстраута на помощь.

Улдис резко вскинул голову:

— Принесите, пожалуйста, эти письма! Хочу взглянуть на них.

— Не веришь? — Официант тяжело поднялся.

«Может, догадался, — мелькнула мысль. — В таком случае надо было бы сейчас произвести обыск в сейфе и официально изъять письма, пока он их не уничтожил. Но если никаких писем там нет и он просто хотел взять меня на пушку? Тогда я буду разоблачен. Нет, спешить нельзя ни в коем случае!»

Проходит минута... две... три... пять... десять.

«Обвел меня, сукин сын, вокруг пальца и сжег или перепрятал письма». И в этот момент Улдис увидел приближающегося официанта со свертком, перевязанным синей ленточкой. Он с достоинством уселся за стол и извлек из свертка несколько конвертов с заграничными марками.

— Извольте! — Рот его растянулся в угодливой и в то же время настороженной улыбочке.

Стабинь придвинул письма к себе и стал их просматривать.

— Большое спасибо! — сказал он официальным тоном. — Вы даже не представляете, какую помощь нам оказали. — Неторопливо, словно сомневаясь, надо ли это делать или нет, он достал свое удостоверение и развернул его перед лицом официанта.

Зустер резко отставил рюмку, весь подался вперед, пальцы сжались в кулаки, точно он хотел кого-то ударить. В зале вовсю надрывался джаз, и пышная брюнетка в длинном бархатном платье пела о костлявой старухе Смерти, влюбившейся в прекрасного юношу.

— Не взыщите! — словно из подземелья донесся до слуха Улдиса голос официанта. — Не взыщите! — повторил он. — Я понимал, что так могло случиться.

Но что поделывать, стариковские иллюзии! А вдруг и мне улыбнулось бы счастье?

Улдису даже стало чуть жаль опростоволосившегося старика.

— А если бы я вас вызвал и допросил официально, отдали бы вы письма?

— Вряд ли. С какой стати мне было предавать Круминя? Честно говоря, я его боюсь.

— А еще почему?

— Это уже сложнее. Видите ли, письма имеют свою историю...

— Заграничные родственники хотели бы заполучить их обратно?

— Кое-кто из иностранцев с удовольствием даже откупил бы их.

— Для публикации?

— Еще чего! Для того, чтобы выжать из родственников деньги.

— Вам известно о загадочной смерти обеих Упенiece?

— Слышал.

— И полагаете, что это связано с заграничным наследством?

— А то как же! Это из писем ясно.

— И вы поджидали покупателей?

— Или же представителя власти. Я тянул жребий. Басня насчет внебрачного сына с самого начала показалась мне липой. Уж больно вы смахивали на хамоватого прощелыгу, который пронюхал о письмах и решил подзаработать. Мне-то было все равно, кому их сбыть.

— Я вначале и не собирался разыгрывать перед вами сына, — пожал плечами Стабинь. — Просто не стал возражать, когда вы подбросили мне эту роль. Факт, что легенда шита белыми нитками. Тем более что вы-то должны знать, что никакого сына не было. Вы правы. С такой басней мог прийти только какой-нибудь глуповатый фарцовщик, а не сотрудник милиции. Но этот вариант вас устраивал и навел на мысль о продаже писем, разумеется, за наличные.

Официант устало усмехнулся:

— Правильнее было бы давно отнести письма к вам. Но я не осмелился. Хранить их тоже стало опасно. Круминь уже не раз интересовался ими, угрожал. Даже хорошо, что они в ваших руках. Мне будет спокойнее.

— Вы отдали бы Круминю письма?

— Скорее всего да. С Крумином шутки плохи. Он способен на все, даже на самое страшное.

— А как вам до сих пор удавалось от него отделываться?

— Я сказал, что письма отдал Каролине Упениеце в качестве доказательства благих намерений ее заграничных родственников.

— Значит, вы ему сказали, что передали письма Упениеце?! — переспросил Улдис. — Вот она, какая симфония!

Официант поднялся со стула и тихо проговорил:

— Вызовите, пожалуйста, милицейскую машину и арестуйте меня, чтобы Розинда видела!..

— Не бойтесь, Круминь вам больше неопасен.

Стабинь спрятал письма в карман и направился к телефону.

XXXI

Старый почтальон уютно уселся в кресло.

— Хочешь опять меня пригласить в общественные помощники или в свидетели? Я, конечно, не отказываюсь, — сказал он.

— Я хочу, чтобы вы помогли выяснить некоторые обстоятельства смерти Упениеце.

— Разве с этим делом еще не покончено? — спросил почтальон.

— Приближается к концу. Осталось только уточнить кое-какие мелочи.

— И я смогу быть полезен?

— Полагаю, что сможете. — Розниек не спешил. — В Межсарги приезжал нотариус описывать имущество. Вас приглашали понятым?

— Да.

— Когда из дому вышли вы, нотариус и участковый инспектор Каркл, двери опечатывали?

— Конечно. Это сделал инспектор Каркл.

— А свет повсюду выключали?

— Свет? — Почтальон принялся напряженно вспоминать. — Свет, свет... Ах, черт! — вдруг бормотнул он себе под нос, будто вспомнил нечто весьма неприятное. Затем облегченно вздохнул. — Да кому могло понадобиться включать свет среди бела дня!

— Ну, это не совсем так. По обнаруженным на пожарище двумя выключателям установлено, что перед

началом пожара в Межсаргах горел свет, — спокойно продолжал Розниек. — Вот заключение экспертизы. — Следователь раскрыл папку и положил перед почтальоном несколько листков с машинописным текстом и подклеенными фотоснимками деталей выключателей.

На лице почтальона отразилось удивление.

— Тогда, выходит, ночью кто-то наведлся в Межсарги?

— Выходит, так. Может, вы подскажете, кто бы это мог быть?

— А мне-то откуда знать?

— Вам в ту ночь довелось быть совсем близко от Межсаргов.

— Я никого не видел.

— А сами что вы там делали ночью? Ведь вы проживаете совсем в другом месте.

— В Лаурпетеры ходил, — признался почтальон, — самогон пили.

— В Лаурпетерах были, это верно, и самогон тоже пили, только уехали вы задолго до пожара. Тушить пожар Лаурпетерис с Дайнисом побежали уже без вас. Где в это время были вы? Что интересного видели?

Старый почтальон потирал лоб, силясь вспомнить, как все происходило.

— Верно, Дайнис не соврал, — сказал он. — Оттуда я действительно ушел задолго до пожара, но поскольку был под градусом, побоялся ехать на мопеде. Вот и залез на сеновал проспать. Но гроза не давала уснуть. Когда слез, Лаурпетериса и Дайниса уже не было. Я еще подумал — куда они подевались. Гляжу — зарево. Тут я и поехал.

— Когда мы нагнали вас в лесу, вы утверждали, что в Межсарги ударила молния. Когда вы успели это узнать?

— Люди болтали. Да и гроза была страшная. Молния могла запросто ударить в антенну на крыше. А если грозопереключитель не был замкнут, то куда молнии было деваться? Откуда еще было взяться огню? Пожарники тоже такого мнения.

— И все-таки кто-то в Межсаргах побывал. Это мы с вами только что установили. Это он включил свет, что-то искал, но, видимо, не нашел и потому поджег дом. Техническая экспертиза также убедительно подтверждает факт умышленного поджога. У вас, случайно, нет никаких подозрений, кто это мог бы сделать?

— Понятия не имею, — пожал плечами почтальон.

— У меня еще есть кое-какие неясности, — немного помолчав, продолжал Розниек. — В своих показаниях вы утверждали, что дверь в Межсаргах, когда вы туда явились и обнаружили Каролину Упениеце мертвой, была раскрыта.

— Да, так, это и было, — утвердительно закивал головой почтальон.

— Но Леясстраут утверждает, что когда он ночью уходил, то захлопнул дверь за собой. Инспектор Каркл и врач тоже подтверждают, что нашли дверь запертой.

— Леясстраут? Это еще кто такой?

— Вы незнакомы с ним? Впрочем, сейчас это неважно. Так как же все-таки с дверью? Она была открыта или закрыта?

Почтальон с ответом не спешил.

— Память у меня неважная, — наконец сказал он. — Может, что-нибудь и перепутал. Теперь начинаю припоминать. Вроде дверь действительно была закрыта. Да, да, но зато окно... окно было раскрыто. Вспомнил, я через окно и влез. Потому и пуговица, которую подобрали там, могла оказаться моей.

— Куда вы так торопитесь? — усмехнулся Розниек. — До пуговицы мы еще дойдем. А сейчас у меня такой вопрос: во время осмотра места происшествия вы утверждали, что Упениеце никаких писем не получали. Помните?

— Еще бы не помнить, я им писем не носил.

Розниек провел жирную черту на листе бумаги, лежавшем перед ним.

— А куда же девались три письма, посланные Катрине Упениеце из Риги?!

Почтальон долго морщил лоб.

— Откуда мне знать? Что мне на почте дают, то я и разношу. А если они где-то пропали, то я за это не отвечаю. Мне чужие письма ни к чему. А может, бедной Катрине никто их и не посылал. — Почтальон, похоже, был встревожен всерьез.

Розниек достал из ящика стола продолговатую толстую тетрадь в коричневой обложке.

— Узнаете эту книгу? Это ваш журнал регистрации заказных отправлений. Он взят из архива почты. Вот здесь, — он раскрыл журнал на странице, заложенной полоской бумаги, — зарегистрировано адресованное

Катрине Упенице заказное письмо, и тут ее расписка в получении — поддельная. Кто это сделал?

Почтальон выпрямился точно от удара хлыстом.

— Неправда, неправда! — закричал он, отмахиваясь обеими руками. — Я всю жизнь честно зарабатывал свой хлеб, никому зла не делал! А теперь меня хотят обвинить в том, что я лишал двух одиноких женщин единственной радости — писем! Так опозорить старого человека! — Почтальон вдруг побледнел и стал задыхаться. — Мне плохо!.. Воды, ради бога, воды... — Дрожащими руками он поднес ко рту стакан воды, налитый ему Розниekom.

XXXII

В приемной прокуратуры стояла тишина, хотя народу набралось порядочно.

Дверь кабинета открылась, и на пороге появился прокурор.

— Все ко мне? — спросил он, взглянув на часы. В четыре заседание бюро райкома партии. О том, чтобы успеть пообедать, не могло быть и речи.

Чета старичков, как видно, приехавшая из отдаленного селения, встrepенулась. Старушка подтолкнула супруга.

— Да, да, уважаемый товарищ, нам очень надо поговорить с вами! — поспешно отозвался старичок.

— Хорошо, хорошо, приму, — успокоил стариков Кубулис и попросил присутствующих предъявить повестки. Четырех из них вызвал следователь Розниек.

— Так, так, — задумчиво просматривал он голубенькие бланки. — На 13.00, на 14.00, 15.00... — Прокурор еще раз бросил взгляд на часы. Странно, Розниек всегда очень точен, никогда не заставляет людей ждать.

В углу сидел почтальон из Юмужциемса.

— А вы, гражданин, к кому? — обратился к нему прокурор Кубулис.

— Жду, меня следователь вызвал, — запинаясь, сказал он.

— Мария! — Кубулис шире распахнул дверь канцелярии. — У Розниeka есть кто-нибудь?

Стук пишущей машинки прекратился, и звонкий девичий голос ответил:

— До обеда был один старик. Больше никого не видела.

— Не этот ли гражданин? — Кубулис показал на почтальона.

Девушка встала из-за своего столика и подошла к двери.

— Похоже. Так он что же — по второму разу?

— Да, мне что-то с сердцем стало нехорошо. Следователь сказал, чтобы я посидел, пока не позовет. Вот и сижу, — безнадежно махнув рукой, сказал почтальон.

— После вас к следователю кто-нибудь входил?

— Да, высокий такой мужчина со светлыми волосами и палкой. Хромой.

— И не выходил еще?

— Не видал. Я все время тут сидел.

Кубулис вошел в канцелярию и притворил за собой дверь.

— Розниек у себя в кабинете?

— Должен быть у себя, — ответила секретарь. — Вроде не уходил.

— Люди его ожидают с часу дня.

— А чего же они молчат? — Мария быстрым шагом направилась в кабинет Розниека. Сквозняк с треском захлопнул не прикрытую до конца дверь канцелярии. Одновременно раздался пронзительный крик. Кубулис вбежал в кабинет и в оцепенении замер.

Валдис Розниек сидел, уткнувшись лицом к луже крови на столе. Кровь растекалась по стеклу и капала на пол. Окно было распахнуто настежь.

Кубулис подбежал к Розниеку. Пульс был вялый, прощупывался с трудом.

Остолбеневшая секретарша стояла в дверях.

— «Скорую»! — сдавленно крикнул Кубулис. — Звоните!

XXXIII

Следователь по особо важным делам Дзелзав прибыл из Риги вместе с оперативной группой через час. Кубулис встретил рижан и провел их в кабинет Розниека.

На письменном столе лежали листки бумаги с заметками. Окно по-прежнему распахнуто, сейф не закрыт.

— Розниек жив? — взволнованно спросил Дзелзав.

— Состояние очень тяжелое. Еще не пришел в сознание. Сейчас его оперируют. Хирурги прилетели из Риги.

— А негодяй удрал через окно?

— Да, никто даже ничего не заметил и не услышал. Дверь со звуконепроницаемой обивкой.

— В котором часу это произошло?

— Точно установить трудно.

Твердой походкой в кабинет вошел прокурор-криминалист, немолодой человек с коротко подстриженными седеющими волосами. За ним худощавый технический эксперт в форме майора милиции. Они молча поздоровались с Кубулисом. Затем принялись за дело.

Дзелзав, выглянув из окна, сказал прокурору-криминалисту:

— Надо как следует осмотреть окно снаружи и сад.

— Я как раз и намерен этим заняться. До нас там никого не было?

— Под окном асфальт, отпечатков обуви не обнаружили, — отозвался Кубулис. — Собака взяла след, дошла до забора в конце сада, и на этом все.

— Товарищ Кубулис, неужели так никто и не заметил преступника? — спросил Дзелзав.

— Да, да, я как раз над этим сейчас и думаю. — Говорят, входил плечистый мужчина, блондин, хромой, с палкой. Странно, в этом словесном портрете есть некоторое сходство с человеком, которого мы долго подозревали в убийстве двух женщин на хуторе Межсарги.

— Розниек вел следствие по делу?

— Да. — Кубулис продолжал напряженно думать. — Этот человек... — он не закончил мысль. — И папка с делом об убийстве и поджоге тоже исчезла...

Кубулис подбежал к столу, схватил телефонную трубку и набрал номер.

— Говорит Кубулис. Лейтенанта Стабиня попрошу... Еще не вернулся? Та-ак. Будьте добры, выясните в Риге, где сегодня с утра находился Янис Леясстраут! Да, тот самый. И где он сейчас! Еще разыщите инспектора Каркла и попросите его узнать то же самое в отношении фельдшера Ошиня. Доложите мне лично и по возможности поскорей! — Кубулис положил трубку. — Но... как знать, может, тут замешан кто-то другой.

— Исчезли еще какие-нибудь дела? — спросил Дзелзав.

— Да. О хищении в колхозе «Стар» и одно дело о хулиганстве.

Дзелзав рисовал в своем блокноте непонятные фигурки.

— Колхозное дело крупное?

— Даже весьма. Четыре человека уже арестованы, и восьмерых предстояло взять в ближайшие дни. Преступные комбинации с мясом и молочными продуктами, а также с госпоставками. — Продолжая говорить, Кубулис выдвинул ящик письменного стола: — Глядите! — воскликнул он. — Магнитофон на месте, а кассеты исчезли.

— Все ясно, — сказал Дзелзав. — Розниек кого-то допрашивал и допрос записывал на магнитофон. Потому этот человек и забрал кассеты. Это уже нечто более конкретное.

Кубулис еще порылся в столе, извлек коричневую папку с несколькими исписанными листками бумаги, надел очки и стал читать.

— Это рабочий план Розниека. На сегодня он не вызывал никого, кто был связан с похищенными уголовными делами... Черт возьми, Розниек на первую половину дня сегодня вообще никого не вызывал! Откуда же они взялись — старик в коридоре и этот плечистый блондин?

— Какой старик? — насторожился следователь.

— На утро был вызван один старик. Он-то и видел хромого, который входил к Розниеку.

— А где он, этот старик?

— В кабинете Апиниса. Я приказал его допросить... Апинис сидел над бумагами и что-то писал.

— Где старик? — спросил Кубулис.

Апинис положил ручку на стол.

— Я допросил его и отпустил.

— Отпустил?! Я же велел свидетелей задержать до выяснения всех подробностей!

— А чего там еще выяснять? Все, что он знал, выложил как на исповеди. А если потребуется, его можно в любой момент опять вызвать. Это ведь почтальон из Юмужциемса.

— Почтальон! — побелел Кубулис. — И ты его отпустил!..

Между тем эксперт и прокурор-криминалист обследовали сейф.

— В сейфе находился какой-либо металлический предмет? — Эксперт обернулся к вошедшему в кабинет Кубулису.

— Да, пистолет! Розниек хранил его в сейфе.

Дзелзав, писавший протокол, оторвал взгляд от бумаги.

— Час от часу не легче. Значит, теперь бандит вооружен, — печально констатировал он.

XXXIV

Шоссе поднимается в гору. Монотонно гудит мотор. Яркие лучи фар вырывают из темноты то раскидистый дуб у дороги, то составленные шалашом дощатые щиты, которыми зимой ограждают дорогу от снежных заносов, то километровый столб. Скоро начнет светать.

Илгонис Каулинь едет один. Чтобы сон не сморил за рулем, он непрерывно жует жвачку.

Его напарник повез жену в роддом, но он клятвенно обещал догнать Илгониса в Таллине на самолете. А там как знать, прилетит или нет. Илгонис вспоминает, как в прошлом году отвозил в больницу свою Лидию. Петер родился только на третий день. Если и у этих выйдет такая же история, глядишь, и обратно придется пилить одному. Но отложить рейс было невозможно.

Впереди замигал ярко-красный огонек. Дорогу перекрыл полосатый шлагбаум. Илгонис переключает скорость, начинает притормаживать. Тяжелый грузовик, дергаясь и завывая, подкатывает к переезду и останавливается. Долго, видать, придется стоять. Шофер, выключив двигатель, вылезает из кабины. Кругом мертвая тишина. Илгонис достает сигарету и закуривает.

Затем он обходит грузовик и поочередно проверяет шины. Левое переднее колесо прицепа вроде бы слабовато, надо измерить давление...

Вдруг позади слышится быстро приближающееся шарканье шагов. Парень мгновенно оборачивается. Перед ним пожилой плешивый мужчина в темной шерстяной кофте. Вид довольно помятый. Он устало опирается на толстую клюку в правой руке.

— Сынок, — жалобно стонет он, — будь человеком, подкинь до города!

Окинув незнакомца взглядом, Илгонис спрашивает:

— До какого?

Ответ потонул в грохоте товарного состава.

— Залезай в кабину!..

«Где-то я его видел, — подумал Илгонис. — И к тому же совсем недавно. А впрочем, может, это был другой. Мало ли на свете людей, похожих друг на друга».

— Куда же вы, дядя, путь держите посреди ночи? — поинтересовался Илгонис.

— Ох и не говори, сынок, и не спрашивай. Путешествие такое, что хуже не придумать! Вчера поехали по грибы, и я, представь себе, заблудился. Всю ночь плутал по лесу, покуда не вышел на шоссе.

— А грибы где?

— Да не таскать же их за собой, сам еле ноги переставляю. Бросил в лесу вместе с корзиной. Какой-нибудь счастливчик найдет, обрадуется. Грибочки что надо. Маслята, подосиновики, восемь боровиков, а о лисичках и говорить нечего — их в лесу полно. Никогда такое грибное место не попадалось. Они, окаянные, и заманили меня в такую даль, что дороги назад не найти. Я и аукал и кричал! Никто не отозвался. Видать, далеко меня занесло...

«Наверно, вконец умаялся человек», — думает Илгонис.

— Может, хочешь горяченького хлебнуть? — предлагает он. — Пошарь там... В сумке большой термос с кофе, там и хлеб, масло, колбаса. Закуси, папаша, чем бог послал, не стесняйся!

Старик крякнул, нагнулся и придвинул к себе сумку. Налил кофе в колпачок термоса и спросил:

— А ты, сынок, тоже выпьешь?

— Плесни и мне. Надо взбодриться.

— Для бодрости хорошо бы чего-нибудь покрепче. Только за рулем, известное дело, не полагается, — как-то неприятно усмехнулся незнакомец.

«Где я мог его видеть? — Илгониса продолжал мучить вопрос. — Где?»

Туманный белесый рассвет постепенно набирал силу. Темные леса по обеим сторонам шоссе сменились лугами и полями. Илгонис выключил фары. Обогнал одинокого мотоциклиста и прибавил скорость.

— До какого города тебя добросить? — снова спросил Илгонис.

— В Ригу. Куда же еще?

— В Ригу? — удивился Илгонис. — Мы же, батя, едем в противоположную сторону — на Таллин.

— Вот тебе на! — в свою очередь ахнул старик. — Опять я напутал. Ну что ж, докинь меня до первого города, а там пересяду на автобус.

— Может, выйдешь и попросишься на какую-нибудь встречную машину?

— Нет, нет, — запротестовал старик. — Сейчас еще холодно. Ожидая, продрогнешь до костей. Да и машин еще мало. Автобусом оно верней. Вези, дружок, я в долгу не останусь.

— Ничего мне от тебя не надо, езжай хоть до самого Таллина. Вдвоем веселей ехать.

Машину обгоняет на большой скорости мотоцикл, ранее оставшийся позади, и скрывается за поворотом. Навстречу идут две легковые. За ними желтая с синей полосой «Волга» автоинспекции.

«Странное дело, чего это они в такую рань? Может, авария где-то?»

В общем, Илгониса ГАИ несколько не волнует, скорость он не превышает, документы у него в полном порядке. Однако желтая «Волга» съезжает на обочину и останавливается. Из нее выскакивают трое, двое в форме, один в штатском. Резко тормозит и мотоциклист.

По мере приближения к «Волге» Илгонис сбавляет ход, чтобы успеть затормозить, если потребуют остановиться.

И вдруг злобная команда пассажира:

— Вперед! Жми на газ! Не останавливайся!

Илгонис поворачивает голову и видит дуло пистолета. По спине пробегает холодок. Рядом с ним уже нет усталого старика. Спина распрямлена, лицо искривлено злобой, страхом и ненавистью. Илгонис понимает, что такому терять нечего — пристрелит, выбросит из машины и сам сядет за руль. Единственный шанс — выиграть время.

Один из милиционеров, шагнув вперед, поднимает руку с жезлом.

— Жми! На всю железку! — вновь слышит приказ Илгонис. — И не оглядывайся, а то... — угрюмо цедит сквозь зубы старик, исподлобья глядя на Илгониса.

У шофера нет выхода, он жмет на акселератор. Милиционер с жезлом еле успевает отскочить.

Илгонис пытается подавить страх и оценить обстановку.

В зеркале он видит мотоциклиста, тот гонится за ним по пятам, вскоре показывается и желтая «Волга». «Пока едем, он не выстрелит. Но что делать?» — думает Илгонис.

— Жми! — тычет пассажир Илгониса пистолетом.

Илгонис выжимает педаль акселератора до конца, на спидометре — сто десять, сто двадцать...

«На повороте не удержу, — мелькает в голове у Илгониса, — снесет прицеп с дороги, а тогда крышка обоим...»

Дорога переходит на подъем. По ходу машины это незаметно, просто липы у обочин стоят вроде с наклоном вперед.

Илгониса внезапно бросает в жар от мысли: «А не этого ли типа вчера показывали по телевизору? Опасный преступник...»

Вот и вершина подъема. Шоссе круто поворачивает, срывается вниз и убегает за горизонт белой лентой, поблескивающей в первых лучах восходящего солнца.

Грузовик разгоняется под уклон. Тяжело груженный прицеп напирает сзади. За окном пронзительный посвист ветра, а под вздрагивающим полом кабины все нарастает и нарастает звенящий рев — завибрировал карданный вал.

Пятнадцатитонный автопоезд несется к узкому мосту за поворотом.

— Ты что, спятил? — ужасается преступник. — Тормози! Тормози! Разобьемся!

Пистолет нервно дергается у него в руке.

«У меня ведь есть «ночной тариф», — спохватывается Илгонис. Левой рукой он молниеносно выхватывает из-под сиденья увесистую, сплетенную из проводов дубинку и изо всех сил обрушивает ее на голову пассажира.

Звук выстрела достигает слуха Илгониса словно бы издалека. Он чувствует, что пассажир отвалился к дверце кабины. Только правая рука Илгониса почему-то тяжелеет и отказывается повиноваться.

«Удержать машину, только бы удержать», — сверлит мозг единственная мысль. Нога машинально перескакивает на педаль тормоза. Но тормозить нельзя, неизбежен занос, и машина может опрокинуться вверх колесами. Илгонис делает перегазовку и включает четвертую передачу. Но скорость все та же, только ход стал тяжелее, словно в передок ударил встречный ветер.

Еще одна перегазовка, и включена третья передача. Машина теряет скорость, но она все еще слишком велика, чтобы вписать автопоезд в столь малое пространство между перилами моста и не рухнуть в реку. Но вот справа уже видна асфальтированная стоянка, а дальше за нею песчаная лесная дорога. Напрягая последние си-

лы, Илгонис одной рукой круто поворачивает рулевое колесо и тормозит.

Машина вздымает тучу песка и, врезавшись в сосну, замирает...

Теряя сознание, Илгонис успевает еще увидеть встревоженные лица и милицейские фуражки...

Валдис тоскливо слонялся среди берез, покуда не вышел на дорожку, которая вилась между приземистыми больничными корпусами.

По дорожке и тропкам прогуливались больные в синих и коричневых халатах с островерхими капюшонами. По мере приближения к воротам Валдис встречал все больше и больше людей в разноцветных осенних пальто, плащах и шляпах, идущих проведать своих родственников и друзей.

Возможно, кто-нибудь придет и его навестить. Для больного нет большей радости, чем гость. Когда Валдис был в тяжелом состоянии, Инта отвезла детей к своей матери, а сама день и ночь дежурила у его постели. По субботам и воскресеньям Инту подменяли его сослуживцы, особенно часто дежурила Фелита Судрабите. Кубулис, Стабинь и даже Апинис ежедневно звонили по телефону и, как только выдавались свободные часы, приезжали в Ригу с гостинцами для коллеги. Теперь Валдис чувствовал, что окреп, скоро можно будет выписываться. Но друзья и знакомые все еще часто навещали его в больницу. Вот и сейчас в ворота вошла и приветливо ему заулыбалась помощник прокурора Фелита Судрабите.

— Здравствуй, хворенький наш! — крепко пожала она руку Валдису.

— Здравствуй, сестричка моя милосердная! — в тон ей отозвался Валдис. — Но все же почему это ты тут бродишь в рабочее время? Хочешь, чтобы я начальству накапал?

Фелита ухватила под локоть Розниека и увлекла его в глубь больничного парка.

— К твоему сведению, Фелита в рабочее время выполняет исключительно служебные поручения. Прокурор Кубулис приказал тебя навестить и передать вот это — служебный пакет, — вручила она Валдису увесистый кулек с фруктами.

— Так я и думал, — озорно поглядел Валдис на

Фелиту. — Не будь распоряжения начальника, ты, конечно, сама бы не додумалась навестить несчастного пациента, который собирается тут открыть фруктовый ларек и торговать яблоками, грушами и апельсинами по сниженным ценам.

— Знаешь, Валдис, ты нахал. Когда у тебя появляется свободное время, ты начинаешь смахивать на своего дружка Стабиня. Вот какая симфония! — воспользовалась Фелита излюбленным присловьем Улдиса. — Но сегодня я как раз приехала по служебному делу.

— Если так, то пошли в мой кабинет — вон за тем дубом.

Позади дерева оказался тихий уютный уголок, образованный живой изгородью и двумя цветочными клумбами. Была там и скамейка, перед которой кто-то соорудил из старых ящиков некое подобие стола.

— Здесь от шестнадцати до восемнадцати ноль-ноль я принимаю посетителей.

— В порядке живой очереди или по предварительной записи?

— Симпатичные идут вне очереди, через служебный вход.

— Вижу, ты тут от безделья стал легкомысленным!

— Спасибо за комплимент. К твоему сведению, «легкомысленный» вовсе не бранное слово. Оно состоит из двух — «легко» и «мыслить». Следовательно, имеется в виду человек, умеющий мыслить легко в противоположность тугодуму. Но есть и нюанс: человек, который способен легко мыслить, в самом деле легкомыслен, ибо за эту свою способность зачастую навлекает на себя гнев начальства...

— Ну и философ! Раньше ты что-то таким не был.

— Нет худа без добра. Я стал им, когда меня шарахнули графином по голове.

Фелита хотела что-то сказать, но передумала. Рассеянно прогулялась до куста сирени и, воротясь, сказала, словно ненароком:

— Знаешь, мне поручили поддержать обвинение по делу Круминя. — Фелита сделала паузу, чтобы посмотреть, какое впечатление эта новость произведет на Розниека.

— Жаль будет с тобой расставаться, — вздохнул он.

— Расставаться?

— Конечно. После суда тебя переведут в прокурату-

ру республики. Карьера начинается с выступления в Верховном суде.

— А ты не хотел бы перебраться в Ригу? — спросила она глуховатым голосом.

— Ни за что! Я слишком люблю независимость.

— Не знала я, что ты такой непрактичный человек, — то ли в шутку, то ли всерьез сказала Фелита. — Скажи, Валдис, как все-таки тебе удалось напасть на след Круминя? Понимаешь, мне необходимо это знать, иначе я не сумею успешно участвовать в судебном процессе.

— А я-то, шляпа, вообразил, что ты захотела по достоинству оценить мои гениальные способности.

— И это тоже.

— Не хитри! Материалы дела изучала?

— В целом — да.

— Так вот знай, в этом деле никаких особых заслуг Улдиса или моих нет. Мы были как слепые котята, покуда не обнаружили, что старик почтальон уничтожил письма Катрины Упениеце и Леясстраута и подделал подпись в журнале доставки заказных отправок. С этого и началось.

— Только не надо говорить, что у вас, признанных детективов, до этого не было никаких подозрений.

— Подозрения, как тебе известно, не доказательства.

— И тем не менее?

Розниек усмехнулся.

— На тогдашних моих доводах ты обвинение не построишь. Но если тебе очень уж хочется, я скажу: ты прекрасно знаешь, что даже самый хитроумный преступник где-нибудь, в чем-нибудь обязательно допускает промашку. Вот и почтальон тоже — перестарался и привлек к себе внимание. Он сделал один лишний ход конем. В буквальном смысле слова.

— Ты имеешь в виду индейца с конем у колодца? Я видела. Вещица антикварная и удивительно хороша.

— Старый оборотень пристально следил за всеми нашими действиями и понял, что обвинение легко направить против Ошиня, тем более что многие улики были не в пользу фельдшера. А если учесть вдобавок, что Ошинь пьяница, подозрительный тип, то оставалось лишь дернуть за веревочку, чтобы капкан захлопнулся. Почтальон напоил фельдшера и сдал его нам, как говорится, тепленьким с рук на руки вместе с чернильницей, сообщив, что она принадлежала Каролине Упениеце.

— Ошинь уверял, что приобрел ее в Кёльне.

— Этого он не мог доказать. Если бы мы арестовали Ошиня, почтальону нечего было бы опасаться. Но я с самого начала весьма сомневался в виновности Ошиня. Слишком уж усердствовал почтальон. Почему-то мне запомнился его лицемерный голос: «Бедняжка, какая была добрая старушка! Такой славный человек она была. Да будет ей земля пухом!»

Я эти слова вспомнил, когда спустя несколько дней разговаривал действительно с добрым человеком, с мамашей Салинь. Она про Каролину Упениеце говорила совсем другое.

— О зловредной натуре умершей рассказывал и Леясстраут.

— Но это было значительно позже. Интересно то, что тогда на месте происшествия мы были намного ближе к цели, чем на протяжении всего последующего расследования.

— То есть как это? — удивилась Фелита.

— У почтальона на шее под шарфом были совсем свежие царапины. Достаточно было взять его кровь на анализ и сравнить с той, что была обнаружена под ногтями умершей...

— Не зря говорят, что искать тем трудней, чем видней, — заметила Фелита.

— Вскоре весьма серьезные подозрения пали на Леясстраута, и потому все эти на первый взгляд мелочи остались в стороне. Но мысль о почтальоне не давала мне покоя. Когда из разговора с Леясстраутом выяснилось, что пропали письма, я вдруг вспомнил лицо почтальона тогда в Межсаргах, в тот момент, когда я спросил, не доставлял ли он Упениеце каких-либо писем. Вопрос я задал чисто случайно, перебирая наугад все, что могло иметь отношение к обеим женщинам. Лишь впоследствии я понял, что попал своим вопросом в самую точку. Взгляд почтальона вильнул мимо меня в сторону, а в зрачках промелькнул страх.

— Круминь был сильным противником.

— Бесспорно. Развозя почту, он старательно выводывал у жителей обо всем происходящем.

— Ну, это свойственно многим сельским почтальонам.

— В том-то и загвоздка. Потому мы сначала и не обратили на него особого внимания. Поняв, что мы не намерены прекращать дело, он, встретив меня на автобус-

ной остановке, кинул первую приманку — сказал, что видел в Межсаргах Ошиня. Тогда же он внес поправку в свое предыдущее высказывание, признал, что между матерью и дочкой были скверные отношения. А раньше об этом не говорил якобы потому, что о покойниках не принято говорить дурно.

— То есть намекал на то, что, мол, Катрина Упенице сама могла убить мать и побежать топиться?

— Откровенно говоря, после первого допроса Леястраута нам тоже пришло на ум такое предположение. А встречей с почтальоном на остановке автобуса я потом воспользовался. Он ведь ехал в поликлинику сдавать анализ крови. Мы сравнили его с данными экспертизы, и, знаешь, совпало. Кровь почтальона была идентична крови, обнаруженной под ногтями у Каролины. Очевидно, старуха сопротивлялась и поцарапала его. Тогда мы уже знали, что это он уничтожил письма Катрины и Леястраута и подделал подпись Катрины.

— Отчего же ты его сразу не арестовал?

— Ты арестовала бы?

— Да.

— И какое же ты предъявила бы Круминю обвинение? Какие причины побудили его совершить столь тяжкое преступление?

— Я приперла бы его к стене доказательствами и добила бы признания. Заодно ему пришлось бы выложить и мотивы убийства.

— Вот и Стабинь говорил то же самое. Ох и скоры же вы на аресты! А если бы почтальон наплел, что Каролина в приступе безумия набросилась на него? Мы ведь тогда даже не имели еще и понятия о том, что происходило в комнате. Мотивы преступления должны были вскрыть мы...

— Я бы до них доискивалась после ареста.

— А Круминь, догадавшись, что у тебя нет козырей против него, сыграл бы в молчанку. И суд вернул бы тебе дело на исследование. Так вот!

— Сдаюсь, — подняла руки вверх Фелита. — А каким же все-таки образом тебе удалось выяснить все остальное? Ведь, насколько мне известно, не имелось ни одной ниточки, которая связывала бы нынешнее происшествие с далеким прошлым?

— Видишь ли, Хлыщ, о котором так презрительно высказалась тетушка Салинь, с самого начала привлек мое внимание. В особенности потому, что он интересо-

вался имущественным состоянием Упениеце. Но это было уж слишком далекое прошлое. Мы уловили связь лишь тогда, когда Леясстраут вспомнил его настоящую фамилию и адрес — Кришьянис Круминь, Рига, улица Марияс, 39. Почтальона звали Кришьянис Краминь — фамилии разные, но отличаются всего лишь одной буквой. Тетушка Салинь показала нам Хлыща на старом снимке, найденном в альбоме Упениеце. Впоследствии мне удалось несколько раз сфотографировать почтальона, раздобыл я его фотографии и в отделе кадров почтового управления. Наука дала четкий ответ: объект снимков один и тот же, хотя годы и изменили его до неузнаваемости.

— Да, ничего не скажешь, голова у тебя работает, хотя и медленно, но фундаментально! — воскликнула Фелита.

— Увы, не всегда в правильном направлении. Лишь после того, как Улдис собрал сведения о наследстве Катрины и связях Круминя с заграничной родней Каролины, я начал понимать, чего это он, человек с образованием, польстился на столь незавидный пост почтальона в Юмужциемсе и не сводил глаз с этих женщин, всеми способами пытаюсь помешать им встретиться с Леясстраутом. Хлыщ всегда вился там, где пахло деньгами. Вот что означали слова Катрины «тут творится такое, что в письме описать невозможно».

— Леясстраут оказался непредвиденным препятствием. Он мог сорвать планы Круминя.

— Потому-то Круминь в ту ночь и караулил под окном, подслушивал. А когда Леясстраут ушел, почтальон напал на женщин.

— А почему не на Леясстраута?

— В ту ночь Леясстраут еще ничего не узнал. Старуха помешала, но несогласованные действия дочери и матери грозили сорвать планы Круминя. Надо было поскорей заканчивать игру.

— Могу тебя порадовать. — Фелита положила свою ладошку на руку Валдису. — Круминь наконец признался, что на самом деле, схватив за руки, встряхнул Каролину, затем нажал на сонную артерию. Выпрыгнув в окно, он пустился догонять убегающую Катрину, настиг ее на мостике и ударил деревянным колом.

— Лейтенант Каркл подобрал этот кол в осушительной траншее неподалеку от речушки. Кол был вырван из забора. Такая изгородь поблизости имеется только в

Межсаргах. Забор этот сооружен еще старым лесником. На конце кола мы обнаружили следы крови Катрины и несколько волосков...

— Так почему же ты, все это узнав, не арестовал его сразу, а вызвал на допрос? Ты ведь, упрямец, страшно рисковал! Признайся, что это было твоей ошибкой!

— Ни в коем случае! Я хотел его ошеломить и вынудить признаться под давлением неопровержимых доказательств. Такого изворотливого человека арестовать прежде времени, а затем допрашивать — гиблое дело. Он, собравшись с мыслями, затеет изнурительную позиционную борьбу. Расследование затянулось бы еще дольше, а у меня давно истекли сроки. А ездить в Ригу, ходить по начальству, собирая резолюции на продление, — перспектива не из приятных, и я рисковал получить выговор.

— Ты рисковал жизнью, — сказала Фелита.

— Никак не предполагал, что такой дряхлый старикашка, даже припертый к стенке, решится на подобный шаг.

— И еще один вопрос профана: для чего Круминю потребовалось сжигать уже необитаемый хутор Межсарги?

— Ты, лентяйка, не удосужилась прочесть дело!

— Мне хотелось сперва побеседовать с тобой, — улыбнулась лукаво Фелита.

— Ну хорошо, — немного смутился Валдис. — Круминь разыскивал те письма, которые когда-то присылал из заграницы своему дружку Зустеру.

— Неужели на адрес Межсаргов?

— Нет, но Зустер ему сказал, что передал их Каролине Упениеце. А письма — важное доказательство. Они раскрывают мотивы преступления. Не найдя писем, он сжег дом. Письма приобщены к делу.

Внезапно налетел порыв ветра. За беседой ни Валдис, ни Фелита не заметили, как погода начала портиться.

— Пошли, Валдис, становится прохладно, — предложила Фелита.

— Осень не весна, — усмехнулся Валдис. — Осени не по душе парочки на скамейках. — Он встал и подал руку Фелите. — Пойдем, я и так уже опоздал, как принято здесь говорить, на прием пищи.

— А мне надо еще навестить Илгониса.

ЭПИЛОГ

К зданию посольства Советского Союза неслышно подкатил лимузин. Седоватый, атлетического сложения мужчина в костюме из светло-коричневого твида вышел из машины, поднялся по ступенькам в вестибюль.

— Генри Элтинхорст, адвокат, — представился он брюнетке, сидевшей за секретарским столиком со множеством телефонных аппаратов.

— Одну секунду, мистер Элтинхорст. — Лицо секретарши украсила хотя и служебная, но обворожительная улыбка. — Сейчас доложу.

В прекрасно обставленном кабинете женщина средних лет в темном элегантном костюме изучала за письменным столом какие-то документы, делая заметки на листе бумаги.

Широкая улыбка мистера Элтинхорста была не в силах замаскировать его разочарование. Он приготовился к разговору с женщиной.

— Чем могу быть вам полезна, мистер Элтинхорст?

— Будучи адвокатом и поверенным в делах мистера Формена, — деловито начал Элтинхорст, — обращаюсь к вам от его имени. Вот мои полномочия. — Он извлек из кожаной папки документ на гербовой бумаге.

Женщина просмотрела документ и сказала:

— К сожалению, не имею чести быть знакома с мистером Форменом...

— Да, разумеется, — адвокат галантно наклонил голову, — посему постараюсь как можно проще изложить суть дела. Мой патрон, мистер Формен, происходит из латышей. Его дед, мистер Альберт Порманис, эмигрировал в Австралию и там весьма разбогател. В Латвии у него осталась первая жена с дочерью Каролиной. На родину он не возвратился. В Австралии он женился вторично. Своей дочери от первого брака мистер Порманис много помогал. Перед смертью он составил завещание своему внуку в Латвии. Вот оно! — Адвокат вновь раскрыл папку и положил на стол обернутый в целлофан пожелтевший от времени документ с несколькими печатями.

Женщина внимательно прочитала завещание и сказала:

— Документ законный, хотя и содержит странные оговорки.

— Верно. В завещании сказано: если у его дочери

Каролины не будет сына, то наследство переходит ее внуку.

— Можно подумать, что мистер Порманис был убежденным женоненавистником, — усмехнулась сотрудница посольства.

— Нет, отчего же. — Элтинхорст заступился за предка своего патрона. — Он был патриот и желал, чтобы состояние попало в руки его потомка — латыша. В последние часы своей жизни он очень сожалел, что не возвратился на родину.

Женщина еще раз прочитала документ.

— Разрешите обратить ваше внимание. Завещание содержит еще одну существенную оговорку.

— Да. Там сказано: в случае, если у дочери Каролины также не будет сына, она сможет получить наследство по достижении сорока лет.

— Но не сказано, кто станет владельцем наследства, если у Каролины вообще не будет детей.

— Женщина без детей? — рассмеялся адвокат. — Люди старого закала не могли себе такого вообразить. Однако наследницей одного миллиона долларов в данном случае была Катрина Упениеце. Она умерла, и по сему мой патрон мистер Формен, внук Альберта Порманиса от второго брака, возбудил дело о признании его законным наследником по данному завещанию.

Взгляд женщины стал вдруг жестким и холодным.

— Известно ли вам, что Катрина Упениеце и ее мать не умерли естественной смертью?

Элтинхорст вдруг почувствовал себя крайне неловко, словно он в мешковатой одежде с чужого плеча оказался перед лицом изысканной публики.

— Да, слышал, — заметил он небрежно, — это злодеяние совершил некто из бывших эмигрантов по фамилии то ли Круминь, то ли Краминь и получил за это по заслугам. Кажется, его расстреляли, не так ли?

Женщина внимательно рассматривала адвоката, словно хотела определить, притворяется ли он незнайкой или на самом деле плохо информирован.

— Надеюсь, вам известно, что Круминь действовал по указанию и с благословения мистера Формена.

Адвокат рассмеялся.

— Это же слухи, это не более чем слухи!

— Вы в этом уверены?

Элтинхорст нервно заерзал в кресле.

— Если говорить честно, Круминю было поруче-

но... — Он запнулся, затем, будто решившись говорить начистоту, продолжал: — Круминю было поручено уговорить обеих женщин переехать в Австралию, где они смогли бы свои деньги вложить в прибыльное предприятие или же... выдать мистеру генеральную доверенность на распоряжение этим капиталом от их имени. Каждый капитал не должен лежать на месте мертвым грузом, а быть в обороте и тем самым себя приумножать. Таков, как говорят у вас, волчий закон капитализма, не так ли? — с напускной веселостью рассмеялся адвокат. — Круминь был знаком с Каролиной Упениеце еще до войны, — продолжал он, — являлся ее близким другом и мог оказать на нее положительное влияние. В том, что произошло, никто другой, кроме него, не виноват. — Элтинхорст теперь говорил сухо и несколько даже обиженно. Он-де чистосердечно, со всей душой, а в подчеркнутой любезности собеседницы сквозит неприязнь, более того, подозрительность.

— Весьма сожалею, — вздохнула она, — но ваша информация, мистер Элтинхорст, не совсем точна. Круминь имел задание сначала уговорить обеих женщин выдать мистеру Формену генеральную доверенность, чтобы тот мог по собственному усмотрению распоряжаться этим капиталом, посулив им взамен беспечную и роскошную жизнь за границей, если они пожелают уехать. Это совсем иная юридическая концепция. Старую Каролину Упениеце можно обвинить в чем угодно, только не в глупости. Она верно оценила этот ход и поэтому выразила желание немедленно ехать в Австралию и распоряжаться деньгами самолично, без любезного посредничества мистера Формена.

— Все это, конечно, чрезвычайно интересно, — адвокат выпустил клуб дыма. — Только не понимаю, какую связь это имеет с наследством?

— Самую прямую. Подобный вариант отнюдь не устраивал мистера Формена. Поэтому Круминь решил во что бы то ни стало уломать Катрину Упениеце выдать доверенность. Катрина, в свою очередь, категорически отказывалась уезжать со своей матерью в Австралию и, как показалось Круминю, готова была лучше согласиться на отказ от наследства в пользу своего сводного брата. А поскольку неожиданно объявился друг юности Катрины Леясстраут, занимающий важное общественное положение и, возможно, компетентный в вопросах международного права, то Круминь пытался изолировать Кат-

рину от этого человека. А когда это ему не удалось, вступил в силу последний пункт тайного соглашения...

— Вы полагаете свою версию абсолютно точной? — с циничной ухмылкой спросил Элтинхорст.

— Безусловно, — подтвердила женщина. — Она почерпнута из материалов судебного процесса.

— А если говорить точнее, то лишь из показаний подсудимого Краминя-Круминя, который ради спасения своей шкуры готов был оболгать кого угодно. О таком варианте вы не подумали? Круминь являлся, как вы это называете, деклассированным элементом, человеком без принципов и совести, спекулянтom на довоенной черной бирже, во время немецкой оккупации служил в администрации рейха в качестве особого уполномоченного.

— Суду было известно и это.

— И ваш суд поверил словам такого человека?

— Верил ему лишь ваш мистер Формен. Наш суд верит только доказательствам, а их предостаточно. — Женщина говорила спокойно, с вежливой улыбкой, но голос ее был тверд. — Тем не менее ваш патрон вступил в сделку с преступником и в случае удачи гарантировал ему участие в доходах в размере десяти процентов.

Адвокат почувствовал, что теряет самообладание.

— Вижу, вы всячески пытаетесь скомпрометировать моего патрона, представив его в качестве соучастника убийцы и тем самым лишить его права на наследство. Вам это не удастся!

— Нам этого и не требуется, — пожала плечами женщина. — Мы располагаем документом, который вас убедит. — Она достала из сейфа бумагу и передала Элтинхорсту. Адвокат, надев очки, стал читать:

— «Министерству здравоохранения». Что это означает? — спросил он в полнейшем замешательстве.

— Это значит, что Катрина Упениеце пожертвовала свое наследство Министерству здравоохранения Латвийской республики с тем, чтобы деньги пошли на борьбу против рака. Как видите, последняя воля Альберта Порманиса исполнена: капитал попал в руки его внуки Катрины Упениеце — истинной латышки и патриотки.

Ошарашенный Элтинхорст захлопнул свою папку.

— Буду весьма благодарна, если вы завтра соблаговолите явиться в десять ноль-ноль для официального ознакомления с текстом завещания и получения заверенной копии, — услышал он ровный голос сотрудницы советского посольства.

СОДЕРЖАНИЕ

Имант Ластовский. У НЕЗРИМОЙ ГРАНИЦЫ. Перевод с лат. В. Михайлова	3
Леонид Медведовский. ЗВОНОК НА РАССВЕТЕ. Повесть	83
Миермилис Стейга. ШАГИ ЗА СПИНОЙ. Повесть. Перевод с лат. Ю. Каппе	199

ИБ № 3495

У НЕЗРИМОЙ ГРАНИЦЫ

Редактор Н. П р и т у л и н а

Рецензент Э. Х р у ц к и й

Художник Б. Ф е д ю ш к и н

Художественный редактор Б. Ф е д о т о в

Технический редактор Р. С и г о л а е в а

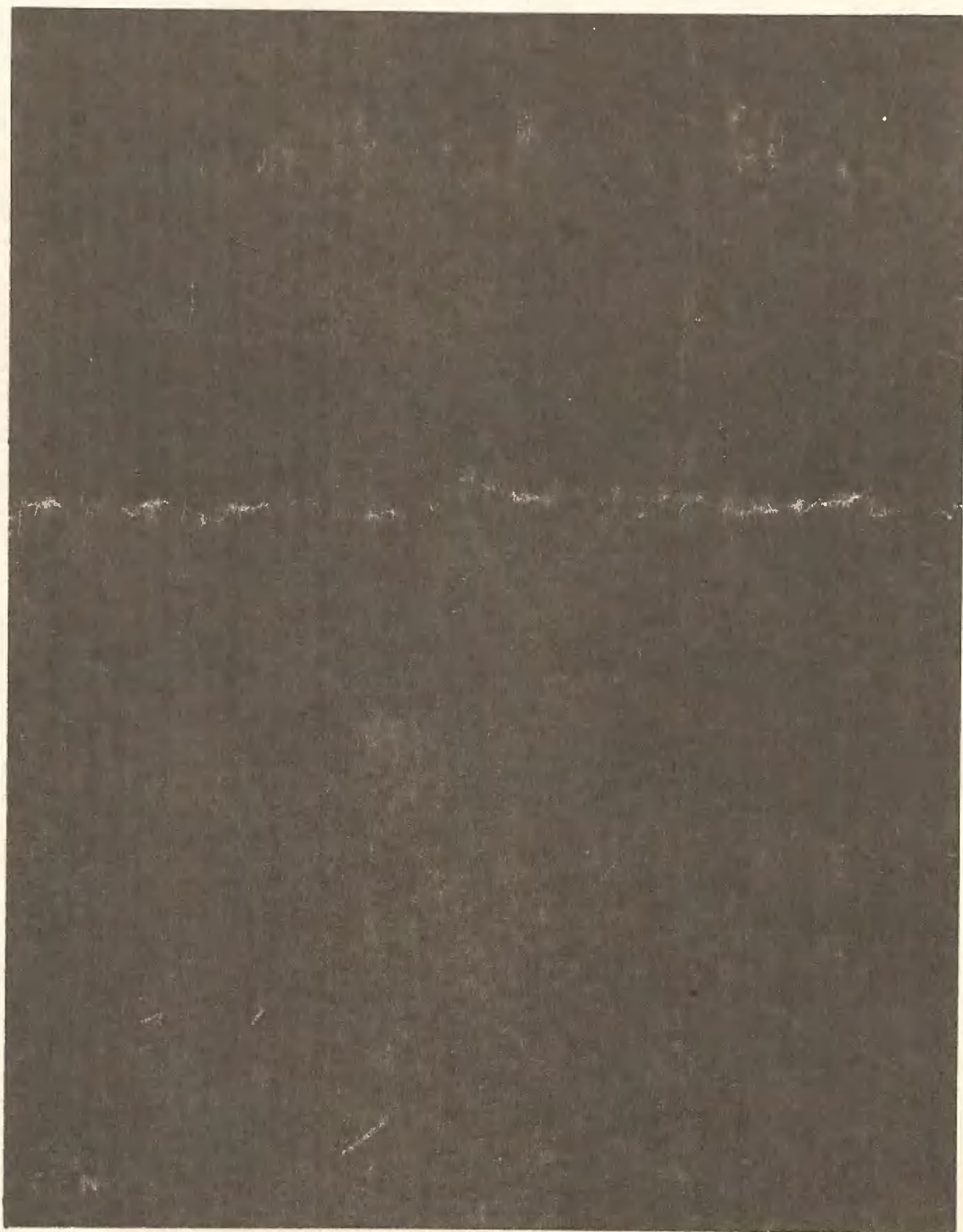
Корректоры И. Т а р а с о в а, Г. В а с и л ё в а, Т. К р ы с а н о в а

Сдано в набор 15.02.83. Подписано в печать 06.07.83. А00141.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 3. Гарнитура «Литератур-
ная». Печать высокая. Условн. печ. л. 17,64. Учетно-изд. л. 18,8.
Тираж 150 000 экз. (1-й завод 75 000 экз.). Цена 1 р. 40 к. Заказ 2343.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства
ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии:
103030, Москва, К-30, Сущевская, 21.

Scan Kreyder - 16.03.2017
STERLITAMAK

1 р. 40 к.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ